

ПОДЪЁМ
РЕГИОН

*Золотой
сундук*

Этнокультурные
особенности
Воронежского края:
сказки

Воронеж ■ 2017

*Издается в рамках подпрограммы
«Этнокультурное развитие Воронежской области»
государственной программы Российской Федерации
«Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 годы*

Руководитель издательского проекта *И.А. Щёлоков*
Составители *В.В. Будаков, Е.Г. Новичихин*
Редактор-составитель *В.Е. Новохатский*

Золотой сундучок. Этнокультурные особенности Воронежского края: сказки. — Воронеж: ГБУК ВО «Журнал «Подъём», 2017. — 304 с.

Новый выпуск приложения «Подъём»-Регион», посвященный этнокультурным особенностям Воронежского края, представляет сказки. Ученые неслучайно отмечают этот жанр как «самый свободный вид фольклора», который ведет человека «к истокам нашего современного языка и бытового поведения, раскрывает многие особенности и метафоры литературы, фольклора и обычаев». Воронежский край дал миру А.Н. Афанасьева — ученого-фольклориста, который составил Свод русских народных сказок, включивший более полутысячи произведений. На всю страну славились народные сказительницы Анна Куприяновна Барышникова (Куприяниха), Анна Николаевна Королькова. Сборник также знакомит читателей с литературными сказками воронежских писателей, очерками и статьями ученых-филологов и литераторов.

Ранее в рамках издательского проекта ГБУК ВО «Журнал «Подъём» вышли сборники «Истоки», «Отчий край», «Воронежский простор».

СОДЕРЖАНИЕ:

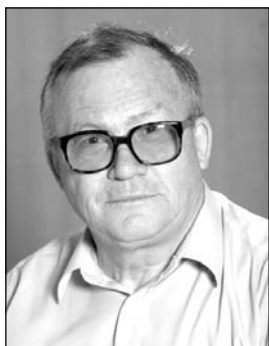
Виктор АКАТКИН. Язык русской души. (Предисловие)	5
I.	
Виктор БУДАКОВ. Ученый-фольклорист Александр Афанасьев	12
Русские народные сказки из сборника Александра Николаевича АФАНАСЬЕВА	17
Мужик, медведь и лиса.	
Морозко.	
Правда и кривда.	
Три царства — медное, серебряное и золотое.	
Никита Кожемяка.	
Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде.	
Жар-птица и Василиса-царевна.	
Безногий и безрукий богатырь.	
Доброе слово.	
Дурак и береза.	
Как муж отучил жену от сказок.	
II.	
Татьяна ПУХОВА. Носительница сказочного фольклора	47
Н.П. ГРИНКОВА. Сказки Куприянихи	51
А.М. НОВИКОВА, И.А. ОСОВЕЦКИЙ. Творчество Куприянихи	56
Комментарии к сказкам А.К. Барышниковой	73
Сказки Куприянихи (Анны Куприяновны БАРЫШНИКОВОЙ)	76
Иван-Болтун.	
Сиротка-девочка.	
Иван-дурак.	
Волк серай, смелай.	
Про нужду.	
Голодный мужик.	
Как мужик вез ворону в город продавать.	
Как фашистский генерал к партизанам в плен попал.	
III.	
Евгений НОВИЧИХИН. Дар народной сказительницы	97
Сказки Анны Николаевны КОРОЛЬКОВОЙ	115
Баран.	
Верная жена князя Петра.	
Два соседа.	
Золотой сундучок.	
Илья Муромец.	
Ковер-самолет.	
Немал человек.	
Сума, дай ума!	
Хрустальное озеро.	
Чья лень больше.	

IV.

Виктор БУДАКОВ. Гений из Ямской слободы	160
Виктор АКАТКИН. Космос детской души	164
Литературные сказки Андрея ПЛАТОНОВА	168
Волшебное кольцо.	
Иван-чудо.	
Иван бесталаный и Елена Премудрая.	
Финист – Ясный сокол.	

V.

Алексей БОНДАРЕВ. Азы житейской мудрости	218
Литературные сказки современных воронежских писателей	220
Алексей БОНДАРЕВ.	
Два карандаша. Куда ведет дорога? Почему береза белая? (Новая сказка на старый лад)	220
Иван БЫКОВ. Пятачок	228
Анна ВИСЛОУХ. Сказка про Сказку и Быль	231
Иван ЕВСЕЕНКО. Вернись, Дюймовочка! (Печальная сказка)	240
Светлана ЕРЕМЕЕВА. Непослушный лучик. Храбрые листья	247
Виталий ЗЛОТНИКОВ.	
Котенок с улицы Лизюкова. Подарок для самого слабого.	
Заколдованное слово	251
Евгения КУРИЛЁНОК.	
Сказка про Совість. Сказка про Борин День Рождения	259
Светлана МЕЛЬНИК. Снегурочка. (Невероятная история)	264
Анатолий МИРОШНИЧЕНКО. Минута славы. Воробушек-жадобушек	267
Наталья ПОМЕЛЬНИКОВА. Серебряная иголочка	272
Валерий РОНЬШИН.	
Про нашу Машу. (Наша Маша и «Закон Бутерброда». Наша Маша и ее ушедшее детство)	280
Алексей РЯСКИН. Из цикла «Сказки одной недели». (Пятница)	284
Елена ЧЕРТОВА. Как заяц медведем стал. Про мальчика-трамвайчика	291
Валентина ШИПУЛИНА. Маковое зернышко	297
Коротко об авторах	302

Виктор Акаткин,
*доктор филологических наук,
профессор,
Воронежский государственный
университет*

ЯЗЫК РУССКОЙ ДУШИ

«ЧТО ЗА ПРЕЛЕСТЬ ЭТИ СКАЗКИ!..»

Сказки прочитывать — всё равно что в детство перенестись. И вся твоя жизнь как на ладони — со всеми увлечениями, мечтами, поисками, запретами, ошибками, и так хочется по-сказочному всё изменить, оказаться в том времени, когда всё было возможно, всему верилось и мир казался безграничным и вечным. Сказка — жанр домашний, семейный; он прочно вписан в труды и дни людей, не хлебом единым живущих! Заказчиками этого жанра оказываются, как правило, самые старшие и самые младшие: одни читают и рассказывают, другие слушают и запоминают. И так из года в год, из века в век передаются новым поколениям сказочные сюжеты о поединках тьмы и света, добра и зла, о крутых поворотах судьбы, о подвигах человека во имя любви, правды и справедливости.

Одна из пружин головокружительных сказочных сюжетов — нарушение запретов. Короток, мал грех, да велико искушение. Почему-то любой запрет забывается: отворил чуланчик, пожалел прикованного Кощея, напоил его водой, а он набрался сил, порвал все цепи и унёс Марию Моревну незнамо куда. Что ж, теперь вот надо героически её избавлять, самые тяжкие испытания переносить. Однако всё удаётся сказочному герою; и не дано нам понять, за что же судьба так бьёт его и почему она так благосклонна к недотепе и нарушителю запрета. «Будет и на твоей улице праздник» — эти слова будто светятся на небесах над каждым маршрутом, по которому он, изнемогая, прорывается к своей невесте.

Все виды сказок, пишет фольклорист Е. Костюхин, «объединяет один признак: речь здесь идёт о выдуманном и невозможном». Однако нет в сказке невозможного: всё достижимо, всё в ней возможно — даже через смерть, а затем воскрешение. На последний случай живая и мёртвая вода

придуманы. Добро всегда сильнее зла — вот краеугольный камень народной философии. Великий наш земляк А.Н. Афанасьев, издатель и толкователь сказок, писал: «Сказка как создание целого народа не терпит ни малейшего уклонения от добра и правды, она требует наказания всякой неправды и представляет добро торжествующим над злобой... По её твердому убеждению выигрыш должен постоянно оставаться за простодушным, незлобием и состраданием». Сказка, как тот лес, выросший из гребешка, стеной встаёт на защиту народа от острозубого зла, спасая его душу, его мечту и веру.

При всём внешнем неправдоподобии событий, чудесах и непомерных преувеличениях, сказка по внутренней сути своей удивительно правдива, мудра и многоопытна. «Говорят, век обнявшись не просидеть», — предупреждает она обо всём забывших, беспечных, почивающих на лаврах. Разумеется, давно уже нет, не видно на земле тех страшных чудовищ — огнедышащих драконов, Змеев Горынычей, Кощеев бессмертных и прочих погубителей красоты и молодости, но рождаются одержимые вожди — истребители миллионов, маньяки, преступники — и несть им числа. А вот живут ли добрые волшебники, Василисы Прекрасные, сочувливые птички и рыбки? Не дрогнула ли, не истаяла ли вера народа в добро и правду, в то самое чудесное, которое когда-то спасало его в самых немислимых испытаниях? Откроет ли человек случайно попавшийся сборник сказок, забудется ли над книжной страницей, чтобы вернуться в будни обновлённым, словно добрый молодец из кипящего котла? Или случится такое, что пророчески предугадала сказка «Волшебное зеркальце»?

— «Что вы всё пить да пить — с того добру не быть; давайте-ка лучше сказывать сказки.

— Ладно, ладно! — закричали со всех сторон. — Кто же начнёт?

Тот не умеет, другой не горазд, а третьему вино память отшибло. Как быть?»

Не умеет — не беда, может научиться. Не горазд — поднатореет, если охота будет. А вот с третьим что будет? Не отшибло ли нам память горькое вино прогресса? Всяческие преобразования, замешанные на разрушительстве и отказах от прошлого? Страшное слово «манкурт», словно выжженное на камне слезою Айтматова, должно заставить нас крепко задуматься о беге времени, о том, что мы обретаем, а что теряем. А ведь совсем недавно можно было спросить, уверенно зная ответ: назовите мне человека, который не прочитал бы или не услышал хотя бы одной сказки? Назовите хоть одну маму или бабушку, которая не спела бы над малюткой колыбельную песню или не рассказала бы ребенку об Иванушке-дурачке или Василисе Прекрасной? А теперь оторопь заползает в душу: а вдруг назовут, а вдруг чем дальше, тем их будет больше?

Няни и бабушки были истинными учителями поэтов. С.А. Есенин признавался: «Стихи начал слагать рано. Толчки давала бабка. Она рассказывала сказки. Некоторые сказки с плохими концами мне не нравились, и я их передельывал на свой лад». А.С. Пушкин не только слушал, но и сам потом создавал свои мудрые, многомысленные сказки. Вступающим на творческий путь он советовал: «Читайте простонародные сказки, молодые писатели, чтоб видеть свойства русского языка». Разве не завораживает нас сказовая мелодия, почти распев, когда мы слушаем начало сказки «Три царства — медное, серебряное и золотое»: «В то давнее время, когда мир божий наполнен был лешими, ведьмами да русалками, когда реки текли молочные, берега были кисельные, а по полям

летали жареные куропатки, в то время жил-был царь по имени Горох...» Разве не достают до самых душевных глубин вот эти редкие по красоте, лаконизму и мощи сказочные слова: «Ударил гром, распалась крыша, раздвоился потолок, и влетел орёл»? Словно сам стоишь посреди избы под этой крышей и потолком, который вот-вот раздвоится, и схватит тебя орёл своими когтистыми лапами...

Сказки, мифы и песни — это поэтический воздух детства и юности, и кто им не надыхался вволю, тот душу свою обокрал. Особую власть имеет над нами сказка. Наверное, потому, полагает Е. Костюхин, что она — «самый «свободный» вид фольклора, менее всего связанный с бытовым контекстом». Она в любой момент может воспарить, унести за тридевять земель, превратить лягушку в красавицу-царевну, а злонамеренную Бабу-ягу бросить в раскалённую печь. Сказка, как и песня, жанр синтетический: она и рассказывается, и напевается, и демонстрируется по ролям; она не только в словах, но и в голосе сказителя, в понижениях и повышении тона, в интригующих остановках, в разнообразных реакциях публики. Это и отдых, и забава, и катарсис, и «добрым молодцам урок», и приобщение к тайнам русской речи, дошедшей до нас из глубины веков. Она, эта речь, немного старомодна, как родительская одежда, но ведь сказка всегда подновляется, «перешивается», и в каждой новой записи звучит по-новому, освежённая лексиконом времени.

Сказка — это и многовековой житейский опыт, и уроки истории, и душа, и надежды народа, поверившего в себя, в своё могущество и непобедимость. За ветхой избушкой вдруг может засверкать прекрасный дворец, за последней коркой хлеба — вдруг развернуться скатерть-самобранка, а Иванушка-дурачок — оказаться царевичем. Но сказка редко повествует о достигнутом; она обрывает себя на пороге счастья, предпочитая жить стремлением, ожиданием, одолением препятствий. О счастье она говорит бегло, одной-двумя строчками, в самом конце, да и то шутя, как бы стыдясь обрётённого: ведь оно досталось после таких испытаний и жертв, что и поверить в него невозможно. Недаром мёд течёт по усам, а в рот не попадает...

Великий наш земляк Александр Афанасьев, издав три тома русских народных сказок, на целое столетие занял свой народ духовной работой, обратил его к богатейшему сокровищу — «Поэтическим воззрениям славян на природу», к великому и могучему русскому языку — первоначальному творцу всех смыслов, всего видимого и невидимого. Он подарил нам поистине народный поэтический университет, двери которого всегда и для каждого открыты...

УРОКИ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Мифологическая ветвь современного литературоведения — одна из самых живых и быстрорастущих. Однако создается впечатление, будто она возникла из воздуха, сама по себе и ни к какому стволу не привита. А ведь у нее есть свои законные и достойные отечественные прародители, среди которых в первую очередь следует назвать Ф.И. Буслаева и А.Н. Афанасьева. Структуралистские методики, к которым охотно прибегают современные мифологи, не должны помешать уяснению этого родства.

Ни одна литературоведческая школа в России не претерпела таких гонений, а затем такого многолетнего замалчивания, как мифологиче-

ская, что само по себе заслуживает специального исследования. В момент зарождения в ней увидели опасность воскрешения языческой старины и чуть ли не покушение на христианство. Наши либералы-прогрессисты приписали ей апологию мистики и национальной исключительности, что никак не соответствовало истине. Идеологам космополитизма эта школа мешала выкорчевать остатки русской обрядности и духовности, сохранившиеся после революционного погрома, они строили новую культуру на отказах и упрощениях, а там была широта и сложность.

Именно поэтому было скрыто от нас на многие десятилетия великое свидетельство духовного наследия русского народа — «Поэтические воззрения славян на природу», нисколько не уступающие по своему значению «Золотой ветви» Фрезера и «Первобытной культуре» Тейлора. Но любое ограбление народа (духовное или материальное) рано или поздно обнаруживается, однако вернуть награбленное в его прежней роли и силе вряд ли удастся...

Последовательная реализация лозунга «организованного упрощения культуры», выкорчевывание всего «старого», «отжившего», «традиционного», неизбежно приводит к духовному вакууму, о чем свидетельствует болезненный кризис рубежа веков. Внезапно обретенный свободный доступ к ранее запрещенным отечественным и зарубежным источникам порождает в условиях кризиса причудливую методологическую эклектику и пестроту в теоретических подходах: можно всё, но трудно, а подчас невозможно выбрать наиболее верное и плодотворное. Отсюда какая-то растерянность и заторможенность на фронте литературоведческих исследований. По свидетельству В.Н. Чубаровой, «публикации отечественных литературоведов по проблемам теории литературы в последнее время крайне немногочисленны» (12, 9). Научная эклектика небезопасна, она приводит к самоедству: «Теория в настоящее время занимается собой больше, чем своим главным предметом — литературой» (7, 127).

Фундаментом, базой теории всегда была методология, т.е. некое единство в понимании предмета и в принципах его исследования. Возможно ли это теперь, когда затруднительно говорить о наличии и направленности современного литературного процесса? Или о целостности картины мира в произведении того или иного писателя? Или о единстве «поэтической воззрений» народа на жизнь и природу? Вряд ли. Мифологической школе в этом отношении «повезло»: она выростала на феноменально грандиозном порыве, который охватил все стороны русской жизни и который дал нам самую великую литературу мира» (3,4). Отсюда такая масштабность, такая весомость и непреходящая свежесть трудов ученых-мифологов. В ситуации кризиса именно история литературоведения, по мнению А.В. Михайлова, «должна сделаться творческим центром науки о поэтическом творчестве», ее необходимо изучать, чтобы сохранить дух и лицо отечественной науки» (8, 8). В первую очередь эти слова можно отнести к наследию мифологической школы, которое до сих пор не собрано, не издано и плохо изучено.

А между тем это самый богатый материал не только для изучения, но и для чтения, для пополнения своих душевных запасов. Труды наших мифологов уникальны как по широте обхвата (почти все художественное наследие мира, явленное в слове), так и по методу и частным приемам исследования. Уникальность их прежде всего в воодушевлении, в неподдельной любви к предмету, в особой родственности народно-поэтическим представлениям, в живописной манере письма, благодаря кото-

рой многие их страницы читаются с захватывающим интересом. Говоря о национальных духовных началах, они писали по-русски, не переходя на «птичий язык», на терминологические рулады, в которых зачастую скрывается пустота. Все их кропотливые разыскания предстают не скучной статистикой, не мертвящей дробностью анализа, а бережным проникновением в сложную упорядоченность и гармонию народного сознания. Изучая слово и миф, они сами творили миф о слове, мифе, фольклоре и литературе, но миф вполне научный, филологический.

Оглядывая все написанное нашими учеными-мифологами, приходишь к выводу, что эти трудолюбивые подвижники — самые необходимые нашему разгромленному и опустошенному духовному дому, нашей оглушенной народной культуре. «Поэтические воззрения славян на природу» А.Н. Афанасьева с полным правом можно назвать энциклопедией русской души, национальным нерукотворным храмом, в котором русский человек исповедывался своим богам и обожествленной природе. Если «Словарь» Даля — это язык разума русского народа, то книга Афанасьева — это язык его души, голос самых глубоких ее тайн и суеверий. Отвечая на упреки в увлечениях стариной, Афанасьев говорил, что по данным языка и мифа мы так же восстанавливаем духовный остов человека, как по археологическим останкам восстанавливают доисторических животных.

«Богатый и можно сказать — единственный источник разнообразных мифических представлений, — писал А.Н. Афанасьев в самом начале своего грандиозного труда, — есть живое слово человеческое, с его метафорическими и созвучными выражениями» (2, 5). Звуки языка выражали не отвлеченные мысли, «а те живые впечатления, какие производили на его чувства видимые предметы и явления» (2, 8). Исходя из того, что «в слове заключена внутренняя история человека, его взгляд на самого себя и природу» (2, 16), Афанасьев выстраивает далее и основную линию развития языка, и главные этапы движения народного поэтического сознания. С течением времени язык все более становится «послушным орудием для передачи собственных мыслей», человек утрачивает слух к произносимым звукам, а слово — «свой исконный живописующий характер» (2, 8). Поэтическое, картинное изображение уступает место абстрактному наименованию, слово становится просто фонетическим знаком предмета или явления, но не образом их.

Афанасьев твердо убежден: «Действительным поэтом был народ; он творил язык и мифы, и таким образом давал все нужное для художественного произведения» (2, 46). А первоосновой мифов, былин и сказок были олицетворения «стихийных сил природы» (2, 48). Этой первоосновы, идущей от корней слов, можно с точностью доискаться «только путем сравнительного изучения» (2, 16) языка и мифов разных народов, что и составляет основное содержание «Поэтических воззрений славян на природу».

Как правило, критики высоко оценивают именно фактическую основу его книги, но когда речь заходит о методических принципах, они признают их либо устаревшими, либо надуманными и узкими. Однако не эти ли принципы послужили путеводной звездой мифологической школы? И разве не вопреки им были достигнуты столь впечатляющие результаты? «Поэтические воззрения славян на природу» — книга нашего самопознания, в ней постигается изначальное, корневое как в слове, так и в сознании русского человека. Отводя упреки Кавелина в отсутствии у него общего взгляда и метода, Афанасьев писал: «У нас есть и общий взгляд, и

метод, основанный на древнейшей связи языка с развитием верований» (6, 13–14). Ему-то кажется, что именно эстетическая критика не имеет под собой опоры. Ибо она не учитывает первоисточки образов и данные сравнительной мифологии: «Толковать о художественном достоинстве тех образов и красок, смысл которых остается неведомым, — все равно, что рассуждать о меткости и живописности выражений незнакомого нам языка: смелость, которую ничем нельзя извинить в науке!» (2, 47). Афанасьеву было ясно, что упреки в отсутствии или несовершенстве метода или от непонимания или неприятия его дела в целом. В письме к Де-Пуле он сетовал: «Разве подобные работы не вызывают у нас не говоря сочувствие, но хоть должное уважение? Я столько наслушался нелепых сомнений в пользу этих разысканий, что и рукой махнул» (6, 14). В советские годы это неуважение и непонимание переросло в погромные разности всего, в чем воплотилась русская душа, все это считалось мистикой, мракобесием, классово враждебным и реакционным. Народное стало враждебно народу! Наверное, поэтому в первую очередь была уничтожена крестьянская ветвь русской поэзии (Ганин, Есенин, Ключев, Клычков, Орешин, Васильев), ибо она уходила своими корнями в «Поэтические воззрения славян на природу». Крестьянские поэты, как и многие произведения классиков, были сняты с духовного вооружения, что обернулось невиданным духовным опустошением и деградацией населения. Современные дискуссии о состоянии языка и литературы как нельзя лучше подтверждают это. Книга Афанасьева протягивает нам руку помощи. Значение ее прежде всего в том, пишет Б. Кирдан, что она «обратит читателя к истокам нашего современного языка и бытового поведения, раскроет многие «темные места» и метафоры литературы, фольклора и обычаев» (6, 5). Она не только восстанавливает возможности нашего языка и тем самым будет препятствовать его порче, засорению» (6, 6). Значит, она будет способствовать и духовному возрождению народа — и в этом прежде всего ее высшее методологическое значение.

Из «Поэтических воззрений славян на природу» можно извлечь и более частные, но не менее полезные уроки (за неимением места кратко обозначим их отдельными фразами). Пристальное, несуетное, полное достоинства изучение своего родного, русского на фоне и рядом с общеславянским. Постоянное сопоставление «своего» и «чужого», поиск объединительных духовных начал в языке и мифе разных народов, необычайная, даже и теперь немыслимая широта обзора. Стремление выявить внутренние механизмы духовного обновления народа, увидеть его душу в историческом движении языка и поэтического мышления. Обоснование единой эволюционной цели духовной культуры: слово — миф — фольклор — литература. Воскрешение и приближение к нам древности, истолкование архаики и всевозможных рудиментарных остатков, закрепившихся в суевериях, в нашем подсознании, во всевозможных архетипах. Последовательное проведение параллелей между человеком и природой, убежденность в том, что природа — это второе «я» человека, первооснова его образных фантазий, его поэтического самоощущения. Афанасьев занимался не только археологическими раскопками духовных древностей, он восстанавливает порушенную духовную архитектуру человека, порушенную невежеством, гонениями, революционными катаклизмами и т.п. И эти его поиски и раскопки дают нам не только материал, но и сам метод изучения поэтических воззрений народа, одно от другого тут отделить невозможно.

Свою книгу «Поэтические воззрения славян на природу» Афанасьев скромно назвал «Опытом сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифологическими сказаниями других родственных народов». Опыт этот удался. Не совсем удачным оказалось его освоение, которое только-только начинается. Эту великую книгу необходимо включить в школьные и вузовские программы — наряду с «Евгением Онегиным», «Войной и миром», «Тихим Доном», «Василием Теркиным». Ибо она — о становлении русского языка и художественного сознания, о тайнах славянской души. Мифологическая школа, по словам Буслаева, ответила прежде всего на всеобщую потребность в создании своих собственных национальных идеалов, своих национальных художественных форм. На рубеже тысячелетий эта потребность ощущается как никогда остро...

ЛИТЕРАТУРА:

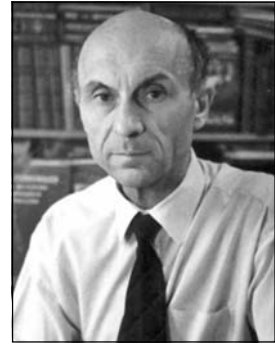
1. Академические школы в русском литературоведении. — М., 1975.
2. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. В 3-х тт. — М., 1994. — Т.1.
3. Афанасьев Э.Л. Федор Иванович Буслаев // Буслаев Ф. О литературе. Исследования. Статьи. — М., 1990.
4. Баршт К.А. Русское литературоведение XX века. Учебное пособие. В двух частях. — СПб., 1997.
5. История русского литературоведения. Под ред. П.А. Николаева. — М., 1980.
6. Кирдан Б.П. Афанасьев — фольклорист, гражданин, демократ // Афанасьев А.Н. Древо жизни. Избранные статьи. — М., 1983.
7. Кормилов С.И. Теоретико-литературная концепция Г.Н. Пospelова и проблемы построения современной теории литературы // Научные доклады филологического факультета МГУ. — М., 1996. — Вып. 1.
8. Курилов В.В. Актуальные проблемы современной отечественной теории литературы // Филологический вестник. — Ростов-на-Дону, 1997. — № 1.
9. Налепин А.Л. Археолог славянских древностей // Афанасьев А.Н. Народ — художник. Миф, фольклор, литература. — М., 1986.
10. Смирнов С.В. Отечественные филологи-слависты середины XVIII — начала XX вв. Справочное пособие. — М., 2001.
11. Телегин С.М. А.Н. Афанасьев. Мифологический взгляд на природу и человека // Литература в школе. — 1997. — № 3.
12. Чубарова В.Н. Современное литературоведение: теоретические лики // Филологический вестник. — Ростов-на-Дону, 1998. — № 1.

I.

Виктор Будаков,
член Союза писателей России

УЧЕНЫЙ-ФОЛЬКЛОРИСТ АЛЕКСАНДР АФАНАСЬЕВ

1

“Сказка, как создание целого народа, не терпит ни малейшего уклонения от добра и правды и представляет добро, торжествующее над злом», — не просто вскользь брошенное замечание, но убеждение великого фольклориста.

2

Свод русских сказок. Их творил народ!
Воронежец, земляк твой, Афанасьев
Их собирал не месяц и не год...
Свод русских сказок — лад в них и согласие.

Но прежде в поединке непростом
Добро и зло в них яростно воюют,
И кривда льстиво заползает в дом,
А правда, и гонимая, врачует.

3

Дети слушают: «В некотором царстве, в некотором государстве»...
Зимними и летними вечерами, при свете лучин иль звёзд сладко волновал детские души этот сказочный зачин. Так было из века в век. Ещё и

для моих сверстников в послевоенном детстве он звучал из уст бабушек и дедушек, и, пленяясь сказкой, мы невольно и преданно становились маленькими защитниками правды, добра, справедливости. Но уже взорвалась атомная бомба, и мир был на пороге иных сказок.

4

В воспоминаниях Александра Николаевича Афанасьева, знаменитого учёного-фольклориста, не найти развёрнутого рассказа о малой, уездной родине — рассказа, из которого можно было бы видеть становление детской души на срезе природно-географических, этнографических и иных примет родного гнезда; образ «малой родины» в том широком, эмоциональном значении, в каком он присутствует, скажем, у Толстого, Лескова, Бунина, Афанасьевым зримо не прорисован; придонский Богучар, где будущий учёный-фольклорист родился, лишь упомянут; Бобров, где протекли детские годы, также остаётся за кадром.

И всё же именно на малой родине, в уездном городке, набирался он первых разнообразных впечатлений, ими его одаряла здешняя «великолепная природа». Здесь пристрастился он к усидчивому чтению. Благо в доме была хорошая дедовская библиотека. Здесь же изначально приобщился он к народной памяти, собранной в слове, и народному мирозерцанию — через предания и сказки, за долгие зимние вечера во множестве наслушался их от дворовых женщин.

Как знать, может, именно эти сказочные вечера дали корни и токи, благодаря которым Афанасьев стал тем, кем стал: выдающимся собирателем, толкователем и издателем народных сказок, легенд и поверий.

В 1837 году отец Афанасьева определил 11-летнего сына в Воронежскую гимназию. Гимназия располагалась на Большой Девической, в подгорной части города. Из тех же афанасьевских воспоминаний о самом городе, губернском Воронеже, узнаешь не более, нежели об уездном Боброве, а между тем Воронеж — семь отроческих и раннеюношеских лет жизни.

Московский университет — четыре года (1844–1848), где для молодого Афанасьева день порой шёл за месяц: каждодневные лекции, библиотечная страда, встречи, новые горизонты. Университет той поры — серьёзный рубеж отечественной науки, — заметное созвездие профессорских имён: Шевырёв, Бодянский, Редкин, Кавелин, Грановский, Соловьёв.

Сколько бы и даже какие бы профессора не толковали с кафедр, в студенте мало что сдвинется, если он внутренне не захвачен страстью познания истины и служения ей. Афанасьев — из «захваченных». Уже на третьем курсе он печатает в некрасовском «Современнике» свою первую научную статью «Государственное хозяйство при Петре Великом».

Год спустя после окончания Московского университета Афанасьеву удаётся устроиться на службу в главный архив Министерства иностранных дел, где прошли тринадцать, может быть, счастливейших лет его жизни. Представилась возможность заниматься любимым делом — погружаться не только в разыскание старинных, необходимых по службе документов, но и вообще в мир народной старины, «археологию народного быта»; уйдя от сказок, легенд и поверий детства, он вновь пришёл к ним, теперь не только слушателем, но и собирателем, истолкователем и издателем.

За годы службы в архиве он вообще успеваает сделать столько, сколько человеку без больших знаний и подвижнического начала не сделать бы и вполонину: помимо непосредственной служебной текучки — библиографическая и литературная критика, этнографические и фольклорно-мифологические исследования, совокупно составившие позднее монументальный труд «Поэтические воззрения славян на природу», подготовка и выпуск сборника «Народные русские легенды», издание журнала «Библиографические записки». Но главное — «Народные русские сказки» (более полутысячи) — голос и душа народа с древнейших времён.

За короткий срок собрать и научно истолковать сотни сказок — одному человеку было бы не под силу. Но у доброго дела всегда найдутся и начинатель, и помощники-единомышленники. Основу афанасьевского свода сказок составило собрание Географического общества. Помогли также Даль, Якушкин, воронежские друзья. Часть сказок Афанасьев собрал непосредственно сам — в основном, на малой родине.

Свод народных сказок принёс нашему земляку российскую известность. Благожелательно откликнулись на издание отечественные учёные — Буслаев, Срезневский, Пыпин, Миллер, Котляревский. Российская академия наук присудила собирателю и издателю сказок Демидовскую премию, Географическое общество — золотую медаль.

Прошло, однако, немного времени, и судьба круто повернулась. Полоса неудач началась для Афанасьева с запрета в повторном издании «Народных русских легенд», которые светская и духовная власть нашли оскорбляющими нравственность. Учёный и прежде был не в ладах с цензурой. Последняя делала урезки и поправки даже... в письмах Петра Первого, печатавшихся главным архивом, не говоря уже о собственно афанасьевских строках, или же народных, им собранных; но то были строки, — здесь же дело дошло до целой книги. Положение учёного стало ещё более тяжким, когда он вынужден был оставить архивную службу: «аукнулась» поездка за границу, встреча с Герценом. Он прямо-таки забедствовал. Редкостную библиотеку пришлось разместить в сыром деревянном сарае, а затем и вовсе распродавать. Отпечатанными листами «Библиографических записок» покрывать пол, чтобы по квартире меньше гулял сквозняк.

Незадолго до смерти он завершил «Поэтические воззрения славян на природу». В разные годы учёный писал этнографические, фольклорные статьи, издаваемые сказки сопровождал комментариями в духе мифологических воззрений, а под конец жизни всё это переработал, расширил и завершил величественную песнь древнему славянскому миру, его языку, его поэтическому бытию. Строго говоря, исходные идеи этого грандиозного труда — далеко не во всём новаторские, первооткрывательские. Афанасьев во многом опирался на мифологические построения немецких учёных, на труды Буслаева, в которых утверждаются и ярко прослеживаются нравственное и поэтическое начала народной древности. Мифологический принцип, в чём-то, безусловно, верный, в чём-то уязвимый, доведён Афанасьевым до крайности. Повсеместность историко-сравнительного анализа, вовлечённость любого явления, предмета, слова в индоевропейский исторический колодец, подчас произвольные языковые, мифологические параллели и сближения...

Но, что бы там ни говорили, «Поэтические воззрения славян на природу» — великий подвиг и фундаментальный труд, аналогов которому, по

мнению многих учёных, в мировой этнографической и фольклорной науке нет. Его труд иногда сравнивают с «Золотой ветвью» Фрезера или «Первобытной культурой» Тейлора. Но это исследования иного ряда, а если уж искать параллели, на память скорее приходит гриммовская «Немецкая мифология».

Несправедливо было бы не упомянуть и Дмитрия Щепкина, старшего сына великого актёра. Именно Дмитрий, больной, знавший, что долго не проживёт, занимался санскритскими, индийскими, греческими древностями, мифологией Египта, и он же лелеял мысль о создании фундаментальной книги по русской мифологии. Даже написал вступление, высоко оценённое Якобом Гриммом. В пятидесятые годы Афанасьев часто бывал в доме Щепкиных, и глубокий, талантливый Дмитрий, скорей всего, и подвинул нашего земляка к древнему миру славян — мифическому, поэтическому.

Афанасьев — редкий и счастливый случай — успел завершить все свои труды. Но последнюю точку в его жизни и деятельности поставила чахотка. В 1871 году, в сорок пять лет, его не стало. Похоронен он был на московском Пятницком кладбище, неподалёку от могил Щепкиных и Грановского. Его ранняя смерть опечалила многих. Тургенев в письме к Фету писал: «Недавно А.Н. Афанасьев умер буквально от голода, а его литературные заслуги будут помниться, когда наши с вами, любезный друг, давно уже покроются мраком забвения».

Преувеличение? Вспомним, однако, что Афанасьевым — так или иначе — зачитывались и вдохновлялись Островский, Мельников (Печерский), А.К. Толстой — создатель «Князя Серебряного», Лев Толстой, Бунин, Горький, Блок, Есенин. Не прошли мимо ни создатель «Философии общего дела» Фёдоров, ни автор великих философских произведений Достоевский. Один японский исследователь русской словесности написал даже научный труд «Достоевский и Афанасьев».

Миф. Обломок ли он древней правды, как проникновенно выразился поэт, или же попытка романтизировать былую жизнь, дать ей как бы второе дыхание? Есть ли где задержаться поэтическому мифу в мире, где сплошь и рядом с конвейера творятся мифы политические? Что значит сказка для нашего современника, со всех сторон теснимого жестокими реальностями технократического века? Какой смысл читать ребёнку это напевное «в некотором царстве, некотором государстве», когда самый далёкий из далёких уголков — в семи часах лёта? Когда многие образы, предметы и слова сказок отошли навсегда?

А правда, добро, честь, чувства справедливого и прекрасного, неизменные для сказок? Если уходят народные сказки и песни — уходит и душа народная. Но если уйдёт душа народная, куда денемся все мы?

Александр Николаевич Афанасьев

Воронежский и весь Чернозёмный край, где давно уже переплелись восточнославянские ветви, неизмеримо богат на имена подвижников отечественной культуры, которые из века в век укрепляли «град» духовной общности и взаимности славянства.

Все они так или иначе увековечены, но без той должной полноты, которая бы нам являла их как соучастников современной культурной среды. У нас есть памятники — поднятые на постамент железные трактора, самолёты, орудия, танки. Есть и памятники собаке, разным зверушкам и птицам, сказочным существам. И нет памятника великому фольклористу, собирателю народных сказок, легенд и преданий Александру Николаевичу Афанасьеву.

Не оставляет надежда, что рано или поздно он появится в Воронеже, быть может, на Славянской площади; на площади, какой — по чувству исторической справедливости — надлежит быть в городе, некогда стоявшем порубежной крепостью восточнославянского мира.

*Русские народные сказки из сборника
Александра Николаевича Афанасьева*

МУЖИК, МЕДВЕДЬ И ЛИСА

У мужика с медведем была большая дружба. Вот и вздумали они репу сеять; посеяли и начали уговариваться, кому что брать. Мужик сказал: «Мне корешок, тебе, Миша, вершок». Выросла у них репа: мужик взял себе корешки, а Миша вершки. Видит Миша, что ошибся, и говорит мужику: Ты, брат, меня надул! Когда будем еще что-нибудь сеять, уж меня так не проведешь».

Прошел год. Мужик и говорит медведю: «Давай, Миша, сеять пшеницу». — «Давай», — говорит Миша. Вот и посеяли они пшеницу. Созрела пшеница; мужик и говорит: «Теперь ты что возьмешь, Миша? Корешок аль вершок?» — «Нет, брат, теперь меня не надуешь! Подавай мне корешок, а себе бери вершок». Вот собрали они пшеницу и разделили. Мужик намолотил пшеницы, напек себе ситников, пришел к Мише и говорит ему: «Вот, Миша, какая верхушка-то». — «Ну, мужик, — говорит медведь, — я теперь на тебя сердит, съем тебя!» Мужик отошел и заплакал.

Вот идет лиса и говорит мужику: «Что ты плачешь?» — «Как мне не плакать, как не тужить? Меня медведь хочет съесть». — «Не бойся, дядя, не съест!» — и пошла сама в кустья, а мужику велела стоять на том же месте; вышла оттуда и спрашивает: «Мужик, нет ли здесь волков-бирюков, медведев?» А медведь подо-

шел к мужику и говорит: «Ой, мужик, не сказывай, не буду тебя есть». Мужик говорит лисе: «Нету!» Лиса засмеялась и сказала: «А у телеги-то что лежит?» Медведь потихоньку говорит мужику: «Скажи, что колода». — «Кабы была колода, — отвечает лиса, — она бы на телеге была увязана!» — а сама убежала опять в кустья. Медведь сказал мужику: «Свяжи меня и положи в телегу». Мужик так и сделал.

Вот лиса опять воротилась и спрашивает мужика: «Мужик, нет ли у тебя тут волков-бирюков, медведей?» — «Нету!» — сказал мужик. «А на телеге-то что лежит?» — «Колода». — «Кабы была колода, в нее бы топор был воткнут!» Медведь и говорит мужику потихоньку: «Воткни в меня топор». Мужик воткнул ему топор в спину, и медведь издох. Вот лиса и говорит мужику: «Что теперь, мужик, ты мне за работу дашь?» — «Дам тебе пару белых кур, а ты неси — не гляди».

Она взяла у мужика мешок и пошла; несла, несла и думает: «Дай, погляжу!» Глянула, а там две белые собаки. Собаки как выскочат из мешка-то да за нею. Лиса от них бегла, бегла, да под пенек в нору и ушла и, сидя там, говорит с собою: «Что вы, ушки, делали?» — «Мы все слушали». — «А вы, ножки, что делали?» — «Мы все бежали». — «А вы, глазки?» — «Мы все глядели». — «А ты, хвост?» — «Я все мешал тебе бежать». — «А, ты все мешал! Пстой же, я тебе дам!» — и высунула хвост собакам. Собаки за него ухватились, вытащили лису и разорвали.

МОРОЗКО

У мачехи была падчерица да родная дочка; родная что ни делает, за все ее гладят по головке да приговаривают: «Умница!». А падчерица как ни угождает — ничем не угодит, все не так, все худо; а надо правду сказать, девочка была золото, в хороших руках она бы как сыр в масле купалась, а у мачехи каждый день слезами умывалась. Что делать? Ветер хоть пошумит, да затихнет, а старая баба расходится — не скоро уймется, все будет придумывать да зубы чесать. И придумала мачеха падчерицу со двора согнать:

— Вези, вези, старик, ее куда хочешь, чтобы мои глаза ее не видали, чтобы мои уши об ней не слышали; да не вози к родным в теплую хату, а во чисто поле на трескун-мороз!

Старик затужил, заплакал; однако посадил дочку на сани,

хотел прикрыть попонкой — и то побоялся; повез бездомную во чисто поле, свалил на сугроб, перекрестил, а сам поскорее домой, чтоб глаза не видали дочерниной смерти.

Осталась, бедненькая, трясется и тихонько молитву творит. Приходит Мороз, попрыгивает, поскакивает, на красную девушку поглядывает:

— Девушка, девушка, я Мороз Красный Нос!

— Добро пожаловать, Мороз; знать, бог тебя принес по мою душу грешную.

Мороз хотел ее тукнуть и заморозить; но полюбились ему ее умные речи, жаль стало! Бросил он ей шубу. Оделась она в шубу, подожмала ножки, сидит.

Опять пришел Мороз Красный Нос, попрыгивает-поскакивает, на красную девушку поглядывает:

— Девушка, девушка, я Мороз Красный Нос!

— Добро пожаловать, Мороз; знать, бог тебя принес по мою душу грешную.

Мороз пришел совсем не по душе, он принес красной девушке сундук высокий да тяжелый, полный всякого приданого. Уселась она в шубочке на сундучке, такая веселенькая, такая хорошенькая! Опять пришел Мороз Красный Нос, попрыгивает-поскакивает, на красную девушку поглядывает. Она его приветила, а он ей подарил платье, шитое и серебром и золотом. Надела она и стала какая красавица, какая нарядница! Сидит и песенки попевает.

А мачеха по ней поминки справляет; напекла блинов.

— Ступай, муж, вези хоронить свою дочь. Старик поехал. А собачка под столом:

— Тяв, тяв! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину женихи не берут!

— Молчи, дура! На блин, скажи: старухину дочь женихи возьмут, а стариковой одни косточки привезут!

Собачка съела блин да опять:

— Тяв, тяв! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину женихи не берут!

Старуха и блины давала, и била ее, а собачка все свое:

— Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину женихи не возьмут!

Скрипнули ворота, растворились двери, несут сундук высокий, тяжелый, идет падчерица — панья паньей сияет! Мачеха глянула — и руки врозь!

— Старик, старик, запрягай других лошадей, вези мою дочь поскорей! Посади на то же поле, на то же место.

Повез старик на то же поле, посадил на то же место.

Пришел и Мороз Красный Нос, поглядел на свою гостью, попрыгал-поскакал, а хороших речей не дождал; рассердился, хватил ее и убил.

— Старик, ступай, мою дочь привези, лихих коней запряги, да саней не повали, да сундук не оброни!

А собачка под столом:

— Тяв, тяв! Старикову дочь женихи возьмут, а старухиной в мешке косточки везут!

— Не ври! На пирог, скажи: старухину в злате, в серебре везут!

Растворились ворота, старуха выбежала встретить дочь да вместо ее обняла холодное тело. Заплакала, заголосила, да поздно!

ПРАВДА И КРИВДА

Однажды спорила Кривда с Правдою: чем лучше жить — кривдой или правдой? Кривда говорила: лучше жить кривдою, а Правда утверждала: лучше жить правдою. Спорили, спорили, никто не переспорит. Говорит Кривда:

— Пойдем к писарю, он нас рассудит!

— Пойдем, — отвечает Правда. Вот пришли к писарю.

— Реши наш спор, — говорит Кривда, — чем лучше жить — кривдою али правдою?

Писарь спросил:

— О чем вы бьетесь?

— О ста рублях.

— Ну ты, Правда, проспорила; в наше время лучше жить кривдою.

Правда вынула из кармана сто рублей и отдала Кривде, а сама все стоит на своем, что лучше жить правдою.

— Пойдем к судье, как он решит? — говорит Кривда. — Коли по-твоему — я тебе плачу тысячу рублей, а коли по-моему — ты мне должна оба глаза отдать.

— Хорошо, пойдем.

Пришли они к судье, стали спрашивать: чем лучше жить?

Судья сказал то же самое:

— В наше время лучше жить кривдою.

— Подавай-ка свои глаза! — говорит Кривда Правде; выколола у ней глаза и ушла куда знала.

Осталась Правда безглазая, пала лицом наземь и поползла ощупью. Доползла до болота и легла в траве. В самую полночь собралась туда неверная сила. На́большой стал всех спрашивать: кто и что сделал? Кто говорит — я душу загубил; кто говорит — я того-то на грех смустил; а Кривда, в свой черед, похваляется:

— Я у Правды сто рублей выпорила да глаза выколола!

— Что глаза! — говорит на́большой. — Стоит потереть тутошней травкою — глаза опять будут!

Правда лежит да слушает.

Вдруг крикнули петухи, и неверная сила разом пропала. Правда нарвала травки и давай тереть глаза; потерла один, потерла другой — и стала видеть по-прежнему; захватила с собой этой травки и пошла в путь-дорогу.

В это время у одного царя ослепла дочь, и сделал он клич: кто вылечит царевну, за того отдаст ее замуж. Правда приложила ей к очам травку, потерла и вылечила; царь обрадовался, женил Правду на своей дочери и взял к себе в дом...

ТРИ ЦАРСТВА — МЕДНОЕ, СЕРЕБРЯНОЕ И ЗОЛОТОЕ

В то давнее время, когда мир божий наполнен был лешими, ведьмами да русалками, когда реки текли молочные, берега были кисельные, а по полям летали жареные куропатки, в то время жил-был царь по имени Горох с царицею Анастасьею Прекрасною; у них было три сына-царевича.

Сотряслась беда немалая — утащил царицу нечистый дух. Говорит царю большой сын:

— Батюшка, благослови меня, поеду отыскивать матушку.

Поехал и пропал, три года про него ни вести, ни слуху не было.

Стал второй сын проситься:

— Батюшка, благослови меня в путь-дорогу, авось мне посчастливится найти и брата, и матушку.

Царь благословил; он поехал и тоже без вести пропал — словно в воду канул.

Приходит к царю меньшей сын Иван-царевич:

— Любезный батюшка, благослови меня в путь-дорогу; авось разыщу и братьев, и матушку.

— Поезжай, сынок!

Иван-царевич пустился в чужедальнюю сторону; ехал, ехал и приехал к синю морю, остановился на бережку и думает: «Куда теперь путь держать?»

Вдруг прилетели на море тридцать три колпицы, ударились оземь и стали красные девицы — все хороши, а одна лучше всех; разделись и бросились в воду.

Много ли, мало ли они купались — Иван-царевич подкрался, взял у той девицы, что всех краше, кушачок и спрятал за пазуху.

Искупались девицы, вышли на берег, начали одеваться — одного кушачка нет.

— Ах, Иван-царевич, — говорит красавица, — отдай мой кушачок.

— Скажи прежде, где моя матушка?

— Твоя матушка у моего отца живет — у Ворона Вороновича. Ступай вверх по морю, попадетсЯ тебе серебряная птичка, золотой хохолок: куда она полетит, туда и ты иди.

Иван-царевич отдал ей кушачок и пошел вверх по морю; тут повстречал своих братьев, поздоровался с ними и взял с собою.

Идут они вместе берегом, увидали серебряную птичку, золотой хохолок, и побежали за ней следом. Птичка летела, летела и бросилась под плиту железную, в яму подземную.

— Ну, братцы, — говорит Иван-царевич, — благословите меня вместо отца, вместо матери; опущусь я в эту яму и узнаю, какова земля иноверная, не там ли наша матушка.

Братья его благословили, он сел на рели, полез в ту яму глубокую и спускался ни много, ни мало — ровно три года; спустился и пошел путем-дорогою.

Шел-шел, шел-шел, увидал медное царство; во дворце сидят тридцать три девицы-колпицы, вышивают полотенца хитрыми узорами, — городками с пригородками.

— Здравствуй, Иван-царевич! — говорит царевна медного царства. — Куда идешь, куда путь держишь?

— Иду свою матушку искать.

— Твоя матушка у моего отца, у Ворона Вороновича; он хитер и мудёр, по горам, по долам, по вертепам, по облакам летал! Он тебя, добра молодца, убьет! Вот тебе клубочек, ступай к моей

средней сестре — что она тебе скажет. А назад пойдешь, меня не забудь.

Иван-царевич покати́л клубочек и пошел вслед за ним.

Приходит в серебряное царство; там сидят тридцать три девицы-колпицы. Говорит царевна серебряного царства:

— Доселева русского духа было видом не видать, слыхом не слышать, а нонче русский дух воочью проявляется! Что, Иван-царевич, от дела лытаешь али дела пытаешь?

— Ах, красная девица, иду искать матушку.

— Твоя матушка у моего отца, у Ворона Вороновича; и хитер он, и мудёр, по горам, по долам летал, по вертепам, по облакам носился! Эх, царевич, ведь он тебя убьет! Вот тебе клубочек, ступай-ка ты к меньшей моей сестре — что она тебе скажет: вперед ли идти, назад ли вернуться?

Приходит Иван-царевич к золотому царству; там сидят тридцать три девицы-колпицы, полотенца вышивают. Всех выше, всех лучше царевна золотого царства — такая краса, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Говорит она:

— Здравствуй, Иван-царевич! Куда идешь, куда путь держишь?

— Иду матушку искать.

— Твоя матушка у моего отца, у Ворона Вороновича; и хитер он, и мудёр, по горам, по долам летал, по вертепам, по облакам носился. Эх, царевич, ведь он тебя убьет! На тебе клубочек, ступай в жемчужное царство: там твоя мать живет. Увидя тебя, она возрадуется и тотчас прикажет: няньки-мамки, подайте моему сыну зелена вина. А ты не бери; проси, чтоб дала тебе трехгодовалого вина, что в шкапу стоит, да горелую корку на закусочку. Не забудь еще: у моего батюшки есть на дворе два чана воды — одна вода сильная, а другая малосильная; переставь их с места на место и напейся сильной воды.

Долго царевич с царевной разговаривали и так полюбили друг друга, что и расставаться им не хотелось; а делать было нечего — попрощался Иван-царевич и отправился в путь-дорогу.

Шел, шел, приходит к жемчужному царству. Увидала его мать, обрадовалась и крикнула:

— Мамки-няньки! Подайте моему сыну зелена вина.

— Я не пью простого вина, подайте мне трехгодовалого, а на закуску горелую корку.

Выпил трехгодовалого вина, закусил горелую коркою, вышел

на широкий двор, переставил чаны с места на место и принялся сильную воду пить.

Вдруг прилетает Ворон Воронович; был он светел, как ясный день, а увидел Ивана-царевича — и сделался мрачней темной ночи; опустил к чану и стал тянуть бессильную воду.

Тем временем Иван-царевич пал к нему на крылья; Ворон Воронович взвился высоко-высоко, носил его и по долам, и по горам, и по вертепам, и облакам и начал спрашивать:

— Что тебе нужно, Иван-царевич? Хочешь — казной наделю?

— Ничего мне не надобно, только дай мне посошок-перышко.

— Нет, Иван-царевич! Больно в широки сани садишься.

И опять понес его Ворон по горам и по долам, по вертепам и облакам. Иван-царевич крепко держится; налег всею своей тяжестью и чуть-чуть не обломил ему крылья. Вскрикнул тогда Ворон Воронович:

— Не ломай ты мои крылышки, возьми посошок-перышко!

Отдал царевичу посошок-перышко; сам сделался простым вороном и полетел на крутые горы.

А Иван-царевич пришел в жемчужное царство, взял свою матушку и пошел в обратный путь; смотрит — жемчужное царство клубочком свернулося да вслед за ним покатилося.

Пришел в золотое царство, потом в серебряное, а потом и в медное, взял и повел с собою трех прекрасных царевен, а те царства свернулись клубочками да за ними ж покаталися. Подходит к релям и затрубил в золотую трубу.

— Братцы родные! Если живы, меня не выдайте. Братья услыхали трубу, ухватились за рели и вытащили на белый свет душу красную девицу, медного царства царевну; увидели ее и начали меж собою ссориться: один другому уступить ее не хочет.

— Что вы бьетесь, добрые молодцы! Там есть еще лучше меня красная девица.

Царевичи опустили рели и вытащили царевну серебряного царства. Опять начали спорить и драться; тот говорит:

— Пусть мне достанется!

А другой:

— Не хочу! Пусть моя будет!

— Не ссорьтесь, добрые молодцы, там есть краше меня девица.

Царевичи перестали драться, опустили рели и вытащили царевну золотого царства. Опять было принялись ссориться, да царевна-красавица тотчас остановила их:

— Там ждет ваша матушка!

Вытащили они свою матушку и опустили рели за Иваном-царевичем; подняли его до половины и обсекли веревки. Иван-царевич полетел в пропасть, крепко ушибся и полгода лежал без памяти; очнувшись, посмотрел кругом, припомнил все, что с ним сталося, вынул из кармана посошок-перышко и ударил им о землю. В ту ж минуту явилось двенадцать молодцев.

— Что, Иван-царевич, прикажете?

— Вынести меня на вольный свет.

Молодцы подхватили его под руки и вынесли на вольный свет.

Стал Иван-царевич про своих братьев разведывать и узнал, что они давно поженились: царевна из медного царства вышла замуж за среднего брата, царевна из серебряного царства — за старшего брата, а его нареченная невеста ни за кого не идет. И вздумал на ней сам отец-старик жениться; собрал думу, обвинил свою жену в совете со злыми духами и велел отрубить ей голову; после казни спрашивает он царевну из золотого царства:

— Идешь за меня замуж?

— Тогда пойду за тебя, когда сошьешь мне башмаки без мерки.

Царь приказал клич кликать, всех и каждого выспрашивать: не сошьет ли кто царевне башмаков без мерки?

На ту пору приходит Иван-царевич в свое государство, нанимается у одного старичка в работники и посылает его к царю:

— Ступай, дедушка, бери на себя это дело. Я тебе башмаки сошью, только ты на меня не сказывай.

Старик пошел к царю:

— Я-де готов за эту работу взяться.

Царь дал ему товару на пару башмаков и спрашивает:

— Да потрафишь ли ты, старичок?

— Не бойся, государь, у меня сын чеботарь.

Воротясь домой, отдал старичок товар Ивану-царевичу, тот изрезал товар в куски, выбросил за окно, потом растворил золотое царство и вынул готовые башмаки:

— Вот, дедушка, возьми, отнеси к царю.

Царь обрадовался, пристаёт к невесте:

— Скоро ли к венцу ехать?

Она отвечает:

— Тогда за тебя пойду, когда сошьешь мне платье без мерки.

Царь опять хлопочет, собирает к себе всех мастеровых, дает им

большие деньги, только чтоб платье без мерки сшили. Иван-царевич говорит старику:

— Дедушка, иди к царю, возьми материю, я тебе платье сошью, только на меня не сказывай.

Старик поплелся во дворец, взял атласов и бархатов, воротился домой и отдал царевичу. Иван-царевич тотчас за ножницы, изрезал на клочки все атласы и бархаты и выкинул за окно; растворил золотое царство, взял оттуда что ни есть лучшее платье и отдал старику:

— Неси во дворец!

Царь радехонек.

— Что, невеста моя возлюбленная, не пора ли нам к венцу ехать?

Отвечает царевна:

— Тогда за тебя пойду замуж, когда возьмешь старикова сына да велишь в молоке сварить.

Царь не задумался, отдал приказ — и в тот же день собрали со всякого двора по ведру молока, налили большой чан и вскипятили на сильном огне.

Привели Ивана-царевича; начал он со всеми прощаться, в землю кланяться; бросили его в чан: он раз нырнул, другой нырнул, выскочил вон — и сделался таким красавцем, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Говорит царевна:

— Посмотри-ка, царь! За кого мне замуж идти: за тебя ли, старого, или за него, доброго молодца?

Царь подумал: «Если и я в молоке искупаюсь, таким же красавцем сделаюсь!»

Бросился в чан и сварился в молоке.

А Иван-царевич поехал с царевной из золотого царства венчаться; обвенчались и стали жить-поживать, добра наживать.

НИКИТА КОЖЕМЯКА

Около Киева проявился змей, брал он с народа поборы немалые: с каждого двора по красной девке; возьмет девку, да и съест ее.

Пришел черед идти к тому змею царской дочери. Схватил змей царевну и потащил ее к себе в берлогу, а есть ее не стал: красавица собой была, так за жену себе взял.

Полетит змей на свои промыслы, а царевну завалит бревнами, чтоб не ушла. У той царевны была собачка, увязалась с нею

из дому. Напишет, бывало, царевна записочку к бабушке с ма-тушкой, навяжет собачке на шею; а та побежит, куда надо, да и ответ еще принесет.

Вот раз царь с царицею и пишут к царевне: узнай, кто силь-нее змея?

Царевна стала приветливей к своему змею, стала у него допы-тываться, кто его сильнее. Тот долго не говорил, да раз и пробол-тался, что живет в городе Киеве Кожемяка — тот и его сильнее.

Услыхала про то царевна, написала к бабушке: сыщите в го-роде Киеве Никиту Кожемяку да пошлите его меня из неволи выручать.

Царь, получивши такую весть, сыскал Никиту Кожемяку да сам пошел просить его, чтобы освободил его землю от лютого змея и выручил царевну.

В ту пору Никита кожи мял, держал он в руках двенадцать кож; как увидал он, что к нему пришел сам царь, задрожал со страху, руки у него затряслись — и разорвал он те двенадцать кож. Да сколько ни упрашивал царь с царицею Кожемяку, тот не пошел супротив змея.

Вот и придумали собрать пять тысяч детей малолетних, да и заставили их просить Кожемяку; авось на их слезы сжалобится!

Пришли к Никите малолетние, стали со слезами просить, чтоб шел он супротив змея. Прослезился и сам Никита Кожемя-ка, на их слезы глядя. Взял триста пуд пеньки, насолил смолою и весь-таки обмотался, чтобы змей не съел, да и пошел на него.

Подходит Никита к берлоге змеиной, а змей заперся и не выходит к нему.

— Выходи лучше в чистое поле, а то и берлогу размечу! — сказал Кожемяка и стал уже двери ломать.

Змей, видя беду неминуемую, вышел к нему в чистое поле.

Долго ли, коротко ли бился с змеем Никита Кожемяка, толь-ко повалил змея. Тут змей стал молить Никиту:

— Не бей меня до смерти, Никита Кожемяка! Сильней нас с тобой в свете нет; разделим всю землю, весь свет поровну: ты бу-дешь жить в одной половине, а я в другой.

— Хорошо, — сказал Кожемяка, — надо межу проложить.

Сделал Никита соху в триста пуд, запряг в нее змея, да и стал от Киева межу пропахивать; Никита провел борозду от Киева до моря Кавстрийского.

— Ну, — говорит змей, — теперь мы всю землю разделили!

— Землю разделили, — проговорил Никита, — давай море делить, а то ты скажешь, что твою воду берут.

Въехал змей на середину моря. Никита Кожемяка убил и утопил его в море. Эта борозда и теперь видна; вышиною та борозда двух сажен. Кругом ее пашут, а борозды не трогают; а кто не знает, от чего эта борозда, — называет ее валом.

Никита Кожемяка, сделавши святое дело, не взял за работу ничего, пошел опять кожи мять.

СКАЗКА О МОЛОДЦЕ-УДАЛЬЦЕ, МОЛОДИЛЬНЫХ ЯБЛОКАХ И ЖИВОЙ ВОДЕ

Один царь очень устарел и глазами обнищал, а слышал он, что за девять девятин, в десятом царстве, есть сад с молодильными яблоками, а в нем колодец с живою водою: если съест старику это яблоко, то он помолодеет, а водой этой помазать глаза слепцу — он будет видеть. У царя этого было три сына. Вот он посылает старшего на коне верхом в этот сад за яблоком и водой; царю хочется и молодым быть, и видеть. Сын сел на коня и отправился в далекое царство; ехал, ехал, приехал к одному столбу; на этом столбе написано три дороги: первая для коня сытна, а самому голодна, вторая — не быть самому живому, а третья — коню голодна, самому сытна.

Вот он подумал-подумал и поехал по сытной для себя дороге; ехал, ехал, увидел в поле хороший-расхороший дом. Он подъехал к нему, поглядел-поглядел, растворил ворота, шапки не ломал, головы не склонял, на двор вскакал. Хозяйка этого двора, баба-вдова, не только стара, молодца к себе звала: «Добро пожалуй, гость дорогой!» В избу его ввела, за стол посадила, всякого яства накрошила и питья медового перевдоволь натащила. Вот молодец нагулялся и свалился спать на лавке. Хозяйка ему говорит: «Не честь молодцу, не хвала удалцу ложиться одному! Ляжь с моею дочкою, прекрасною Дунею». Он тому и рад. Дуня говорит ему: «Ляжь ко мне плотней, будет нам теплей!» Он двинулся к ней и провалился сквозь кровать: там его заставили молоть сырой ржи, а вылезть оттуда не могли! Отец старшего сына ждал, ждал и ожиданье потерял.

Царь второго сына отправил, чтоб яблоко и воды ему доставил. Он держал тот же путь и напал на ту же участь, как и старший его брат. От долгого жданья сыновьев царь больно-больно загоревался.

Младший сын начал просить у отца позволения ехать в тот сад; а отец ни за что не хочет его отпустить и говорит ему: «Горе тебе, сынок! Когда старшие братья пропали, а ты молод, как вьюноша, ты скорее их пропадешь». Но он умоляет, отцу обещает, что он постарается для отца лучше всякого молодца. Отец думал, думал и благословил его на ту же дорогу. На пути до вдовина дома с ним случилось все то же, что и со старшими братьями. Подъехал он ко двору вдовину, слез с коня, постучал у ворот и спросился ночевать. Хозяйка обрадовалась ему, как и этим, просит его: «Добро пожалуй, гость наш нежданный!» Посадила его за стол, наставила всякого яства и питья, хоть завались! Вот он понаелся, хотел ложиться на лавке. Хозяйка и говорит: «Не честь молодцу, не хвала удалцу ложиться одному! Ляжь с моей прекрасною Дунею». А он говорит: «Нет, тетушка! Проезжему человеку не годится так, а надо в головы кулак, а под бок так. Если б ты, тетушка, баньку мне истопила и с твоей дочерью в нее пустила».

Вот вдова баню жарко-разжарко натопила и его с прекрасною Дунею туда проводила. Дуня такая же, как мать, злоехидна была, ввела его вперед и дверь в бане заперла, а сама в сенях покуда стала. Но молодец-удалец оттолкнул дверь и Дуню туда впер. У него было три прута: один железный, другой свинцовый, а третий чугунный, и начал этими прутьями Дуню хвостать. Она кричит, умоляет его; а он говорит: «Скажи, злая Дунька, куда девала моих братьев?» Она сказала, что у них в подполье мелют сырую рожь. Он пустил ее. Пришли в избу, навязали лестницу на лестницу и братьев оттуда вывели. Он их пустил домой; но им стыдно к отцу появиться — оттого, что с Дуней ложились и к черту не годились, и пошли они бродяжничать по полям и по лесам.

А молодец поехал дальше, ехал, ехал, подъехал к одному двору, вошел в избу: там сидит красна девица, ткет утирки. Он сказал: «Бог помочь тебе, красная девица!» А она ему: «Спасибо! Что, добрый молодец, от дела лытаешь или дело пытаешь?» — «Дело пытаю, красна девица! — сказал молодец. — Я еду за девять девятин, в десятое царство, в сад — за молодильными яблоками и за живой водой для своего старого и слепого батюшки». Она ему сказала: «Ну, мудро тебе, мудро-мудро добратся до этого сада; однако поезжай, на дороге живет другая моя сестра, заезжай к ней; она лучше меня знает и тебя научит, что делать». Вот он ехал, ехал до другой сестры, доехал; так же, как и с первой, поздоровался, рассказал ей об себе и куда едет. Она велела ему ос-

тавить своего коня у ней, а на ее двукрылом коне ехать к ее старшей сестре, которая научит, что делать: как побывать в саду и достать яблоко и воды. Вот он ехал, ехал, приехал к третьей сестре. Эта дала ему своего коня об четырех крыльях и приказала: «Смотри, в этом саду живет наша тетка, страшная ведьма; коли подъедешь к саду, не жалея моего коня, погоняй хорошенько, чтоб он сразу перелетел через стену; а если он зацепит за стену — на стене наведены струны с колокольчиками, струны заструнят, колокольчики зазвенят, она проснется, и ты от нее тогда не уедешь! У ней есть конь о шести крыльях; ты тому коню у крыльев подрежь жилки, чтоб она на нем тебя не догнала».

Он все так и сделал. Полетел через стену на своем коне, и конь хвостом зацепил не дюже за струну; струны заструнили, колокольчики зазвенели, но тихо: ведьма проснулась, да не разобрала хорошо голоса струн и колокольчиков, опять зевнула и уснула. А молодец-удалец с молодильным яблоком и живой водою ускакал; заезжая к сестрам, коней у них переменял и на своем опять помчался в свою землю. Поутру рано страшная ведьма заметила, что в саду у ней украдено яблоко и вода; она тут же села на своего шестикрылого коня, доскакала до первой племянницы, спрашивает ее: «Не проезжал ли тут кто?» Племянница сказала: «Проехал молодец-удалец, да уж давно!» Она поскакала дальше, спрашивает у другой и у третьей; те то же ей сказали. Она еще поскакала и чуть-чуть не догнала, но уж молодец-удалец на свою землю пробрался и ее не опасался: сюда она скакать не смела, только на него посмотрела, от злости захрипела и так ему задела: «Ну, хорош ты, вор-воришка! Хороша твоя успешка! От меня успел ты ускакать, зато от братьев тебе непременно пропасть!» Так ему наворожила и домой поворотила.

Удалец наш приезжает в свою землю, видит — братья его, бродяги, в поле спят. Он пустил своего коня, не стал их будить, сам лег около и уснул. Братья проснулись, увидали, что брат их воротился в свою землю, легонько вынули у него, сонного, из пазухи молодильное яблоко, а его взяли да и бросили в пропасть. Он летел туда три дня, упал в подземельное темное царство, где люди все делают с огнем. Вот он куда ни пойдет — все люди такие кручинные и плачут. Он спрашивает об их кручине. Ему сказали, что у царя их одна и есть дочь — прекрасная царевна Полюша, и ее-то поведут завтра к змею на съедение; в этом царстве каждый месяц дают семиглавому змею по девице: так уж и ве-

дется очередь девицам — уж такой у них закон! Ныне наступила очередь до царской дочери. Вот наш молодец узнал хорошенько об этом и пошел прямо к царю, говорит ему: «Я спасу, царь, твою дочь от змея, только ты сам сделай мне то, о чем буду тебя после просить». Царь обрадовался, обещал все для него сделать и выдать за него замуж свою дочь.

Вот пришел тот день: повели прекрасную царевну Полюшу к морю, в трехстенную крепость, а с нею пошел удалец. Он взял с собою железную палку в пять пудов. Остались там двое с царевной ждать змея; ждали, ждали, кой о чем покуда погутарили. Он ей рассказал о своем походе и что у него есть живая вода. Вот молодец сказал прекрасной царевне Полюше: «Поищи покуда у меня в голове вши, а коли я усну и прилетит змей, то буди меня моей палкою, а так меня не добудишься!» — и лег к ней на колени. Она стала искать у него в голове; он уснул. Прилетел змей, начал виться над царевною. Она стала будить молодца, толкать его руками, а палкой ударить (как он велел) ей жалко; не добудилась и заплакала; слеза ее капнула ему на лицо — он проснулся и вскрикнул: «О, как ты меня чем-то гоино обожгла!» А змей стал уж спускаться на них. Молодец взял свою пятипудовую палку; махнул ею — и вдруг отшиб змею пять голов, в другой махнул наотмашь — и отшиб две последние; собрал все эти головы, положил их под стену, а туловище бросил в море.

Но какой-то баловня-детина видел все это и легонечко из-за стены подкрался, отсек молодцу голову и бросил его в море, а прекрасной царевне Полюше велел сказать отцу ее, царю, что он ее устерег, а если она так не скажет, то он ее задушит. Делать нечего. Полюша поплакала-поплакала, и пошли они к отцу, царю. Царь их встрел. Она ему сказала, что этот детина ее уберег. Царь невесть как рад, тут же начал собирать свадьбу. Гости наехали из иных земель: цари, короли да принцы, все пьют, гуляют и веселятся; одна царевна кручинна, зайдет где под сараем в уголок и заливается там горючими слезами о своем молодце-удальце.

Вот и вздумала она попросить своего батюшку, чтоб он послал ловить в море рыбу, и сама она пошла с рыболовами к морю; затащили невод, вытащили рыбы и бознать сколько! Она поглядела и сказала: «Нет, это не моя рыба!» Затащили в другой, вытащили голову и туловище молодца-удальца. Полюша скорей подбежала к нему, нашла у него в пазухе пузырек с живой водой,

приставила к туловищу голову, примочила водой из пузырька — он и оживел. Она ему рассказала, как ее хочет взять постылый для нее детина. Удалец утешил ее и велел идти домой, а он сам придет и знает, что делать.

Вот пришел удалец в царску палату, там все гости пьяные — играют да пляшут. Он сказался, что умеет играть песни на разные голоса. Ему все рады, заставили играть. Он заиграл им прежде веселую какую-то, прибасную — гости так и растаяли, что больно гоино играет, дружка дружке расхвалили его; а там он заиграл кручинную такую, что все гости заплакали. Вот удалец спросил царя, кто уберет его дочь? Царь сказал, что этот детина. «Ну-ка, царь, пойдём к той крепости и со всеми гостями твоими; коли он достанет там змеиные головы, так я поверю, что он спас царевну Полюшу». Пришли все к крепости. Детина тянул, тянул и ни одной головы не вытянул, больно ему не под мочь. А молодец лишь взялся — и вытянул. Тут и царевна рассказала всю правду, кто ее устерег. Все признали, что удалец устерег цареву дочь; а детину привязали коню за хвост и размыкали по полю.

Царю хочется, чтоб молодец-удалец женился на его дочери; но удалец говорит: «Нет, царь, мне ничего не надо, а только вынеси меня на наш белый свет; я еще не dokonчил свой ответ батюшке, он меня теперь с живою водою ждет — ведь он слепым живет». Царь не может пригадать, как его на белый свет поднять; а дочь не хочет расстаться — захотела с ним подняться <...>

Тут пошли они домой. Отец, нашенский царь, их встрел, обрадовался невесть как! Удалец видит, что отец его от того яблока помолодел, но все еще слеп. Он тотчас помазал ему глаза живой водой. Царь стал видеть; тут он расцеловал своего сына-удальца и его невесту из темного царства. Удалец рассказал, как братья унесли у него яблоко и бросили его в подземелье. Братья так испугались — ино в реку покидались! А удалец на той царевне Полюше женился и раздиковинную пирушку сделал; я там обедал, мед пил, а уж какая у них капуста — ино теперь в роте пусто!

ЖАР-ПТИЦА И ВАСИЛИСА-ЦАРЕВНА

В некотором царстве, за тридевять земель — в тридесятом государстве жил-был сильный, могучий царь. У того царя был стрелец-молодец, а у стрельца-молодца конь богатырский. Раз поехал стрелец на своем богатырском коне в лес поохотиться; едет он

Рисунки Е. Я. Пошивалова

дорогою, едет широкою — и наехал на золотое перо жар-птицы: как огонь перо светится!

Говорит ему богатырский конь:

— Не бери золотого пера; возьмешь — горе узнаешь!

И раздумался добрый молодец — поднять перо аль нет? Коли поднять да царю поднести, ведь он щедро наградит; а царская милость кому не дорога?

Не послушался стрелец своего коня, поднял перо жар-птицы и подносит царю в дар.

— Спасибо! — говорит царь. — Да уж коли ты достал перо жар-птицы, то достань мне и самую птицу; а не достанешь — мой меч, твоя голова с плеч!

Стрелец залился горькими слезами и пошел к своему богатырскому коню.

— О чем плачешь, хозяин?

— Царь приказал жар-птицу добыть.

— Я ж тебе говорил: не бери пера, горе узнаешь! Ну, да не бойся, не печалься: это еще не беда, беда впереди! Ступай к царю, проси, чтоб к завтраму сто кулей белойрой пшеницы было по всему чистому полю разбросано.

Царь приказал разбросать по чистому полю сто кулей белойрой пшеницы.

На другой день на заре поехал стрелец-молодец на то поле, пустил коня по воле гулять, а сам за дерево спрятался.

Вдруг зашумел лес, поднялись волны на море — летит жар-птица; прилетела, спустилась наземь и стала клевать пшеницу. Богатырский конь подошел к жар-птице, наступил на ее крыло копытом и крепко к земле прижал, стрелец-молодец выскочил из-за дерева, прибежал, связал жар-птицу веревками, сел на лошадь и поскакал во дворец.

Приносит царю жар-птицу; царь увидал, возрадовался, благодарил стрельца за службу, жаловал его чином и тут же задал ему другую задачу:

— Коли ты сумел достать жар-птицу, так достань же мне невесту: за тридцать земель, на самом краю света, где восходит красное солнышко, есть Василиса-царевна — ее-то мне и надобно. Достанешь — златом-серебром награжу, а не достанешь — то мой меч, твоя голова с плеч!

Залился стрелец горькими слезами, пошел к своему богатырскому коню.

— О чем плачешь, хозяин? — спрашивает конь.

— Царь приказал добыть ему Василису-царевну.

— Не плачь, не тужи; это еще не беда, беда впереди! Ступай к царю, попроси палатку с золотою маковкой да разных припасов и напитков на дорогу.

Царь дал ему и припасов, и напитков, и палатку с золотою маковкой. Стрелец-молодец сел на своего богатырского коня и поехал за тридевять земель.

Долго ли, коротко ли — приезжает он на край света, где красное солнышко из синя моря восходит. Смотрит, а по синю морю плывет Василиса-царевна в серебряной лодочке, золотым веслом попихается.

Стрелец-молодец пустил своего коня в зеленых лугах гулять, свежую травку щипать; а сам разбил палатку с золотой маковкою, расставил разные кушанья и напитки, сел в палатке — угощается, Василисы-царевны дожидается.

А Василиса-царевна усмотрела золотую маковку, приплыла к берегу, выступила из лодочки и любится на палатку.

— Здравствуй, Василиса-царевна! — говорит стрелец. — Милости просим хлеба-соли откусать, заморских вин испробовать.

Василиса-царевна вошла в палатку; начали они есть-пить, веселиться. Выпила царевна стакан заморского вина, опьянела и крепким сном заснула.

Стрелец-молодец крикнул своему богатырскому коню, конь прибежал; тотчас снимает стрелец палатку с золотой маковкою, садится на богатырского коня, берет с собою сонную Василису-царевну и пускается в путь-дорогу, словно стрела из лука.

Приехал к царю; тот увидал Василису-царевну, сильно возрадовался, благодарил стрельца за верную службу, наградил его казною великою и пожаловал большим чином.

Василиса-царевна проснулась, узнала, что она далеко-далеко от синего моря, стала плакать, тосковать, совсем из лица переменялась; сколько царь ни уговаривал — все понапрасну.

Вот задумал царь на ней жениться, а она и говорит:

— Пусть тот, кто меня сюда привез, поедет к синему морю, посреди того моря лежит большой камень, под тем камнем спрятано мое подвенечное платье — без того платья замуж не пойду!

Царь тотчас за стрельцом-молодцом:

— Поезжай скорей на край света, где красное солнышко восходит; там на синем море лежит большой камень, а под камнем

спрятано подвенечное платье Василисы-царевны; достань это платье и привези сюда; пришла пора свадьбу играть! Достанешь — больше прежнего награжу, а не достанешь — то мой меч, твоя голова с плеч!

Залился стрелец горькими слезами, пошел к своему богатырскому коню. «Вот когда, — думает, — не миновать смерти!»

— О чем плачешь, хозяин? — спрашивает конь.

— Царь велел со дна моря достать подвенечное платье Василисы-царевны.

— А что, говорил я тебе: не бери золотого пера, горе наживешь! Ну, да не бойся: это еще не беда, беда впереди! Садись на меня, да поедем к синю морю.

Долго ли, коротко ли — приехал стрелец-молодец на край света и остановился у самого моря; богатырский конь увидел, что большущий морской рак по песку ползет, и наступил ему на шейку своим тяжелым копытом. Возговорил морской рак:

— Не дай мне смерти, а дай живота! Что тебе нужно, все сделаю.

Отвечал ему конь:

— Посреди синя моря лежит большой камень, под тем камнем спрятано подвенечное платье Василисы-царевны; достань это платье!

Рак крикнул громким голосом на все сине море; тотчас море всколыхалось: сползли со всех сторон на берег раки большие и малые — тьма-тьмуцая! Старшой рак отдал им приказание, бросились они в воду и через час времени вытащили со дна моря, из-под великого камня, подвенечное платье Василисы-царевны.

Приезжает стрелец-молодец к царю, привозит царевнино платье; а Василиса-царевна опять заупрямилась.

— Не пойду, — говорит царю, — за тебя замуж, пока не ве-лишь ты стрельцу-молодцу в горячей воде искупаться.

Царь приказал налить чугунный котел воды, вскипятить как можно горячей да в тот кипяток стрельца бросить. Вот все готово, вода кипит, брызги так и летят; привели стрельца.

«Вот беда, так беда! — думает он. — Ах, зачем я брал золотое перо жар-птицы? Зачем коня не послушался?»

Вспомнил про своего богатырского коня и говорит царю:

— Царь-государь! Позволь перед смертью пойти с конем по-прощаться.

— Хорошо, ступай попрощайся!

Пришел стрелец к своему богатырскому коню и слезно плачет.

— О чем плачешь, хозяин?

— Царь велел в кипятке искупаться.

— Не бойся, не плачь, жив будешь! — сказал ему конь и наскоро заговорил стрельца, чтобы кипяток не повредил его белому телу.

Вернулся стрелец из конюшни; тотчас подхватили его рабочие люди — и прямо в котел; он раз-другой окунулся, выскочил из котла — и сделался таким красавцем, что ни в сказке сказать, ни пером написать.

Царь увидал, что он таким красавцем сделался, захотел и сам искупаться; полез с дуру в воду и в ту ж минуту обварился.

Царя схоронили, а на его место выбрали стрельца-молодца; он женился на Василисе-царевне и жил с нею долгие лета в любви и согласии.

БЕЗНОГИЙ И БЕЗРУКИЙ БОГАТЫРЬ

Задумал царевич жениться, и невеста есть на примете — прекрасная царевна, да как достать ее? Много королей и королевичей, и всяких богатырей ее сватали, да ничего не взяли, только буйные головы на плахе сложили; и теперь еще торчат их головы на ограде вокруг дворца гордой невесты. Закручинился, запечалился царевич; не ведает, кто бы помог ему?

А тут и выискался Иван Голый — мужик был бедный, ни есть, ни пить нечего, одежда давно с плеч свалилася. Приходит он к царевичу и говорит:

— Самому тебе не добыть невесты, и коли один поедешь свататься — буйну голову сложишь! А лучше поедем вместе; я тебя из беды выручу и все дело устрою; только обещай меня слушаться!

Царевич обещал ему исполнять все его советы, и на другой же день отправились они в путь-дорогу.

Вот и приехали в иное государство и стали свататься. Царевна говорит:

— Надо наперед у жениха силы пытаться. Позвала царевича на пир, угостила-употчевала; после обеда начали гости разными играми забавляться.

— А принесите-ка мое ружье, с которым я на охоту езжу, — приказывает царевна.

Растворились двери — и несут сорок человек ружье не ружье, а целую пушку.

— Ну-ка, нареченный жених, выстрели из моего ружьяца.

— Иван Голый, — крикнул царевич, — посмотри, годится ли это ружье?

Иван Голый взял ружье, вынес на крылечко, пнул ногою — ружье полетело далеко-далеко и упало в сине море.

— Нет, ваше высочество! Ружье ледащее, куда из него стрелять такому богатырю! — докладывает Иван Голый.

— Что ж это, царевна? Али ты надо мной смеешься? Приказала принести такое ружье, что мой слуга ногой пнул — оно в море упало!

Царевна велела принести свой лук и стрелу. Опять растворились двери, сорок человек лук со стрелой принесли.

— Попробуй, нареченный жених, пусти мою стрелку.

— Эй, Иван Голый! — закричал царевич. — Посмотри, годится ли лук для моей стрельбы?

Иван Голый натянул лук и пустил стрелу; полетела стрела за сто верст, попала в богатыря Марка Бегуна и отбила ему обе руки. Закричал Марко Бегун богатырским голосом:

— Ах ты, Иван Голый! Отшиб ты мне обе руки; да и тебе беды не миновать!

Иван Голый взял лук на колено и переломил надвое:

— Нет, царевич! Лук ледащий — не годится такому богатырю, как ты, пускать с него стрелы.

— Что же это, царевна? Али ты надо мной потешаешься? Какой лук дала — мой слуга стал натягивать да стрелу пускать, а он тут же пополам изломился?

Царевна приказала вывести из конюшни своего ретивого коня.

Ведут коня сорок человек, едва на цепях сдержать могут: столь зол, неукротим!

— Ну-ка, нареченный жених, прогуляйся на моем коне, я сама на нем каждое утро катаюся.

Царевич крикнул:

— Эй, Иван Голый! Посмотри, годится ли конь под меня!

Иван Голый прибежал, начал коня поглаживать, гладил, гладил, взял за хвост, дернул — и всю шкуру содрал.

— Нет, — говорит, — конь ледащий! Чуть-чуть за хвост пошевелил, а с него и шкура слетела.

Царевич начал жаловаться:

— Эх, царевна! Ты все надо мной насмешку творишь; вместо богатырского коня клячу вывела.

Царевна не стала больше пытаться царевича и на другой день вышла за него замуж. Обвенчались они и легли спать; царевна положила на царевича руку — он еле выдержать смог, совсем задыхаться стал.

«А, — думает царевна, — так ты этакий богатырь! Хорошо же, будете меня помнить».

Через месяц времени собрался царевич с молодой женою в свое государство ехать.

Ехали день, и два, и три и остановились лошадям роздых дать. Вылезла царевна из кареты, увидала, что Иван Голый крепко спит, тотчас отыскала топор, отсекла ему обе ноги, потом велела закладывать лошадей, царевичу приказала на запятки стать и воротилась назад в свое царство, а Иван Голый остался в чистом поле.

Вот однажды пробежал по этому полю Марко Бегун, увидел Ивана Голого, побратался с ним, посадил его на себя и пустился в дремучий, темный лес.

Стали богатыри в том лесу жить, построили себе избушку, сделали тележку, добыли ружье и зачали за прелестной птицей охотиться. Марко Бегун тележку возит, а Иван Голый сидит в тележке да птиц стреляет: той дичиною круглый год питались.

Скучно им показалось, и выдумали они украсть где-нибудь девку от отца, от матери; поехали к одному священнику и стали просить милостыньку. Поповна вынесла им хлеба и только подошла к тележке, как Иван Голый ухватил ее за руки, посадил рядом с собой, а Марко Бегун во всю прыть побежал, и через минуту очутились они дома в своей избушке.

— Будь ты, девица, нам сестрицею, готовь нам обедать и ужинать да за хозяйством присматривай.

Жили они втроем тихо и мирно, на судьбу не жаловались.

Раз как-то отправились богатыри на охоту, целую неделю домой не бывали, а воротившись — едва свою сестру узнали: так она исхудала!

— Что с тобой сделалось? — спрашивают богатыри.

Она в ответ рассказала им, что каждый день летает к ней змей; оттого и худа стала.

— Посто́й же, мы его поймаем!

Иван Голый лег под лавку, а Марко Бегун спрятался в сенях за двери.

Прошло с полчаса, вдруг деревья в лесу зашумели, крыша на избе пошатнулась — прилетел змей, ударился о сырую землю и сделался добрым молодцем, вошел в избушку, сел за стол и требует закусить чего-нибудь. Иван Голый ухватил его за ноги, а Марко Бегун навалился на змея всем туловищем и стал его давить; порядком ему бока намял!

Притащили они змея к дубовому пню, раскололи пень надвое, защемили там его голову и начали стегать прутьями.

Проситя змей:

— Отпустите меня, сильномогучие богатыри! Я вам покажу, где мертвая и живая вода.

Богатыри согласились.

Вот змей привел их к озеру; Марко Бегун обрадовался, хотел было прямо в воду кинуться, да Иван Голый остановил.

— Надо прежде, — говорит, — испробовать. Взял зеленый прут и бросил в воду — прут тотчас сгорел. Принялись богатыри опять за змея; били его, били, едва жива оставили.

Привел их змей к другому озеру; Иван Голый поднял гнилушку и бросил в воду — она тотчас пустила ростки и зазеленела листьями. Богатыри кинулись в это озеро, искупались и вышли на берег молодцы молодцами; Иван Голый — с ногами, Марко Бегун — с руками. После взяли змея, притащили к первому озеру и бросили прямо вглубь — только дым от него пошел!

Воротились домой; Марко Бегун был стар, отвез поповну к отцу, к матери и стал жить у этого священника, потому что священник объявил еще прежде: кто мою дочь привезет, того буду кормить и поить до самой смерти. А Иван Голый добыл богатырского коня и поехал искать своего царевича.

Едет чистым полем, а царевич свиной пасет.

— Здорово, царевич!

— Здравствуй! А ты кто такой?

— Я Иван Голый.

— Что завираешься! Если б Иван Голый жив был, я бы не пас свиной.

— И то конец твоей службе!

Тут они поменялись одежею; царевич поехал вперед на богатырском коне, а Иван Голый вслед за ним свиной погнался.

Царевна увидала его, выскочила на крыльцо:

— Ах ты, неслух! Кто тебе велел свиней гнать, когда еще солнце не село? — И стала приказывать, чтоб сейчас же взяли пастуха и выдрали на конюшне.

Иван Голый не стал дожидаться, сам ухватил царевну за косы и до тех пор волочил ее по двору, пока не покаялась и не дала слова слушаться во всем мужа. После того царевич с царевною жили в согласии долгие годы, и Иван Голый при них служил.

ДОБРОЕ СЛОВО

Жил-был Иван Несчастный: куда ни пойдет работать — другим дают по рублю да по два, а ему все двугривенный.

— Ах, — говорит он, — али я не так уродился, как другие люди? Пойду-ка я к царю да спрошу: отчего мне счастья нет?

Вот приходит к царю.

— Зачем, брат, пришел?

— Так и так, рассудите: отчего мне ни в чем счастья нет?

Царь созвал своих бояр и генералов, стал их спрашивать: они думали-думали, ломали-ломали свои головы, ничего не придумали. А царевна выступила, да и говорит отцу:

— А я так думаю, батюшка: коли его женить, то, может, и ему господь пошлет иную долю.

Царь разгневался, закричал на дочь:

— Когда ты лучше нас рассудила, так ступай за него замуж!

Тотчас взяли Ивана Несчастливого, обвенчали с царевною и выгнали обоих вон из города, чтоб об них и помину не было.

Пошли они на взморье. Говорит царевна своему мужу:

— Ну, Иван Несчастный, нам не царевать, не торговать, надо о себе промышлять. Сделай-ка ты на этом месте пустыньку, станем жить с тобой, богу молиться да на людей трудиться.

Иван Несчастный сделал пустыньку и остался в ней жить с молодой женою.

На другой день дает ему царевна копеечку:

— Поди купи шелку!

Из того шелку она важный ковер вышила и послала мужа продавать.

Идет Иван Несчастный с ковром в руках, а навстречу ему старик:

— Что, продаешь ковер?

— Продаю.

— Что просишь?

— Сто рублей.

— Ну, что тебе деньги! Возьмешь — потеряешь; лучше отдай ковер за доброе слово.

— Нет, старичок! Я человек бедный, деньги надобны.

Старик заплатил сто рублей; а Иван Несчастный пошел домой, приходит, хватить — денег нету, дорогою выронил.

Царевна другой ковер сделала; понес Иван Несчастный продавать его и опять повстречал старика.

— Что за ковер просишь?

— Двести рублей.

— Ну что тебе деньги! Возьмешь — потеряешь; отдай лучше за доброе слово.

Иван Несчастный подумал-подумал:

— Так и быть, сказывай!

— Подними руку, да не опусти, а сердце скрепи! — сказал старик, взял ковер и ушел.

«Что же мне делать теперь с этим добрым словом? Как покажусь к жене с пустыми руками? — думает Иван Несчастный. — Лучше пойду куда глаза глядят!»

Шел, шел, далеко зашел и услышал, что в той земле двенадцатиглавый змей людей пожирает; сел Иван Несчастный на дороге — отдохнуть вздумал, и говорит сам с собой вслух:

— Эхма! Будь у меня деньги, сумел бы я с этим змеем справиться, а теперь что? Без денег и разума нет.

Шел мимо купец, услышал эти речи, что без денег и разума нет. «А что, — думает, — ведь и правда! Дай-ка я ему помогу».

— Сколько тебе, — спрашивает, — денег надобно?

— Дай пятьсот рублей.

Купец дал ему займы пятьсот рублей, а Иван Несчастный бросился на пристань, нанял работников и начал корабль строить.

Издержал все деньги, а дело еще в начале: как быть? Пошел к купцу:

— Давай, — говорит, — еще пятьсот; не то работа остановится, и твои деньги задарма пропадут!

Купец дал ему другие пятьсот рублей; он и те в корабль всадил, а дело еще на половине. Опять приходит Иван Несчастный к купцу:

— Давай, — говорит, — еще тысячу; не то работа остановится, и твои деньги задарма пропадут!

Купец хоть не рад, а дал ему тысячу. Иван Несчастный выстроил корабль, нагрузил его угольем, забрал с собой кирки, лопатки, меха, рабочих людей и поплыл в открытое море.

Долго ли, коротко ли — приплывает он к тому острову, где было змеиное логовище. Змей только что нажрался и залег в своей норе спать.

Иван Несчастный засыпал его кругом угольем, развел огонь и давай раздувать мехами: пошел великий смрад по всему морю! Змей лопнул... Иван Несчастный взял тогда острый меч, отрубил ему все двенадцать голов и в каждой змеиной голове нашел по драгоценному камушку.

Вернулся из похода, продал эти камушки за несчетные суммы — так разбогател, что и сказать не можно! Заплатил купцу свой долг и поехал к жене.

Вот приезжает Иван Несчастный в пустыньку и видит; жена его живет с двумя молодцами, а то были его законные сыновья близнецы (без него родились). Пришла ему в голову худая мысль, схватил он острый меч и поднял на жену руку... Вмиг припомнилось ему доброе слово: подними руку, да не опусти, а сердце скрепи! Иван Несчастный скрепил свое сердце, спросил царевну про тех молодцев, и начался у них пир, веселье.

На том пиру и я был, мед-вино пил, калачами заедал.

ДУРАК И БЕРЕЗА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был старик, у него было три сына: двое — умных, третий — дурак. Помер старик, сыновья разделили именье по жеребью: умным досталось много всякого добра, а дураку один бык — и тот худой! Пришла ярмарка; умные братья собираются на торг ехать. Дурак увидал и говорит:

— И я, братцы, поведу своего быка продавать. Зацепил быка веревкою за рога и повел в город.

Случилось ему идти лесом, а в лесу стояла сухая береза; ветер подует — и береза заскрипит.

«Почто береза скрипит? — думает дурак. — Уж не торгует ли моего быка?»

— Ну, — говорит, — коли хочешь покупать — так покупай; я не прочь продать! Бык двадцать рублей стоит; меньше взять нельзя... Вынимай-ка деньги!

Береза ничего ему не отвечает, только скрипит; а дураку чудится, что она быка в долг просит.

— Изволь, я подожду до завтраго!

Привязал быка к березе, распрощался с нею и пошел домой. Вот приехали умные братья и стали спрашивать:

— Ну что, дурак, продал быка?

— Продал.

— За дорого?

— За двадцать рублей.

— А деньги где?

— Денег еще не получал; сказано — завтра приходить.

— Эх ты — простота!

На другой день поутру встал дурак, снарядился и пошел к березе за деньгами. Приходит в лес — стоит береза от ветру качается, а быка нету; ночью волки съели.

— Ну, земляк, подавай деньги, ты сам обещал, что сегодня заплатишь.

Ветер подул — береза заскрипела, а дурак говорит:

— Ишь ты какой неверный! Вчера сказывал: завтра отдам, и нонче то же сулишь! Так и быть, подожду еще один день, а уж больше не стану — мне самому деньги надобны.

Воротился домой. Братья опять к нему пристают:

— Что, получил деньги?

— Нет, братцы, пришлось еще денек подождать.

— Да кому ты продал?

— Сухой березе в лесу.

— Экой дурак!

На третий день взял дурак топор и отправился в лес. Приходит и требует деньги. Береза скрипит да скрипит.

— Нет, земляк, коли будешь все завтраками потчевать, так с тебя никогда не получишь. Я шутить-то не люблю, живо с тобой разделаюсь!

Как хватит ее топором — так щепки и посыпались во все стороны. В той березе было дупло, а в том дупле разбойники спрятали полный котел золота. Распалось дерево надвое, и увидел дурак чистое золото; нагреб целую полу и потащил домой; принес и показывает братьям.

— Где ты, дурак, добыл столько?

— Земляк за быка отдал; да тут еще не сполна все, чай и половины домой не притащил! Пойдем-ка, братцы, забирать остальное!

Пошли в лес, забрали деньги и несут домой.

— Смотри же, дурак, — говорят умные братья, — никому не сказывай, что у нас столько золота.

— Небось не скажу!

Вдруг попадается им навстречу дьячок:

— Что вы, ребята, из лесу тащите?

Умные говорят:

— Грибы.

А дурак поперечит:

— Врут они! Мы деньги несем; вот, посмотри!

Дьячок так и ахнул, бросился к золоту и давай хватать пригоршнями да в карман совать. Дурак рассердился, ударил его топором и убил до смерти.

— Эх, дурак! Что ты наделал? — закричали братья. — Сам пропадешь и нас загубишь! Куда теперь мертвое тело девать?

Думали, думали и стащили его в пустой погреб, да там и бросили.

Поздно вечером говорит старший брат среднему:

— Дело-то выходит неладно! Как станут про дьячка разыскивать, ведь дурак все расскажет. Давай-ка убьем козла да схороним в погребе, а мертвое тело зароем в ином месте.

Дождались они глухой ночи, убили козла и бросили в погреб, а дьячка снесли в иное место и зарыли в землю.

Прошло несколько дней, стали про дьячка везде разыскивать, у всех спрашивать; дурак и отозвался:

— На что он вам? А намерен я его топором убил, а братья на погреб снесли.

Тотчас ухватились за дурака:

— Веди, показывай!

Дурак полез в погреб, достал козлиную голову и спрашивает:

— Ваш дьячок черный?

— Черный.

— И с бороною?

— Да, и с бороною.

— И рога есть?

— Какие там рога, дурак!

— А вот смотрите! — И выбросил голову.

Люди смотрят — как есть козел, плюнули дураку в глаза и разошлись по домам. Сказке конец, а мне меду корец.

КАК МУЖ ОТУЧИЛ ЖЕНУ ОТ СКАЗОК

Жил себе дворник. Он имел у себя жену, которая страсть как любила сказки, и запретила она пуцать к себе в постояльщики тех, кто не умел сказки сказывать. Ну, разумеется, мужу то убыточно, он и думает: «Как бы мне жену отучить от сказок!»

Вот однажды в зимнюю пору, поздно ночью, идет себе старичок, весь иззяб, и просится переночевать. Муж выбегает к нему.

— А что, — говорит, — умеешь ты сказки сказывать? Жена не велит пуцать никого, кто не умеет сказки сказывать.

Мужик видит — дело плохо, от холода чуть не мерзнет.

— Умею, — говорит.

— А долго будешь сказывать?

— Да всю ночь.

— Ну, вот хорошо.

Впустили мужика. Муж говорит:

— Ну, жена, вот мужик посулился всю ночь сказывать сказки, да только с тем, чтоб поперечки ему не делать и не перебивать.

Мужик говорит:

— Да, поперечки не делать, а то сказывать не буду.

Вот поужинали, легли спать; мужик и начал:

— Летела сова мимо сада, села на колоду, выпила воду; летела сова мимо сада, села на колоду, выпила воду...

И пошел твердить все одно и то же:

— Летела сова мимо сада, села на колоду, выпила воду...

Хозяйка слушала, слушала, да и говорит:

— Что же это за сказка, все одно и то же твердит!

— Так для чего же ты меня перебиваешь? Ведь я говорил, чтобы мне поперечки не делать; ведь это так уж сказка сказывается вначале, а там пойдет другое.

Вот муж, услышавши это, а ему то и нужно было, скочил с лавки и давай жену колотить:

— Тебе сказано, чтоб ты не поперечила! И сказку не дала кончить!

Уж он бил-бил, бил-бил, так что жена возненавидела сказки и с тех пор зареклась сказки слушать.

II.

Татьяна Пухова,

*кандидат филологических наук,
Воронежский государственный университет*

НОСИТЕЛЬНИЦА СКАЗОЧНОГО ФОЛЬКЛОРА

(Фольклористы 20–30-х годов о творчестве
А.К. Барышниковой (Куприянихи))

В конце 20-х — начале 30-х годов прошлого века развернулась бурная деятельность по сбору фольклорного материала, как воронежскими исследователями, так и учеными из Москвы и Ленинграда. В 1925 году в Землянский район Воронежской области приехала этнографическая экспедиция из Ленинграда, во главе с известной ленинградской фольклористкой, диалектологом и этнографом Надеждой Павловной Гринковой.

Анна Куприяновна Барышникова (1868–1954) происходила из семьи сказочников: и ее отец Куприян, и ее дед Левон были известными во всей округе сказочниками. Жизнь Анны Куприяновны была безрадостной и трудной. Она рано вышла замуж за бедного сельского парня и скоро овдовела, оставшись с пятью детьми. Ей приходилось не только непосильно работать, но и нищенствовать.

Суровая жизнь не дала Куприянихе возможности развить яркий самобытный талант русской сказочницы. Она осталась даже неграмотной, так как девочек-крестьянок в то время не учили. Но свой интерес она пронесла через свою тяжелую жизнь.

Именно Надежде Павловне Гринковой посчастливилось «открыть» Анну Куприяновну Барышникову (Куприяниху), удалось записать от нее 56 сказок, три из которых впоследствии были напечатаны в сборнике «Русская сказка», вышедшем в 1932 году в издании «Academia». А уже в 1937 году вышел сборник «Сказки Куприянихи», куда вошли 69 её сказок.

Мы предлагаем Вашему вниманию статью Надежды Павловны Гринковой «Сказки Куприянихи», опубликованную в 1926 году в сборнике «Художественный фольклор». В статье говорится о личности Анны Николаевны, о том, как проходила запись ее сказок, об источниках ее творчества.

* * *

В сентябре 1933 года в Воронежскую область из Москвы выехала группа фольклористов (А.М. Новикова, И.А. Оссовецкий) для изучения сказочного мастерства Анны Куприяновны Барышниковой. К ним присоединились сотрудники кафедры литературы педагогического института во главе с зав. кафедрой профессором Ильей Павловичем Плотниковым. В ее родном селе Большая Верейка сказочница поведала слушателям не только сказки, но и песни, пословицы, поговорки.

Вскоре Анна Куприяновна была приглашена кафедрой литературы ВГПИ и Воронежским отделением Союза писателей СССР в Воронеж, где выступала перед большой аудиторией. В течение 10 дней пребывания Куприянихи в Воронеже коллектив фольклористов пединститута вел записи ее сказок.

В 1936 году сказочница побывала в Москве, выступала в Московском институте истории, философии и литературы, в Государственном литературном музее, Союзе советских писателей, в Художественном и Малом театре. Всюду ее выступления проходили с большим успехом.

Записанный сказочный материал А.К. Барышниковой был включен в книгу, вышедшую под редакцией проф. И.П. Плотникова в 1937 году — «Сказки Куприянихи». Записи сказок, статья о творчестве Анны Куприяновны и комментарии к сказкам были сделаны А.М. Новиковой и И.А. Оссовецким. Из 116 сказок, записанных исследователями, в сборник включено 69. Более всего в репертуаре А.К. Барышниковой социально-бытовых сказок — 36, причем она почти всегда заостряла социальный смысл сказки, 8 сказок о животных и 25 волшебных, или как их называли тогда составители сборника — «фантастических» — сказок. Традиционные герои волшебных сказок у Куприянихи показываются в разнообразных сюжетных ситуациях, украшены меткими сравнениями и метафорами, оживлены рифмой. Печатались сказки без сохранения точной фонетической записи, что сильно бы затруднило чтение, но с сохранением диалектизмов в тексте некоторых сказок. Сказки А.К. Барышниковой полны экспрессией, они необычайно красочны, богаты красным словом, насыщены юмором.

Мы приводим здесь статью А.М. Новиковой и И.А. Оссовецкого «Творчество Куприянихи» из сборника «Сказки Куприянихи» 1937 года. Статья посвящена анализу своеобразия «фантастических» (волшебных) и бытовых сказок, а также анализу художественного мастерства сказок Анны Куприяновны Барышниковой.

* * *

Издание сказок Куприянихи продолжилось в последующие предвоенные годы. В 1936 году Областное книгоиздательство, Воронежское отделение ССП совместно с пединститутом (образованном на базе педагогического факультета ВГУ) организовали экспедицию в Богучарский, Нижнедевицкий и другие районы области. Результатом работы экспедиции

стал сборник «Песни и сказки Воронежской области», вышедший в 1940 году.

В составе экспедиции работали А.М. Новикова, И.А. Оссовецкий, М.А. Певцов, А.В. Мухин, В.П. Дорохов, С.А. Ананьин. Раздел «Песни» и комментарии к нему составлены А.М. Новиковой и И.А. Оссовецким, раздел «Частушки», в основном, — А.В. Мухиным. Большинство сказок дано в записях В.А. Тонкова. Редактировали сборник академик Ю.М. Соколов и С.И. Минц.

Профессор Н.П. Гринкова во вступительной статье «Воронежский фольклор», говоря о сказках Куприянихи и А.Н. Корольковой, отмечала: «Работа в области собирания произведений народного творчества показала, что в Воронежской области фольклор бьет ключом. Стоит вспомнить хотя бы такое событие, как награждение орденом Трудового Красного Знамени сказочницы Анны Куприяновны Барышниковой, крестьянки села Б.Верейка Землянского района. Существование сказочницы с большим репертуаром сказок говорит о стойкости фольклорной традиции, о стойком интересе среди народных масс к этому виду народного творчества.

А.К. Барышникова, конечно, не единственная носительница сказочного фольклора в области. Несомненный интерес представляют включенные в настоящий сборник сказки А.Н. Корольковой, публикуемые впервые» («Песни и сказки Воронежской области», 1940, с. 22).

В сборник вошли 47 свадебных, 41 любовных, 20 семейно-бытовых, 18 сатирических, 10 солдатских песен, песни о революции и гражданской войне, народные переделки литературных произведений, частушки и сказки (11 волшебных, 1 сказка о животных, 3 социально-бытовые сказки). Из 14 сказок, вошедших в сборник, 5 были записаны от Анны Куприяновны Барышниковой («Как братья правду искали», «Иван-болтун», «Золотой колодец», «Барин и швец», «Умная жена»). Экспедиция выявила и записала репертуар неизвестных ранее сказителей К.П. Свиридова («Бедняк Алексей»), Т.А. Сафонова («Елена Прекрасная», «О царевне и храбром воине»), С.В. Трухачева («Царица-волшебница»). 4 сказки записаны от Анны Николаевны Корольковой («Еруслан Лазаревич», «Сестрица Аленушка», «Мальчик-с-пальчик», «Овсинка»).

Военные годы также отразились в творчестве Анны Николаевны Барышниковой. «Великая Отечественная война застала Анну Куприяновну дома, быстрое наступление фашистов летом 1942 года не позволило ей уйти на восток за Дон. Эти полгода под оккупацией прошли для нее очень тяжело, побывала в концлагере, голодала, видела смерть и издевательства. Боясь расправы, она жила под фамилией своего отца Колотнева у знакомой женщины в селе Русская Хованка. В январе 1943 года Воронеж был освобожден, а за ним освобождение пришло и на территорию области. С орде-

Анна Куприяновна Барышникова
(Куприяниха)

ном на груди встречала Анна Куприяновна первых красноармейцев в селе, некоторые ее даже узнавали по тем фотографиям, которые были напечатаны в довоенных газетах. Вернувшись домой, она написала новую сказку «Как немецкий генерал к партизанам в плен попал». (Из статьи В. Ряполова, С. Ряполова. Дар рассказывать сказки. // Еженедельник «Русь», 05.08.2014. — http://riarus.ru/articles/velikie-provintsialy/dar-rasskazyvat-skazki-/?sphrase_id=361). Эта сатирическая сказка была записана Вячеславом Алексеевичем Тонковым в 1944 году и вошла в сборник «Народное творчество в дни Великой Отечественной войны», 1951 года.

В последующие годы в течение 2-й половины XX века выходило много изданий сказок Куприянихи, но все они были даны в литературной обработке для детского чтения.

Последнее научное издание ее сказок произошло в 2007 году. Записи сказок Куприянихи 20–40-х годов были подготовлены, снабжены подробными комментариями и изданы в 2007 году в серии «Полное собрание русских сказок»: Барышникова А.К. Сказки Куприянихи. Записи 1925 — 1942 годов / [Сост., вступ. ст., коммент. М.А. Никифоровой]. — СПб.: Тропа Троянова, 2007. — 365 с. — (Полное собрание русских сказок / А.А. Шевцов, Е.Н. Самойленко. Довоенные собрания; Т. 14).

* * *

Предлагаемые читателю статьи Н.П. Гринковой, А.М. Новиковой и И.А. Оссовецкого не только являются глубоким исследованием творчества сказочницы Анны Куприяновны Барышниковой, но и ценным свидетельством эпохи 20-30-х годов, жизни страны в то сложное, непростое время.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гринкова Н.П. Сказки Куприянихи // Художественный фольклор. — 1926. — [кн.] 1. — С. 81–98.
2. Гринкова Н.П. О записи сказок в Воронежской губернии в 1926 г. // Сказочная комиссия в 1926 г. — Л., 1927, С. 38–45.
3. Барышникова А.К. Сказки Куприянихи / Запись сказок, ст. о творчестве Куприянихи и комм. А.М. Новиковой и И.А. Оссовецкого; Вступ. статья и общ. ред. проф. И.П. Плотникова. — Воронеж: Ворон. обл. кн-во, 1937. — 270 с.
4. Гринкова Н.П. Воронежский фольклор. // Песни и сказки Воронежской области. Сборник составили А.М. Новикова, И.А. Оссовецкий, А.В. Мухин, В.А. Тонков. Под ред. Ю.М. Соколова и С.И. Минц. Вступит. статья Н.П. Гринковой. — Воронеж, 1940. — С. 5–27.
5. Песни и сказки Воронежской области. Сборник составили А.М. Новикова, И.А. Оссовецкий, А.В. Мухин, В.А. Тонков. Под ред. Ю.М. Соколова и С.И. Минц. Вступит. статья Н.П. Гринковой. — Воронеж, 1940. — 244 с.
6. Народное творчество в годы Великой Отечественной войны. Составил В.А. Тонков. — Воронежское областное книгоиздательство, 1951. — 140 с.
7. Барышникова А.К. Сказки Куприянихи. Записи 1925–1942 годов / [Сост., вступ. ст., коммент. М.А. Никифоровой]. — СПб.: Тропа Троянова, 2007. — 365 с. — (Полное собрание русских сказок / А.А. Шевцов, Е.Н. Самойленко. Довоенные собрания; Т. 14).
8. В. Ряполов, С. Ряполов. Дар рассказывать сказки. // Еженедельник «Русь», 05.08.2014. (http://riarus.ru/articles/velikie-provintsialy/dar-rasskazyvat-skazki-/?sphrase_id=361).

Н.П. Гринкова

СКАЗКИ КУПРИЯНИХИ

Подлинную, традиционную народную сказку во всей ее художественной красоте найти в деревне сегодняшнего дня сравнительно трудно. Это уже вымирающий вид народного творчества, который через несколько десятков лет, со смертью ее теперешних носителей, исчезнет, и для науки о народном творчестве ускользнет этот во многих отношениях ценный и невосстановимый материал. Сказка старая, традиционная уже не может звучать в устах нового поколения, в большинстве случаев грамотного, имеющего возможность находить удовлетворение своих эстетических потребностей в книге. Жизнь принимает другие формы, и искусство вместе с ней отходит от старой формы и старых сюжетов.

Главными носителями сказки в настоящее время чаще всего являются представители старого поколения, старого мировоззрения, ценящие неписаную поэтику старинной сказки и песни.

Летом 1925 года на мою долю выпало большое счастье для собирателя — встретиться со сказочницей, хранительницей большого числа прекрасных старинных сказок. В селе Б. Верейка б. Землянского (теперь Воронежского) уезда, Воронежской губернии мне удалось записать от Анны Куприяновны Барышниковой (по прозвищу «Куприянихи», или «тетки Анютки») 56 сказок.

Найти сказочника довольно трудно, но разговорить его и получить возможность записать от него большое число сказок еще труднее. Поездка за собиранием сказок в глазах местного населения — вещь фантастическая и нелепая, попросту собирателю не верят, что он действительно за этим приехал. В этом отношении нам работать было легче, так как сказка была лишь одним из наших многочисленных заданий. Сближению с населением вообще, и со сказочницей в частности, в значительной степени содействовал наш фотографический аппарат и, в особенности, сбор коллекций для Этнографического Отдела Русского Музея. Видя реальное проявление наших интересов к познанию быта данного района, население невольно верило в серьезность нашей работы и как-то невольно само шло нам навстречу. Поездка за одним только фольклорным материалом никогда не будет казаться важной в глазах местного населения и не встретит никакого сочувствия. Видя, сколько времени и внимания употреблялось нами на составление планов, чертежей, на фотографирование, на выбор приобретаемых для музея предметов, все невольно начинали чувствовать, что наша работа не праздное занятие, не забава, а какое-то нужное, хотя не совсем понятное дело, которому по силам и по возможности можно помочь, да в добавок за это получить фотографическую карточку...

...В силу этих условий работа с моей сказочницей оказалась сравнительно легкой, не требовавшей больших усилий, чтобы заставить ее рассказывать мне сказки. Ввиду того интереса, который представляет Куприяниха как незаурядная носительница определенного вида народного творчества, в настоящей статье попытаюсь дать характеристику только сказочницы и ее сказок, не касаясь общего вопроса о жизни сказки в уезде и не затрагивая других сказочников.

А.К. Барышникова — вдова, 50 лет, неграмотная, родом из соседне-

го сельца Архангельского, принадлежавшего помещику Сурикову. Выдана была замуж в однодворческое село Б. Верейку. Куприяниха рано овдовела и одна вырастила трех дочерей и сына, который в настоящее время имеет кузницу. Живет она с женатым сыном и замужней дочерью в одном доме, младшая дочь выдана замуж в это же село. В летнее время взрослые члены семьи на работе, а старуха остается дома с двумя грудными внучками, поэтому заполучить ее для записей было не так-то просто — весь дом, скотина и двое ребят оставались на ее руках.

Куприяниха очень живая, бодрая, приветливая и общительная старуха. С первого дня знакомства с ней удалось наладить работу и дружеские отношения, продолжавшиеся и укреплявшиеся в течение двухнедельного пребывания в с. Б. Верейка. В своем громадном селе (4,5 тысячи жителей) она слывет лучшей рассказчицей и лучшим знатоком песен. Кроме сказок, от нее записан свадебный обряд со всеми песнями, пропетыми для меня ею и ее дочерьми во время моих записей, записано несколько заговоров, весенние обряды с песнями и т. п. Для нашей работы знакомство с Куприянихой было настоящим кладом, и мы не раз благодарили случайную встречу с ней в первый же день работы в селе. Она с первой беседы как-то сразу поняла, что нас интересует, что нам надо, и щедро сообщила все, что могла вспомнить и что успела за этот срок. Во время нашей работы ею был проявлен такой интерес к нашим сборам, какой редко приходилось встречать в крестьянской среде. В свободные дни, особенно в праздники, она ходила с нами в Архангельское, где стремилась показать все достопримечательное и объяснить непонятное. В выборе сюжетов для фотографирования она принимала самое горячее участие, и приходилось только пожалеть, что такой клад — неграмотная старуха, которая не может сама ничего ни собрать, ни записать.

При двухнедельном общении с Куприянихой стала понятной ее любовь к сказке и песне. Во всех случаях жизни проявляется ее художественная натура, смотрящая не безучастными глазами на все красивое. Приведу несколько примеров.

Весной старуха ходила в Воронеж пешком (45 верст) к какой-то городской знакомой, чтобы раздобыть семена махрового мака, который ей так нравится, и у нее одной только засеян им густой цветник под окнами избы. Старуха страшно любит цветы и заботится, чтобы их не помяли соседские ребята...

...На межах она любит, чтобы оставались нескошенными высокие кусты полыни, и удивляется, что другие стремятся оголить совершенно полосы и придать им унылый вид, а «ведь с травой-то лучше, живей, красивей», замечает она, проходя со мной по полю. И в пенье песни, и в рассказывании сказки проскальзывает ее любование красотами слова и напева.

Записи сказок производились у нее в избе и у нас в школе, наконец, на мельнице, куда она ходила молотить муку и, ожидая очереди, в стороне, в кустах, рассказала мне три сказки. Особенно удобно было записывать в школе, где не было хозяйственных забот, постоянно отвлекавших ее от рассказывания, и неожиданных назойливых посетителей, которые всегда являлись в ее избу, как только видели, что к Куприянихе зашли «питерские». Такие непрошеные посетители зачастую мешали работе, вставляя свои замечания, а иногда переводя разговор на другие темы. Большой помощью в работе было то, что сказочница сама стремилась от них отделаться и по возможности не отвлекалась от рассказывания, но такое втор-

жение в ее рассказ невольно вызывало перебои в стиле и в ходе рассказа. Поэтому я всегда старалась незамеченно через поле пройти в ее избу и сесть у простенка, чтобы меня не видно было в окно, и с большим усилием просиживала 3–4 часа в жаркий летний день в натопленной избе с закрытыми окнами и дверью. Заманчивые перспективы записи в прохладных сенях или в саду приходилось ради цельности текста отложить. Нужно отметить, что присутствие посторонних лиц, из ее семьи или моих спутниц, нисколько не смущало рассказчицу; в этом отношении на нее расхолаживающе действовала заходившая в избу молодежь, поднимавшая громкий, в большинстве случаев сочувственный смех при слушании сказки. Но производить записи исключительно в школе было невозможно ввиду того, что старуха весь день нужна дома. Чаще всего она являлась к нам поздно вечером, после возвращения домашних с поля и просиживала у нас далеко за полночь, мерно рассказывая за чаем одну за другой небылицы, с тем чтобы соснуть до рассвета часа два и опять приняться на целый день за работу по дому.

Рассказывает она свои сказки не торопясь, как бы согласуя ритм своего рассказа с движением карандаша настолько, что мне почти не приходилось просить ее подождать, не торопиться; в этом отношении ею была проявлена замечательная чуткость, избавившая меня в погоне за точностью текста от нарушения главных правил методики записи сказок. Благодаря этому мои записи представляют, за крайне небольшими исключениями, дословную передачу слышанных сказок. При записи удавалось воспроизвести также и главнейшие особенности говора, с которыми пришлось уже хорошо освоиться в течение месячного пребывания в пределах Воронежской губернии. Только в повторных местах, когда они передавались дословно, мною допущены сокращенные написания и в собственных именах...

...Большую помощь при записи оказывала Е.Э. Бломквист, сменявшая меня в те моменты, когда от усталости рука отказывалась двигать карандаш; ею записаны №№ 11, 23, 30 и конец № 27. Запись сказок велась почти ежедневно в течение двух недель.

Вспомнить всего сказочного запаса Куприяниха сразу не могла и вспоминала сказки постепенно; в этом отношении ей помогала и дочь, иногда в мое отсутствие записывавшая на стене заглавие сказки, а иногда, во время рассказывания, сама старуха оборвет рассказ и скажет: «Вот запишите про мыша с крысою и лягушонак». А придя в другой раз к нам, не будет рассказывать сказки, заглавие которых уже записано, а расскажет сначала ту, которую только что сейчас по дороге «надумала». Ночуя у нас, просыпается и просит записать заглавие, чтобы к утру его не забыть. «Вот как лажусь спать, многа их в халаве путаецца, а утром и забыла». Видно, давно не приходилось ей перетряхать своего репертуара, поэтому сказки выплывают постепенно одна за другой, и если бы мы пожили там месяц и больше, то, вероятно, выплыли бы еще новые сюжеты. Каждую сказку сначала вспомнит про себя вкратце, потом рассказывает. Интерес ее к работе простирался до того, что дома во время работы, поджидая моего прихода в назначенное время, припоминает сказку, чтобы при записи рассказать без запинки. И действительно, не было случая, чтобы при рассказывании она потеряла бы нить рассказа и остановилась, чтобы припомнить. Видно было, что самое рассказывание доставляло ей удовольствие, и такое внимание к ее сказкам с нашей стороны было ей ценно и дорого. Чувствовалось, что для старухи был своего рода праздник в те

часы, когда она рассказывала сказку за сказкой, найдя внимательного слушателя, высоко оценившего ее рассказы. «Теперь улица, а раньше одна забава — сказки», — с сожалением замечает она неоднократно. Вспоминает она с большим удовольствием, как она своим детям в долгие зимние вечера рассказывала сказки, удерживая их дома за какой-нибудь работой и не пуская надолго бегать по улице, так как у ребят одежка была плохая, росли без отца. А в избу наберется целая толпа соседских ребят, которые с большим увлечением слушали ее сказки, поэтому-то все соседи хорошо знают ее таланты в этом отношении и часто, зайдя в избу во время записывания, делали замечания, указывающие, что все они хорошо знают содержание той или другой сказки, может быть, не хуже самой сказочницы, но не имеют того дара, которым обладает Куприяниха, и не познали тех основных приемов, которые схематический, бесцветный рассказ превращают в художественную, ароматную сказку.

В своей семье сказочница встречает полное сочувствие; дочери помогают ей вспоминать сказки, которые они слышали от нее. Одна из них пыталась рассказывать, но, конечно, неудачно, превращая сказку в пересказ «своими словами»...

...Сын тоже рассказал нам 4 сказки, уступающих по художественности сказкам его матери. Репертуар сказок Куприянихи разнообразен: знает она в значительном количестве животные сказки, чудесные, бытовые, особенно про попов, передает и переделки литературных произведений. Сама ценит больше всего длинные, волшебные сказки, отмечая всегда, что данная сказка особенно хороша, особенно интересна.

В отдельных ее сказках нет нагромождения сюжета на сюжет, хотя некоторые из них довольно длинные. Каждая сказка, особенно волшебная, представляет самостоятельный и законченный сюжет. <...>

* * *

На вопросы об источнике своих сказок Куприяниха дает один ответ, что узнала сказки от своего отца. Отец ее, Куприян Леоныч Колотнев, был хороший знаток сказок и большой любитель рассказывать. Между крестьянским хозяйством он развозил муку по пекарням. Приедет вечером — «тот в пекарне дреме, другой дреме «Натаскайте кренделей сани — буду рассказывать», — натащут мешок, он и зачнет», — вспоминает об этом Куприяниха. «Бывала, сяде в ночь, гаварить, и все разное. Я дюже любила слухать». Одна из всей семьи она хорошо усвоила от отца сказки и с любовью их хранит и рассказывает.

Кроме отцовских сказок, вероятно, кое-что есть в ее репертуаре, усвоенное позднее, может быть, через детей, ходивших в школу. Сюда, по всей вероятности, следует отнести №№ 29, 33, 43, 49, не являющиеся традиционными по сюжету и по форме.

Рассказывает сказки с соблюдением всей «обрядности»; понимает рассказыванье как художественную передачу известного ей сюжета. Все действующие лица сказки говорят особым голосом, всегда отличишь, басыт ли это Иван-дурак, говорит ли с чувством, с толком, с расстановкой Иван-царевич или какой-нибудь другой герой и т. п.

<...>

Ряд сказок сопровождается в конце традиционными присказками.

Все это отмечено в сказках с чудесным элементом и изредка в бытовых. Сказки, очень близкие к реальному, всех этих украшений не имеют <...>.

Сказки Куприянихи старинные и традиционные не только по сюжету, но и по сказочному стилю. <...>

Но наряду с традиционными сказочными аксессуарами в стиле и словаре сказок Куприянихи можно отметить кое-что, попавшее за последние годы. Так у сказочных героев появляется «ливальвер», царь объявляет «ахвишкими», появляется полиция и в той же сказке милиция; в сказке «Брат и сестра» героиня объясняет, что у ней рук нет, т.к. «на машине была, да в барабан руки попали»; ... в той же сказке героиню с руками принимают за «копию» приезжей безрукой жены. Появляется и «мильоны», действие часто происходит на «публишном» или «бублишном» месте и т.п.

Интересно отметить, что в сказках Куприянихи, рассказанных мне, вовсе отсутствует порнографический элемент. В некоторых сказках, которые она рассказывает, обычно в устах других сказочников этот элемент присутствует, и зачастую вся соль сказки и заключается в нем. Несомненно, сказки отца, рассказывавшиеся ночью пекарям, носили несколько иной характер, а Куприяниха приспособила сказку для своей детской аудитории и хранит ее в таком виде до сих пор. В тех случаях, когда по стилю сказки нельзя обойтись без непечатных слов, Куприяниха скажет их, и сейчас же в свое оправдание прибавит: «Так уж в сказке говорится».

Одной из характернейших черт стиля сказок Куприянихи является наличие размеренной и рифмованной речи. <...> Несомненным следует считать, что из основного своего источника — из сказок отца — она усвоила этот своеобразный стиль. Лучшие сказки все пеэрят этой рифмовкой и, слушая в летний день в душей избе Куприяниху один на один, как-то невольнo представляешь себе ее отца-балагура, забавлявшего своим красноречием толпу собравшихся слушателей. В его исполнении так уместно это стремление вставить красное словцо, рассмешить слушателей метко в звуковом отношении вставленным созвучием, мерной, почти стихотворной речью. Чувствуется, что рассказчик большое внимание обращает на форму, на самое внешнее словесное проявление своего рассказа.

В устах самой Куприянихи эти «цветы красноречия» кажутся несколько неуместными, и хочется считать их взятыми от ее учителя в готовом виде как необходимую и неотъемлемую оболочку той или иной сказки. Недаром те рассказы, которые, по всей вероятности, она восприняла не от отца, чужды этого расцвечивания. <...>

Наряду с рифмой, которая естественно могла сложиться и в которой рифмуются близко стоящие слова развивающегося рассказа, можно отметить ряд рифм, введенных в сказку ради балагурства.

<...>

Как уже указывалось выше, почти все сказки свидетельствуют о том, что для рассказчицы внешняя оболочка сказки ценна и важна не менее самого сюжета и что Куприяниха с особым, свойственным ей художественным вкусом выбирает украшающие элементы из большого запаса поэтических средств, завещанных ей ее предшественниками — носителями и творцами сказочного творчества.

Настоящая заметка имеет целью дать характеристику одной сказочницы. Из таких характеристик отдельных носителей сказки должно получиться представление о том, как, каким образом и при каких условиях творится в настоящее и в недавнее прошлое время народная сказка...

...Несомненно, что еще много доживает таких теток Анюток, творцов и художников слова, ткущих из традиционных формул новую художественную ткань в своих закопченных избах на печке в зимние долгие вечера.

Пока еще не поздно, их нужно найти, собрать и описать все невиданные и неведомые сокровища этого творчества, чтобы выявить его во всем богатстве и многообразии.

Гринкова Н.П. Сказки Куприянихи // Художественный фольклор. — 1926. — [кн.] 1. — С. 81–98.

А.М. Новикова, И.А. Осовецкий

ТВОРЧЕСТВО КУПРИЯНИХИ

Объем сказочного репертуара Куприянихи очень велик. Нами записано 116 сказок, но этим её репертуар, по-видимому, не исчерпывается. Из 56 сказок по записи Гринковой нам неизвестны три сказки («Девка проклятая», «Теремок» и «Две девочки-сиротки»), которых Куприяниха теперь не могла вспомнить. Кроме того, при каждой новой встрече с нами Куприяниха обычно добавляет по две-три сказки. Свободно оперируя своим основным репертуаром, сказочница некоторые другие сюжеты вспоминает с трудом, лишь тогда, когда они ей случайно «набьгают», по ее выражению, в голову. Однако из этих сказок она рассказывает лишь те, которые она может рассказать по порядку, «рядышком», как она выражается. Много сказок, главным образом, о ведьмах и мертвецах, Куприяниха окончательно забыла, так как она их очень давно перестала рассказывать ввиду того, что ее основная аудитория — ребятишки — по ее словам, «дюза трашшаются» (пугаются). Некоторые же сказки Куприяниха вообще отказалась рассказывать, так как они, с ее точки зрения, неприличны, рассчитаны на «грохот», т.е. смех, потеху взрослой аудитории.

Помимо сказок, Куприяниха знает много песен, пословиц, загадок, поговорок и старинных частушек. Ни один из видов устной поэзии не прошел мимо нее. Она как истинный художник впитала в себя все богатство и многообразие местного фольклора, творчески переработала его и даже обогатила некоторыми литературными заимствованиями. Перед нами, таким образом, не только выдающаяся творческая индивидуальность, но и человек с огромной памятью, сумевший до старости сохранить почти весь свой репертуар, усвоенный в основном еще в детстве. Но все же главный и любимый ее жанр — сказки. В остальных же жанрах она не поднимается над средним уровнем исполнительства.

Как было уже сказано, сказочный репертуар Куприянихи очень обширен; он включает в себя многие виды сказок. В количественном отношении преобладают *бытовые* сказки. К ним относятся сказки о попах, глупом барине, затем сказки о бедных и богатых, сказки на бытовые темы и т.д. На втором месте в количественном отношении — *фантастические* сказки с различной тематикой. Сказки *о животных* занимают относительно скромное место — их не больше 10. И, наконец, есть у нее отдельные *приказки* (пригудки) юмористического характера. Некоторые из них носят явно выраженные следы былого профессионализма сказочников-

бахарей (привлечь внимание, настроить аудиторию на веселый лад, развлечь и т.д.).

Главное место в репертуаре Куприянихи занимают фантастические и бытовые сказки.

Трудно сказать, какой сказке Куприяниха отдает особое предпочтение, так как оба вида, несомненно, пользуются ее вниманием и любовью. С большим интересом она рассказывает фантастическую сказку, детально и неторопливо повествует о чудесных приключениях героя или героини, любовно расцвечивает свой сказ обрядовой фольклорной поэтикой, оживляя его рифмой и соответствующей интонацией. Но с неменьшим удовольствием и мастерством передает она похождения ловкого плута, умного работника, хитрого бедного мужика, которые всегда торжествуют над своими противниками: попом — незадачливым любовником, глупым баринном, попадшей, богатым мужиком. Здесь рассказ часто неожиданно вспыхивает искусным диалогом, меткими сравнениями, ядовитыми эпитетами.

Фантастические сказки Куприянихи — интересный материал для наблюдений. Они отличаются богатством художественных средств, ярким показом многих известных сказочных образов, которые вовсе не представляют собою бесплодную игру фантазии, а имеют определенный социально-исторический смысл. «Под каждым взлетом древней фантазии легко открыть ее возбудителя, а этот возбудитель всегда — стремление людей облегчить свой труд» (Горький).

С ходом исторического процесса, с развитием материального производства эти образы утрачивали свой первоначальный смысл и стали восприниматься как чисто-фантастические.

Все больше и больше развивается бытовая и сатирическая сказка, сказка-новелла, сказка-анекдот, более подвижная, более динамичная, более насыщенная конкретным социальным содержанием. Фантастическая сказка в это время значительно деформируется, насыщается реалистическим содержанием, ее форма частично разрушается.

Несомненно, что и фантастическая сказка, полученная Куприянихой в наследство от отца и деда, имела именно такой характер. Однако сказочная обрядность широко представлена в ее творчестве. У Куприянихи можно найти все особенности традиционной сказки. Прежде всего, бросается в глаза традиционность при анализе, композиции ее сказок. Здесь мы найдем зачин, концовку, традиционное развертывание сюжета. В зачине и концовке больше чем где-либо сохранились следы былого профессионализма (привлечь внимание слушателей, настроить на веселый лад, переключить их в мир чудесного и необычайного). Примером может служить зачин сказки 33 («Волк серай, смелай»).

(Эта и все последующие цитаты из сказок Куприянихи печатаются с сохранением фонетических особенностей).

«В невякатором царстве, в невякатором государстве, в том, в котором мы живем, под номером сядьмым, иде мы сядим, снег горел, соломой тушили, много народу покрушили, тем дела не ряшили».

В концовке Куприянихи почти всегда есть традиционный намек на угощение. Например:

«Живуть-поживають, добра наживають, я ж у них была и мед пила, по губам тьякло, а в рот не попало». (1. «Иван-болтун»).

В развертывании сюжета нередко встречаются все типичные особенности традиционной сказки. Рассказ ведется неторопливо, широко, с

«эпическим раздольем», с повторами. Примером может служить следующий отрывок из сказки (11. «Иван Водыч и Михаил Водыч»):

«Идут — ляжить заяц. Они намячаются яво бить, заяц им отвячая:
— Ня бейтя мне, я вам пригожусь.

Идут дальше — ляжить лиса. Намячаются они бить, лиса им говорить:

— Ня бейтя мне, я вам пригожусь!

Они прошли — ляжить волк. Они намячаются бить, но человеческим голосом говорить:

— Не бейтя мне, хлопцы, я вам пригожусь!...»

Почти в тех же выражениях описывается встреча со львом, «тигрой» и соколом.

Иногда повествование расчленяется. Например:

«Вот пришел в кабак и налил вина стакан. Взял ды яво в другую бутылку вылил, и как раз туды нужда попала. Попала туды нужда, он бутылку заткнул ды на могилу отнес и закопал. Закопал в могилу и стал он богатеть ды богатеть». (5. «Про нужду»).

Или:

«Переворотилси волк задом. Он на руку наматывает хвост. Намотал на руку хвост и давай яво по бокам хлястать аршином». (32. «Швец»).

Иногда такое замедление наблюдается и в диалоге, например:

«— Что ты плачешь, девушка?

— Ды как жа, нясчастья у мне такое...

— А что такое?

— Брат хочеть на мне жаниться». (12. «Данила»).

Очень часто встречаются в сказках так называемые общие места. Например:

«Прилятела Баба-яга,

— Русь-кость пахня!

— Ух, — говорить (красавица), — по Руси лятала и Руси набралась!

Она Ягу накормила, напоила и спать положила...» (12. «Данила»).

«Братья ушли. Выходит он (Иван-дурак) в поле, свистнул, крикнул своим тонким, громким голосом:

— Стань, конь, передо мной, как лист перед травой! В ухо влез, в другую вылез, стал кровь с молоком...» (6. «Иван-дурак»).

Речь героев также часто состоит из традиционных оборотов и словесных формул:

«— Ква-ква, Иван-царевич, что плачешь?

— Как жа ня плакать, батюшка приказал мне принести скатерть, а игде я ее возьму?

— Ну, Иван-царевич, ложись спать, утро мудрянея вечера.

Лег он спать, выходит Марья-царевна прекрасная, Василица, махнула рукавом:

— Мамки, няньки, собирайтея суда, ткать скатерть Ивану-царевичу» и т.д. (25. «Марья-царевна лягушчонка»).

Такого же характера диалог Аленушки и Иванушки (7. «Сестрица Аленушка»):

«— Сястрица Аленушка, хочетья напитокя!

— Братец Иванушка, солнышко высоко, колодец далеко, стоить волица — бычиное копытце, а нельзя в ней напитокя — бычком будешь!»

Традиционные образы тоже часто встречаются у Куприянихи. Герои фантастической сказки часто рождаются чудесным образом, совершают

ряд необыкновенных богатырских подвигов, причем трудности традиционно гиперболичны и возрастают до трех раз. Противники героев обладают чудесными свойствами: или это Змей — Горыныч или Баба-яга, костяная нога, или Кощей бессмертный. Герой неизменно оказывается победителем, добываясь победы при помощи чудесных предметов (например, сказка «Марья-царевна лягушчонка») или чудесных помощников (сказка «Иван-болтун», «Иван-дурак» и др.). Во многих случаях сохраняется тричность: герой борется с тремя противниками («Иван Водыч и Михаил Водыч»), выполняет три задачи («Марья-царевна лягушчонка»), три раза пытается достать себе в жены царевну («Иван-дурак») и т.д.

Иногда даже один образ распадается на три. Так, в сказке «Замороженная девочка Наташа» (24) вместо одного Мороза к девочке приходят целых три.

Часто тричность является усложненной: исполнение трех задач влечет за собой выполнение новых трех («Иван-болтун»).

Художественные средства тоже традиционны. Таковы, например, описания внешнего вида героев и предметов: Иван-дурак становится как «кровь с молоком», внешность героини характеризуется как «непомерная красота», герой делает такой красивый мост, что «ни пярком писать, ни топором отясать» и т.д. Иногда эти описания очень красивы. Например:

«— Ну, теперь, — говорить, — от моего дворца и до своего дворца сделай мост, чтобы не на перильцах, а на воздухе. По дорожке чтобы были яблоньки, на яблоньках чтобы были яблочки, яблочки чтобы спели, а соловьи чтобы пели. Краснобоконькие яблочки и однобоконькие, пташки чтобы распевали, пели соловьями и канарейками». (20. «Кот и кобель»).

«Вот поднялся вихорь, и пыль столбом, и конный топот. Лягушчонка едя в карете, все стоня ды гремить. У коней яё из-под копыта огонь брызжа, из ноздрей дым валить. Карета яё в золоте убрата, сама в драгацини вся наряженная». («Марья-царевна лягушчонка»).

В большинстве случаев все герои и героини по своему внешнему виду похожи друг на друга, все они красавцы и красавицы; сходны они и по своим внутренним качествам.

Эпитеты Куприяники обычны для фантастической сказки и мало оригинальны. Это обычные сказочные эпитеты, встречающиеся во многих вариантах: «премудрая нявеста», «горячая сляза», «жана молодая», «лес дрямучий», «красная ягодка», «золотой перстянек», «красота непомерная». Здесь у нее даже заметно особое пристрастие к традиционным постоянным эпитетам. Так, в сказке «Замороженная девочка Наташа» Наташа сидит под «зеленым дубком» и на «зеленой травке», хотя дело происходит зимой. Когда дочь сказочницы обратила внимание на это несоответствие, Куприяника ответила: «Няхай, оно так говорится». Такое же несоответствие в обращении цыгана к Змею, которого цыган называет «милым человеком» («Про цыгана и Змея», 22). В сказке «Сиротка-девочка» (2) героиню называют «рысь молода, рысь хороша», хотя она превращена в голубку.

Часто Куприяника употребляет двойные традиционные глаголы типа «ехали-ехали», «шли-шли». По этому же типу в ее предложениях сказуемое образуется из двойных нетрадиционных глаголов (о чем речь будет ниже). Наиболее полно сказочная обрядность представлена в сказках 1, 2, 6, 11, 12, 17, 20, 24, 25.

Эта сказочная обрядность не представляет собою чего-то застывшего и неподвижного. Как было сказано выше, фантастическая сказка с течением времени начинает терять свою абстрактность, наполняясь конкретным содержанием, приобретая наряду с традиционными чертами конкретные реалистические черты. Фантастическую сказку Куприянихи уже нельзя назвать традиционной в полном смысле этого слова, как это склонна утверждать Н.П. Гривкова («Художественный фольклор», 1 за 1926 г.). В фантастической сказке Куприянихи ясно заметен поворот к реализму. Эта тенденция к реализму, наметившаяся, судя по тематике, у ее отца и деда, у самой Куприянихи получила свое дальнейшее развитие, а ее бытовые сказки приобрели большую социальную заостренность.

В фантастическую сказку Куприянихи вторгается юмор и даже сатирические намеки на вполне конкретные социальные явления. Возьмем, например, сказку «Кот и кобель». В ней традиционный эпизод с проглатыванием щукой кольца получает неожиданную юмористически бытовую окраску. Щука оказывается «пьяницей», кольцо она несет в «кабак» пропивать, рак отнимает кольцо, предварительно ее «избузовав». Перед нами — реалистическая бытовая сценка, от фантастической сказки в ней только действующие лица. В сказке «Пышка-говорушка» (17) дается сатирическая картинка несправедного суда. Действующие лица в ней — птицы и звери, но сценка воспринимается как реалистическая.

Некоторые сказки окончательно утрачивают свой фантастический элемент, но не являются бытовыми в полном смысле. Такова, например, сказка «Капризная невеста» (44). Здесь герои — царь, царевич, царская дочь, т. е. типичные абстрактные образы фантастической сказки, но сказка уже не имеет никакого фантастического элемента. В других сказках действующие лица и обстановка принимают часто вполне конкретные локально-бытовые черты. Царство по своим размерам напоминает волость или район (герои, заблудившись в лесу, попадают в «другую царству»), на все царство оказывается один кабак, царь сам ездит за водкой, на балу у царя гостям подают щи и т. д. В сказках можно найти и отражение местного производства: в них очень часто фигурируют бахчи, прядение пряжи; описывая море, которое образовалось по мановению руки прекрасной Василицы. Куприяниха не забывает упомянуть о «скирдах», которые украшают берега. Абстрактные герои фантастической сказки иногда получают конкретные реалистические и даже психологические черты. Возьмем одну из наиболее традиционных по форме и содержанию сказок «Иван Водыч и Михаил Водыч». Два брата — главные герои сказки — имеют некоторые черты характера, позволяющие их отличить друг от друга. Иван Водыч более порывист, несдержан, даже ревнив; Михаил Водыч несколько более «лиричен», более впечатлителен (горе по поводу смерти брата).

Диалог у Куприянихи часто теряет свою условность и традиционность и превращается в реалистический. В виде примера можно указать на диалог из фантастической сказки «Сестра и двенадцать братьев» (13), который представляет собой обыкновенную разговорную речь:

«Приходить братья с охоты, ядрёные у них голоса и длинные волосы. Кто — лисицу, кто — зайца, кто — волка, у них дружная занятая была. То Иван когда сярдитой бывая, а то весело их встрывая.

Спрашивает больший брат:

— Иван, ай ты что знаешь?

— Чаво ж я буду знать? Вы охотитесь, вы ходитя, вы должны больше мово знать. Рассказитя, что видели, что слышали.

А сам улыбается.

— Не томи, брат, скажи, что ты знаешь.

Он усмехнулся:

— Ну, расскажу: живые мать и отец и сестра наша родная.

— А от кого ты мог знать?

Сестра не стярпела:

— Я, — говорить, — вас пришла проведать.

Те братья обрадовались...»

Этот диалог ничего не имеет общего с теми словесными формулами, которыми обмениваются герои сказок в приведенных выше цитатах. Между тем в этой сказке сестра и братья — царевна и царевичи — персонажи фантастической сказки.

Даже в одной и той же сказке наряду с традиционным диалогом встречается совсем нетрадиционный. Таков, например, разговор старика и старухи из сказки «Иван-болтун»:

«— Ну, старуха, принес я закуску!

— А чаво, старик, принес?

— Да вот, убил птичку на гнездышку, под ней двадцать одна яичка.

— А, — говорить, — кобель, ня надо так-то бить. Садись-ка на яйца, доведи-ка их до дела, а то ведь они сейчас насиженные, никуда ня годныя. Доводи их, — говорить, — до дела.

И птицу варить не хотела».

А вот второй диалог из той же сказки:

«— Вот тебе задача, чтобы ты шшыкатулку привез.

— Ой, батюшка, я не смогу!

— Мой меч — твоя голова с плеч! А привезть шшыкатулку!

Разговору больше нету. Тот заплакал и пошел к коню на совет:

— Ой, конь мой верный, вот мне бяда!

— Это бяда — не бяда, впереди будя бяда! Ляжись спать, утро мудрянея вечера...»

Из приведенных примеров ясно видно, что местами традиционная сказка у Куприянихи приобретает отдельные реалистические черты. Любопытно отметить, что вместо царя здесь фигурирует просто старик, который только впоследствии принимает типичные черты сказочного царя.

Такая эволюция традиционной сказки к реализму у Куприянихи называется и на формальных особенностях. Возьмем такие наиболее типичные части сказки, как зачин и концовка. Традиционные зачины во всем записанном нами репертуаре встречаются не более 10 раз. В публикуемых сказках «жили-были» встречается всего 4 раза (6, 27, 34, 39); а «в некотором царстве, в некотором государстве» — 3 раза (1, 47, 33). В последней сказке этот традиционный зачин разработан наиболее полно, но и в нем уже встречается вторжение новых слов (см. приведенный выше зачин к сказке «Волк серай, смелай», в котором слово «номер» явно позднейшего происхождения).

Часто традиционный зачин настолько деформирован, что уже не воспринимается как таковой, например: «жил мужик-пьяница» («Про нужду»), «жил бедный человек» («Кирик», 35), «вот стало-быть, был монастырь» («Монастырь-пьяница», 37), «вот, значить, жил бедный человек», («Как мужик свинью звал в кумы», 41) и т.д. Чаще же всего Куприяниха сразу вводит слушателя в гущу событий без всякого традиционного зачина. В качестве примера можно привести следующие начала сказок:

«Умирала мать, оставались у нее сын и дочь» («Данила»); «Девка при-

казывала жаниху читать над ней» («Про волшебницу девку», 4); «У девочки мать помярла. Жанился отец — стала у нее мачеха с тремя девочками» («Сиротка-девочка»); «Мать помярла и приказывала» («Брат с сестрой», 14); «У богатого мужика много скирдов было наставлено» («Пышка-говорушка», 17); «Старуха послала своего сына на базар купить ложки, дала яму сто рублей» («Кот и кобель»). Даже такая необыкновенно богатая традиционными приемами сказка, как «Иван Водыч и Михаил Водыч», не имеет никакого зачина в собственном смысле слова, а лишь следующее начало: «У попа была дявица престарелых лет».

Концовка тоже имеет у Куприянихи весьма своеобразное применение. Она в ее сказках обычно составная часть, но функции ее не всегда одинаковы. Иногда — это обычная традиционная концовка:

«Стали они жить, добра наживать, худо изживать. И я там была, мед пила, по губам тякло, а в рот не попало». («Пышка-говорушка», 17).

Но традиционные концовки редки. Чаще же Куприяниха вставляет в подобную концовку свои слова, например:

«Я там была, их сустрявала. А когда чай-то пила, по губам тякло, а в рот не попало. Вот и сказке конец». («Марья-царевна лягушчонка»).

«Ну, а когда я-то у них была, булки-то ела, ды в рот положить не успела — так мне скушать и не пришлось. Вот и басне конец». («Капризная невеста»).

«Я у них была, чай пила, такие они славные люди». («Иван дурак»).

«Вот когда они дялилися, жанилися, и я там была, мед пила, по губам тякло, а в рот не попало. А живуть хорошо, письма мне шлют, только они до мене не доходят». («Иван Водыч и Михаил Водыч»).

«Теперь живут-поживают. Я у них была, чай пила, спала на дубовой пярине. Спала я на ней, спала — все бока содрала» («Брат с сестрой»).

Наряду с традиционными концовками, Куприяниха широко пользуется концовками, представляющими собой как бы краткое выражение основной идеи сказки. Такое желание подчеркнуть идею сказки сообщает фантастическим сказкам поучительный характер, показывает отношение сказочницы к тому материалу, который она сообщает. В этом характерном изменении концовки опять-таки вскрывается не только внешнее, но и новое внутреннее идейное содержание фантастической сказки, сообщается ей новое социальное звучание. К таким концовкам относятся:

«Вот тебе за его ненависть» («Про нужду»); «Не делай зло людям, а зло все сабе» («Замороженная девочка Наташа»); «Потеда лиса лакомилась» («Как мужик ехал за рыбой», 30).

Часто концовка носит подытоживающий характер. Такие концовки также вовсе не традиционны. Например:

«Вот как он их чепушил. Уж они яво манежили, и он их произвел, потопил всех» («Шут Максим», 50).

Но иногда концовка чисто механическая («вся», «вся теперя», «вот и басне конец», «и вся сказка») или же в сказках вовсе нет концовки в собственном смысле слова («Как гармонист к чертям ходил» (10); «Сестра и двенадцать братьев» (13) и т.д.). Такие не «сказочные» концы чаще встречаются, конечно, в бытовых сказках, куда концовки традиционные вообще занесены, очевидно, по аналогии. Но и фантастические сказки встречаются, например, с таким окончанием: Так они все и погибли» («Железные зубы», 8); «И вся «Снегурушка» («Снегурочка», 21) и т.д.

Приведенные примеры с достаточной убедительностью показывают, что и зачин и концовка, представляющие собой наиболее традиционные,

устойчивые составные части фантастической сказки, у Куприянихи уже значительно деформированы или совсем отсутствуют. Особенно это относится, как указано выше, к зачину. Такое же явление, но в меньшей степени, мы наблюдаем и в самом развертывании сюжета. Например, принцип троичности выдерживается сказочницей не всегда последовательно. В сказке «Пышка-говорушка» сатана, к которому попадает герой, дает ему вместо обязательных трех задач только две; в сказке «Кот и кобель» герой с помощью волшебного кольца выполняет тоже только две задачи (строит дом и мост) и т.д. Однако этот процесс разрушения троичности пока только намечается, и наблюдений, подобных вышеприведенным, можно привести немного.

Эпическая неторопливость, замедленность и повторы являются характеристическими признаками фантастической сказки. Поэтому в сказках Куприянихи все эти приемы достаточно широко представлены. Однако нам думается, что эта эпическая неторопливость, эти повторы Куприянихой сохраняются преимущественно тогда, когда этого обязательно требует или общее место, или развитие традиционного сюжета. Когда же это давление традиции устраняется, темп повествования неожиданно ускоряется, развитие действия становится динамичным и очень подвижным. Об этом свидетельствует целый ряд примеров:

«Она Ягу накормила, напоила и спать положила. А сама в побег с этой донкою. Взяли шпотку, и взяли гряденку, и взяли утирку, и побягли.

А Яга учуяла, что они побягли, и в погон за ними. Она набягая. Кинули они гряденку — лес непереходимой.

Потом она лес этот подгрызла и опять нагоняя их. Кинули они шпотку — и неугасимый камыш. Бяжить Яга к камышу этому и опять грызеть. Вот чуютъ они — опять набягает вон. Зажгли, кинули утирку — она не могла через яё перелятеть. И убягли эти девки». («Данила»).

Таких примеров можно привести очень много.

Второй большой раздел творчества Куприянихи — бытовые сказки, которые в количественном отношении даже преобладают в ее репертуаре. К ним относятся социально-заостренные сатирические сказки о попах, глупом барине, о неправедных судьях, затем сказки о бедных и богатых, сказки, трактующие какие-либо бытовые проблемы, и т. д.

Значительное место в бытовых сказках Куприянихи занимают сказки антицерковные (и, в частности, антипоповские), в которых ядовито высмеиваются попы, с их жадностью, корыстолюбием, лицемерием и глупостью. Поп — неизменно отрицательная фигура во всех подобных сказках, причем сказочница ставит его в нарочито смешные и нелепые положения: или влюбленного попа сажают в дегтярную бочку («Поп-скука», 69), и он, напуганный и жалкий, становится похожим на черта, что, однако, только веселит сказочницу; или он «теляшом» сидит под печкой, откуда его выгоняют горячей кочергой («Как мужик шел из Воронежа», 40); или к нему прирастает бычачья шкура, и он вообще теряет человеческий облик («Кирик», 35), и т. д.

Сказочница не скупится на язвительные сатирические характеристики, отрицательные эпитеты, подбирает нарочито грубые слова. Например, поп «ползет, как все равно клоп», похож он на «старого чорта», у него не волосы, а «грива», в наказание его гоняли по миру, пока он не «издох». Жадность попов всячески подчеркивается. Вот, например, начало сказки «Жадный поп» (39):

«Жил-был жадный поп. Вот он жадовал. Пришла жниво. Кого ни станет нанимать — все дорого. Все хотелось бы яму за одни харчи».

В этой сказке образ попа, помимо жадности, наделяется чертами кулака-мироода. С особенным удовольствием Куприяниха показывает, как поп в конце концов остался в дураках.

Иногда Куприяниха говорит о распущенности духовенства вообще. В сказке «Монастырь пьяница» (37) показано, как пьянствуют все представители церковной иерархии: попы и сам «патриарх», который, по характеристике Куприяниха, такой же пьяница и «жулик», как и бродяга, выручивший его из беды.

Весьма охотно Куприяниха показывает неудачные любовные похождения попа или попадьи. Примером могут служить сказки: «Как попадьа дьякова любила» (36), «Поп-скука» (69) и др.

Попы не только пьянствуют и развратничают, но и ловко обделывают свои делишки, пользуясь для этого своим ремеслом. Такова, например, сказка «Кирик». Поп по совету попадьи заставляет Кирика исповедаться, чтобы узнать у него, где он нашел свой клад. Эта сказка интересна также и тем, что фантастический элемент в ней является только внешней оболочкой, под которой скрывается вполне конкретное реальное содержание. Этот факт лишний раз доказывает, что фольклор всегда имел и имеет определенную идейную направленность, несмотря на подчас абстрактную тематику и фантастичность образов.

Антицерковная тематика вообще очень распространена в крестьянском фольклоре, отражая отношение основной массы крестьянства к попам. Не поднимаясь до ясного и четкого осознания классовых корней религии, крестьянство, тем не менее, видело в попах прямых пособников своих угнетателей и всегда относило их в одну категорию с ними. Недаром в некоторых сказках упоминается о том, что поп дружит с «лавошниками», с богатыми; в некоторых сказках поп, помимо своей поповской «специфики», приобретает черты кулака-мироода, например, в упомянутой сказке «Жадный поп» или в не помещенной в данном сборнике сказке «Противный поп», где показано, как поп морит своего работника непосильной работой.

Однако это общее отрицательное отношение к попам может иметь разную степень социальной заостренности в зависимости от того, какие социальные группы деревни являются носителями данной группы сюжетов. Сказки о попах могут быть рассказаны в юмористическом плане. Так интерпретируются подобные темы представителями кулацких групп деревни. Но эта же тематика может быть разработана и в явно враждебном плане по отношению к духовенству. Именно так Куприяниха разрабатывает сюжеты на данную тему. Здесь, как нигде, яснее всего проступают ее классовые симпатии и антипатии. Примером могут служить все ее сказки на подобные темы.

Бытовая тематика Куприяниха не исчерпывается антицерковными сказками. Значительное место у нее занимают сказки на тему о бедности и богатстве.

В сказках подобного типа все симпатии сказочницы на стороне бедного. Она горячо сочувствует бедняку, он всегда — положительный герой. Богатый, наоборот, рисуется отрицательными чертами.

Но Куприяниха не поднимается до четкого осмысления социальных причин бедности и богатства и показывает богатого не как представителя враждебного класса, а лишь как носителя отдельных отрицательных мо-

ральных качеств. Например, в сказке «Про нужду» богатый вызывает к себе враждебное отношение сказочницы завистью и ненавистью к бедному брату. Это свое отношение она подчеркивает в энергичной концовке: «Вот тебе за яво ненависть!»

Примерно так же поставлен вопрос в сказке «Правда и Кривда» (15). Богатый брат живет кривдой, следовательно, он — отрицательная личность, следовательно, он несет заслуженное наказание. Как на аналогичный пример, можно еще указать на сказку «Про клад» (43). Здесь скупому богатому мужику противостоит бедный, который является положительным персонажем именно потому, что он не таит у себя деньги, украденные у богатого, а раздает их «миру».

К трактовке образа бедняка в этих и подобных им сказках Куприяниха подходит также с недостаточной четким классовым сознанием.

Бедняк добивается благополучия благодаря своим, личным положительным качествам, нередко при помощи сверхъестественных сил, а не потому, что он имеет на него право как представитель определенного класса. Он выигрывает всегда в узко-личном плане, по моральному праву. Совершенно очевидно, что такая трактовка в социально-классовом смысле проблему бедности и богатства не разрешает.

Такой общий план разрешения проблемы бедности и богатства имеет свои оттенки, показывающие, так сказать, «амплитуду» идейных колебаний сказочницы. В первую очередь это объясняется наличием противоречий в ее сознании, но частично зависит и от того материала, который она получает. Если он подсказывает ей более четкое представление о социальных взаимоотношениях, то она охотно разрабатывает сюжет именно в таком направлении. Такова ее замечательная сказка «Два брата» (34), в основе которой лежит известная социальная сатира «Шемякин суд». В передаче Куприянихи эта сатира не смягчается. В ней богатый брат, поп и жадные судьи выступают как типичные представители враждебных сказочнице групп.

Если же материал толкает сказочницу в противоположную сторону, то она иногда частично поддается этому влиянию. Примером может служить сказка «Голодный мужик» (42), которая заимствована из литературного источника. В ней богатый мужик изображается в положительных и даже сентиментальных тонах. Такова же сказка «Аксенов купец» (53), являющаяся переделкой рассказа Л. Толстого «Бог правду видит, да не скоро скажет». Здесь Куприяниха до конца не преодолела идейной направленности толстовского рассказа. Но нужно отметить, что подобные сказки представляют собою исключение: их всего две во всем огромном репертуаре Куприянихи.

В сказках о глупом барине или барыне классовые симпатии или антипатии Куприянихи проявляются совершенно отчетливо. Барин в этих сказках всегда глупый и доверчивый простака, которого хитрый мужик очень ловко водит за нос. Иногда барин просто смешон. Такой юмористический показ имеет определенный социальный смысл. Куприяниха нигде не упускает случая подчеркнуть отрицательные черты образа барина. Барин любопытен, но глуп, поэтому он остается в дураках («Поп-скука»), или же он просто глуп («Шут Максим», 50); «Как мужик свинью звал в кумы», 41).

В сказке «Как мужик вез ворону в город продавать» (60) мужик в качестве диковинки показывает на базаре обыкновенную ворону. Он обманывает целую толпу доверчивых зевак. Но интересно, что из этой тол-

пы Куприяниха выделяет именно барыню. Между ней и ловким мужиком происходит любопытный диалог. Мужик стоит с вороной и кричит:

— Кто в городе не бывал, такую чуду не видал? Вот я привез!

Окружили яво народ. Одна барыня спрашивает:

— Скольки за погляденье?

— Да рупь!

— У-у, — говорить, — ды это ворона!

— Ты, — говорить, — сама ворона, рупь мне отдала!»

Образ ловкого вора в бытовых сказках также имеет определенное социальное заострение, хотя сказительница здесь разрабатывает широко известные традиционные сюжеты, часто передающиеся по-другому. Ловкий вор и шут в подобных сказках обманывает и проводит прежде всего богатых людей. Именно так разработана сказка «Шут Максим». В ней шут вредит всей деревне, но в центре рассказа фигурирует все-таки барин, которого он издевательски обманывает. В сказке «Как в стегачи нанялся» (49) подобная же трактовка. Вор обкрадывает своего учителя вора. Но Куприяниха подчеркивает, что этот учитель «богатый». И она с удовольствием передает целый ряд проделок ловкого вора, совсем разорившего своего учителя, у которого было «все золото», «гардероб с золотыми вянцами» и т.д.

Сказки с узко-бытовой тематикой показывают, что в этой области над Куприянихой в значительной степени довлеет груз предрассудков старой деревни. Женщина часто изображается нерадивой («Лянивая старуха», 68), капризной и недалекой, причем исправляет ее от этих недостатков, учит уму-разуму обычно муж.

Положительный образ мужа, который противостоит жене с ее различными недостатками, встречается и в фантастических сказках. Старуха из сказки «Золотая рыбка» (3), которая «чуть не бесится», «пуще с ума сошла» в своих желаниях разбогатеть, «хитрая» жена из сказки «Кот и кобель» (20) и т.д. — все это образы женщин, недостатки которых сказочницей показываются с определенной тенденцией. Семейная жизнь в идеале утверждается как нечто прочное, но при обязательном руководстве мужа, который жену учит и всегда «прощает», когда она винится, и которого жена «уважает». Женщина, как хорошая жена и мать, изображается очень сочувственно. Материнское чувство хорошо передается в сказке «Цыганка и девочка» (62) и даже в сказке о медведице, которой приданы все качества страдающей матери-женщины («Медведь и мальчик», 54). Идеальные отношения жены к мужу с явным сочувствием показаны в сказке «Солдатка» (46), в которой верная жена двадцать пять лет терпеливо ждет мужа из солдат.

Сказки о животных в репертуаре сказительницы занимают очень незначительное место, рассчитаны они исключительно на детскую аудиторию. Поэтому они передаются с более выразительной интонацией, нередко в них вставляются различные песенки (например, «Волк и козленки» (29) и др.

Несколько слов о «литературных заимствованиях» Куприянихи. Некоторые сказки ее репертуара являются своеобразной переделкой литературных произведений. Часть из них попала в ее репертуар давно, может быть, еще к ее отцу, и известным образом «отстоялась», другие же заимствованы, по-видимому, недавно и поэтому несколько выпадают из общего стиля ее сказок. Одни из них отличаются особой идеологической направленностью (упомянутые сказки «Аксенов купец», «Голодный му-

жик»); другие отличаются художественными особенностями, например, сказка «Цыганка и девочка» (52) и «Про солдата» (55), которые рассказаны в несвойственной для Куприянихи нетрадиционной повествовательной манере. Возможно, что и сказка «Медведь и мальчик» (54) тоже заимствована из литературного источника, хотя трудно сказать, откуда именно. За это говорит ее повествовательный характер рассказа и образ медведицы, совершенно не совпадающий с обычным образом медведя в сказках о животных. Очень интересно указать факт тесного взаимодействия литературы и фольклора. Фольклорный сюжет попадает в письменную литературу («Золотая рыбка», «Семен-пьяница»), а затем возвращается обратно в фольклор уже в качестве заимствования. Литературные заимствования Куприянихи весьма различны по своему содержанию. Но они объединяются отношением сказительницы к социальной действительности, которое определяет ее стиль в целом.

Рассмотрим некоторые художественные особенности, характерные для всех сказок Куприянихи.

Важной особенностью сказок Куприянихи является их ритмичность и рифмованность. Эта особенность проявляется не только в традиционных общих местах, концовках и зачинах и т. д., которые рифмуются и другими сказочниками на всем протяжении сказки. Нередко сказка представляет собою ритмическую прозу. Такова, например, ее прекрасная сказка «Волк серай, смелай». Иногда же ритмическая проза представляет собою только часть сказки, например:

Ку-ку, Даниил,
Ку-ку, говорил:
Брат сястру
За себе возьму,
Расступись, земля,
Провались, сястра!
До колен сястра провалилася.

(«Данила»).

В большинстве случаев ритмическая проза украшается также и рифмой, например: (Сказки Куприянихи — 9).

Все братья проспали,
Ничаво не видали,
Скирды каждую ночь пропадали.
Подошла Иванова очередь.
Сел он караулить.
До двенадцати часов досидел —
Слышит конный топот:
Кобылица бяжить,
Под ней земля дрожить,
За ней двадцать один жеребенок.
Как она топнула ногой —
Развалился скирд, жеребята к скирду подбязали.
Был Иван на скирду,
Попал в яё молотком между ух по лбу.
Села кобылица на коленки,
И убрал яё Иван в оброть и в ленты.

(«Иван-болтун»).

Иногда в сказках встречаются ритмические песенки (2, 12, 28, 29, 18). Вообще Куприяниха очень широко пользуется рифмой. Такие сказки, как «Иван-болтун», «Волк серай, смелай» и др., чрезвычайно богаты рифмой, например:

«Ударили гусли играть — гусак стал плясать, лисица-цимбалка стала танцевать».

«Стали они коня ловить и забыли двери затворить».

«Не смогу ли я поймать коня? И быстро попали ноги в стремяна» («Иван-болтун»).

«...В другой раз махнул — и последнюю снял, третий раз махнул и всяво его смял».

«...Змей Горыныч махнул хвостом — опять шесть голов на нем».

«...Взял он у нее поясок и бросил яго в огонечек».

«...Идет он домой к своей жане молодой» (.Иван Водыч и Михаил Водыч»).

«Подаеть котялок с деньгами — увидел шута с рогами».

«Подхватила на дворе котялок и тащить яго в избу, в уголок» («Киррик»).

«Взяла крыса мыша в руки, досталось яму муки». «Всех перепоила их пьяных, всех птиц и куниц, орлов и лисиц» («Пышка-говорушка»).

«У старика дочь Наташа, а у старухи дочь Маша».

«Она выскочила к ней — мертвую Машу обняла. Ну, тут и крику задала» («Замороженная девочка Наташа»).

Иногда встречается «рифма для рифмы», зачастую совершенно бессмысленная:

«Трава, — говорить, — сырая, тебя корова вызволяя» («Сиротка-девочка»).

«Когда он отслужилси, тогда-то он этому удивился» («Про солдата», 23).

Таких примеров можно привести очень много. Они с достаточной убедительностью говорят о способности и любви сказочницы к рифме. Поэтому никак нельзя согласиться с мнением Н.П. Гринковой, которая считает, что Куприяниха рифмовку механически унаследовала от отца. Гринкова говорит: «В устах самой Куприянихи эти «цветы красноречия» кажутся несколько неуместными и хочется считать их взятыми от ее учителя в готовом виде, как необходимую и неотъемлемую оболочку той или иной сказки». («Художественный фольклор», № 1 за 1926 г.).

Собирательница в доказательство своего мнения ссылается на отсутствие рифмы в сказках, заимствованных из литературного источника. Прежде всего это неверно по существу: в этих сказках рифма встречается, хотя и в меньшем количестве. Приведем несколько примеров:

«Там птички кой-какие, там козы лихие» («Про солдата», 55).

«Ах, Михаил, ты нашу голову погубил». «Когда обмерили им ножки, сшил им полсапожки». («Семен-пьяница»).

«А он принес им пашана, лег и захворал, недолго прожил и умирал этот мужичок голодный» («Голодный мужик»).

«А эта баба, мать яё, на гумне картошки варила ды улей соседу опалила» («Цыганка и девочка»).

Даже в нерифмованной сказке Пушкина «Золотая рыбка», которую Куприяниха несомненно слышала от школьников, а не от отца, в ее передаче появляется рифма:

«Приходя старик к самому синему морю. Волна возмутилась, золотая рыбка явилась» («Золотая рыбка»).

Интересно отметить, что из всех литературных заимствований более всего близка к первоисточнику именно эта сказка. Нам думается, это объясняется тем, что этот первоисточник — пушкинская сказка — написан стихотворным размером.

Таким образом, об отсутствии рифм в сказках Куприянихи, заимствованных из литературных источников, говорить нельзя. Малое же их количество объясняется тем, что материал еще просто не отстоялся в сознании сказочницы, органически не вошел в ее репертуар. Следует отметить искусство Куприянихи в области рифмы и ритма. Нам неоднократно приходилось слышать одну и ту же сказку. Здесь Куприяниха часто готовила нам сюрпризы: красочное место иногда превращалось в бледное и слабое (особенно если Куприяниха выступала перед нечуткой аудиторией), и, наоборот, прозаические места вдруг расцветчивались яркими и красивыми рифмами.

Изложение сказки имеет тоже свои характерные особенности. Куприяниха тяготеет к диалогической форме, она ей хорошо удается. Диалог у нее сжатый, выразительный, динамичный, хорошо развертывающий действие. Почти нет ни одной сказки, в которой не было бы хорошо разработанного диалога. Развертывание действия обычно идет не от автора, сказочница явно старается авторский текст заменить прямой речью героев, вставляя от себя только самое необходимое. Вот, например, отрывок из сказки:

«Осудили яво утопить. Потом взяли, в мяшок завязали у берега, а отпихнуть нечем — шаста нет.

Он ореть, барин едя.

— Что ты орешь?

— Вот на царство хотять сажать, а я не хочу.

— Почаму ты не хочешь?

— Я писать не могу.

— А мне нельзя за тебя?

— Ох, брат, перемяни, можно.

— Кучер, слезь, яво развяжи!

Кучер слез, развязал, а мяшок был здоровишшай.

— Барин, возьми мне хоть лакеем, — говорить кучер.

— Ну дак что ж!

Спросил у шута Максима:

— Можно?

— Можно, — говорить.

Он их в мяшок запхал ды туго завязал».

(«Шут Максим»).

В некоторых случаях сказочница совершенно устраняет даже необходимый авторский текст, сохраняя только речь героев, что иногда создает трудности для понимания. Вот как, например, в сказке «Брат Алеша» (48) изображается расправа солдата с разбойниками, которые один за другим лезут за ним на чердак:

«Вот старый старик говорить:

— Поди-к, Ванька, прибяри-ка их там.

Вот пошел Ванька-то, а солдат слыша, уж держа саблю наготове. Тольки он на чердак показалси, он яму счас голову долой.

— Чтой-то там долго завозилси? Поди-к, Сенька, ты!..

— Чтой-то они там двое долго возятся, поди-к, Родивон, туда!

— Ну-ка-ся, Степка, прибяри их там нямножкя!

А этот солдат только управляется, им головы сымая один по одному».

Некоторые сказки представляют собой почти сплошной диалог. К ним относятся сказки «Как баба поминала» (62), «Как мужик вез ворону в город продавать», «Ленивая старуха» (68). Особенно хорошо диалог разработан в сказках 12, 22, 44, 64, 69 и др.

У Куприянихи в сказках почти всегда отсутствует прямая характеристика героев. Она не рассказывает о своих героях, а показывает их. Этот показ дается или путем диалога, или изображением действия героя. Именно таким путем Куприяниха всегда умеет дать герою полную, живую характеристику. Вот пример такой «характеристики действием» из сказки «Иван-дурак»:

«Наваливая дубинку на плечо, идти на могилку. Бух об могилку!

— Спрашивает отец:

— Кто там?

— Батюшка, я!»

Образ героя, который «наваливая дубинку на плечо» и «бухает» об могилку, достаточно колоритен. Если к этому добавить, что Куприяниха изображает характеристику героя и интонацией, то перед нами совершенно законченная, хотя и краткая характеристика простоватого и неуклюжего Ивана-дурака. Таков же портрет дурака в сказке «Иван-дурачок» (57). Диалоги также дают достаточно яркий и живой портрет героев. Характеристика героев у Куприянихи таким образом отходит от условно традиционных приемов и становится более реалистической даже в фантастической сказке, что уже нами отмечалось.

Следующей особенностью художественной манеры Куприянихи является стремление к убыстрению действия в том или ином эпизоде и вместе с тем к его лаконичности, выразительности. Мы уже упоминали о том, как спокойный, медленный темп фантастической сказки иногда делается динамичным и даже стремительным. Это же можно сказать о всех ее сказках. Приведем несколько примеров, особенно ярко показывающих эту отличительную особенность сказочницы:

«Мядведь вошел на порог в избу-то. Ка-ак рывкнетъ, как схватил эту ось, как по одной стенки прислонил, так шесть человек прилипло. Забыжал — по другой — яшшо шестярых. А остальных все равно, как косой покосил за столом» («Как медведь побил разбойников», 56).

«Привяли — она в избу не идет, в сенцах» («Снегурочка»).

«Тот мыш — прошенья на няё» («Пышка-говорушка»).

«А эти воры, какие деньги-то хоронили, пришли — бык, а деньги-то половина взяты».

Способность сказочницы убыстрять темп рассказа объясняет особенности ее синтаксиса. Типичным для нее является простое предложение, часто нераспространенное («он говорить», «она отвечая», «прилитая Змей» и т.д. и т.п.). Сложные речевые обороты встречаются реже, причем интересно отметить, что в тексте весьма часто пропускаются слова, очевидно, опять-таки для убыстрения повествования. В сложноподчиненных предложениях Куприяниха часто пропускает подчинительные союзы:

«Тот малый страсти набрался и гармонь свою побил, и потеперь не играя: боится-черти разорвуть» («Как гармонист к чертям ходил», 10).

«Заметил, там вчера мужичка хоронили».

«Пообедали, он заметил — у него подметки хороши».

«Эти там караулили, забылись» («Как в стегачи нанялся», 49).

Не всегда, впрочем, синтаксическое построение у Куприянихи отличается лаконичностью. Реже, но встречаются у нее типичные для эпической поэзии обороты с повторяющимися сочинительными союзами, например:

«И один из них был Иванушка».

«А рябят хочеть побить. А жана яво ня знать».

«И оглядела эти гробы и помыслила» («Сестра и двенадцать братьев»).

«Взяли шпотку и взяли грябенку, и взяли утирку, и побягли». («Данила»).

Синтаксические построения Куприянихи зачастую представляют собою значительные отклонения от литературного языка. Так, например, можно указать на своеобразное управление: «схватила она топора», «заслушалась она на пташки и на кинарейки», «тут уж Иванушке заинтересовало».

Очень широко Куприяниха употребляет указательное местоимение «тот», причем оно выполняет функцию не указательного местоимения, а определенного члена («тот Кирик», «тот поп», «тот мужик» и т. д.), как это и было в древнерусском языке. Другим остатком древнерусского языка является сказуемое — глагол во множественном числе при подлежащем существительном собирательном: «лятять табун голубей», «окружили яво народ», «народ за водкой на свадьбу приехали».

Куприяниха очень охотно употребляет двойные глаголы, выражающие одно понятие. Иногда это два одинаковых глагола вроде «ехали-ехали», «шел-шел» и т. д., иногда же это разные глаголы, тесно связанные между собой по смыслу, изображающие одно действие: «сидить-плачить», «стоять-ждать», «спить-ляжить», «зажгли-кинули утирку» и т. д. Можно еще отметить наличие мгновенных глаголов, придающих особую динамичность речи: «он нырь в конопи»; «хлоп! старик яё убил»; «бух об могилку»; «ба-алтых прямо на камень».

Обзор творчества Куприянихи необходимо дополнить характеристикой передачи ею своего репертуара. Прослушав несколько раз одну и ту же сказку, а также сравнивая две записи одной и той же сказки, мы на основании этих наблюдений можем сделать вывод, что Куприяниха не является механическим передатчиком текста. Ее передача сказки — всегда творческая импровизация. Некоторые сказки нам приходилось слышать не менее десяти раз, и каждый раз Куприяниха изменяла сказку. Изменения иногда касаются только мелких подробностей, а иногда видоизменяется даже сюжет (иная развязка, контаминация (соединение), распадение сказки на две и т. д. К этому же выводу мы пришли, сравнивая записи Н. Гринковой и свои. В доказательство приводим два отрывка из второй записи сказки «Марья-царевна лягушчонка» и предлагаем читателям сравнить эти отрывки.

В первом, напечатанном варианте, Куприяниха изображает прощание Марьи-царевны и Ивана-царевича так:

«Когда он пошел, она яво провожала и яму приказала:

— Тебе будут спрашивать: «Иде твоя жана лягушчонка?» — «А она, кажись, скоро приедить».

Самый проезд описывается сказочницей подробно и картинно:

«Вот поднялся вихорь, и пыль столбом, и коннай топот. Лягушчонка едя в карете, все стоня ды гремить. У коней яё из-под копыта огонь брызжа, из ноздрей дым валить. Карета яё в золоте убрата, сама в драгоценя вся наряженная».

Во втором же варианте о своем приезде царевна-лягушка говорит сама во время прощания:

— Ступай пока один, а я приеду. Получится стук-гром. Будут кони баять, земля будет тресаться. Если они перепугаются, скажи: «Это моя лягушчонка».

Такая же разница наблюдается и в изображении роли старичка, который встречается Ивану-царевичу и помогает ему найти невесту. В напечатанном варианте он — лицо эпизодическое. Куприяниха рассказывает о нем в немногих словах: «Идет старой старичок, встрелси яму на встречу:

— Что плачешь, Иван-царевич?

— Вот Кашшей-бяссмертной унес у мене нявесту.

— Я тебе дам клубочек, куды клубочек покотится, туды ты и иди, — говорить тот старичок».

Дальше Иван-царевич действует сам. В ненапечатанном же варианте всеми его этими действиями руководит сам старичок, и роль его в сказке значительно большая:

«Идет старичок яму навстречу.

— Куда идешь, молодой человек, путь держишь?

Он яму рассказал.

— Это у тебя Кашшей-бяссмертный жану унес. Там стоять вон два дуба, между дубов стоит сундук. Выкопай ты этот сундук, в этом сундуке ляжить заяц.

Он дал яму свою ружье заржавленную.

— Как, — говорить, — заяц побяжить — откутаешь — то бей яво.

Только он открыл — пыркнул заяц. Он ударил яво, убил.

— Разорвешь ты, — говорить, — зайца, там будет утка, ты яе бей!

Только он разорвал этого зайца — полятела утка.

Прицелилси ружьем — убил.

— В утке, — говорить, — есть яйцо. Бяри, — говорить, — яё в карман с собою. Когда подойдешь к Кашею-бяссмертному ко двору, то пусти дубинку свою».

Кроме того, предлагаем сравнить записи наших сказок с записями Н.П. Гринковой («Русская сказка» под ред. М.К. Азадовского, т. II, изд. «Academla», 1932 г.).

Нельзя согласиться с мнением профессора Б.М. Соколова, который считает, что стиль Куприянихи «выражает мелкобуржуазную природу тех середняцких групп» крестьянства, которые тянут больше к зажиточному слою» («Русский фольклор», стр. 44). С этим мнением тем более нельзя согласиться, что в доказательство его Б.М. Соколов ссылается только на любовь Куприянихи к красивой форме сказочной обрядности. Красивую форму и традиционные приемы Куприяниха использует не как таковые, не ради их самих, а как средства художественной выразительности, облакающие ее идеи в конкретную форму. По идейному же содержанию своего творчества она является представительницей трудового крестьянства. За последние годы Куприяниха обнаруживает эволюцию в сторону большого социального заострения своего репертуара. Сравним, например, известные нам записи Н.П. Гринковой и наши, которые разделяет промежуток времени в десять лет. В нашей записи сказки «Два брата», например, отсутствует идиллический разговор мужа и жены в конце сказки, который мало связан с общим содержанием сказки и только значительно ослабляет ее социальную направленность. Или возьмем сказ-

ку 39. В нашей записи в ней говорится о жадном попе, который за гроши хочет эксплуатировать работника. У Гринковой же вместо попа фигурирует кум; кроме того, эта сказка соединена с другой, не вошедшей в настоящий сборник, и носящей чисто анекдотический характер («Про цыгана и мужика»). Ясно, что сатирическая направленность нашей сказки гораздо сильнее.

Вообще Куприяниха обнаруживает большую любовь к бытовым темам, сообщая им социальное заострение. В ее трактовке традиционных сказочных тем, как мы указывали выше, также намечается тенденция к реалистическому показу действительности. Правда, в сказках много традиционной обрядности, но для Куприянихи это только богатейший арсенал художественных средств, которыми она очень охотно пользуется, как художник, чувствующий красоту слова и формы. В то же время Куприяниха и разрушает эту сказочную обрядность. На анализе ее творчества мы попытались доказать тот несомненный факт, что творчество Куприянихи эволюционирует к реализму, что оно представляет собою тот исторический этап в развитии сказки, когда уже исчезла социальная база не только для создания, но даже для сохранения традиционной сказки в отношении ее содержания и формы. Таким образом, стиль Куприянихи в целом, при всей своей сложности и противоречивости, позволяет наметить его ведущую линию — движение к реализму. Поэтому Куприяниху можно отнести к тем сказочникам-реалистам, которые, идя по пути реалистического показа действительности, продолжают в своем творчестве процесс перерождения фантастической сказки в сказку реалистическую.

Новикова А.М., Оссовецкий И.А. Творчество Куприянихи // Барышникова А.К. Сказки Куприянихи — Воронеж: Ворон. обл. кн-во, 1937. — с. 241–266.

Барышникова А.К. Сказки Куприянихи / Запись сказок, ст. о творчестве Куприянихи и комм. А.М. Новиковой и И.А. Оссовецкого; Вступ. статья и общ. ред. проф. И.П. Плотникова. — Воронеж: Ворон. обл. кн-во, 1937. — 270 с.

КОММЕНТАРИИ К СКАЗКАМ А.К. БАРЫШНИКОВОЙ

Комментарии к сказкам А.К. Барышниковой (первые семь сказок настоящей подборки), подготовленные А.М. Новиковой и И.А. Оссовецким, приводятся по первому изданию «Сказки Куприянихи» 1937 г.

Комментарии к сказке «Как фашистский генерал к партизанам в плен попал» даются по изданию В.А. Тонкова «Народное творчество в годы Великой Отечественной войны», 1951 г.

Сокращения:

Ан. — Н.П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов. Изд. Русского географического общества. Ленинград. 1929.

Аф. — А.Н. Афанасьев. Народные русские сказки. 4-е изд. М., 1914 г.

Зел. В. — Д.К. Зеленин. Великорусские сказки Вятской губернии. П. 1915 г.

Карн. — И.В. Карнаухова. Сказки и предания Северного края. Изд. «Academia». 1934 г.

Онч. — Н.Е. Ончуков. Северные сказки. СПб. 1908 г.
Сад. — Д.К. Садовников. Сказки и предания Самарского края. СПб.
1884 г.

1. «Иван-Болтун». (№ 1).

Распространенный сюжет о герое, который выполняет трудные задачи с помощью чудесного коня. (Ан. 531; «Конек-Горбунок»). Всего ближе к нашему варианту сказка в сб. Карнауховой (Карн. 46).

Сказка отличается композиционной стройностью, последовательностью изложения, подробной мотивировкой поведения героев. Сюжет разработан с соблюдением всей традиционной сказочной обрядности (троичность эпизодов, общие места, эпические повторы, традиционная концовка). Сказка ритмична и рифмована.

2. «Сиротка-девочка». (№ 2).

В основе сказки лежит сюжет «Одноглазка, Двухглазка и Трехглазка» (Ан. 511); продолжением является сюжет (Ан. 409). Такая контаминация иногда встречается и в других сборниках (Аф. 57; Зел. В. 14). ... В нашей сказке мачеха превращает падчерицу не в рысь, а в голубку; однако подменная жена называет ее «рысь молода, рысь хороша». Здесь Куприяниха сохраняет традиционную формулу обращения, хотя она уже не соответствует содержанию.

3. «Иван-дурак». (№ 6).

Очень распространенный сюжет о «Сивке-Бурке» (Ан. 530). Варианты см. у Андреева, а также у Карнауховой (Карн. 8, 45). Некоторые подробности сказки Куприяниха, по-видимому, забыла, что ведет к неясностям. Так, остается непонятным, откуда у Ивана-дурачка печать на лбу, потому что Марья-царевна просто отдает ему перстень, а не ударяет им в лоб, как в других вариантах. Рассказывая эту сказку, Куприяниха широко использует для характеристики действующих лиц все богатство своих интонаций.

4. «Волк серый, смелай». (№ 33).

Сюжет «Лиса-исповедница» (Ан. 61) с добавлением эпизода со свиньей и волком. Близкие варианты: (Аф. I, № 15–17). Сказка интересна прекрасно разработанным зачином; она представляет собой ритмическую прозу.

5. «Про нужду». (№ 5).

Сюжет «Горе» (Ан. 735 I). Сюжет этот встречается с различными развязками: 1) горе бедного брата привязывается к богатому, но он от него избавляется (Онч. 249; Карн. 67; запись Гринковой № 45); 2) горе привязывается к богатому брату и разоряет его (Аф. 171, 172, ..., наш вариант). Вторая развязка социально более заострена. Это подчеркивается сказочницей в концовке.

6. «Голодный мужик». (№ 42).

У Андреева сходного сюжета нет. Варианты его нам неизвестны. В записи Гринковой сказка имеет несколько иное содержание. Эта сказка является единственным примером, где богатый мужик дан в положительных сентиментальных тонах.

7. «Как мужик вез ворону в город продавать». (№ 60).

Точного совпадения у Андреева нет. Сказка представляет собой хорошо рассказанный анекдот о хитром мужике и доверчивых простаках. Характерно, что среди таких зевак «крупным планом» показана барыня.

8. «Как фашистский генерал к партизанам в плен попал».

Сказка была записана от Анны Куприяновны Барышниковой Вячеславом Алексеевичем Тонковым в 1944 г. и впервые напечатана в сборнике «Народное творчество в дни Великой Отечественной войны» в 1945 году.

Сказка приводится со всеми фонетическими особенностями.

Если все предыдущие сказки Куприянихи имеют традиционные сюжеты, то эта сказка является авторской, созданной по следам только что происшедших событий, связанных с поведением фашистов на оккупированной территории. В ней заметны характерные черты творческой манеры сказительницы: сатирическая заостренность, ритмичность, использование рифмы. В.А. Тонков писал: «Для своей новой сказки Барышникова умело использовала народные частушки и пословицы. Сравним, например, частушку:

Как фашистский генерал
К партизанам в плен попал.
С ним семь фрицев привели
Боевые патрули.

Сказка насыщена многими реалистическими деталями, что придает ей большую остроту. Выражая свою ненависть к фашистским захватчикам, сказительница рисует их как грабителей, несущих разорение народу». («Народное творчество в дни Великой Отечественной войны», с.126).

Публикация Татьяны ПУХОВОЙ

Сказки Курьянских
(Анны Курьяновны Барышниковой)

ИВАН-БОЛТУН

В некотором царстве, в некотором государстве жили старик со старухой. Что старик ухлопает, то старуха слопает. Встает рано старик и говорит:

— Вставай, старуха, разогревай мне сковородку, пошел я на охотку.

Ходил-ходил по лесу — никакого вещества не нашел. А старуха сковородку грела, пока она не покраснела.

Идет старик — сидит птичка, под ней двадцать одно яичко.

Хлоп! Старик ее убил. Забрал эту птичку и двадцать одно яичко.

— Ну, старуха, принес я тебе закуску!

— А чего, старик, принес?

— Да вот, убил птичку на гнездышке, под ней двадцать одно яичко.

— А, — говорит, — кобель, не надо так-то бить. Садись-ка на яйца, доводи-ка их до дела, а то ведь они сейчас насиженные, никуда негодные. Доводи их, — говорит, — до дела.

И птицу варить не хотела.

Сидел старик на яйцах двадцать одну неделю. Вывел старик двадцать сыновей. Одно яйцо болтается.

— Садись, — говорит, — кобель, доводи до дела и это!

Просидел старик двадцать одну неделю, вывел Ивана-Болтуна.

Живут-поживают, добра наживают. Старик забогател, настоявил скирдов. Старуха померла. Стали скирды пропадать. Старик говорит:

— Надо, дети, караулить!

Назначил всем черед: по ночи караулить. Ивану-Болтуну досталась последняя ночь. Пошел он в к у з н ю (здесь и дальше выделяются разрядкой слова с местным произношением, — Т.П.), заказал в двадцать пять пудов молоток. Из пуда к о н о п е й свил *оброть* (веревочная конская узда) — полтора пуда железные удила.

Все братья проспали, ничего не видали, скирды каждую ночь пропадали.

Подошла Иванова очередь. Сел он караулить. До двенадцати часов досидел — слышит конский топот: кобылица бежит, под ней земля дрожит, за ней двадцать один жеребенок. Как она топнула ногой — развалился скирд, жеребята к скирду подбежали. Был Иван на скирду, попал в ее молотком между ушей по лбу. Приводит он ее домой, запер ее на двор.

В с т а в а е т отец:

— Как мой, — говорит, — Иван-подлец?

— Нет, батюшка, я есть *рачитель* (старательный человек), я твой приказ исполнил.

Посмотрел отец, что целый двор лошадей, похвалил Ивана:

— Вот, — говорит, — у меня какой Иван, а вы что?

Назвал тех сыновей дураками:

— Большие дураки, не рачительные!

А лошади морские, такая-то красота!

Тут же стали они их делить. Отец себе взял матку. Большие поделили — себе *на любки взяли* (выбрали такого, каков понравился). А Ивану-Болтуну самый захудалый жеребеночек достался.

Эти собираются на охоту, Иван себе жеребеночка попробовал, руку положил на спину — он гнется. Взял его на сутки пустил в луга, на другие сутки *обратывает*. (Обратывать — надевать узду на лошадь). Положил руку — он не гнется. Положил ногу — он гнется. Пустил опять на сутки в луга. Приводит из лугов, кладет

ногу на него — он не гнется. Сам садится — он гнется. Пустил опять на сутки в луга. Четвертый раз садится — он не гнется.

А те уже уехали на охоту. Едет Иван по полю. День проезжает и два проезжает — все братьев своих не видит. На третий день ночью едет, и похож виднеется огонек. Подъезжает — все видней и жарче. Он и думает: «Знать, братья мои кашу варят».

Подъезжает, а это золотое перо. Жалко Ивану расстаться с золотым пером. А конь говорит:

— Не подымай, Иван, золотого пера, большая будет беда.

Все-таки не послушал Иван коня, поднял золотого пера.

Съезжаются братья домой — отец приказ дает, чтобы вычистить лошадей:

— Будет нынче смотр (у кого какие лошади есть).

У тех братьев щетки и мыло, а у Ивана — ничего. Те все помыли, повычистили, а Иван махнул пером — стал конь золотой.

Подводят большие братья отцу на смотр. Все кони чисты, все хороши.

А Иван-Болтун вывел — еще лучше, красота! Конь пляшет золотой.

— Что, — говорит отец, — вы! Какой плохонький ему достался, а вывел лучше всех ваших!

Их ревность взяла, как бы его *сподобить* (погубить):

— Давай, ребята, удумаем, чего на него напрасно наговорить.

[Пошли к отцу].

— Эх, батюшка, Иван наш хитрый, он нам еще не тем хвалился.

— А что, ребята?

— Он нам хвалился: «Я, — говорит, — не как вы, я достану кота-игруна и гусака-плясуна, да лисицу-цимбалку».

Вот отец поверил. Призывает Ивана:

— Тут ребята про тебя сказали, что ты можешь достать кота-игруна и гусака-плясуна, да лисицу-цимбалку.

— Нет, батюшка, ничего не знаю.

— Как так не знаешь? Мой меч — твоя голова с плеч! Не хочу я этого, а достань мне!

Тот Иван заплакал, пошел к коню на думу. Приходит к коню — заплаканы у Ивана глаза. Иван говорит:

— Ох, верный мой конь! Вот мне беда!

— Эта беда — не беда, а впереди будет беда!

Отправляется Иван в иные города. Нашел он кота-игруна, нашел гусака-плясуна и купил лисицу-цимбалку и привез отцу в подарок.

— Что вы, мои сыновья! По крайней мере у меня Иван — голова, все исполнил мои дела!

— Ох, батюшка, Иван не то знает, нам хвалился!

— А что, что, ребята?

— Он говорит: «Я не то знаю. Я знаю, где гусли-самоигры».

Потом отец Ивана призывает:

— Иван, привези мне гусли-самоигры!

— Ой, батюшка, я про них и не слышал и видеть не видал!

— А что за твои эти отпоры? Привези! Мой меч — твоя голова с плеч! А чтоб гусли-самоигры представил!

Тот заплакал и пошел к коню на думу. Приходит к коню:

— Ой, конь мой верный! Вот моя пришла беда!

Конь человеческим голосом объявляет ему:

— Это не беда, впереди будет беда! Утро мудренее вечера!

Встает Иван рано, седлает своего золотого коня, отправляется в густые леса. Ехали-ехали, стоит избушка на куриных лапках, на собачьих пятках.

— Стань ты, — говорит, — ко мне передом, на запад задом.

Переворотилась избушка. Выходит из ней Баба-яга, костяная нога, на ступе ездит, метлом подметает, пестом-крестом погоняет.

— Ах ты, добрый молодец! Зачем сюда зашел?

— Бабушка ты, старушка, не спросила ты у меня, какое у меня горе-беда! Накормлен ли я, напоен ли я, или с голоду помираю?

Та старушка умилилась на его слова:

— Иди, — говорит, — парень, сюда!

Слезает парень с коня, входит к ней туда. Сажает она его на стул. Напоила-накормила, про его горе расспросила.

— Ах, бабушка, горе мое большое! Как мне это быть, как мне это вещество добыть?

— Я, родимый, знаю, где эти вещи!

— Ой, ой, бабушка, расскажи и моему горю помоги!

— Парень-красота, мне жалко тебя! Это у моей сестры есть. У ней есть сын — Змей Горыныч. Как же мне это быть, ведь он тебя может сподобить. Ну, уже я постараюсь, свою сестру попрошу. Привяжи, — говорит, — ты коня за шелковы удила. Вон мой

двор и дубовый кол. Дам, — говорит, — тебе клубочек, держи ты его за кончик. Он будет катиться, и туда ты иди.

Он идет, клубочек катится. Его двор [Змей Горыныча] на двенадцати цепях, на двенадцати замках. Подходит. Постучался, мать-старушка вышла.

— Ох, парень молодой, зачем сюда зашел? Мой сын прилетит, он голодный, тебя съест.

— Ох, бабушка, ты у меня не спросила, какая моя беда! Голодный ли я, холодный ли я...

Та старушка *сполстилась* (поддаться уговорам), повела его в хату. Напоила-накормила, про всё его беду-горе спросила.

— Ну, я твоему горю помогу!

Глядит она на часы. В двенадцать часов Змей Горыныч прилетит, надо Ивана-Болтуна прятать.

— Ложись в *конник* (лавка с ларем в переднем углу избы). Я буду его встречать, тебя, молодого парня, защищать!

Вот в двенадцать часов прилетает ее сын Змей Горыныч. Сам летит — земля дрожит. Влетел в дом:

— Русь-кость пахнет!

— И-и, сыночек, по Руси летал — Руси набрался, тебе и тут Русью пахнет!

— Собирай, мама, поесть! (Есть захотел).

Выдвигает она из печки целого быка, подает она ему ведро вина. Выпил он вина и закусил сладко быка. Дело его повеселело.

— Эх, мама, с кем бы мне сыграть в карты?

— Эх, детенок, я бы надумала, с кем в карты сыграть, да боюсь, вред будет!

— Уважаю тебя, мать, никакого вреда не будет, но охота в карты поиграть!

Нечего делать старухе, надо парня из конника вынимать.

— А как, — говорит [Змей], — мы будем в карты играть?

Они между собой договор сделали: кто кого обыграет, в дураки введет, тот того ест.

Вот старуха во что бы то ни стало сына вводит в дураки с Иваном-Болтуном. Два дня играли и ввели они его с матерью в дураки. Тот Змей на коленки становится, просит мать и Ивана-Болтуна:

— Не ешьте меня!

— Что ж, отдай мне гусли-самоигры!

Тот Змей своего друга наградил и далеко его проводил:

— Ой, мама, у меня будут гусли еще втрое лучше!

Приезжает к отцу Иван, повесил гусли. Ударили гусли играть — гусак стал плясать, лисица-цимбалка стала танцевать.

— Что вы, ребята! Вот у меня Иван — голова! А вы что?

Ребята те задумались. Пошли еще на него ложно обдумывать.

Большой брат говорит:

— Знаете что, ребята? Я слышал, в ином царстве есть Марья-королевна, скажем, что за тебя замуж пойдет (отцу будут говорить).

Иван спит, а эти ребята к отцу пришли. Он их бранит, из двора гонит.

— Вот он нам, папенька, хвалился, что за тебя Марья-королевна невеста есть!

Призывает отец Ивана-Болтуна.

— Иван, ты хвалился братьям, что вот Марья-королевна за меня невеста есть!

— Ой, папенька, и не знаю ничего!

— Нет-нет, это не отговор твой! Мой меч — твоя голова с плеч! А чтобы представил мне Марью-королевну!

Тут Иван-Болтун заплакал, пошел к коню:

— Вот беда мне какая!

А конь говорит:

— Это беда — не беда, впереди будет беда.

Ну, чего Ивану осталось делать? Забирает своего коня, забирает гусли с собой, и лисицу-цимбалку, и гусака-плясуна, и котигруна, ну, словом, всю охоту и садится на корабль.

Ехали-ехали, приезжают к этому государству, где Марья-королевна есть.

Сейчас она живет над морем.

Марья-королевна не выходила даже никогда по дворцу гулять из своего дома. Тогда они раскинули свои паруса, остановили корабль. Заиграли они в музыку, в гусли заиграли. Тут Марья-королевна взметалась по дому:

— Ой, папенька, я такой музыки не слышала отродясь.

Ну, что стоит царю со своими прислугами, сенными девками! Пустили ее на море туда посмотреть и послушать. Устроили они к ихней пристани корабль. Отворены были окна [у корабля]. Как она, царская дочь, оперлась на окна и заслушалась этой музыки, которой она не слышала сроду. Не могла она заметить в своих зас-

лушанных думках, когда ее перевалили в тот корабль. И быстро понесли их паруса оттуда, и увез Иван-болтун Марью-королевну. Когда привез Марью-королевну, отец обрадовался, плясал, покуда свою лохматую шапку потерял.

— Ну, теперь будем мы жениться!

Марья-королевна говорит:

— Нет, погоди, сумел меня у в е з т ь и сумеи мою шкатулку унести!

А старик спрашивает у Марьи-королевны:

— А где ж шкатулка есть?

— Моя шкатулка под столом, на котором батюшка мой обедает среди дома.

Отец призывает Ивана-Болтуна:

— Вот тебе задача, чтобы ты шкатулку привез.

— Ой, батюшка, я не смогу!

— Мой меч — твоя голова с плеч! А привезти шкатулку!

Разговору больше нету. Тот заплакал и пошел к коню на совет:

— Ой, конь мой верный, вот мне беда!

— Это беда — не беда, впереди будет беда! Ложись спать, утро мудренее вечера.

Встает Иван, седлает своего коня, отправляется в ту сторону, где был. Приезжает он в это царство, где рождена Марья-королевна.

Идет странник. П о к у п и л он с него одежду с сумкой за сто рублей. Поехал туда в Марьи-королевны дворец. Махает туда-сюда золотым пером — стал конь золотой. Пустил он его во двор. Выскочили прислуги и сам государь с царицей. Стали они коня ловить и забыли у дома двери затворить. А Иван-Болтун за это время был управен, мог быстро шкатулку в сумку ввалить. Выскакивал он во двор и кричал:

— Не смогу ли я поймать коня?

И быстро попали ноги в стремя. И увез ее, шкатулку.

— Умел меня увезть и мою шкатулку у н е с т ь!

Теперь старик еще пуще рад:

— Привез шкатулку — жениться буду!

Марья-королевна говорит:

— Погоди! Все ты сделал, сделай то: в море есть двенадцать кобылиц, пригони мне их сюда!

Призывает отец Ивана-Болтуна:

— Чтоб ты двенадцать кобылиц пригнал мне!
— Ой, батюшка, не смогу!
— Нет, нет отговору! Мой меч — твоя голова с плеч! А чтоб пригнал!

Заплакал Иван-Болтун и пошел к коню на совет:

— Ой, конь мой верный, вот мне беда!

Конь человеческим голосом говорит:

— Теперь беда! Ну, что господь даст! Готовь ты двенадцать кож, и двенадцать пудов бечевы и двенадцать пудов смолы, и три пуда железных прутьев. И поедем мы к этому морю, в этом море двенадцать кобылиц.

Все это Иван приготовил и с собой повез. Развел котел со смолою, кожей [коня] уматывает, бечевой увязывает, смолой заливают. Пока он двенадцать кож умотал и двенадцать пудов бечевы увязал на него и двенадцать пудов смолы улил на него, тогда конь сказал ему:

Смотри по часам на то место, где я прыгну. Если через три часа *бурки* (пузыри из воды) не пойдут в том месте, то прыгай за мной с железными прутьями.

Так тщательно смотрел Иван-Болтун на то место. Через два с половиной часа пошли бурки. Третьего часу не допустили — все кобылицы повыскочили. На коню только осталась одна кожа не порвана, а то всю погрызли зубами с него те лошади.

Теперь говорит Марья-королевна:

— Ну, Иван-Болтун, теперь сумеешь котел молока надоить из них.

— Ой, Марья-королевна, не могу я их подоить!

Отец говорит:

— Нету откazu. Мой меч — твоя голова с плеч!

Заплакал, пошел к коню на думу. Конь говорит:

— Не горюй, Иван-Болтун, это неважно!

Принялся Иван-Болтун за работу. Надоил из них котел молока.

Теперь Марья-королевна говорит:

— Теперь надо молоко кипятить!

Пошел Иван-Болтун к коню на думу:

— Ой, конь мой верный! Какие мне приказы! Велели молоко кипятить!

Конь говорит:

— Это неважно!

Теперь сказала она, Марья-королевна:

— Как молоко закипит, скажите мне.

Потом пошел он к коню подумать.

— Ну, — говорит [конь], — когда скипятишь молоко, тебя будут заставлять прыгать в него, купаться. Когда я в конюшне храпну до трех раз, тогда ты прыгай.

Скипятил Иван молоко. Из края в край закипело.

Доложили Марье-королевне. А старик так и не отпускает, смотрит на нее. Идут они, со стариком Марья-королевна, к кипяченому молоку, к котлу. И требуют Иванушку:

— Ну, Иванушка, все ты сделал, сделай теперь — в кипящем молоке искупайся!

Котел кипит, молоко аж выскакивает. Снявши рубаху, Иван долго на краю котла стоял, от своего друга верного известия ждал. Когда конь в конюшне храпнул, той минутой и он прыгнул. Из края в край до трех раз проплыл.

Так был хорош, а то еще лучше красавец стал. Стал кровь с молоком.

Марья-королевна говорит на старика:

— Ну, прыгай и ты туда!

Тогда старик прыгнул в молоко, и развалились его кости. Иванушка с Марьей-королевной перевенчался. Живут-поживают, добра наживают, я ж у них была и мед пила, по губам текло, а в рот не попало. И басне конец.

СИРОТКА-ДЕВОЧКА

У девочки мать померла. Женился отец — стала у нее мачеха с тремя девочками: девочка Одноглазка и девочка Двухглазка, а третья девочка — Трехглазка. Вот посылает она их с этой девочкой-сироткой коров стеречь. Дает она им по кошелке *намыки* (лен, приготовленный для пряжи) и веретена, и она их поела. Через час они вышли у нее все *початками* (пряжа на веретене), попряденные уж.

Эта Одноглазка проспала до вечера. Подходит она, ее будит:

— Вставай, сестрица, погоним корову домой!

Она глядит, что ее попрядены.

— Ой, — говорит, — ой, меня мама будет ругать, что я ее (пряжу) не попряла!

Пригоняет домой, отдает мачехе намыки свои початками, все

попряденное. Одноглазка свои намыки назад унесла. Принялась ее мать бить родная:

— Что ты поленилась, не попряла?

На утро она провожает с ней Двухглазку стеречь корову.

Она говорит:

— Ложись, сестрица, поищу, давай искаться!

Не столько она ее ищет, сколько баюкает:

Усни, усни, глазик,
Усни, другой!

Уснула та Двухглазка, подошла она к своей корове, вывалила она свои намыки и веретена. Поела корова намыки и веретена.

Проспала эта Двухглазка до вечера. Подходит сиротка, будит:

— Вставай, сестрица, погоним домой!

Видит, что ее попрядены початками:

— Ой, ой, меня мать будет ругать, что я не попряла.

Приходят они домой. Мать видит, что не попряденные намычки. А сиротку хвалит, дочерю бьет и ругает.

На утро Трехглазку с ней стеречь корову посылает (те переменяются, а она все нет).

Пригнали они стеречь, и по кошолке намык, по кошолке веретен. Говорит Трехглазка:

— Давай прясть!

— Нет, — говорит, — попрядем, день велик, ложись, я тебя поищу.

Она легла поискаться. Не столько ищется, сколько баюкается:

Усни, усни, глазик,
Усни, другой!

А про третий позабыла.

Теперь вываливает она намыки корове. Она их поедает, той же минутой (выбрасывает) прямо початками. Эта сиротка спешит, покладает, а эта все одним глазом смотрит. Она стала ее бранить:

— Вот мать бьет нас ни за что! А ты тоже сама не прядешь, а корове есть даешь. Трава, — говорит, — сырая, тебя корова вызоляет.

Приходит, матери сказывает:

— Она, — говорит, — сама не пряла, а ей корова поедала!

Рассердилась мать на падчерицу, сказала, что у нее корова прядет.

Приехал муж с поля.

— Резать корову Нинину!

А мать умирала и приказывала, чтобы корову не резать, а чтоб была корова Нинина.

— Ежели по злобе зарежут, то и кости не гложи, а собери их, кости, и в святой угол положи!

Было жалко долго резать отцу корову, но возненавидела ма- чеха Нину.

Вот уже зарезали корову, варят мясо и едят. Нина только знает — плачет, сидит у святого угла. Собирает кости от ней и в святой угол закапывает. Потом окончили они всю корову, поели. Зарыла она кости в святом углу. Выросла на ней яблонька, на том месте. На ней яблочки краснобконькие, однобконькие и разно- го цвета. Поехал отец в город, нарвал этих яблочков продать. И спрашивает:

— Чего, Нина, тебе купить?

Все сестры говорят: какой платок, какой полсапожки, а тре- тьей сарафан. Четвертая, сиротка, говорит:

— Купи мне, папаша, золотое блюдце и серебряную ложку!

Потом он привез всем подарки и сиротке золотое блюдечко и серебряную ложечку.

Едет барин и видит яблоньку — д ю ж е (очень) красиво! Под ней играли девчата. Попросил он яблочко. Прыгнула Одноглаз- ка, хотела достать — она выше поднялась. Прыгнула Двухглаз- ка — она еще выше. Прыгнула Трехглазка — и совсем не могла достать. Выходит Нина со своим золотым блюдечком и серебря- ной ложечкой.

— Опустись, яблонька, сюда!

Она нагнулась, опустилась яблонька, скатились яблочки, подносит она барину. По блюдцу серебряная ложечка яблоч- ко катает, всякие города выставляет, и моря, и реки, и кораб- ли, и леса. Заинтересовало его, что так в блюдце все видно, что есть на свете делается. Он и спрашивает у нее имя и фа- милию.

— Я, — говорит, — есть Нина Ивановна!

Такой барин красивый, а Нина еще красивее.

Попрощался он с Ниной и поехал домой. Приезжает и мате- ри заявляет:

— Я себе невесту нашел!

Ну, тогда господа были вольны над нами, где захотят себе невесту взять, то и возьмут. Поехал барин за невестой. Потом он привез невесту, повенчался с ней и пожил, и прижили они себе дитя. Вот ей соскучилось на свою родину проведать. Приезжает она к своей мачехе — д ю ж е р а з у б р а т а (очень разодела), д ю ж е богатая. Мачеха взяла ее да испортила. Отняла у ней руки и ноги, и сделала она из нее голубя. Эта (жена барина) поднялась — улетела. Она (мачеха) нарядила в ее платье Двухглазку. Ну, нарядила она Двухглазку свою в ее платье и проводила. Тогда господа завешивались этими *дымками* (вуаль). Барин ее не узнал, за жену принимал. А дите ее все кричит и кричит. Она утром поднимется, уберет этого дитя, идет в поле. Летят табун голубей.

— Рысь молода, рысь хороша, покорми своего дитя!

Отвечает одна:

— Рысь молода, рысь хороша не в нашем табуне!

Летят табун еще голубей. Она опять теми же словами говорит:

— Рысь молода, рысь хороша, накорми своего дитя!

Ей и опять табун отвечает:

— Рысь молода, рысь хороша не в нашем табуне!

Выходит она третьему табуну наперед.

— Рысь молода, рысь хороша, накорми своего дитя!

Барин заметил это дело. Как она сходит с дитем, так дите молчит. Как *на ране* (на другой день) заря, кричит его малое дитя. Потом заметил он, что такое дело. Увидел, опустилась Нина к своему дитя, взяла его, а крылышки положила отдаля. Он подкрался, положил эти крылышки и их попалил.

Когда он их палил, она говорит:

— Что, сестра, палью воняет?

Она отвечала ей:

— Барин свиной палит!

Он ударил по крылу топором и сделались крылья веретеном. Веретено это переломил, впереди себя Нину постановил. А эту Двухглазку к хвосту лошади привязали да по полю растерзали. А теперь они в хорошем виде со своей женой живут. Хоть немного пострадала, но зато теперь другой свет увидала.

Я у ней была, мед пила, по губам текло, да в рот не попало.

Вот и басне конец.

ИВАН-ДУРАК

Жили-были старик со старухой, у них было три сына: два умных, третий дурачок. Этот все в золе лежал. Вот когда отец умирал, то приказывал:

— Сынки, вы меня по ночке откараульте.

Вот они *поконалися* (бросать жребий), кому вперед караулить. Досталось большему брату караулить. Он говорит:

— Иван, иди покарауль за меня.

У этого нет отказа, у Иванушки. Берет дубинку на плечо и идет на могилку. Бу-ух об отцову могилку дубинкой!

Спрашивает отец:

— Кто пришел?

— Батюшка, я!

Выводит он ему козу-золотые рога:

— Пусти, — говорит, — в поле, она тебе пригодится.

На утро среднему брату итти караулить.

— Иванушка, иди за меня.

Наваливает дубинку на плечо, идет на могилку. Бух об могилку!

Спрашивает отец:

— Кто там?

— Батюшка, я!

Выводит ему свинку-золотую щетинку:

— Пусти, — говорит, — в поле, она тебе пригодится.

Потом идет он караулить за себя. Наваливает дубинку — бух об могилку! Отец спрашивает:

— Кто там?

— Батюшка, я!

Выводит он ему коня, — золотая грива, золотой хвост у него.

— Пусти, Иван, в поле, он тебе пригодится. Когда он да будет нужен, свистни, крикни своим тонким громким голосом: «Стань, конь, передо мной, как лист перед травой». В ухо влезь, в другое вылезь, станешь кровь с молоком.

Вот у царя дочь засидела. Царь сделал башню и посадил дочь туда. Объявил:

— Кто достанет мою дочерю поцеловать, тот ее замуж возьмет.

Пусть слепой, пусть хромой, и нищим не г р е б у е т (брезговать), лишь бы схитрил.

Вот братья убираются итти на эти смотры. Иванушка говорит:

— Братья, возьмите меня с собой.

Они говорят:

— Дурак, куда тебе, тебя там задавят.

Братья его не взяли. Он свистнул, крикнул своим тонким громким голосом:

— Стань, конь, передо мной, как лист перед травой!

В ухо влез, в другое вылез, стал кровь с молоком и полетел он к этой башне. Летит, а у коня из ноздрей дым валит, из-под копыта огни брызжут, изо рта огонь пышет, под золото седло, на уздах серебро. Разлетелся, чуть-чуть не поцеловал, тыщи великие народу помял.

Пустил опять в поле. Обмотал голову *утиркой* (полотенце) и опять лег в *назол* (зола). Приходят братья и рассказывают:

— Ну, какой-то был королевич из иных земель. Отродясь сроду не видали, какие долго прожили, этакого господина.

— То-то я-то, братья!

— Сиди, дурак, а то тебя свяжут. Знаешь, там сколько народу подавило? А ты, вот, в золе копаешься.

Другой день подходит, братья собираются опять.

— Братья, возьмите меня с собой.

— Сиди, дурак, там тебя задавят.

Братья ушли. Выходит он в поле, свистнул, крикнул своим тонким громким голосом:

— Стань, конь, передо мной, как лист перед травой!

В ухо влез, в другое вылез, стал кровь с молоком, полетел туда. Тут стали *пространство давать* (раздались в стороны), ожидают. Конь бежит, из ноздрей дым валит, изо рта огонь пышет, из-под копыта огнем брызжет. Чуть-чуть он ее не поцеловал, еще ближе.

Приходят братья оттуда и говорят:

— Ну, нынче еще ближе, чуть-чуть не поцеловал.

— То-то я то!

— Сиди, дурак, тебя свяжут. Нетто мыслено такой убор? Где ты его возьмешь?

Сам (Иван) в золе скрылся.

На третий день *убираются* (одеваются) опять братья итти.

— Братья, возьмите меня с собой.

— Сиди, дурачок, а то тебя там задавят.

Выходит в поле, свистнул, крикнул своим тонким громким голосом:

— Стань, конь, передо мной, как лист перед травой!

В ухо влез, в другое вылез, стал кровь с молоком. Снова — здорово опять полетел. Тут уж стоит народ, ожидает.

Поцеловал он ее, и перстень она ему свой отдала. До тех пор Марья-королевна рада была, из иных государств себе жениха дождала.

Ищут жениха — нигде не находится. Вот у этих братьев спрашивают:

— Нет ли у вас кого, не проживает ли кто?

Эти отказываются:

— Нет, у нас нет никого.

Большой брат говорит:

— Уж не наш ли Иван?

Посмотрели — на нем кольцо и печать на лбу. Ну что делать, Марью — королеву венчать надо. Перевенчали их.

Там еще свояки из иных государств. Позвали его [Ивана] на охоту. Эти на быстрых конях поехали, а дурачку дали плохонькую лошаденку. Он выехал в поле, пришиб эту лошаденку, сдернул с нее шкуру:

— Сороки, вороны, свежее мясо!

Наловил галок и ворон через мешок. Принес в хоромы, распустил своих ворон.

А свояки его приехали с охоты:

— Ну, — говорят, — мы там таких видели пречудных зверей; свинья — золотая щетинка и коза с золотыми рогами.

— То-то моя скотинка!

Те на него:

— Сиди, — говорят, — дурак!

На утро убираются. Ему дали плохонькую лошаденку, а те поехали опять на прежних лошадях.

Сдернул он с нее шкуру и опять:

— Сороки, вороны, свежее мясо!

Наловил их целый мешок.

Пустил в дом их.

На третий день убираются они опять ехать. Иван вышел в поле, свистнул, крикнул своим тонким громким голосом:

— Стань, конь, перед мной, как лист перед травой!

Собрал свою эту охоту. Эти его свояки по два дня гоняли за

козою и свиньей и то не поймали. Он собрал свою охоту и ведет.

— Что ж я с вас возьму? С руки по пальцу, из спины по ремню. (Коня не продал, это он только свинью да козу).

Приехали они, собрались обедать, царь и говорит:

— Что ж ты, Иванушка? Видишь, эти зятя привели с охоты, а ты что ж?

— Батюшка, то-то я-то им продал.

— А сколько ты с них взял?

— Из руки по пальцу, из спины по ремню.

(Они в перчатках сидят едят).

Осерчал его тесть на тех зятев, осерчал и их прогнал.

Вот жена его и видит, что он такой мудрый. Легли спать, она и спрашивает:

— Иванушка, мне стыдно перед батюшкой, не мучай ты меня, открой мне свою мудрость.

Потом он вышел на утро в поле. Свистнул, крикнул тонким громким голосом. В ухо влез, в другое вылез, стал кровь с молоком. Выбросил он то, за что продал им, из кармана, приехал к жене на коню. Такой красавица и умный стал. И посейчас он умный. Я у них была, чай пила, такие они славные люди.

ВОЛК СЕРАЙ, СМЕЛАЙ

(Сказка приводится со всеми фонетическими особенностями)

В некотором царстве, в некотором государстве, в том, в котором мы живем, под номером сядьмым, иде мы сядим, снег горел, соломой тушили, много народу покрушили, тем дела не рязили.

Бягуть двянадцать волков, за двянадцатью волками бягуть старики с колами. Один волк серай, смелай говорить:

— Старички, воротитесь, умилитесь, мой отец ядал у вас по сту овец, а я к вашему стаду не прикоснусь.

Те воротилися, умилилися, пошли домой.

Идеть волк серай, смелай — ходить свинья с поросеночкям. Бяреть он свинью.

— Брось ты мене, волк серай, смелай, возьми ты у мене куценьява, кургузенькява поросеночкя. Взял он куценьява, кургузенькява поросеночкя за спинку, сдернул с няво кожурилку и сидить яво йисть.

Иде ни была лиса:

— Здравствуй, куманечек, миленький дружочек. Я к тебе пришла в гости глодать свининые кости.

— Што ты за тварь, читаешь мне такую букварь? Я сам учился в Рыги читать постовыи книги. Што было куценькяму, кургузенькяму поросеночкю, то и тебе, тварь, будя!

Та лиса вытягвайть ноги бяжать по дороге. Отправляется лиса в Брянские леса. В Брянских ляхах сидел пятух на дубу.

— Здравствуй, петушочек, миленький дружочек. Я была в городе Ирусалиме, там тебе восхвалили: у тебе — говорить, — петуха, шалкóвая борода, крылышки-то рябенъкии, сапожки-то красенъкии. Я есть духовная ваша мать, хожу по курникам вас исповядать. Ты есть грешник, ты есть беззаконник, по семьдесят семь жен имеешь. Слезь ко мне, раскайся ты мне. На том свете есть пшаница яровая и озимовая, я вас туды пуцаю, хорошим кормом наслаждаю.

Тот пятух спольстился на лисиный дух, с сука на сук спускалси, с деревом прошшалси, сел лисе на галаву. Взяла лиса пятуха сабе в уста, понясла яво в густыи куста́, стала лиса пятуху голову вяртеть. Съела она пятуха, отвисла у ней требуха, пошла она в реку свою жажду затушать. Иде ни был серый волк, взял лису за спину, сдернул с ней кожуруину, съел яё до остатка и показалось волку сладко. На этом басне конец.

ПРО НУЖДУ

Был мужик пьяница, и как напьется, идет *играет* (играть — петь).

И слышит, где-то стороной идет с ним, подпеваает. Однажды он идет, песенки поет, и она с ним подпеваает. Он говорит:

— Кто такое идет, песенки поет со мною?

— Я — нужда твоя.

— Что ты со мною ходишь, а не пьяная?

— Нет, — говорит, — я с тобой вместе водку пью.

Вот пришел в кабак и налил вина стакан. Взял да его в другую бутылку вылил, и как раз туда нужда попала. Попала туда нужда, он бутылку заткнул да на могилу отнес и закопал. Закопал в могилу и стал он богатеть да богатеть. Вот тебе брат его богатый приходит:

— Брат, с чего ты стал богатеть?

— Да вот отнес нужду закопал.

Этому брату стало ненавистно. Пошел брат этот откапывать могилу. Откопал эту бутылку, расшиб ее. Прицепилась эта нужда к этому брату, стала его скотина падать, заводы обваливаться. И всего его прибило.

Вот тебе за его ненависть!

ГОЛОДНЫЙ МУЖИК

Вот был бедный мужик, пятеро детей у него, а хлеба ни куска; не может он ни украсть, ни обмануть. Пошел он *унесть* у богатого мужика. Приходит он к амбару и выглядывает. А мужик вышел покарать, поглядеть свой амбар. Пригляделся, какой-то человек выглядывает из-за угла. И долго они в переглядки играли. Н а с м е л и л с я хозяин с ломом подойти к этому мужику и спросить его:

— Ты, мужичок, что пришел?

— Да что ты, то и я!

Этот хозяин говорит:

— Ну, давай же приниматься за дело!

Подошли, замок у них большой. Хозяин говорит:

— Ну, ломай!

Он говорит:

— Чем же я его буду ломать? Я с порожними руками.

Хозяин говорит:

— Ну, постой, у меня есть ж е л е з н я ч к а, я ее могу отомкнуть.

А в кармане ключ у него. Туда-сюда погрелся, махнул и отомкнул.

— Ну, лезь туда!

Мужик голодный унюхал хлеб мягкий. И там сел, ломает и ест.

Этот говорит:

— Чегой-то там не скоро?

— погоди, брат, я н а п х а л с я на мягкий хлеб, до смерти есть хочу.

Ел-ел — половину ковриги съел и подал ему другую половину оттуда. Другую ковригу подает.

— Это, — говорит, — тебе.

Он говорит (хозяин):

— Там есть ветчина!

— Эх, шальной, — отвечает голодный мужик, — нешто мы шли за ветчиной? Тут, слава богу, попался печеный хлеб, душу от смерти отвести.

Когда он оттуда вышел, тут мужик хозяином назвался. Бедный человек так сильно испугался. Сел на колени и давай прощенья просить.

— Прости меня!

— Нет, нет, ничего, бери хлеб, я тебе за то прощаю, что ты ветчину не взял, я вижу, что ты не вор.

Насыпает ему три меры пшена. Он с перепугу не мог поднять.

— Ах, — говорит, — не могу я взять!

Запряг мужик лошадь и повез ему туда. Входит тихо в избу без огня. Дети его дожидаются, ш е п т у ш к о м спрашивают:

— Принес нам хлебца, папаша?

Этот легонько отвечает:

— Принес ваш папашка, только засыпалась коняшка.

Положил краюшку на стол. Они кинулись, не отрезали, а зубами глодали. Пока мужик оглянулся, они эту коврижку съели.

Заплакал богатый мужик:

— Ах, — говорит, — как я бедняка испужал!

Ну поехал и сказал:

— Ешь, мужичок, на здоровье!

А он принес им пшена, лег и захворал, недолго прожил и умер этот мужик голодный.

КАК МУЖИК ВЕЗ ВОРОНУ В ГОРОД ПРОДАВАТЬ

Хитрый мужик, денег у него нет на свою нужду. Он с бабой думает, как где денег нам взять.

— И-и, баба, погоди, я удумал!

Делает садок. Она спрашивает:

— На что?

— За деньгами ехать!

Она ему у с м е х а е т с я, что за деньгами с садком ехать.

Поймал он ворону, посадил в садок. Привез в город и стоит кричит:

— Кто в городе не бывал, такое чудо не видал? Вот я привез!

О к р у ж и л и его народ. Одна барыня спрашивает:

- Сколько за погляденье?
— Да рупь!
— У-у, — говорит, — да это ворона!
— Ты, — говорит, — сама ворона, рупь мне отдала!

Подается с этого места и там так-то кричит. Набрал денег много и свою нужду всю исполнил. Теперь у мужика нужды нет.

КАК ФАШИСТСКИЙ ГЕНЕРАЛ К ПАРТИЗАНАМ В ПЛЕН ПОПАЛ

Жил да был фашистский генерал. Уж такой он был лютый, что даже самые злые собаки и те дивуются на его злость.

Ладно. Пришел это он с войском большим в нашу деревню и шумит:

— А где народ, почему в деревне пусто?

Говорят ему:

— Придется вам, ваше свинородие, лечь натошак, весь народ разбежался, один глухой старик остался.

— А привести мне этого старика, — шумит генерал.

Приказано, сделано. Привели ему старика Пахома, который сидел у себя на печи дома.

— А ну, — шумит генерал, — отвечай, где народ?

— А народ в лес подался и свиной, и кур, и всю живность угнал.

Пуще залютовал генерал.

— А далеко ли, — спрашивает, — лес?

— А лес стоит у нас на гладком месте, как на бороне, верст двадцать в стороне, а в лесу этом и коровы, и свиные, и гуси. Гуси так и рвутся в жаркое, а свиные носами о землю стучают, в котлы просятся, ждут вас, ваше свинородие, не дождутся.

Обрадовался генерал, приказал в трубы трубить, лес окружить, от жадности трясется, рычит, хочется ему пообедать, свиные отведать, гусей на заедки, а солдатам — генеральские обеды.

Смекнул Пахом. Побежал к себе в дом, малого внука в лес посылает, дает ему наказ: скотину по лесу распустишь, а партизанам о врагах доложить.

Ведет генерал войско к лесу, от жадности глаза разгораются, брюхо вздувается. Видит генерал коров и свиной, куриц и гусей.

— А ну, — шумит он, — живыми всех словить, чтобы было чем закусить!

Побежали — кто за коровой, кто за быком, кто за свиньей, а кто за петухом.

Свиньи по полю разбегаются, коровы бодаются. Бегают солдаты за скотиной, за гусями лезут в болото, — ну, как есть, настоящая охота!

Остался генерал один. Рот разевает, зубами щелкает, бельмами ворочает.

«Эх, — говорит, — хороша пожива. Салом нажрусь, молоком напьюсь, будет мне всего и про запас.

Думал так генерал и всхрапнул малость. Спит генерал, а партизаны врагов окружили да всех и побили.

А фашистскому генералу снится сон, как обжирается он и поросятиной, и гусятиной. Яйцо целиком в пасть бросает, курицу с перьями пожирает, свиную ногу в горло сует, да никак не прожует. Быки и коровы на генерала наступают, в пузо его попасть желают.

Генерал всех бы съел, да от натуги покраснел. Жилы у него раздулись, того и гляди лопнет.

Проснулся генерал, смотрит, а руки у него завязаны, на шее веревка, а кругом партизаны.

— Следуй, — говорят они генералу, — за нами, а угощать теперь мы тебя будем сами. Учиним мы тебе, жадный пес, допрос.

Так и не пришлось фашистскому генералу отведать нашего гуська, — а тут и сказка вся.

III.

Евгений Новичихин,
член Союза писателей России

ДАР НАРОДНОЙ СКАЗИТЕЛЬНИЦЫ

«...родилась я 15 февраля 1892 года в Воронежской губернии... село Старая Тойда, в семье крестьянина-бедняка», — рассказывает Анна Николаевна Королькова в своей автобиографии, предпосланной одному из изданий своих сказок. И добавляет: «Когда я была в детстве, их, сказки эти, только и рассказывали. Люди ведь тогда дюже бедно жили: ни избы-читальни, ни библиотеки, ни кино. Про это и слуху не было. Вот детям сказки и рассказывали, чтобы не баловались. Вечером — кто чулки вяжет, кто мотки мотает, кто заплатки кладет, ну, а нам — сказки. Положит нас бабка на печи и давай сказывать. Они разные были: детские и взрослые, и шуточные, и былины про разных про богатырей. У меня память была большая, я все запомнила...»

Говорят, что любой талант в человеке — от Бога. Наверное, это так и есть. Но я бы еще добавил: и от отца-матери, от дедушек-прадедушек и бабушек-прабабушек. Видимо, талант имеет в определенной степени генное происхождение.

Анна Николаевна Королькова унаследовала талант сказительницы, как считают ее специалисты и биографы, от своего дедушки Устина.

Устин Сергеевич Глазков рано остался без отца — ему было всего шесть лет. В семье жили бедно и, как рассказывала Анна Николаевна, мать отдала маленького Устина (ему еще и восьми не было!) в поводыри к слепому старику — исполнителю духовных стихов. В зимнюю стужу, когда трудно было передвигаться по занесенным снегом дорогам, старик

Фрагменты из документального повествования «Добрим молодцам урок».

сажал маленького поводыря на спину. Так, со спины старика, Устин и указывал ему — куда идти, где повернуть.

До четырнадцати лет сопровождал он слепых старцев по селам. Они пели песни, он им тоже стал подпевать, а люди им милостыню подавали. Богатые-то все больше прочь гнали от своих домов, а бедные — чего они могли подать? Кто кусок хлеба, кто яблоко, кто головку лука... Этим и приходилось кормиться.

Когда исполнилось четырнадцать, возвратился Устин в свою слободу. Нанялся в работники к богатым людям. Работал усердно. Часто пас барских гусей. Однажды гусь его пощипал. Дело вроде бы обычное. Но произошло это на глазах односельчан. С тех пор прилипла к нему кличка — Гусек. И все его потомки были по-уличному тоже Гуськами да Гусихами.

Стал Устин и своим нехитрым хозяйством обзаводиться. В девятнадцать лет женился. Жена его, бабушка А.Н. Корольковой, была круглой сиротой — ни отца, ни матери. Но рассказчицей была — хоть куда! Анна Николаевна говорила, что бабушка была «дюже деловая». В Старой Тойде ее знали и как прекрасную певунью. А еще — как большую специалистку по свадьбам. По словам Анны Николаевны, «высватала» она — ни много ни мало — триста свадеб!

А их сын Микола, Николай Устинович Глазков, — будущий отец сказительницы, родился в 1869 году. Вырос он человеком добрым, а к тому же сильным: мог запросто согнуть подкову. В кулачных боях, которые в то время были не редкостью, участия не принимал: боялся, что кого-нибудь «зашибить» может. Вот такая сила у него была. О таких обычно говорили: косая сажень в плечах.

Когда пришло время и Миколу жениться, решили искать невесту в другом селе, где никто не знает, что отец жениха был когда-то поводомрем. Звали суженую Акулиной.

Новая семья жила бедно — почти как в корольковской сказке «Все золотое»: «...если хлеба крохи, кваса не пили, а браги совсем не варили». «Родилась я в бедности», — вспоминала Анна Николаевна.

Крестил ее в Никольской церкви священник Михаил Зорин. Имя дали, как водится, по святым: в честь пророчицы Анны.

Из детских лет до конца жизни остались с нею несколько ярких воспоминаний. Во-первых, песни дедушки Устина Сергеевича и бабушки Марии Потаповны. Пели они их часто и много. А главное — задушевно. Были песни грустные, были и веселые. Память у Анюты была хорошая, можно сказать — отменная, она и сама эти песни начала петь.

Во-вторых, запомнились ей сказки отца. И тут, забегаю вперед, скажу, что до недавнего времени никто из исследователей творчества Анны Николаевны не обратил внимания на то, что ее отец, Николай Устинович Глазков, тоже был замечательным сказителем. В 1941 году Вячеслав Алексеевич Тонков записал от него десять сказок, множество пословиц и поговорок, а в 1944-м — три сказки и несколько песен. Сказка «Маленькая Маша» опубликована в 1949 году в сборнике «Фольклор Воронежской области». А в книге «Народное творчество в годы Великой Отечественной войны», вышедшей в Воронеже в 1951 году, В.А. Тонков напечатал сказку «Богатырь-освободитель и Змей Горыныч». В комментариях к последней книге В.А. Тонков написал о Н.У. Глазкове:

«Помнит много песен и сказок. Особенно любит рассказывать про подвиги русских богатырей — Святогора, Ильи Муромца, Добрыни Никитича...

Говорит сказитель неторопливо, с повторами, вставляя в свои сказки так называемые общие места. Диалог у Глазкова иногда теряет свою условность и традиционность и представляет собой обыкновенную разговорную речь.

Все это позволяет утверждать, что Николай Устинович Глазков является не только хранителем унаследованного им сказочного репертуара, но и творцом новых вариантов, часто придающих сказке новый смысл, новое звучание».

Так что талант сказительницы передался Корольковой не только от деда, но еще и от отца.

Трудиться Анюта начала рано. Как только исполнилось восемь лет, ее отдали в няньки. Работала недалеко от своего дома, в семье зажиточного крестьянина. «У него две снохи, — рассказывала Анна Николаевна, — у одной — трое, у другой — двое, ну самые маленькие. Бабы про-меж себя часто из-за меня ругались. Эта говорит: «Ты, говорит, моего дитя жалеешь дюже!» А та: «Нет, моего!»

Может быть, именно поэтому в будущих сказках Корольковой нередко возникают образы сварливых снох, похожих на этих. Например, в сказке «Дорогой пятак» сноха до того ленива, сварлива и неумна, что корову «прожмурила». А в сказке «Аленушка» сноха показана не только сварливой, но и жестокой.

Однажды зашел в дом, где работала Аннушка, сосед — Степан Иванович Растрыгин. В селе звали его дедом Стяпухой. Анне Николаевне он запомнился как «белый, снеговой да кучерявый». А еще она говорила, что румянец у него был сеточкой — «как будто паук водил». Так вот, зашел в дом дед Стяпуха, посмотрел на работу девчонки и похвалил.

Степан Иванович, который был, по словам Корольковой, «старым стариком» и говорил, что он другой век живет (Растрыгин действительно дожил до 116 лет), оказался человеком таким же добрым, как и его многочисленные сказки. Когда старый пасечник, рассказывая их, начинал что-то с трудом вспоминать, то она сама ему и подсказывала. Слово в слово! Удивлялся дед Стяпуха такой памяти и рассказывал сказки новые и новые.

Конечно, не только Степан Растрыгин прививал ей чувство русского слова, уважение к нему. Среди ее ближайших родственников были и прекрасные певуны, и великолепные рассказчики. В своей автобиографии Анна Николаевна писала, например: «Или тетка моя, сваха — за жизнь триста свадеб высватала. Вот кто красиво говорить умел... Тетка все посмеивалась: «Брехать — не пахать, брехнул да отдохнул».

Но роль Степана Ивановича в ее приобщении к сказке, к песне, более того — к добру, была решающей. Хоть еще и мала была Анютка, но доброту дедушки Стяпухи она оценила сразу. Как-то спросила его:

— Дедушка, а ты с кем-нибудь ругался?

— Нет, Анюта, не приходилось, — ответил тот. — Кое-когда с Калинишной — зимой, на печке. Прожила она девяносто шесть лет. Вот лежим на печке, а она говорит: «Старик, ты бы пошел — дал кормочку скотине. А я говорю: «Калинишна, да ты или не хозяйка? Пойди, да дай». А она-то и зашуршит. А я встану и иду корм давать. Вот так я и ругался...

А если запевал дед Стяпуха песню, то со всей деревни шли к его дому люди, чтобы послушать. Многие пытались ему подпевать. Но лучше, чем у него, ни у кого не получалось.

А потом Анютка жила у купца Скляднева. В ее обязанности входило

Е.В. Соломкин.
Портрет Анны Корольковой

летняя прохлада которой навевали мысли о радостном будущем. Был Студеновый, к которому она продолжала ходить за водой и мечтать, глядя в его глубину. А еще — были сказки! Она продолжала приходить на пчельник к деду Стяпухе и слушала его, слушала, слушала... И про Добрыню Никитича, и про Илью Муромца, и про Елену Премудрую... И все — запоминала. А дома были сказки бабушки Марии. Они были похожи на сказки Степана Ивановича, но в чем-то — расходились. И Анютка сопоставляла разные варианты, находила для себя более интересные и жизненные.

Она и сама становилась прекрасной рассказчицей. «Сказки сказывать» она любила. И ее за эти сказки тоже полюбили — и девчата, и ребята, и взрослые люди, и старики.

Дед Стяпуха нарадоваться не мог на Анютку:

— Вот подрастает сказочница! Не хуже меня будет!

Он уже давно заметил, что Анютка не просто запоминает его сказки, но постоянно дополняет их чем-то своим, «присочиняет».

В Старой Тойде восхищались ею и стар, и млад:

— Анютка Гусиха не сказку рассказывает, а кружево плетет!

Песни она тоже петь любила. Голос у нее был красивый, звонкий. Когда заводила песню, какая-нибудь из подруг обязательно ей подпевала. Потом подключалась другая, третья. Далеко вокруг слышны были эти песни. Улетали они за речку Тойду, эхом отзывались в лесу.

В школе Анютка практически не училась: всего каких-то полгода ходила в церковно-приходскую школу. Читать научилась самостоятельно, а писать так никогда и не умела.

Замуж она вышла в 1913 году. Жениха своего до свадьбы почти не знала — так водилось в те времена. Горько плакала, не хотела идти за

стирать белье, мыть полы, подавать хозяевам еду на стол. У Складнева было трое детишек, за ними тоже надо было приглядывать.

Иногда ее посылали в Студеновый — за водой. Студеновым в Старой Тойде издавна называли колодец, вырытый возле Бобровского шляха. С колодезным журавлем и деревянной бадьей она кое-как справлялась, но возвращаться обратно с тяжелыми ведрами было нелегко. К тому же и путь был неблизкий. И все же ходить к Студеновому она любила. Вода в нем была прозрачная-прозрачная, холодная-холодная. Казалось, что такой больше нет в целом мире...

В одиннадцать лет ее отдали в услужение к помещику Леониду Алексеевичу Хренникову. Но «в людях» Анюта Глазкова жила не так уж и долго. А потом — ходила на поденщину.

Сказать, что ее детство было безрадостным, она бы не смогла. Да, было нелегко, недоедала и недосыпала. Но были подружки, с которыми все горести быстро забывались. Была речка Тойда, красота и

него. Отец пожалел ее и отказал сватам. Но они снова пришли, потом снова... Уж больно невеста была хороша!

Мама Анюты стала уговаривать мужа:

— Микол, Анютка не хочет иттить. Но я так думаю: свекор мужик смиренный, обижать ее не будя. У них сад хороший. Дети все работающие. Можя, отдадим?

— Нет! — стоял на своем отец.

— У них Микитка — плотник, Ванька — швец, Яшка — тоже мастеровой, и все они подсевщики, — не унималась мать.

В конце концов, согласился Николай Устинович. Стали готовиться к новому приходу сватов. Но тут уже мать напятнует:

— Не хочет иттить! Вся слезами изошла!

— А мы ее повезем! — отрезал отец.

Куда денешься? Воля родителей — закон.

Пришел в дом жених — Ефим. Посмотрел, как она плачет-кручинится, и ласково сказал:

— Я тебе слово даю, что беру тебя не воз возить, а дом красить...

Анна поверила ему как-то сразу. И успокоилась.

Венчались в новой, недавно построенной в Старой Тойде церкви Александра Невского.

Деверей да золовок у нее оказалось немало. Тридцать три человека было в семье, в которую она вошла! Почти как в ее сказке: «У них детей было много: двое двоеч, трое троеч, да семеро поодиночке. Так они бедно жили, хлеба досыта не ели, квасу не пили, а брагу подавно не варили. Да еще скоро должен быть ребенок...»

В эту семью до Анны уже вошли девять снох. Она стала десятой.

Люди и в самом деле были хорошими. Отец жениха, Ферапонт Корольков, славился в Старой Тойде как мастер на все руки. О сыне говорил с гордостью:

— Ефим в меня пошел!

«Муж у меня был трудолюбивый, ремесленный», — вспоминала и Анна Николаевна.

Но вскоре семья разделилась. Осталось их четверо: свекор со свекровью, ее Ефим, да она сама. Думали, что легче им станет. А вышло — наоборот: бедствовать еще больше стали. Пришлось Ефиму конюхом идти к Хренниковым, а Анне — кухаркой.

В том же 1913 году родилась у Анны Николаевны дочка. Назвали ее Шурой, Сашенькой.

А потом молодым пришлось расстаться, потому что в 1914-м началась война. Не успели даже на новом месте обжиться как следует, пришел к ним в дом староста сельский — Алексей Ефимович Хритонов:

— Собирайся в армию, Ефим!

Ахнула Анна. А староста успокаивать стал:

— Да чего ты боишься-то? Таким, как твой Ефим, и на фронте цены нет! Беречь его там будут! Живым воротится к тебе!

А как не бояться? Война есть война.

Сначала Ефим служил недалеко — в Воронеже. Хоть редко, но весточки от него до Старой Тойды доходили. Потом он в Бахмач с войском ушел. А это уже — не ближний край, весточек оттуда не дождешься. Но Анна Николаевна ждала и верила.

Свекору со свекровьей — почти по восемьдесят годков. Какая от них работа? Все хозяйство было на ней одной. Коровку покормить да подо-

ить — она. За лошаденкой ухаживать — тоже она. В доме прибраться — кому же еще, кроме нее?

Хорошо, что хоть были эта коровка да лошаденка. Да еще за Ефима-солдата получала небольшие деньги. У других и того не было. Но нужда все равно одолевала. А больше всего — тревога за мужа: жив ли?

Однажды (шел уже 1915 год) явился Ефим:

— Отслужился солдат Корольков!

В глазах — не поймешь чего больше: радости или печали. И худющий-прехудющий! Оказалось — захворал сильно, вот и списали его. Беспокоеством своим делился:

— Армия начала колобродить, агитаторы появились, за большевиков агитируют. А кто они, эти большевики, и чего от них ждать — пока никому не ведомо.

Вышли вдвоем с Ефимом планировать свое новое «поместье» в Гуськовой лощине.

А из далекого Петрограда приходили тревожные вести: кто говорил, что царь сам отрекся от престола, кто — что его скинули. Как же без царя? Один Ефим к этим новостям спокойно отнесся.

— К этому все и шло, — говорил он, вспоминая армейских агитаторов.

Оказалось, что без царя тоже можно жить. В селе заговорили о Ленине, о его сподвижниках по революции. Из Воронежа сообщили: там тоже советская власть установилась. А вслед за этим — и в Боброве, и в Старой Тойде.

Как-то пришел Ефим домой и объявил:

— Завтра барскую землю делить станут!

Радовалось все село: «Сами теперь хозяйничать будем, без купцов и помещиков!».

Как символ новой жизни подрастал у Корольковых свой сад. Впоследствии, будучи уже членом Союза писателей, она не однажды о нем вспоминала — видно, потому, что посажен он был на собственной земле и собственными руками.

Радость оказалась кратковременной. Начиналась долгая гражданская война.

Хоть Старая Тойда оказалась и вдали от происходивших кровавых событий, но и сюда доходили слухи о братоубийстве. То в тот дом, то в этот приходила беда.

В 1918 году в семье появился сын — Митроша. То-то радости было у Ефима Феррапонтовича! Да и Анна Николаевна тоже радовалась: угодила мужу.

А потом в Старую Тойду нагрянула беда новая. Сначала один год оказался неурожайным. За ним — другой. Пришел голод 1920–1921 годов. Вся домашняя скотина в селе пала — кормить ее было нечем. Пухли от голода люди. Один за другим умирали старотойденцы, и над селом проносился почти непрерывный звон церковного колокола, извещавшего о смерти односельчан.

Анна Николаевна совсем обессилела. Больной Ефим ходил то на речку — вылавливать ракушки для еды, то приносил из леса кору — ее парили и ели, то какие-то коренья, то лебеду. Помогали и желуди из леса. Их мололи и делали из этой муки лепешки, чтобы покормить Шуру и Митрошу. Горькие лепешки, невкусные, но дети молча ели их, потому что ничего другого не было.

Вспоминая в старости о тех годах, Анна Николаевна рассказывала внукам, что соседка вывела трех своих детишек за село и сказала:

— Идите и назад не вертайтесь, а то помрете. Может, даст Бог, встретятся вам добрые люди, да подадут чего, покормят...

Анна Николаевна со своими детьми расстаться не смогла.

А очередной год принес какой-никакой урожай. Повеселела Старая Тойда. Накопив силенок, Ефим Корольков стал браться за разные заказы. Снова ладил дома, строгал оконные и дверные рамы, помогал тойденцам по хозяйству — кому чем мог. Иной раз уходил на работу и в соседние села, не отказываясь ни от какого труда. Бывало, что и целыми неделями домой не приходил — трудился до самого темна и там же ночевать оставался: еще солнышко не всходило, как он уже опять ладил да строгал.

А Анна Николаевна училась вышивать. Да так здорово это у нее пошло, что к ней тоже стали поступать заказы — то к свадьбе, то к какому-нибудь иному торжеству. Так и кормили семью из восьми человек. Дело в том, что к тому времени у Анны Николаевны появились еще четыре дочки: в 1923-м родилась Маша, в 1924-м — Зина, в 1927-м — Тамара, в 1929-м — Сима.

Стали в Старой Тойде свой колхоз создавать. И они оба вступили в него — и Ефим, и Анна. Их приняли с радостью, тем более что Ефим к тому времени научился разную сельскохозяйственную технику ремонтировать. Ее в те годы много поступало в колхоз, и за всем уход необходим.

Сдали не только лошаденку, но и почти новую телегу. Сами на ней не больше года ездили. Телегу, конечно, не так жалко было, а вот о лошаденке в семье вспоминали долго. Даже в 80-х годах Анна Николаевна говорила с грустью:

— А кобылка эта в колхозе семь жеребят принесла...

Вот так в 1931 году Анна Николаевна стала колхозницей. Здесь, в колхозе, ее тоже стали видеть все время поющей песни, частушки или рассказывающей сказки.

Старшей дочерью Анны Николаевны была, как уже сказано выше, Александра. Полюбила она парня. Володей его звали. Жил он в Воронеже, работал в школе учителем русского языка и литературы. За сто с лишним верст приезжал в Старую Тойду, чтобы со своей Шурой встретиться. Словом, вышла Александра замуж за Владимира Голикова, и сама Голиковой стала. Переехала к мужу, в город.

В конце 20-х — начале 30-х годов прошлого века Воронеж заметно преобразовывался. В 1928 году город стал административным центром только что образованной Центрально-Черноземной области и, разумеется, должен был подавать достойный пример культурного строительства. В 1929 году открылся первый в истории города парк культуры и отдыха. Появился цирк. В 1931-м создан театр музыкальной комедии. На проспекте Революции заметным стал Дом Красной Армии — будущий гарнизонный Дом офицеров. Стал выходить литературный журнал «Подъём». Активно работали кинотеатры, клубы, всевозможные агитпункты, школы для малограмотных и тому подобное.

В городе царил всеобщий энтузиазм. Заводы и фабрики ждали новых рабочих рук. Александра чуть ли не в каждом письме рассказывала отцу и матери о городских новостях. А заодно спрашивала: «Может, и вы в город переедете? Работа и вам найдется! Чего вам делать в этой Старой Тойде! Володя тоже так считает...»

Поначалу Ефим с Анной обижались на нее. Ефим даже вскипал:

— Ишь, стоило только уехать, как о родном селе забывать стала! Тоже мне — городская!

В полном согласии друг с другом решили:

— Нечего нам в этом Воронеже делать! Лучше Старой Тойды мы ничего и нигде не найдём...

Но жизнь в селе не всегда зависит от крестьянина. В 1932–1933 годах пришел новый недород. Как жить с пятерыми детишками (Александра — не в счет, она уже замужняя)? Конечно, Митроша уже вырос, сам в колхозе работает. А остальные?

Вспомнился тот самый голод двадцатых годов. И как-то страшно стало чете Корольковых.

А тут приехали к ним в гости Александра с Володей. Александра опять за свое:

— Переезжайте! Работу в городе и отец, и Митроша сразу найдут.

Поддержал жену и зять:

— У нас на заводе столько рабочих рук нужно!

Промолчали Ефим с Анной. Но призадумались. Как жить, если вдруг наступят худшие дни?

— Не прислушаться ли нам к Шуре с Володей? — вслух размышлял Ефим Ферапонтович.

— И то правда, — поддержала его умница-жена.

Вот так и переехали они в Воронеж.

Практически никакого домашнего скарба с собою не взяли. Все осталось в Старой Тойде.

Ефим Ферапонтович сразу пошел на завод СК-2 — так до Великой Отечественной назывался завод синтетического каучука имени С.М. Кирова. Предприятие новое, продолжает строиться — наверняка там есть для него дело. Кадровик, к которому его направили, поначалу отнёсся к посетителю с недоверием:

— Откуда, говоришь? Из Старой Тойды? Что-то не слыхал! Ну, и что там умеют, в вашей Старой Тойде?

Когда Ефим рассказал ему, чем ему приходилось заниматься в жизни, недоверие кадровика сменилось уважением:

— Да ты для нас просто находка!

Митроша тоже быстро устроился — на авиационный. Стал там лекальщиком. А Анна Николаевна домохозяйничала.

Жили в бараке, совсем близко от СК-2 — на улице Лебедева. Барак — деревянный, холодный, безо всяких удобств. Даже воды не было: ее подвозили сюда, как и дрова для отопления, на лошадях. В таких же бараках размещались и магазин, и столовая, и почта, и медпункт. Клуб — и тот в бараке. И все это носило название «жилзона». По правде говоря, жить в этой «жилзоне» было не очень-то легко.

Домашних дел у нее — невпроворот, тем более что в 1934-м в семье появился ещё один ребенок — второй сынишка, Коля. Но, несмотря на то, что приходилось и недосыпать, и недоедать, душа была спокойной. С мужем у нее все ладится. Младшенькие дочурки стали учиться в семилетней школе. Сама образования не получила — так пусть хоть они выучатся.

Но чего-то ей не хватало. Душа просила общения с людьми. Нашла нескольких тойденских девчат, мужа которых работали на этом же заводе. Стали собираться вместе, вспоминали свою Старую Тойду. Песни пели. По воскресным дням начала ходить на различные мероприятия, проходившие на СК-2. По большей части это были лекции.

Ее заметили, предложили вести общественную работу. Приняла предложение с удовольствием. Ходила в детский сад, в ясли — рассказывать детишкам сказки. По поручению заводского профсоюзного комитета кле-

ила бумажные пакеты — для подарков. Ее хвалили, ставили в пример, а однажды даже премировали. Деньги небольшие были, но как же Ефим обрадовался!

— Вот так жена у меня! — воскликнул. — Вроде работать на завод не ходит, а этот завод ей премии выписывает! Надо же!

Ей была приятна эта премия, но похвала мужа радовала больше всего.

Когда бывала на заводе, не раз встречала тойденских девчат и здесь. Кто еще до Корольковых в Воронеж перебрался, а кто — позднее. Встрече с Анной Николаевной они радовались, как детишки. Сразу засыпали вопросами:

— Ну, как ты? Сказки сказываешь? Песни поешь?

Стали собираться еще большей группой, «песни играть». И вдруг у нее возникла мысль: «Надо бы хор организовать! На заводе-то — лекция за лекцией. Но что-то и для рабочей души придумать не мешало бы...»

Поговорила с девчатами. Они сразу ухватились за ее идею:

— А почему бы и нет?

Поспрашивала у людей, узнала, у кого голоса хорошие. Немало таких отыскала среди жен работников СК-2. И о своих дочерях не забыла: подросли они уже, а голоса у них великолепные — в мать пошли.

Хор приступил к работе в 1937 году.

А потом — горе на многие годы, до конца жизни. Младшенький, Коля, умер. Не дожил и до трех. Голодное время не могло не оставить своего чёрного следа на неокрепшем еще организме ребёнка. Как выдержало эту беду материнское сердце? Сколько слез было пролито ею, оплакивавшей безмерную потерю? Отвлекала от мрачных мыслей — далеко не всегда — только работа с хором. Сначала в него входило всего девять певцов. Но с ростом известности хор стал расширяться. В 1939 году в нём состояло уже семнадцать человек.

Первый концерт состоялся в заводском клубе в праздничный день — 8 марта 1938 года. Встретили их горячо. Каждый номер сопровождался бурными аплодисментами, возгласами:

— Молодцы, бабы!

После концерта подошёл к ним руководитель заводского комитета Шахов, похвалил. Сказал:

— Всё! Теперь вы у меня на примете!

И вдруг предложил:

— Следующий концерт к празднику Первомай готовьте! Будем передовиков производства чествовать, и вы в этом деле главную роль сыграете...

И пошло! Репетиции... Концерты... Снова репетиции...

А тут в завком пришла из Москвы бумага: готовится проведение Всесоюзной олимпиады коллективов художественной самодеятельности предприятий химической промышленности. Приняли участие в нескольких отборочных турах. Все прошло успешно — да так, что они попали на заключительный концерт, который проходил в Ярославле.

Отправились туда 30 июня 1938 года. Ехали — и волновались. Всю ночь глаз не сомкнули.

В Ярославле организаторы концерта встретили их приветливо:

— А-а, воронежцы! Слыхали о вас, слыхали!

Анна Николаевна про себя удивилась: «Надо же, и сюда слух о нас дошёл...»

Она была уверена, что девчата ее не подведут. И они не подвели.

Ярославский концерт состоялся 4 июля 1938 года. Анна Николаевна

исполняла свои новые частушки. Результаты выступления стали для хора хоть и маленьким, но триумфом. Девчата вошли в число победителей, опередив многие более опытные коллективы. Их наградили почетной грамотой Центрального комитета профсоюза работников химической промышленности. Но больше всего их обрадовал драгоценный подарок — новые музыкальные инструменты.

А потом их как победителей пригласили в Москву для участия в правительственном концерте. Когда узнали об этом, даже не поверили:

— В столицу? Да разве так бывает?!

Оказалось, бывает.

И снова — репетиции. И — новые волнения:

— Понравимся ли москвичам?

Московский концерт проходил в Колонном зале Дома Союзов. Многие тогда называли его по привычке залом Благородного Собрания. Перед началом выглянули девчата в зал и обомлели. Все в мраморе! Такую красоту они даже в Старой Тойде не видели!

Зал стал наполняться зрителями. Вот-вот концерт начнется. И вдруг слышат: зазвучали бурные рукоплескания, какие-то громкие возгласы. Анна Николаевна незаметно для других слегка раздвинула занавес и ахнула: самого Сталина встречают! А его сопровождают Молотов, какие-то еще члены правительства... Сразу — к своим певицам:

— Девки, держитесь! Сам Сталин нас слушать будет!

Девчата замерли от неожиданности:

— Да ты что?!

Перед каждым ответственным выступлением она говорила певуньям:

— Не обращайтесь ни на кого внимания, пойте так, как будто вы поете в тойденской избе...

Перед концертом в Колонном зале повторила им те же самые слова. Но все-таки тревожилась: поглядят в зал, увидят Сталина — и оторопеют от неожиданности. Но тойденские — девчата бойкие: когда объявили их выступление, вышли на сцену без малейших признаков волнения. Показали все что могли. Были и песни, и пляски, и задорные частушки, сочиненные самой Анной Николаевной.

Выступление закончилось бурной овацией зала. Приветствуя воронежских артистов, зрители встали. Сталин, улыбаясь в усы, тоже поднялся, а за ним и Молотов, и все остальные руководители. Им вручали охапки цветов, их приветствовали руководители великого государства, а Анна Николаевна в этот момент почему-то вспомнила свою Старую Тойду, родителей, Степана Ивановича Растрьгина, воронежский барак, своего Ефима, ждущего её из ответственной московской поездки.

После концерта их пригласили на торжественный прием, устроенный в министерстве. Сам министр благодарил хор за отличное выступление и вручил девчатам премии. И без конца повторял:

— Спасибо! Молодцы!

На заводе их принимали уже как знаменитостей.

К 1941 году в хоре значилось уже 26 человек. За годы своего существования коллектив Анны Николаевны Корольковой дал более 150 концертов...

В 1941 году, перед самой войной, в Воронеже вышла в свет книжка ее сказок. Она так и называлась — «Сказки А.Н. Корольковой». Тексты сказок были записаны еще в 1938 году известным воронежским ученым-фольклористом Вячеславом Алексеевичем Тонковым. Частично они вошли в

книгу «Песни и сказки Воронежской области», изданную в 1940 году под редакцией Ю.М. Соколова и С.И. Минц. Но собственная отдельная книжка, что ни говорите, большое событие для автора. В своем предисловии к сборнику В.А. Тонков особо отмечал, что в обширном сказочном репертуаре Анны Николаевны содержатся почти все виды русских сказок — от волшебных, героических и бытовых до короткого анекдота, «повестушки» включительно. «Народно-поэтические символы, психологические параллелизмы, сравнения и эпитеты помогают сказительнице еще ярче раскрывать душевные переживания своих героев», — писал В.А. Тонков. Интересно отметить, что редактором этого издания был Петр Николаевич Прудковский — будущий коллега Анны Николаевны по Союзу писателей.

Нагрязнула Великая Отечественная. Немцы рвались к Воронежу. Начались бомбежки города, а потом и бои на его правобережных улицах. Пришлось эвакуироваться. Произошло это позже, в июле 1942 года, когда весь Воронеж уже горел. «Русская песня последней ушла из родного Воронежа, ушла, чтобы первой вернуться», — вспоминал К.И. Массалитинов. К хору Анны Николаевны Корольковой это относилось в полной мере. Анна Николаевна вместе с Ефимом Ферапонтовичем и дочками Шурой, Тамарой и Симой, с двумя внуками — детьми Шуры — направилась к родителям.

Когда пришли в Старую Тойду, отец с матерью им обрадовались:

— В войну лучше вместе быть, рядом...

От сельской жизни она стала уже отвыкать. Но без работы сидеть не могла. Думала: «Как я тут отдыхать буду, на природе, если другие воюют с извергами-германцами?!»

И Анна Николаевна решила опять создавать хор. Девчата в Старой Тойде голосистые, некоторые, кто из Воронежа эвакуировались, уже имеют опыт выступлений перед людьми, чувствуют сцену.

Выполнить задуманное оказалось непросто. Подошла к Аграфене Гуровой, у которой был голос «такой запевальный»:

— Аграфена Тихоновна, вот какое дело: как бы нам хор слепить...

А та посмотрела на нее с удивлением:

— Какой хор! У меня Васька на войне, сын. Какой тут хор...

Королькова вздохнула:

— Да ведь и у меня Митроша на фронте, вот мы для них и постараемся.

У всех кто-то был на войне — у той сын, у той муж, у той отец... Но хор она все-таки «слепила». Да не какой-нибудь — двадцать три певуны откликнулись на ее предложение!

Пришла пора уборочных работ. Днем рожь убирали, а по вечерам — в воинские части. Для них сдвигали две машины: задними бортами одна к другой — вот и сцена готова! Концерты эти, как оказалось, были очень нужны фронтовикам.

В июле 1942 года в селе Анна в числе эвакуированных воронежцев оказался и Константин Ираклиевич Массалитинов с группой певцов и музыкантов Воронежской швейной фабрики. Из Анны он был вызван в Москву — в Комитет по делам искусства при Совнарком. Ему предложили создать Воронежский русский народный хор — причем срочно, с 1 января 1943 года. В постановлении Воронежского облисполкома говорилось: «...на базе лучших исполнителей народной песни».

А среди лучших кто? Конечно же, девчата из Старой Тойды. С первых же дней войны в области возникло немало колхозных хоровых коллективов, которые выступали перед призывниками, пели для воинов, от-

правлявшихся в эшелонах на фронт. Но опыта у этих коллективов было все-таки маловато. Хор Корольковой — другое дело. Опыт у него уже солидный. Поехал Константин Ираклиевич в Старую Тойду, взяв с собой Марию Мордасову. Королькова им обрадовалась, спросила:

— Что привело к нам?

— Анна Николаевна, создаю профессиональный коллектив. Надеюсь, что и ваши девчата в него войдут.

Задумалась Анна Николаевна:

— Сама-то я готова. Мне все одно придется в Воронеж переезжать, когда германца одолеют. А как другие? У каждой тут хозяйство...

— Так это же будет их работа! — не сдавался Массалитинов. — Зарплату будут получать!

— Песни петь — и за это деньги получать? Чудно как-то... — удивилась Королькова.

Подумала еще немножко и согласилась:

— Ну, да ладно... Буду с девками говорить...

К ее удивлению, семнадцать старотойденских певуний приняли ее предложение войти в Воронежский хор. Не без сомнений, конечно, но — приняли.

Ездили по селам — искали у бабушек старинные паневы, рубахи, монисты, полотенца. Что-то им дарили, а что-то приходилось покупать.

Начались репетиции, а затем и подготовка к первому концерту. Он состоялся в Анне 20 апреля 1943 года.

Пятьдесят человек было к тому времени в вокальной группе, из них семнадцать — из сельского хора Корольковой. Одна треть! И это, согласитесь, немало. В этом смысле Анну Николаевну можно смело называть одной из создательниц Воронежского хора.

После первого концерта стали собираться в освобожденный Воронеж. Аннинцы устроили хору торжественные проводы. Девчата, уже привыкшие к их гостеприимству, расставались с Анной со слезами на глазах.

В Воронеж прибыли 26 апреля. А уже 30 апреля в зале случайно уцелевшего здания медицинского института хор дал концерт для воинов. А потом выступали на площадках города, очищенных совсем недавно от обломков. Радовались, если попадалась чудом сохранившаяся с довоенного времени открытая эстрада. Песня летела по Воронежу, и люди выходили на ее зов из подвалов, из разрушенных зданий. Песня поднимала настроение: если она звучит, значит, жизнь продолжается.

По воронежской земле шла первая после выдворения гитлеровцев весна. И хор, разделившись на несколько бригад, отправился в колхозы. Концерт за концертом. Всюду их встречали как самых желанных гостей.

Неожиданно все бригады вызвали в Воронеж.

— Едем на фронт! — объявил Массалитинов на общем собрании.

В июне хор выехал в Ворошиловградскую область, в прославленный корпус генерала Руссиянова. Встретили их восторженно. Вместе с хором Анна Николаевна объехала множество воинских частей. В одной из них задумалась: «Мне каждый раз дарят цветы, а я только молча кланяюсь. Надо что-то придумать...» И она написала стихи, посвященные Руссиянову. Как горячо принимали их солдаты, преданно любившие своего полководца! Командир одной из частей полковник Харченко (ему она тоже посвятила стихи) после выступления подошел к ней, высоко поднял над головой букет полевых цветов и громко воскликнул:

— К нам приехала Родина-мать благословить нас на богатырские подвиги! Клянемся, что дойдем до Берлина!

И все как один солдаты поддержали своего командира:

— Клянёмся!

Зимой 1944 года из Москвы пришло сообщение: Воронежский хор включен в число участников Всероссийского смотра хоров и солистов — исполнителей русской народной песни.

На смотре хор выступил просто триумфально. Первое место, которое воронежцы разделили с Северным русским народным хором, было для коллектива, можно сказать, неожиданным. Ведь архангельский хор создан еще в 1926 году. Почти два десятилетия тому назад! Им руководила известная певица Антонина Колотилова. Ее сборник «Северные русские народные песни» Массалитинов как-то показывал участницам хора. А воронежский коллектив был совсем молодой, выступал только второй год.

В Москве хор дал концерты в Центральном Доме Красной Армии, в зале имени Чайковского. Заключительный концерт проходил в Большом театре.

В Воронежском хоре Анна Николаевна работала до конца 1944 года. Но ее дружба с Константином Ираклиевичем Массалитиновым продолжалась и много лет спустя. Об Анне Николаевне он всегда говорил в восторженных тонах:

— Бог одарил ее не только литературным талантом, но и талантом быть Человеком с большой буквы. Настоящая русская женщина!

Не лишним будет сказать и о том, что в 1948 году в Воронеже издана книга Г.Дорохова «Воронежские певцы», посвященная истории Воронежского хора. Примечательно: среди фотографий лучших из лучших хористов, опубликованных в этой книге, фотография Анны Николаевны Корольковой стоит самой первой.

К рассказу о военном периоде жизни Корольковой добавлю также, что в 1944 году в Воронеже вышел в свет под редакцией К.И. Массалитинова и М.А. Певцова сборник «Песни, частушки, сказы: репертуар государственного русского народного хора Воронежской области». В нем творчество Анны Николаевны было представлено довольно широко. В частности здесь опубликованы две песни на ее стихи, положенные на музыку К.И. Массалитиновым — «Береги, сынок, границы» и «Жалейка».

Хор хором, но о сказках она не забывала никогда. Неграмотная крестьянка, Анна Николаевна Королькова была хранительницей неопенимого богатства народной мудрости и созидательницей самобытных книг. О чем были ее сказки того периода? Конечно, о войне. И, конечно, о вере в Победу.

Своего сына Анна Николаевна с войны не дождалась: как говорилось в похоронке, «пал смертью храбрых». Все как один зятья Корольковой тоже не вернулись с войны.

Первой государственной наградой, которой была удостоена Анна Николаевна Королькова, стала медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В том же 1946 году она была удостоена еще одной государственной награды — «Медали материнства» I степени.

Первый послевоенный год начался у Анны Николаевны с радости. Тогда, в 1946-м, книга ее сказок вышла в Японии. Перевела ее японская учительница и переводчица Ясуко Танака. Она и прислала Анне Никола-

евне эту книгу. В письме писала, что на своих уроках читает детям ее сказки, и ребята принимают их восторженно.

Вспоминается, что в 70-х годах Королькова приносила японское издание своих сказок в писательскую организацию. Ее попросили об этом молодые коллеги по перу. Нам просто было любопытно посмотреть на эту книгу, подержать ее в руках.

— А чего на неё смотреть-то? — сказала она. — Книга как книга...

Но все-таки принесла. Человеком она была скромным и даже немногосмущалась, показывая свои сказки на японском. Видимо, она чувствовала себя как-то неловко: вот стоят перед нею писатели, некоторые из них не просто известны — знамениты в России, но их книги не издавались ни на японском, ни даже на более близких к русскому языках. А ее издали...

— Видать, мне посчастливилось, — извиняющимся тоном говорила она.

Но, уверяю вас, посчастливиться в литературе может только достойному. Она была достойна. Позднее ее произведения были переведены и в Германии.

После войны она опять стала искать своих землячек-старотойденцев. Пятьдесят три «артистки» оказались на этот раз в ее коллективе! И снова — репетиции, концерты, репетиции... Новый ее хор тоже в Москве побывал. Не осрамился и на этот раз. Взвалила она на себя и еще одну общественную обязанность: шефствовала над детьми Левобережного района Воронежа. Выступала в школах, детских садах — и одна, и вместе со своим заводским детищем.

«Как война кончилась, ученые к нам из Воронежа понаехали. Объяснили, что сказка ноне — на вес золота, ее хранить, записывать надобно. Ну и началось...», — вспоминала Королькова.

В 50-е годы произведения Анны Николаевны много публиковали. Ее сказки не раз появлялись в сборниках воронежского фольклора. Они входили в антологии русских народных сказок. В 1950 году сказки Корольковой вышли в книге Воронежского книжного издательства «Сказки», изданной в соавторстве с другой знаменитой сказительницей — Анной Куприяновной Барышниковой (Куприянихой). В 1951 году творчество Анны Николаевны представил альманах «Литературный Воронеж», в 3-м номере которого появился ее сказ «Кто посеет в мир зерна злые...» В 1953-м в уже упомянутой выше книге «Народное творчество в годы Великой Отечественной войны» напечатаны сказки Корольковой «Заветный меч-кладенец и волшебное кольцо», «Мудрая мать», «Волк-людоед». Здесь же — песни «Мы с подружкой рожь вязали» (записана от Корольковой В.А. Тонковым в 1945 году) и «Плач по убитым в боях за Родину» (записана им же в 1944 году). Помимо этого в книге опубликованы частушки, записанные от хора домохозяек, руководимого А.Н. Корольковой, а также множество поговорок и пословиц, записанных от нее самой.

В 1955 году она покинула свой заводской хор. Здоровье стало шалить, силы были уже не те...

Но жизнь продолжалась. В 1956 году Королькова, вместе с экспедицией Московского государственного университета, представленной большой группой фольклористов, отправилась в родную Старую Тойду. Целых две недели провели здесь московские гости, без конца консультируясь с Анной Николаевной. «Урожай» экспедиции оказался весьма богатым: буквально сотни песен, свыше ста сказок. Анна Николаевна была горда

этим: не куда-нибудь гости нагрянули, а в ее родное село. Приятно было и то, что земляки встречали ее очень тепло.

В том же году выходит книга А.Н. Корольковой «Сказки» с послесловием писателя Алексея Ивановича Шубина, а в 1959-м — новое издание «Сказок» в соавторстве с А.К. Барышниковой. В 1957 году возобновилось издание журнала «Подъём», где сказки Анны Николаевны «Бубличная туча», «Муж и жена» в записи Эрны Васильевны Померанцевой публикуются уже в 4-м номере за 1958 год.

Тогда же, в 1957 году, Анна Николаевна, не умевшая, как я уже говорил, писать, стала членом Союза писателей России. Случай уникальный, как и ее книги! «Комсомольская правда» писала: «Женщина, никогда не переступавшая порога школы, принята в Союз советских писателей, выпустила несколько книг».

Ну, допустим, порог школы она все-таки переступала. Но сказать, что она получила какое-то образование, нельзя. И вдруг — писательница! Нередко приходилось слышать: «Да разве возможно такое?»

Возможно. Потому что образование — это только часть культуры. Весомая, важная — но только часть. Необходима еще огромная внутренняя культура, а у писателя — еще и большое знание жизни, чувство слова и многое-многое другое. И все это у Корольковой, конечно же, было. К тому же ей была присуща высочайшая интеллигентность.

С конца 50-х годов известность Корольковой стремительно растет. Она часто встречается с учеными-фольклористами, студентами-филологами, которые записывали от нее сказки, песни, частушки, пословицы и поговорки и другие произведения устного народного творчества.

А книги продолжали выходить одна за другой, с завидным постоянством. В 1962-м — «Золотой кувшин», в 1964-м — «Ковер-самолет», в 1966-м — «Хрустальное озеро», в 1969-м — второе издание «Белой лебедушки». В «Золотом кувшине» сказки публиковались в литературной обработке Михаила Сергеевского. Здесь Анна Николаевна впервые представила читателям свою автобиографию, которая и в дальнейшем будет неоднократно печататься в ее книгах. Сказки «Ковра-самолета» вышли в обработке Георгия Воловика. А оформил книгу известный воронежский художник Петр Пономарев. Над «Белой лебедушкой» работал художник Евгений Пошивалов. Сборник «Хрустальное озеро» подготовлен известнейшим московским издательством «Детская литература», остальные книги вышли в Воронеже.

Еще в 1955–1957 гг. известный фольклорист, доктор филологических наук Э.В. Померанцева вместе с Н.И. Савушкиной и В.Д. Шершавицкой записали от Анны Николаевны свыше ста сказок, преданий, анекдотов. В 1959 году в сборнике «Научные доклады Высшей школы. Филологические науки» появилась глубокая исследовательская статья Э.В. Померанцевой «Сказки А.Н. Корольковой». В 1966 году имя Корольковой вошло в престижное издание — Краткую литературную энциклопедию. Статья о сказительнице, помещенная в 3-м томе этой энциклопедии, подготовлена все той же Э.В. Померанцевой. И, наконец, Эрна Васильевна Померанцева, в качестве составителя, включила записанные от Анны Николаевны произведения в книгу «Русские народные сказки». Вышла она в 1969 году в Москве, в издательстве «Наука», под эгидой Института этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР.

В научном мире, изучающем фольклористику, книга стала большим событием. Дело в том, что сказки даны в ней в дословной записи, а не в

литературной обработке. В них — живой русский язык. Писатели, записывавшие сказки Корольковой, пытались их «причесать», «пригладить». А в книге Померанцевой они даны в своей первоходной глубине и яркости. С тех пор серьезные исследователи работают над сказками Анны Николаевны исключительно по тексту этого издания. Оно считается научным — тем, что как раз, как любила говорить Анна Николаевна, «любодорого».

«Своеобразие сказок Анны Николаевны Корольковой, — писала Э.В. Померанцева в предисловии к «Русским народным сказкам», — во многом определяется тем, что она не только сказочница, но и песельница и великолепная частушечница... она нередко использует художественные образы и поэтические приёмы других жанров фольклора».

Вслед за этой книгой в Воронеже изданы: «Горошинка» (1970), «Сказки А.Н. Корольковой» (1972), «Финист — Ясный сокол» (1973).

В этот период ее имя не сходило со страниц газет и журналов. Любопытно, как она, беседуя с журналистом, ответила на вопрос: «Анна Николаевна, а какие книжки вы любите читать?»

— Те, которые русским языком писаны, всем понятным, — сказала Анна Николаевна. — Вот намереди читать кончила «Петр Первый». Толстой написал. Там что ни слово — жемчужина, что ни глава — россыпь самоцветная. А сказки, что нынче пишут, — не люблю. Автомобили в них, машины всякие...

В свете сказанного ею становится понятным, почему некоторые сказки Корольковой восходят к известным древнерусским источникам. Например, сказка «Верная жена князя Петра» — к древнерусской «Повести о Петре и Февронии Муромских», которых не смогла разлучить даже сама смерть. Мотивы известной былины звучат в сказке «Илья Муромец и Святогор-богатырь».

Присущая произведениям Анны Николаевны самобытность авторского стиля никогда не мешала ей соблюдать традиционную для русских народных сказок композицию, в которой присутствуют зачины, концовки, общие места.

В 1968 году Анна Николаевна вместе с профессором, доктором филологических наук Сергеем Георгиевичем Лазутиным стала консультантом ансамбля «Лада». В репертуар ансамбля вошли фрагменты обрядов, другие номера, основанные на фольклорном материале, а также русские народные песни, записанные в районах Воронежской области, в том числе — от Анны Николаевны. Люди моего поколения, конечно, хорошо помнят, что в те годы выступления «Лады» повсеместно пользовались громким успехом. Она много выступала на радио, телевидении, пропагандируя русское народное творчество.

В 1972 году Анна Николаевна отмечала своё 80-летие, поэтому о ней много писали газеты, еще чаще звучали радиопередачи, демонстрировались телевизионные сюжеты с ее участием. Указом Президиума Верховного Совета СССР сказительница была награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Читая свои сказки в многочисленных аудиториях (а приглашали ее не только в детские сады и школы, но и в институты, дворцы культуры, на заводы), она никогда не подсматривала в книгу. В связи с этим у нее нередко спрашивали:

— Анна Николаевна, сколько сказок вы помните? И какие у вас самые-самые любимые?

— Кто ж их сосчитает, сколько! — обычно отвечала она. — Может, тыщу, а может, две. Иной раз сказку сама сочинишь, расскажешь, а через неделю забудешь: то ли новая сказка, то ли век на белом свете жила. Да и любимых-излюбленных полным-полно. Чем добрей, чем умней сказка, тем любимей. И «Птичий язык» люблю, и «Хрустальное озеро», и былины русские про Илью Муромца, Святогора-богатыря, Добрыню Никитича...

Кто-то засомневается: «тыщу, а может, две» — такого быть не может! Но внук сказительницы — Александр Николаевич Корольков — утверждает:

— Память у неё была не просто хорошей — феноменальной!

Раза два или три мне пришлось выступать вместе с ней перед школьниками. Ее узнавали безо всякого представления. Только заходила в зал или класс, раздавались такие аплодисменты, каких не слышали иные нынешние эстрадные кумиры.

Некоторые сказки она рассказывала каждый раз по-новому — в зависимости от аудитории, от обстоятельств. Вносила в них какие-то новые детали, а то и иные сюжетные повороты. Другие же — никогда не меняла. У нее было необыкновенное чутье на такие вещи. По этому поводу она говорила:

— Ведь есть сказки письменные: я их сама из старых книг узнала. В таких — ни буквы, ни слова менять не положено. А есть сказки, которые в лапти обуты, лыком подпоясаны. С ними, брат, посвободнее обходись. Я единожды в Москве была, у профессора Розанова, и он мне такое молвил: «Наизусть, Анна Николаевна, и балбес выучить может. А вы вот все по-новому сказываете — словно старой ниткой, старой коклюшкой новое кружево плетете. Вот это и любо-дорого...

Ее сказки, конечно, были из тех, которые «в лапти обуты, лыком подпоясаны». Но необоснованного вмешательства в их текст она не принимала.

В 1977 году Воронежская областная библиотека имени И.С. Никитина выпустила указатель литературы, посвящённый А.Н. Корольковой. Анна Николаевна радовалась ему, как каждой своей книжке.

— Столько моих сказок разбросано по разным изданиям, — говорила она, — а тут их, как овец, какие по лугу разбрелись, в один гурт, под одной обложкой собрали. Надо же! Хорошие пастухи в этой библиотеке работают!

А в 1979-м была переиздана её книга «Финист — Ясный сокол».

Как говорится, старость не радость. Но, по моим наблюдениям, Анна Николаевна воспринимала свою старость вполне адекватно. Как вот в этих её частушках:

Ой, ты милая подружка,
Ты старушка, я старушка.
Но не любим мы тужить,
А хотим подольше жить.
Подадим-ка мы с тобою
Заявленье в сельсовет:
Может, сбавят нам с тобою
С наших лет по двадцать лет?

Она прожила долгую жизнь. Но даже в ее конце, будучи 92-летней, не теряла чувства юмора. «...живая общительность, непреодолимое же-

ление сообщить окружающим, иногда случайным встречным или попутчикам, что-нибудь занимательное, забавное или поучительное, сохранились у Анны Николаевны и по сейчас». Это сказано о Корольковой Эрной Васильевной Померанцевой в конце 60-х годов. Но и в начале 80-х она оставалась точно такой же.

И в последние годы жизни ее разговорная речь была яркой, образной. Не теряла она и памяти на множество пословиц, поговорок, загадок, которые щедро рассыпаны и по её сказкам. А облик сказительницы и в девяносто два оставался одухотворенным. Она была человеком такой духовной силы, что как бы олицетворяла собой былинную Русь.

...В последний раз я видел Королькову 15 февраля 1982 года. В этот день она отмечала своё 90-летие и пригласила к себе домой небольшой круг людей, с которыми поддерживала дружеские отношения. Много шутила, прибегая при этом к поговоркам и пословицам.

С этой встречи мне навсегда запомнились ее глаза. От природы они были у нее темными. Но в тот раз — светились. В свете этом было немножко грусти, но больше всего — любви к людям и доброты.

Несмотря на почтенный возраст, она и в эти годы не могла отказать, когда ее приглашали встретиться с детьми. Правда, теперь приходила на встречи в сопровождении дочери, Тамары Ефимовны.

2 января 1984 года она ушла из жизни. Ей было 92 года. Похоронили Анну Николаевну на Левобережном кладбище Воронежа — на так называемых «Баках». О ее смерти сообщили не только воронежские газеты. В некрологе, опубликованном в столичной прессе от имени секретариатов правлений Союзов писателей СССР и России, правления Воронежской писательской организации, говорилось:

«Хранительница огромного фольклорного богатства, создательница самобытных произведений, она внесла значительный вклад в развитие русской советской культуры... Трудовым подвигом стала вся литературная и общественная деятельность А.Н. Корольковой...»

Благодаря этой простой женщине из воронежского села удалось сохранить многие жемчужины устного народного творчества. Ее сказки стали известны поистине за тридевять земель от родного края.

«Сказочный репертуар» Корольковой был на редкость разнообразен. В нем и богатые легенды, и волшебные истории, и бытовые сказки, и «потешки», и сатирические сюжеты. Многие из них встречаются у разных сказителей, но она передавала их на свой лад, с нюансами, которые превращали всем известные приключения сказочных персонажей в неповторимые произведения. Исследователи творчества Анны Николаевны отмечают её живой, насыщенный яркими, запоминающимися образами язык, прекрасное чувство формы, верность народным традициям. Некоторые сказки Корольковой удивительно современны.

Ее уважение к крестьянскому труду, к крестьянским корням, было столь велико, что его вполне можно было бы сравнить с есенинской любовью к земле. Вспоминается, как Есенин в полемику западе писал, что пролетарии хотят поставить памятник Марксу, а крестьяне — корове. В сказках Анны Николаевны корова неоднократно именуется и кормилицей, и матушкой.

Светлая память ей, бережно хранившей и ценившей мудрость народную...

Сказки Анны Николаевны Корольковой

БАРАН

Жил-был давным-давно барин, богатый-пребогатый, скупой-прескупой. И было у него много овец — не сотня, не две и не пять, за целый год не сосчитать.

Был там один баран, большой-пребольшой, на шесть пудов весом. Сам он серый, а хвост белый. Копытца серебряные, а рога золотые, буравом завитые. Очень любил барин этого барана, всем похвалялся им.

А стерёг тех овец пастух Тимофей. Три года был подпаском, а после смерти старого пастуха стал сам пастухом. Уже отменили и крепостное право. Сделался Тимофей вольным, а овец всё стерёг. Двадцать лет был он пастухом. И всё время барин ему ничего не платил.

Вот приходит Тимофей к барину.

— Хочу, — говорит, — за все двадцать лет расчет получить.

Раскричался барин:

— Какой тебе расчёт? Не я тебе, а ты мне еще должен за тех овец, что волки порезали.

Не дал Тимофею ни копейки. Обиделся пастух. Думает: как барину отомстить?

Однажды проезжает по степи нездешний купец, и увидел он на тырле¹ гурт овец, а в гурту барана с золотыми рогами. Хотел

¹Ты р л о — стойло для скота.

купец подойти поближе и посмотреть барана, да залаяли гуртовые собаки. Тимошка подбежал к купцу и говорит:

— Что надо, купец?

Отвечает:

— Прожил я на свете более чем полвека. Все у меня есть, а вот такого красавца барана нет, да и не видел подобного.

— Если он вам полюбился, так купите.

Обрадовался купец и спрашивает:

— А сколько тебе за него?

— Шапку золотых да пару гнедых.

Купец и говорить не стал. Насыпал Тимошке шапку золотых, отпряг пару гнедых, а сам на одной поехал.

Через некоторое время приехали в степь барыня и барин на барана посмотреть, а его нет. Стали спрашивать:

— Где баран с золотыми рогами, серебряными копытами?

— Да кто его знает. Вот уже три дня как ищу, может, его волки утащили.

Закричали барыня с барином на Тимошку:

— Если бы сейчас было наше право, засекали бы тебя до смерти на конюшне!

Уехали барыня с барином и подали на Тимошку в суд. В острог Тимошке не хочется идти.

— Пойду-ка я к судье мировому.

Приходит к мировому и говорит:

— Ты старший судья?

Мировой говорит:

— Да, я.

— Так я вот зачем пришел. Меня будут судить за барана с золотыми рогами и серебряными копытами. Как сделать, чтоб меня в острог не посадили?

Мировой говорит:

— А ты признайся мне, куда ты его дел.

Тимошка и говорит:

— Да продал я его.

— А зачем ты его продал?

— Да как же, всю жизнь стерег овец, да и отец с матерью на них всю жизнь работали, неужто барана не заработали?

— Ну, Тимошка, — говорит мировой, — помогу я тебе, только ты мне отдашь половину того, что получил за барана.

Тимошка и говорит:

— Я взял за него шапку золотых.

А про пару гнедых ничего не сказал. Мировой говорит:

— Вот, Тимошка, что бы тебя на суде ни спрашивали, ты только говори: «бя» да «бя», а я тоже на суде буду.

Ну, Тимошка откланялся мировому судье и ушел.

Вот вызвали Тимошку на суд. Стали его спрашивать: где баран с золотыми рогами и серебряными копытами?

А Тимошка в ответ:

— Бя!

— Ты продал?

— Бя!

— Волки утащили?

— Бя.

— Украли?

— Бя!

Спрашивали, спрашивали его, а он «бя» да «бя». Тогда встает мировой судья и говорит:

— Что же говорить с этим пастухом, когда он всю свою жизнь был среди овец и по-людски ничего не понимает.

Так и порешили его отпустить. Когда Тимошка пошел домой, мировой и говорит:

— Тимошка, давай мне полшапки золотых!

А Тимошка отвечает:

— Бя.

— Ты не на суде, припомни, о чем мы условились.

А Тимошка всё «бя» да «бя». Рассердился мировой судья, плюнул и ушел ни с чем.

На том сказка кончается, а Тимошка на гнедых катается.

ВЕРНАЯ ЖЕНА КНЯЗЯ ПЕТРА

В некотором царстве, в некотором государстве, старые люди говорят в том, в котором мы живем, это было давным-давно, когда еще княжество было. Вот были князья, два брата — Михаил Александрович и Петр Александрович.

Старший брат Михаил был женатый. Жена у него была разумная, красивая, и жили они с Михаилом в любви и согласии. Часто князь Михаил отъезжал по своим делам, даже в другие земли ездил, а княгиня всегда была дома. Вот однажды князь уехал надолго, а к княгине кто-то стал ходить, какая-то неведомая сила.

Сперва княгиня боялась, а потом стала разговаривать. И так это было долго.

Приехал когда князь, видит — она очень похудала. Он спрашивает:

— Что ты? Что с тобой, али заболела?

Она говорит:

— Нет. Какая-то неведомая сила ко мне ходит, колдун ли или что, и при тебе ходит, только вы выходите, является какая-то неведомая сила, колдун ли или что, в виде мужчины влетает в окно и меня беспокоит, мне страшно.

А муж ей и говорит:

— А нельзя ли как его загубить?

— Да уж он больно великий и могучий.

— Ну, узнай, отчего он может умереть. Допытайся, чтоб он не узнал.

Вот является опять к ней неведомая сила, а она и говорит:

— Мне жаль вас, ведь муж дома, он может вас загубить.

А нечистый и говорит:

— Нет, он меня не убьет. Я могу погибнуть только от его родственника — от Петрова плеча да от булатного меча. А меч трудно достать, над ним сторожа стоят.

— Где же он, этот меч?

— Он в Девичьем монастыре, в стене заложенный, в городе Ерусалиме.

Он когда улетел, княгиня сказала князю. А он подумал: «Не Петр ли этот родственник? Он больно могучий, красивый, сильный».

Он позвал Петра и рассказал ему.

— Вот к моей жене летает нечистая сила, а убить ее можете только вы булатным мечом, а меч закладен в стене в Девичьем монастыре.

Петр тут же закладывает коня и поехал в Ерусалим в Девичий монастырь. Узнал, в какой он стене заложен, подкупил сторожей; пожертвовал им на монастырь пригоршни золота. Достали ему этот меч, он сел и поехал.

Приехал он с этим мечом и притаился в спальне у княгини. Только он появился, нечистая сила, а Петр ударил его наотмашь, как колдунов бьют, по шее. Так колдунычья голова покатила под задние ворота, а кровь брызнула и всего обрызгала Петра.

Его, этого дьявола, убрали, все примыли, пообтерли и тихо, спокойно стало в доме. Никто не беспокоит княгиню.

Через несколько дней, пять или шесть, появляются у Петра на руках, на лице прыщи. Они мокли, чесались, был страшный зуд, и вскоре покрылось все тело коростой. Куда, куда Петр ни обращался, всех врачей объездил по своему княжеству, никто не мог его излечить. Ну, некуда было деваться. У князя был старей-престарый слуга, он ему и говорит:

— Вы бы, князь, обратились к старухам, может, кто бы и заговорил или залечил, раз доктора прямо отказались наотрез лечить.

Тогда Петр решился, запрягли карету четверкой лошадей и поехали из села в село искать бабку, может, кто и вылечит. Проехали они день, два, три, приехали в одно село, спрашивают в крайней избе:

— Нет ли у вас такой бабушки, которая может лечить?

— Есть. Тут, на нашей слободе, спрашивайте, есть бабка-повитуха. Она и детей повивает, она и лечит, а звать ее Домна.

Едут по деревне, спрашивают. Нашли. Приходят к ней.

— Бабка Домна, вот князь заболел, доктора отказались.

— Где он?

— Да вот, в карете.

— Приведите его ко мне.

Привели. Посмотрела бабка.

— Нет, это я не умею лечить, такую болезнь. Чай, уж она не излечима.

Они и поехали дальше. Приезжают в другое село. Спрашивают. Им указывают.

— Старик есть, Афанасий Павлович, на дальней слободе, он лечит.

Поехали к нему. Приходят. Прсят:

— Афанасий Павлович, не возьметесь ли вылечить нашего князя, все доктора отказались?

— Нет, — говорит, — эту болезнь я лечить не умею. А вот, я слышал, от нашего села верст тридцать [есть] шлях, поедете шляхом, приедете в село, а там есть девушка-красавица, два аршина коса, руки у ней не простые, а от перста до локтей золотые. Вы ее попросите.

Слуга поблагодарил деда за совет и поехали в это село. Приезжают в это село, спрашивают.

— Да, — говорят, — есть такая девушка. Поедете дальше, там стоит хатка, до половины в землю провалилась, а окна и дверь на бок похилились. Она там живет. Девушка эта кое-кого вылечивает. Ну, она красавица, брови черные, волосы вьющиеся, как у барашка, лицо белое, грудь высокая, сама у матушки приспешница, у нас ее на селе семиделкой прозвали. Она может три дела сразу делать.

— Как же она так?

— Да так, одной ногой дитя в люльке качает, другой прялку вертит, под мышкой юрок держит, она нитки сучит, в фартуке клубок, а в руках у ней чулок, она вяжет. Это мы сами сколько раз видели своими глазами.

Ну и поехали. Они едут и глядят. И увидали. Вот она, хатка, наполовину в землю провалилась. Остановили лошадь, и пошел слуга к ним. Входит.

— Здорово, красная девушка.

— Поди здорово, добрый человек.

— Не слыхали ли вы, князь Петр заболел?

— А где он?

— Да вон, в повозке.

— Позови, погляжу, какова болезнь у него.

Князь когда вошел, ему сразу стало тепло и прекратился зуд, сразу полегчало. Когда он вошел, она сидела, пряла лен. Она приподнялась, поглядела:

— Да, это вылечу, но с таким условием: как вылечу, чтоб ты меня взял замуж, а нет, я больше с вас ничего не возьму и лечить не буду.

Князь посмотрел на нее, и она полюбилась ему. Она показала ему особо ласковой. Он сказал:

— Хорошо, как вылечишь, так женюсь на тебе.

Девушка взяла стаканчик, положила несколько корочек масла и катушек ртути, заставила князя это масло с ртутью смешать, пока ртуть вся не рассыплется в масле. Он масло с ртутью стирает, а она прядет. Подошла, посмотрела: «Нет, еще растирайте, блестяшки видно».

Когда он смешал, что простым глазом не видно ртуть, она подошла к суднице и что-то еще или влила, или всыпала. Он не заметил. Помешала, подала ему и сказала:

— Тут нельзя лечить, приедете домой и вымойтесь теплой водой, все смойте и сотрите, измажьте всю мазь, а один

пупышек на животе оставьте, а стакан перешвырните через речку.

Что было сказано, Петр все сделал, и через трое суток все ссыпалось с него, как скорлупа, как будто ничего и не было. Тут Петр стал думать, как тут быть — жениться ему или не жениться. Она ему понравилась страсть как, да будут ли придворные довольны, будут ли признавать ее княгиней. И порешил он отослать ей подарки.

Двенадцать подвод нагрузил, наложил бархату, шелку, манчестеру. Она, думает, будет рада, ведь бедная крестьянка. И письмо послал.

— Зачитайте ей, что я жениться не могу, как она мужицкого звания.

Привозят эти ей дары, входит к ней человек и говорит:

— Вот, девушка, привезли вам дары двенадцать подвод, что вашей душе угодно, за то, что вылечили князя Петра, а жениться на вас он не может. Вы девушка простая, крестьянская, а он князь.

Она говорит:

— А какая это разница — крестьянка с князем? Они должны быть два сердца, один дух.

— Да вот наш князь-батюшка ученый, а ты не ученая.

— Разве вы не знаете старую пословицу: «Ученых много, да умных мало». Скажи спасибо князю, но я ничего не возьму. Уговор дороже денег.

Они обернулись и повезли обоз обратно. Только повернули лошадей, а у князя поднялся зуд, и он начал болеть, и опять все стало мокнуть.

Как они приехали, а он такой же, как был, чуть не гнилой.

Велел князь заложить карету, запрягли шесть лошадей и опять поехали к ней. Приехали к ней, князь сразу взял ее за руку, упал на колени и говорит:

— Вы будете моей женой, а я на всю жизнь буду вам верным мужем. Только вылечи меня.

А она отвечает:

— А я буду на весь век верная тебе жена. Будем весь век жить, друг друга любить и при жизни гроб закажем, когда помрем, вместе ляжем.

Он прямо сразу взял ее и поехал с ней домой. Как вылечится — и сразу же за свадебку. Привез ее в княжество. Через три

дня был здоров, вылечился, приказал ей к венцу собираться. Отслужили молебен в Никоновском соборе, приняли венцы и стали жить-поживать в любви и согласии.

Ефросинью Николаевну невзлюбили жены придворных. Они шепчутся, перешептываются, и мужьям говорят:

— Не будем мы ей подчиняться, она — простая крестьянка.

— Да она хорошая, разумная.

— Что ж такого, что она хорошая, с хорошего лица воду не пить — это не полагается.

А мужья говорят:

— А ума-разума не купить, он не продается. Видите, какая она разумная.

А жены опять свое:

— А что же, ум впереди на тарелке несут? Мы не можем на нее глядеть, деревенщину.

Пошли мужья к князю, приходят и просят его:

— Князь ты наш, Петр-батюшка, пришли мы к вам с просьбой. Наши жены никак не хотят видеть Ефросинью. Во дворце не хотят ей подчиняться, нельзя ли ее увезти назад, где она была? Разве тебе не найдется жена богатая, благородная, ученая, письменная. Что же? Она ведь крестьянка неученая.

А Петр говорит:

— Не могу я ей это сказать, поговорите с ней сами. Если она согласится, быть по-вашему.

Они обрадовались. Пришли к женам, говорят:

— Петр согласен, только, говорит, поговорите сами с ней.

Жены обрадовались. Обдумали вечером собраться: «Все настряпаем, народ пригласим, нарядимся и позовем Петра с Ефросиньей».

Вот собрались. Все пляшут, веселятся, а потом окружили ее и говорят:

— Милостивая наша княгиня, Ефросинья Николаевна, в чем мы тебя будем просить, не откажи нам.

А она сказала:

— Не откажу вам, что вам нужно?

— Оставь наше княжество, уезжай в свою деревню и возьми, что хочешь. А то нам обидно тебя княгиней звать. Ты роду деревенского, а мы благородные. А мы тебя наградим, чем ты пожелаешь.

Она говорит:

— Хорошо. Только вы мне дайте, что я попрошу.

— Хорошо, возьми, что хочешь.

— Не прошу я у вас злата-серебра, шелка-бархата, ничего не надо мне. Только отдайте мне князя Петра.

Они сказали:

— Да возьми, только чтоб не было тут тебя.

Петр согласился, хотел набрать двенадцать подвод и ехать. А Ефросинья говорит:

— Не надо, Петр, не бери ничего, запрягай одну подводу, поедем, поживем — наживем.

Запрягли они рабочую лошадь в рыдван, сели, доехали. Не отъехали пяти верст, как прискакал гонец и шумит князю Петру:

— Война началась, недруги идут. Малых и старых бьют, села и города жгут.

Бояре вперед заскакали и наказали:

— Батюшка ты наш, князь Петр и княгиня Ефросинья, не бросайте нас при таком горе, недруги идут, малых и старых бьют, села и города жгут.

Петр не хотел ворочаться, а Ефросинья сказала:

— Этого делать нельзя. Родину никто не бросает.

Вернулись. Петр собрал свою сильную дружину, пошли все: и малые, и старые, и мужики, и бабы, разбили врага наголову. И стали жить мирно, поживать. Уже старые стали, седые. Петр заболел. Они еще с молодых лет договорились вместе помирать, в один день и один час. Он лежал, болел, а она воздух вышивала. Он посылает к ней слугу в иную комнату:

— Скажите Ефросинье, что я вот-вот помираю.

Она говорит:

— Скажите Петру, пусть подождет, я воздух вышиваю, тут немножко осталось, а то без меня никто не дошьет.

Верный слуга пришел, сказал Петру. Он повременил, а потом говорит:

— Поди, скажи Ефросинье — я преставлюсь. Из себя дыхну, а в себя не жду.

Слуга пошел и говорит:

— Ефросинья Николаевна, Петр-батюшка уже преставляется.

Ефросинья встала, иголочку в воздух воткнула, шелком обмотала. Положила на стол и пошла. Подошла, поклонилась в пояс.

— Ну, Петр, я готова.

Легла рядом, и померли они.

Все об них жалковали. Петр завещал, чтобы их в одном гробу хоронить, а бояре сделали два гроба, рядом поставили в церкви. Утром приходят, а они в одном гробу, а этот порожний. До двух раз так было, а в третий преосвященный сказал:

— Значит, этому так быть.

Велел сделать гроб широкий, положили их рядом и похоронили.

А на их могиле черемуху посадили. Эта черемушка растет и цветет и посейчас.

ДВА СОСЕДА

Жили-были два соседа. Один был бедный, а другой богатый. Поехали они пахать. Пашут, пашут. У бедного лошадь ожеребилась. А у богатого был конек. Он видит — бедный спит. Он взял и привязал жеребенка к своему рыдвану. Бедный встал, увидал и говорит:

— Сосед, да ведь это мой жеребенок. Моя лошадь ожеребилась: он видит, у нее бока опали.

А богатый говорит:

— Нет, это мой.

— Да ведь у тебя конек!

— А это рыдван ожеребился.

Так и не отдает.

Стали судиться. Подали на волостной суд — присудили богатому. Подали на земский — присудили богатому. Подали в окружной, в губернию. Судили, двенадцать человек гласных сидели — присудили богатому. Все твердят: рыдван ожеребился. Дошло дело до самого царя.

Когда царь все узнал, то сказал:

— Тому жеребенка отдам, кто отгадает три загадки. Что быстрее всего на свете? Что жирнее всего на свете? Что мягче всего на свете? Ответы можно дать через три дня.

Ну, приехал богатый мужик домой. Думает-думает, а надумать ничего не может. У него была мать. Она и говорит:

— А ты, Васька, скажи: есть ли на свете что быстрее нашей кобылы Любки, а жирнее нашего борова Васьки, а мягче-то всего перина пуховая.

А бедный подумал-подумал:

— Схожу-ка я к старику Опенке посоветуюсь.

У них старуха жила бедная-бедная. Двадцать два человека детей. А старик у нее — Опенкой его прозвали, что детей дюже много.

— Пойду к Опенке, к деду, посоветуюсь, как мне быть.

Пришел к деду. Стал советоваться.

— Ну, — говорит, — как мне царские задачи разрешить?

— А что за задачи такие?

— Да так и так.

— Это надо спросить у матушки. Ей уже сто семьдесят два года.

— А где она?

— Да вот, в теплушке, мы ей сделали. Она, может, знает. Ведь она уже почти два века прожила.

Пошел к ней беднячок в теплушку.

— Тетка Марфа, вот так и так. Не знаешь ли ты, что на свете всего быстрее, что всего жирнее и что всего мягче?

Она и говорит:

— Если тебя царь спросит, что всего быстрее, ты скажи — мысль, а что жирнее всего — мать сыра-земля, в ней больше всего жиров и соков, на ней все расцветает, она всех питает, а что мягче всего — мягче всего своя ладонь. Какая бы ни была мягкая подушка, все человек ладонь под щеку подложит.

Поехали к царю, доложили. Царь говорит:

— Ты сам отгадал?

— Да нет. У нас бабушка Марфа. Ей сто семьдесят два года.

— Если она такая удалая, пусть выткет мне рубашку, чтобы рубцов не было.

Приходит беднячок к бабушке Марфе.

— Вот так и так, велел царь выткать рубашку, чтобы рубцов не было.

Она взяла веник бересклетовый, вынула одну жестиночку бересклетовую, тоненькую, в спичку.

— Отнеси, говорит, царю. Если он из этой палочки сделает стан, вытку такую рубашку, как ему нужно.

Он пошел. Царь посмотрел.

— Нет, из этой палочки стан не выйдет. Нельзя сделать. Еще, — говорит, — почему такая пословица есть: «На весь мир не испечешь блин»? Пусть твоя старуха ответит.

Бабушка Марфа сказала:

— Потому, что такой сковородки большой нету.

Так и отсудил жеребенка своего Василий Никитич. А он оказался кобылкой. Девять жеребят ему принесла. С тех пор стал он жить да бабку Марфу благодарить. Вот так и пословица лежит: «Век прожить — не поле перейти». Побольше поживешь — побольше узнаешь.

ЗОЛОТОЙ СУНДУЧОК

В едва памятные времена, рассказывала старуха одна, будто бы в их селе протекала быстрая река. На берегу речки стояла верба. Под вербой стояла избушка, в ней жили старик и старушка. У них было два сына. Большой сын оказался богатырем.

Когда он возрос, стало ему девятнадцать лет, он отпросился у отца и у матери походить по земле, поглядеть белый свет.

Однажды он идет по чистому полю, встречаются с ним две девушки. Одного они возраста. И обе они такие красивые, что глаз не отвести. Косы у них русые, ниже пояса. В косах у них ленты алые. Сами они девы бравые. Только одна была обута в сафьянных красных сапожках на высоких каблучках, на каждом каблучке две подковки, одна золотая, другая серебряная, а другая была в простых черевичках. Они ему так понравились, что не может он глаз отвести и решил он на одной жениться. И он спросил:

— Кто вы, красны девушки, какого роду-племени?

Какая в сапожках отвечала:

— Я дочь одного известного богача Линникова, а она служанка моя.

Он сказал:

— Кому я нравлюсь из вас, подайте мне руку.

Купецкая дочь подала руку.

Он взял ее и сказал:

— Ты будешь моей женою.

А она сказала своей подруге:

— А ты, как была, так и будешь моей служанкой.

И пошли они втроем. Дошли до ближайшего города и стали жить.

У богатыря было много золота-серебра. Богатую девушку звали Дуняша, а служанку — Наташа. Жену богатыря звали Евдокия Николаевна. Евдокии Николаевне отец дал богатое приданое. Много дал земли, леса и скота всякого. Они живут богато. У них

был кучер, он очень нравился богатырю. Кучер женился на служанке Наташе. Вот они и живут.

Этого русского богатыря звали Дмитрием, ему хочется пойти в дикую степь постранствовать, но он боится жену оставить, как бы она не полюбила другого. И поехать он не мог, коня у него богатырского не было. Он тогда заказал маленький золотой сундучок. Там были хрустальные окошечки. И положил туда лебяжью перину. Посадил богатырь туда Евдокию Николаевну. Там можно было сидеть и спать.

Взял он сундучок на плечо и пошел.

Идет дня два, три. Остановится на степи, откроет сундучок. Она выйдет, они покушают, поговорят. Она сядет, ножки вытянет, он положит ей голову на колени и спит богатырским сном так, что его разбудить нельзя, пока сам не проснется. Проснется, натянет лук, убьет дичь. Сварят, съедят. Он запрет ее в сундучок, пойдет дальше.

Однажды остановился богатырь на опушке леса. Покушали, поговорили, она села, он ей голову на колени и заснул богатырским сном.

А с охоты шел царевич, вышел он из лесу и увидел ее. Он не дошел до нее несколько и остановился. Так она ему понравилась, что не может и глаз отвести. Глаза у нее были темно-голубые, как в самый прозрачный день небо. Лицо ее было белое, как снег. Брови ее черные, как бархат. Волосы ее были темно-русые и кудрявые, и такие длинные, что закрывали плечи и спину и лежали даже на степи... Царевичу показалось, что это морская волна. Он стоит и молчит. А она говорит:

— Что ж стоите, подходите ближе, кто вы такой?

— Я царевич.

— Подойдите, подарите мне колечко со своего перста.

— Я бы подошел и подарил, да боюсь: у тебя на коленях богатырь спит.

— А как же другие царевичи не боялись, вон они мне сколько надарили.

И показала низку колец. Он подошел. Снял с мизинного перста золотой перстень с голубой подчернью и подал ей. Она сказала:

— Вы на охоте были, устали. Лягте в мой золотой сундучок, поотдохните.

Он влез в сундучок и лег на лебяжью перину.

Богатырь проснулся и спрашивает:

— Долго ли я спал?

— Три дня и три ночи.

— Надо итти, продолжать путь дальше. Мне нужно подойти вовремя, куда я спешу. Полезай в сундучок.

Она влезла, он положил за плечи и пошел. Так он и шел чистыми полями, бархатными лугами, дремучими лесами.

И ходил он так много лет. Стал он стареть. Тяжело ему стало носить сундук, он и думает: «Дай я его открою, выпущу ее. Пусть ходит со мной. Теперь она уже ни в кого не влюбится».

Открыл, а там их двое: жена и царевич. Он говорит:

— Э-э, недаром мне было тяжело. Я их двоих носил. Надо было помнить мне пословицу, что противная лошадь семь раз в день думает хозяина копытом убить, а красивая жена думает семь раз в день мужу изменить, другого полюбить.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

В граде Муроме, селе Карачарове, жили-были два брата. У большего брата была жена таровата, она ростом не велика, не мала, а сына себе родила, Ильей назвала, а люди — Ильей Муромцем. Илья Муромец тридцать три года не ходил ногами, сиднем сидел. В одно жаркое лето родители пошли в поле крестьянствовать, траву косить, а Ильюшеньку вынесли, посадили у двора на траву. Он и сидит. Подходят к нему три странника и говорят.

— Подай милостину.

А он говорит:

— Идите в дом и берите, что вам угодно. Я тридцать три года не ходил, отроду сиднем сидел.

Один и говорит:

— Встань и иди.

Он встал.

— Что вам угодно?

— Что не жаль.

Он зачерпнул чару зелена вина в полтора ведра.

— Выпей сам.

Он ни слова не сказал, одним духом выпил.

— Поди принеси еще.

Приносит он.

— Выпей сам.

Он одним духом все выпил. Они у него спрашивают:

— Какую ты в себе силушку чувствуешь?

— Таковую, добрые люди, что если бы был столб одним концом в небо, другим концом в землю вбитый, и кольцо я бы повернул.

Они переглянулись.

— Это ему много. Поди принеси еще.

Еще принес. Он выпил одним духом.

— Теперь как?

— Чувствую, в половине осталось.

— Ну, вот с тебя хватит.

Он от большой радости пошел их проводить и говорит:

— Я чую в себе силу богатырскую, где теперь коня взять?

— Вот на обратном пути мужик будет вести строгача (два года коню, значит) продавать, ты купи, только не торгуйся, сколько спросит, столько отдай. Только откорми его три месяца белояровой пшеницей, отпой ключевой водой и пусти его на три зари на шелковую траву, а потом на шелковый канат, и пропусти через железный тын туда-сюда перелететь. Вот тебе и конь будет. Бейся с кем хочешь, тебе на бою смерти нет. Только не бейся со Святогором-богатырем.

Ильющенька проводил их далеко за село. На обратном пути видит, его отец-мать крестьянствуют. Они глазам не верят.

Он просит:

— Дайте, я покошу.

Взял косу и стал ею помахивать, не успели оглянуться — вся степь лежит. Говорит:

— Я захмелел.

Вот прилег отдохнуть. Проснулся и пошел. Глядь — мужик идет, ведет строгача, он вспомнил.

— Здорово!

— Здорово, дорогой молодец!

— Далеко ли ведете строгача?

— Продавать.

— Продай мне.

— Купи.

— Сколько?

— Двадцать рублей.

Он отдал, ни слова не сказал, взял из полы в полу и повел домой.

Привел домой, постановил его в конюшню и насыпал белояровой пшеницы. Так три месяца кормил, поил ключевой во-

дой, выпускал на шелковую траву на три зари, вывел его на шелковый канат, конь туды-суды через железный тын перелетел, как птица. Ну, вот ему и конь богатырский. Так и вправду случилось.

Бился Илья Муромец с Соловьем-разбойником, и он, Илья Муромец, его победил. Конь под ним был богатырский, как лютей зверь, ход у него спорый. Он задними копытами за переднюю восемнадцать верст закидывает. Он утреню стоял в Чернигове, а к обедне поспел в Киев-град.

Однажды ехал-ехал по дороге, оказалось, дорога расходится в три стороны и на этой дороге стоит камень, и на камне надпись: «Влево поедешь — будешь женат, вправо поедешь — будешь богат, прямо поедешь — будешь убит».

Он подумал: «Жениться еще время не настало, а богатства своего мне не нужно. Некстати русскому богатырю Илье Муромцу богатство наживать, а под стать ему бедных да сирот спасать, защищать, во всем помогать. Дай, поеду, где смерти не миновать. Мне ведь в бою-то смерти нет, не написана».

И поехал прямо. Ехал-ехал он по дикой степи, впереди дремучий лес, поехал по этому дремучему лесу. Ехал он дремучим лесом с утра до полудня. Приехал на поляну, там стоит громадный дуб в три обхвата, под ним сидят тридцать богатырей, а на поляне пасутся тридцать коней. Они увидели Илью Муромца и зашумели.

— Зачем ты сюда, негодный мужиковина? Мы богатыри рода дворянского, а тебя, мужиковина, за три версты видать. Смерть тебе!

Илья Муромец наложил каленую стрелу на лук, как вдарит в дуб, только щепки полетели, весь дуб расшиб на щепки. Богатырей побил, дубом прихлопнул. Обратил Илья Муромец коня и поехал назад и написал на камне: «Кто писал: проедет — будет убит — неправда, путь свободен всем прохожим и проезжим».

Сам думает: «Дай-ка поеду, где буду богат!»

Ехал он день, ехал два, на третий подъезжает — огромный двор, высокий забор, у ворот чугунный столб, на этом столбе висит чугунная доска и железная палка. Взял Илья Муромец и стал бить в эту доску.

Отворились ворота, выходит старик.

— Входи в дом, бери, что тебе угодно! У меня кладовые, подвалы ломаются.

Он думает: «Деньги прах, одежда тоже, а жизнь и слава честная всего дороже».

Поехал назад и написал на камне: «Неправда, что будешь богат. Чужое богатство недолговечное и непрочное».

«Ну, — думает, — поеду по третьей дороге, что там за красавица, может, правда, женюсь».

Подъезжает, а там стоит дворец, сам деревянный, окошечки хрустальные, серебром покрыты, золотом облиты. Выходит девушка-красавица и говорит:

— Принимаю, добрый молодец, как любимого жениха.

Взяла его за руку правую и повела его в столовую, и подала обедать честь честью.

— Теперь время отдохнуть.

Ввела в спальню.

— Вот, — говорит, — кровать, ложись, отдыхай.

Он взял, нажал кулаком, она — бултых. А там яма глубокая, сажень пять. И там тридцать богатырей.

— Эй, ребята, это вы жениться сюда заехали?

— Да, — говорят, — помоги, Илья Муромец!

Они сразу его узнали.

Он снял аркан с коня и бросил туда и вытащил их, всех до одного вывел.

— Ну, — говорит, — ступайте, гуляйте на воле. А я с ней поговорю.

Вывел ее в лес, привязал за волосья, натянул тугой лук.

— Поди, отгуляла невеста, пора замуж идти!

Вдарил — не попал.

— А, знать, ты ведьма!

Он взял каленую стрелу, выстрелил в темя. Она сделалась такая страшная, нос крючком, два зуба. Он перекрестил три раза, она — бултых.

Он вернулся и написал: «Кто хочет жениться — это неправда, здесь невесты нет — отгуляла».

Ездил, ездил по дикой степи, дремучим лесам, селам и городам и думает: «Поеду я смотреть Святогора-богатыря».

И поехал глядеть Святогора-богатыря. Ехал-ехал, подъехал — высокая гора, как Араратская, только что-то чернеет. Он пустил коня и полез пешком, он шел винтом, взошел, там раскинут шатер, и в нем Святогор-богатырь лежит.

— Здоров ли, Святогор-богатырь?

— Жив-здоров, спасибо тебе, триста лет живу, лежу, никто меня не навещал. Я плохо вижу.

Приподнялся, пожали они друг другу руки слегка. Спустились с горы, ходили-ходили, видят — гроб лежит.

— Э, тут наша смерть. Твоя или моя?

А крышка растворена. Илья Муромец влез — ему просторно.

— Э, Илья Муромец, еще рано тебе. Ну-ка вылезай, я попробую.

Святогор-богатырь влез, только вытянулся, крышка захлопнулась. Илья Муромец семь раз вдарил — семь железных обручей накати. Святогор-богатырь и говорит:

— Илья Муромец, подойди ко мне поближе, я дуну на тебя, у тебя силы прибавится.

Ильюшенька один шаг сделал, силу почуял и сделал три шага назад.

— А, не подошел, а то была бы такая сила, — мать-земля не носила б!

Илья Муромец подошел к гробу, поклонился.

— Ну, прости, Святогор-богатырь.

— Похорони меня!

Илья Муромец вырыл мечом могилу глубокую, сволок в нее гроб, повалил его, простился и поехал в Киев. Там он прожил двести лет. И помер. За всю жизнь Илья Муромец много врагов русской земли победил, за что он и славен был.

КОВЕР-САМОЛЕТ

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были муж с женой. Жили они бедно-пребедно. У них было дюже много детей: мал-мала меньше. Вот однажды под Новый год они поужинали, и говорит отец детям:

— Ну, дети, ложитесь спать, а кто что во сне увидит — запишите, завтра мне расскажете.

Прошла ночь, дети встали, отец спрашивает:

— Кто чего видел во сне?

Один говорит:

— Я видел Спасителя. Шел, но меня не задел, народу много, он прошел прямо возле, мимо, но не зацепил.

— Это к пожару.

А одна тут же говорит, что она видала, ей узел подали. Она тут же развязала этот узел, а там скатерть и кольцо.

— Это к замужеству.

А один сын говорит, что он видел соломы много, но солома не ихняя, а соседа.

— Это к ссоре.

А у одного спросил он у мальчика, а тот говорит, что ничего не видел, а може, и заспал. Спросил он самого меньшего:

— Ну, а ты, сынок Ванюшка, чего видел?

Он ответил:

— Я видел сон, но рассказывать его не расскажу.

Отец говорит:

— Как так, не расскажу! Ты забыл его или как?

— Нет, я его помню хорошо, — отвечает сын, — но не расскажу и все.

Уговаривали его добром, обещали гостинцев, потом отец его побил, но он все равно не рассказывает сон.

Мальчику уже было девять лет. Тогда отец взял его за руку и повел в поле. Там была большая дорога, на ней стоял столб верстовой. Он его и привязал к этому столбу, назад руки завел и привязал. День был жаркий, печет солнце, мальчик этот и пить хочет, и солнце печет, стоит он, плачет, привязанный к столбу.

Вдруг увидел мальчик пыль столбом. Впереди и сзади, и по бокам ехали верховые, в середине шестерка лошадей и карета. Карета подъехала и остановилась против этого мальчика. Вышел оттуда молодой царевич-юноша и спросил у мальчика:

— Что ты плачешь?

— Как же мне не плакать. Я привязан, мне жарко, я хочу пить и есть.

— А кто же тебя привязал?

— Отец.

— За что?

— Я под Новый год сон видал и ему не рассказал.

— Ух, какой дурень отец.

Царевич приказал своей охране отвязать мальчика и повезти с собой.

Повезли его в тот город, где этот царевич был. Привезли. Он сказал:

— Пусть он во дворе живет.

Вот он во дворе живет, помогает кучерам, кой-чем занимается.

Вот прошло несколько лет. Лет семь или восемь, а может, и десять. Царевич напомнил:

— Что, живет еще этот мальчик? Он теперь уж взрослый, наверно.

Призвал его. Он приходит. Спрашивает царевич:

— Как тебя зовут?

— Иван.

— Ну, Иван, расскажи, какой же ты сон видел, почему отцу не рассказывал?

— Я, — говорит, — не скажу, чего во сне видел.

— Как? И мне не скажешь?

— Нет.

Царевич рассердился. Велел его посадить в темницу. Давать ему в сутки фунт хлеба и фунт воды. Вот он там и жил. А тут как раз были расклеены афиши, и слухи ходили, что есть красавица одна, неопишная, в тридевятом царстве, в тридесатом государстве. За того замуж пойдет, кто две загадки разгадает и третью задачу выполнит. А кто не выполнит: «Мой меч, а его голова с плеч».

Царевич этот был молодой, неженатый. Придумал поехать, посвататься за нее. У него отца-матери не было, а сестра одна. Он поручил управлять государством сестре, а сам взял с собой телохранителей, провожатых, заложили карету шестеркой лошадей и поехали.

Поехали они ранней весной, когда установилась весна. Реки стали в берега. Тогда, в эту пору, они и поехали. Вот уже целый год сестре весточки нет.

Пришла опять весна, снег растаял, реки стали в берега, деревья оделись в зеленый бархат, расцвели цветы, а сестру ничего не радует, она скучает и плачет — от брата ни слуху, ни духу.

Часовые доложили ей, что человек этот, который в темнице сидит, просится на воздух, чуть-чуть на прогулку. Она разрешила. Его выпустили на этот двор, его охраняли часовые. Она как раз мимо шла. А он с ней издали заговорил:

— Милая княгиня, что вы такая печальная? О брате скучаете?

— Да.

— Да! Он загадки не отгадает. Вряд ли вы его увидите.

Она оробела, ничего не сказала. Когда пришла в свои покои, пораздумалась, откуда же он знает. Дело это в секрете, а он тем более запертый. И приказала его привести к себе. Его привели. Она его спрашивает:

— Как тебя зовут?

Он говорит:

— Я — Андрей Григорьевич. Фамилия моя Красиков, сын я самого бедного-разбедного человека, сапожника.

— А как же брат говорил, что ты Иван?

— Это я нарочно сказал. Я боялся, отец меня будет искать.

— Откуда же ты знаешь, что брат не отгадает?

— Я знаю, я бы их отгадал.

И говорит молодая княгиня:

— А как же ему помочь?

— Нужно мне туда поехать. Он ведь за тридевять земель. Отпустите меня.

— А что для этого нужно, чтобы туда поехать?

— Пятьдесят коней и пятьдесят всадников. Только, чтобы я их отобрал сам. И завтра же отправляюсь в путь-дорогу.

Был сейчас же приказ выстроить полки (она управляла за царя!). Он прошел, посмотрел этих солдат и указал на каждого пальцем (он не знал их фамилий ведь):

— Такого, такого, такого-то беру.

Оседлали коней (на конном дворе отобрал!) и отправились. Ехали они селами, городами, зелеными лугами, хлебородными полями, и подошел дремучий лес. Едут они по дремучему лесу. Ехали-ехали. Выезжают — громадная поляна. Андрей Григорьевич и говорит:

— Давайте поотдохнем.

Слезли они с коней. Кто закусывает, кто выпивает, кто просто отдыхает.

Слышится в чаще шум, крик. Андрей Григорьевич бросился в эту чащу, подбегает, там трое мужчин дерутся. Он закричал:

— Стойте, разве можно драться?

Они вроде оробели. Он спрашивает:

— Кто вы такие?

Говорят:

— Мы родные братья.

— А зачем вы деретесь, раз вы родные братья?

— Отец помер, пожиток остался, никак не поделим, вот и деремся.

— Нельзя ли добром?

— Нет, никак.

— А какой пожиток?

— Ковер-самолет, сапоги-скороходы, да шапка-невидимка.

Он говорит:

— Так давайте я вам поделю.

— Пожалуйста.

— Кладите все вместе. А я натяну тугой лук, положу три стрелы каленые и выстрелю. А вы идите. Большой — иди вправо, средний — прямо, младший — влево. Кто первый принесет — тому ковер-самолет, кто второй — тому сапоги-скороходы, кто третий — шапка-невидимка.

Братья на этот уговор согласились. Он наложил кленовые стрелы, натянул тугой стальной лук и выстрелил. Они и побежали искать. Он взял ковер-самолет в охапку, шапку-невидимку и сапоги-скороходы.

Приходит на поляну.

— А ну, ребята, расседывай лошадей, клади седла в кучу, ружья в козлы, коней пускайте на волю, пусть пасутся.

А сам раскинул ковер-самолет во всю поляну.

— Садитесь, ребята, на ковер.

Сели они все. А Андрей Григорьевич и говорит:

— Лети, ковер, туда, куда тебе люди велят. В тридевятое государство, в тридешатое царство.

Ковер взвился выше леса стоячего, ниже облака ходячего, под самое поднебесье. Вся родная земля видна была с рукавицу. А реки поблескивают серебром, точно нити, которые крестьянки прядут, такие тонкие. В завтрак они на ковер садились, а в полдень в тридевятом царстве очутились.

Только царевич приехал, коней отпряг — полтора года ехал. Подходит Андрей Григорьевич к царевичу и говорит:

— Я прибыл к вам на помощь, прислала сестра ваша Василиса Савельевна. Вам загадки не отгадать, отгадывать буду я.

Тот спросил:

— Кто ты?

— Вам не надо меня знать, я вам буду во всем помогать.

Андрей Григорьевич всех своих товарищей разместил на одной половине деревни, а сам явился к нему. Тот не знает, что там еще есть солдаты, войска. Он спрашивает:

— Ну, царевич, когда пойдете свататься?

— Мне страшно.

А он ему и говорит:

— Вы, царевич, поздно вечером, когда будет томно, опусти-

тес в погреб у хозяйки и скажите: «Страсть, я тебя не боюсь, боись ты меня». А наавтра мы пойдём свататься.

Андрей Григорьевич надел шапку-невидимку и ходит везде с царевичем. Когда тот полез в погреб, и он с ним. Там темно. Царевич говорит:

— Страсть!

А он говорит:

— А?

— Я тебя не боюсь. Боись ты меня.

— Боюсь, боюсь, царевич.

Он оробел и выскочил. Послал за Андреем. А он тут как тут. (Шапку снял!). И с этих пор царевич полюбил Андрея, без него никуда. И тут же вечером пошли свататься.

Пришли они туда, доложили, что пришел жених с каким-то. Разрешила невеста взойти. Они взошли. Она предложила им сесть и спросила: «Кто вы такие?» Царевич себя рекомендует:

— Я — жених, приехал за вас посвататься.

Невеста отвечает:

— А вы знаете уговор?

— Знаю. Какая же загадка?

— Что мне завтра, когда вы придете, будет нужно?

Ну, они распрощались и ушли. Царевич вышел, а Андрей только шапку-невидимку надел. Он тут же. Она призывает служанку и говорит:

— Подите сходите к чеботарю, чтоб он сделал мне туфельку бархатную одну.

«Вот, — она подумала, — когда он придет, она будет обуваться, а туфелька только одна».

Служанка пошла к чеботарю. За ней пошел Андрей Григорьевич в шапке-невидимке. Она заказала туфельку. Они шьют, а он сидит. Они быстро туфельку из красного бархата сшили и на окошечко поставили. А Андрей взял ее и в карман. Служанка вбегает и рассказывает:

— Княгиня велела вышить бабочку бисером.

Они кинулись, а туфельки нет. Стали думать, на которую ногу сшили. Вспомнили — на левую. Давай теперь на правую. Стали бабочку вышивать, разложили бисер. Андрей подходит — какую они бисеринку берут, такую и он. Они вышили, и он свою. Туфелька скоро была готова, они отдали служанке, она побежала к

царевне, а он к царевичу. Приходит завтра итти свататься. Он подает ему туфельку:

— Положите в карман. Взойдем — одна туфелька будет стоять, а вы возьмите, свою поставьте рядом, а потом скажите:

— Вот бы туфельки вам хороши.

Он так и сделал. Пошли, стали свататься. Он прямо вынимает туфель и говорит:

— Один хорошо, а два лучше.

Она говорит:

— Придите вы еще раз и узнайте, что мне будет нужно.

Он опять ушел, а Андрей тут же шапку надел. Невеста призывает служанку.

— Сходи к охотнику, купи утку кряковую, придет конюх, пойдем гулять, а вы пустите-ка на воду утку кряковую.

Андрей пошел следом в шалаш охотника. Когда она ушла, он купил селезня. Приходит к царевичу:

— Завтра придете к невесте, она позовет гулять, а вы возьмите с собой селезня в корзиночке. Когда подойдете к пруду, там пустят утку кряковую, а вы пустите селезня из корзиночки и скажите: вот и пара.

Так они и сделали. Приходят. Посидели. Она говорит:

— Пойдем в сад погуляем. Подходят к пруду. Пустили утку кряковую. Она: кря-кря-кря. А царевич прямо открывает корзиночку, селезень вылетел и опустился к утке. И они закружились и поплыли по воде рядом. Она говорит:

— Ну, я к венцу хоть сейчас готова, но дело вот в чем. У меня мать крестная живет в Африке, в теплых странах. Она мне тетя — мать крестная. У нее находятся посадные скатерти, венчальные свечи и кольцо обручальное. И я велела бы, чтоб она привезла их и сама на свадьбе у меня была. А дедушка живет на самом севере, в самом Ледовитом океане, его тоже надо привезти на свадьбу, потому что у него есть золотой сундучок, в нем есть для меня завещание — такое письмо. Без этого письма я не имею права выходить замуж. Как приедут дедушка и крестная, я к венцу готова.

Она предполагала, что через три года, да и то не приедут. Приходят они домой. А царевич обращается:

— Андрей Григорьевич, как нам тут три года жить, как с этим делом быть?

— Э, царевич, мы хоть люди молодые, да ранние. На семи

сидели, а девять вывели. Ложись-ка ты спать. Утро мудренее вечера.

Царевич лег спать, а он пошел к своим товарищам.

— Вы, — говорит, — Никандр Васильевич, будете за старшего. Надевайте сапоги-скороходы, идите к Ледовитому океану, найдите старичка, у которого есть сундучок золотой с завещанием внучки. И вот тебе десять человек в распоряжение. (Он одиннадцатый — Никандр Васильевич. Первый Максим Николаевич, второй Митрий Ефимыч, третий Никандр Васильевич, четвертый Ефим Ферапонтыч, всего десять человек). Это для того, что если будет сопротивляться старичок, вы его возьмите, свяжите, прямо с сундучком сюда привезите.

Никандр Васильевич их в мешок поклат, на плечо взвалил, сапоги-скороходы надел и пошел. Не прошло и трех суток, они уже достигли Северного полюса. Нашли старика, пригласили на свадьбу, чтоб он взял с собой завещательное письмо. Старик с удовольствием согласился, и они отправились в обратный путь. А Андрей Григорьевич сел на ковер-самолет и полетел в жаркую Африку. Пока они пришли, уже он прилетел, привез и крестную, и скатерть посадную, и кольцо обручальное, и свечи венчальные.

Все было сделано в трое суток. Сыграли свадьбу, сели на ковер-самолет и отправились на родину. А жена молодого царевича говорит:

— Спасибо тебе, Андрей Григорьевич, надоело мне тут, в чужом царстве.

Тот говорит:

— То-то, надо знать русскую пословицу — кто где родился, тот там и сгодился, чужая сторона без ветра сушит.

Вот они сели на ковер и через полтора суток уже были дома.

Встретила их сестра, начались обеды, разговоры. Он спрашивает у сестры:

— Где ты взяла такого человека умного?

А она говорит:

— Это тот самый: сидел у нас в темнице, сон-то не рассказывал.

Он говорит:

— Как? Это был Иван?

— Это он нарочно сказал. Он боялся, слух пройдет, отец будет искать, а он — Андрей.

Как приехали, Андрей Григорьевич прямо туда, где дрались трое мужчин, и отдал братьям, которые дрались, все, как по уговору было. Они ему:

— Спасибо, мы думали — не отдашь.

— Ну как же я не отдам? Есть пословица: чужое мило — пройди мимо.

Сестра предлагает:

— Его что, опять посадить в тюрьму?

— Да ты что, сейчас его сюда позвать!

Царевич его отблагодарил.

— Теперь живи на воле. На тебе поля, на тебе леса, луга, половину царства. Можешь сон не рассказывать.

— А теперь могу рассказать.

Он начал, что жили они бедные-пребедные, досыта не ели хлеба и не пили кваса, дюже детей было много. Под Новый год отец сказал: «Кто увидит какой сон — расскажите». Мне снился сон, я слышал голос: «Что ты увидишь — никому не говори, отец тебя будет спрашивать, потом бить, повезет в поле, привяжет к столбу, будет ехать мимо царевич, отвяжет, увезет, будешь жить во дворце, ему тоже не сказывай сон, ну, а потом — посмотришь — что будет дальше».

— Ну, теперь живи у меня, как хочешь, по-братски.

Так Андрей Григорьевич стал жить-поживать у него. Он, чай, и сейчас живет-поживает, нужды-горя не знает.

НЕМАЛ ЧЕЛОВЕК

В некотором царстве, в некотором государстве не помню когда, в какие года, жил-был царь. Была у него дочь, да такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Очень любил царь свою дочь, берег ее, никуда от себя не отпускал. Воспитывалась она взаперти, с мамушками да с нянюшками, до восемнадцати лет.

Вот однажды царевна говорит отцу:

— Разреши мне погулять в саду около пруда.

— Хорошо, — говорит царь. — Иди. Но и я с тобой пойду.

Пошли они в сад со всей своей свитой. В саду красиво, птички поют, розы цветут. Погуляли, погуляли, царь и говорит:

— Дочка, уже поздно, пора домой.

А царевна отвечает:

— Позволь мне побыть здесь еще несколько минут. Наскучило взаперти сидеть.

Разрешил царь дочке погулять еще. Вдруг поднялся вихрь и унес царевну. Искали, искали ее, так и не нашли. Кликнул тогда царь клич:

— Кто найдет мою дочь, за того замуж ее отдам. И пол-государства — в приданое.

Много было охотников взять в жены царскую дочь. Многие искали ее. Но либо возвращались ни с чем, либо совсем пропадали.

Вот однажды приходит к царю кучер Лука и говорит:

— Царь-батюшка! Дозволь мне идти искать твою любимую дочь. Только дай мне корабль да запасов разных на три года на семь человек. Поедут со мной мои старшие братья.

Снарядил царь корабль, и поплыли они.

Вот плывут месяц, другой, а может, и больше. Ничего кругом не видно, только волны бушуют. Вдруг показался небольшой остров. Подплыли они ближе. Видят, стоит хатка, не велика, не мала, из трубы дым идет. Бросили они якорь. Лука говорит старшему брату:

— Ты оставайся на корабле, а мы посмотрим, кто там есть.

Заходят они в хату. Глядят, печь топится, стол стоит, у стола длинная лавка, а людей никого нет. Крикнул Лука:

— Есть ли хозяин в доме?

Нет ответа.

Лука тогда говорит:

— Будем по старшинству избу караулить. Ты, Андрей, оставайся, вари кашу, а мы пойдём по острову побродим, может, какую дичь уьем.

Как сказал Лука, так и сделали. Андрей взялся кашу варить, а все остальные отправились в поход.

Только Андрей сварил кашу, вдруг входит немал человек, под потолок ростом, и говорит громким голосом:

— Здорово, Андрей!

— Здорово! А откуда ты меня знаешь?

— Да я вас всех знаю. Подавай кашу, я есть хочу!

Андрей отвечает:

— Вас таких много найдётся. Я для своих братьев кашу варю.

Немал человек дал Андрею щелчок в лоб, так тот и покатился под стол. Сам к столу сел, всю кашу съел и пошел.

Приходят братья, а Андрей только кашу заваривает. Братья спрашивают:

— Что же ты так долго кашу варишь?

— Дрова сырые, — говорит Андрей. — Еле печь разжег.

Сварили кашу, поели, легли спать.

На другой день остается брат Кирилл. Набрал дровишек, растопил печь, стал кашу варить. Вот уже и каша готова. Вдруг входит немал человек, ростом под потолок, и говорит:

— Давай кашу. Я есть хочу.

А Кирилл отвечает:

— Вас таких много!

Тут немал человек дал ему щелчок в лоб. Кирилл так и покатился под стол. А немал человек сел, кашу поел, котел опрокинул и ушел.

Поднялся Кирилл, принялся котел мыть. Тут и братья приходят.

— Почему каша не готова?

— Да что-то занемог.

Братья быстро растопили печь, сварили кашу, поели и улеглись спать.

Наутро брат Антон остался. И с ним то же было, что и со старшими.

Так дежурили они все, пока не пришла очередь Луки.

Только братья ушли, Лука разжег огонь, поставил котелок с водой. Дрова горят жарко, вода закипела, он засыпал пшено. Скоро и каша сварилась. Сидит Лука и думает: «Почему это у братьев так долго каша варилась, а у меня уже готова?»

Только подумал, открывается дверь, входит немал человек, под потолок ростом:

— Ты тут, Лука?

— Откуда ты меня знаешь?

— А я вас всех знаю, — говорит немал человек. — Ну-ка, давай кашу.

Лука говорит:

— Для хорошего человека каши не жалко. Погоди, я еще выпить принесу.

Сбежал Лука на корабль, взял бочонок вина, вернулся в избушку.

— Давай, — говорит, — выпьем сперва, а тогда и кашу будем есть.

Налил по кружке вина. Немал человек одним глотком выпил, а Лука за спину вылил. Так они и пили, кружка за кружкой, пока весь бочонок не опорожнили.

Немал человек говорит:

— Хочу еще!

Лука еще бочонок принес. Немал человек и этот выпил.

— А теперь, — говорит, — я отдохну.

Снял свою голову с плеч, положил на лавку, сам рядом лег и уснул.

Лука, не будь дурак, взял голову и положил под лавку. Сел, братьев ждет.

Приходят братья. Лука говорит:

— Что же вы так долго гуляли? Я заждался, и каша стынет.

Поели братья, увидели бочонок, спрашивают:

— Брат Лука! Что же ты вино пил, а нас не угостил?

Лука отвечает:

— Я гостя угощал.

— Где же твой гость?

— А вон, видите, сам на лавке, а голова под лавкой.

Посмотрели братья и говорят Луке:

— Зачем же ты голову под лавку положил?

— Да потому, что он колдун! Если бы голова рядом лежала, то снова бы к туловищу приросла.

Вот собрались братья спать ложиться. Вдруг слышит Лука — что-то звякнуло. Посмотрел — а около лавки связка ключей валяется. Поднял их Лука и думает: «От чего эти ключи?»

Стал кругом осматриваться. Видит, в углу замочная скважина. Воткнул в нее ключ, дверь сразу открылась. А там полно человеческих костей.

Закрыл Лука дверь и думает: «Вот что он с людьми делал, которые в его лачугу попадали».

Стал еще искать в стене дверь. Нашел. Открыл и обмер: чего там только нет — и шелк, и бархат, и парча, и золото, и камни самоцветные.

Закрыл и эту дверь, а рядом еще одна.

Открывает он последнюю дверь. Там сидит красавица-царевна и плачет. Увидела его и говорит:

— Милый человек, зачем ты сюда пришёл? Колдун услышит — и погибнешь ты. Ведь ты сюда не первый пришел.

— Не печалься, моя красавица, — отвечает Лука. — Теперь он никогда не проснется.

Обрадовалась царица и говорит:

— Будь тогда моим любимым мужем, а я буду твоей верной женой.

Сняла со своей руки золотой перстень и подала ему.

Поцеловал ее Лука и объявил:

— Завтра рано утром отплываем домой, к твоему батюшке.

Будь готова.

Разбудил братьев и рассказал им все.

— Что будем делать? — спрашивает.

Старший брат говорит:

— Богатство поделим. А красавица царица пусть будет твоей женой. Ведь ты ее спас.

Согласились братья.

Утром отвели они на корабль царицу. Погрузили все богатство. Подняли паруса. Совсем уже в обратный путь собрались, как вдруг вспомнил Лука, что забыл в избушке перстень, который царица ему дала.

— Подождите меня, — говорит, — я за перстнем сбегаю.

Только сошел на берег, взял перстень, вдруг поднялся сильный ветер, надул паруса и угнал корабль в море.

Что делать? Постоял Лука и пошел куда глаза глядят.

Шел он день, шел другой, шел третий. Видит, старый старик стадо пасет. Подходит Лука ближе и говорит:

— Здорово, добрый человек!

— Здорово, милый! — отвечает старик. — Как ты сюда попал? Я ведь тут с молодых лет и никого еще не встречал.

Рассказал ему Лука все, что с ним было.

Говорит старик:

— Оставайся у меня работать — стадо пасти. Поработаешь три года, я тебя награжу и в путь снаряжу. Как раз управишься поспеть на свою свадьбу.

Три года пас Лука у старика стадо. Вот уже и срок подошел. Спрашивает Лука:

— Что же ты мне дашь за мои труды? Посмотрел старик на Луку и говорит:

— Работал ты хорошо, по совести, и награжу я тебя по заслугам.

Приводит старик лошадь, а она такая старая да худая, что еле

на ногах стоит. Снимает с себя старик рваную шапку, достает из кармана ржавый пятак, подает Луке. Делать нечего, надел Лука шапку, взял пятак и поехал.

Ехал, ехал, лошадь едва шагом плетется. Запечалился Лука: «Так я домой и за десять лет не доеду». Надвинул с горя на брови шапку, а лошадь вдруг как рванет с места. Лука так и ахнул: «Откуда только у такой клячи прыть взялась?» Помчался Лука выше леса, выше гор, чуть пониже облаков ходячих.

«Дело тут не простое, — думает Лука. — Дай-ка я еще на пятак посмотрю».

Достал пятак, переложил из кармана в карман, — глядь, в обоих карманах по пятаку стало.

Летит Лука на коне, пятаками в карманах позвякивает. Вот уже и русское государство показалось.

А царевна его все время ждала. Всем женихам отказывала. С утра до вечера на дорогу поглядывала: не едет ли суженый? Царь и говорит ей:

— Доколе ждать своего Луку будешь? Может, его и в живых уже нет. Вот тебе срок: как минет три года, выходи замуж. Не вернется значит твой нареченный.

Прошло три года. Тут как раз соседний королевич посватался. Назначили свадьбу. Тем временем Лука приезжает. Опустился конь прямо у царского дворца. Там уже праздник-веселье идет. Невеста с женихом гостей чарками обносят.

Завязал Лука платком руку с перстнем, что царевна ему дала, и стал у самых дверей. Всех вперед себя пропускает. Доходит очередь и до Луки. Невеста его не узнала. Он весь в пыли, бородой оброс.

Подаёт ему царевна чарку, а он берёт ее левой рукой.

— Почему, добрый человек, берешь ты чарку левой рукой, а не правой?

— Да у меня правая болит.

Царевна говорит:

— Давай я посмотрю, что у тебя с рукой!

Жених недоволен:

— Охота тебе с таким грязным возиться!

Но царевна на своем настояла.

Развязал Лука палец. Узнала она свой перстень. Взяла его под руку, повела к отцу. Отменили в тот день пир-свадьбу, а королевича домой отослали.

На другой день был у них пир на весь мир. Я там была, пела, плясала, что услышала, то и вам рассказала.

СУМА, ДАЙ УМА!

Было большое-пребольшое село. В том селе жила вдова, у нее было два сына. Старшего Кузьмой звали, он в селе жил, а второй, Иванушка, в работниках был в другом селе, и жена его Марьюшка тоже с ним. Совсем хорошо жили. Одна беда: во всем селе один колодец был. Со всех концов к нему ходили.

Вдова старая-престарая была, заболела и умерла.

Старший брат и думает:

— Я мать кормил, уж избу-то мне присудят.

Говорит брату:

— Давай поделимся.

У того детей пять и у другого. Позвали они соседей, они говорят:

— Избу Кузьме и корову Кузьме.

Больше и делить нечего.

Поставили младшему худую хатенку. Стал он жить так уж худо: обносился весь, ведра худые, заткнутые, жена плачет, дети плачут. Ни пить, ни есть, ни обувь, ни одеть. Он подумал, подумал: «Пойду, удушусь».

Взял обрывок веревки и пошел. Жена увидела:

— Куда ты взял? На ней и так пять узлов, места целого нет.

Он решил: «Пойду утоплюсь в Антошкином пруду, место там крутобережное».

Подходит он, глядит — пароход там. «На нашей реке в жизни пароходы не ходили, а теперь вот едет».

Подъезжает пароход, на нем девица красоты неописанной, спрашивает:

— Ты зачем здесь?

— Топиться.

— Я не разрешу, как так?

— Дома есть нечего, у меня дети кричат.

— Знаю, знаю. Я тебе сейчас чашку брошу, ты придешь домой, детей вышли, пусть погуляют. Поставь чашку на стол и скажи: «Чашка, чашка, корми!»

Вернулся он домой и говорит:

— Ну, Марья, нехай ребята пойдут погулять.

Сам чашку на стол поставил:

— Чашка, чашка, корми!

Батюшки! На столе заявляются и пирог, и каша, и мясо. По-крестьянски все и даже лишнее. Жена повеселела. Голод-то не тетка, а когда вся середочка полна — краюшки играют.

Вот пошла она на другой день к колодцу. А сноха уже там, жена брата старшего, что пожиток-то присвоил, тут как тут и насмеяется:

— Что это ты, Марья, так весела? Может, хлеба-соли вдосталь ела?

— Лучше тебя обедали. Муж чашку принес. Так ты только поставишь, так тебе все будет — и пирог, и щи, и каша, и чего захочешь.

Та не стала воду черпать, с пустыми ведрами побежала:

— Кузьма, Кузьма, брат-то разбогател. Говорят, у них там чашка какая-то. Поди узнай да попроси.

Вот он приходит:

— Здорово!

— Здорово!

— Ты, говорят, чашку добыл? Мы ведь свои люди, так мы сочтемся. Мы вот крестницу просватали, дай чашку, хоть гостей покормить, утром принесем тебе.

Утром принесли, они поставили на стол ее.

— Чашка, чашка, корми!

А нет ничего. Жена заругалась:

— Простофиля ты, больше ничего.

— Правда, пойду утоплюсь.

Идет, а пароход-то, вот он, здесь уж. На нем девушка стоит:

— Ты зачем?

— Топиться.

— Да есть же у вас, я же тебе чашку дала.

Он рассказал ей:

— Вот дал брату — подменил брат. Теперь дети голодные. Жена плачет, ругается. Утоплюсь.

— Ничего. Я — Доля твоя, это ошибка моя, я прозевала. Чашка — пустое. Я дам тебе рубль целковый. Придешь домой. Дети пусть пойдут погуляют. А ты вынь рубль жене — будет два, она кинет тебе назад — будет четыре. Полмешочка накидаешь, на первый случай и хватит нужду поправить.

И бросила рубль целковый на песок. Он поднял. Приходит домой:

— Доля рубль дала. Отошли детей гулять.

Дети ушли.

— Ну, запри дверь, садись.

Накидали они с полмешка серебра. Он на базар поехал, купил жене сапожки хорошие, коротай новый, платок французский.

Она за водой приходит, а сноха и говорит:

— Это что же ты так разоделась? Али кум воровать научился? Небось, трудом праведным не наживешь палат каменных!

— Как же. Не воровали и не будем. У нас рубль теперь есть волшебный, мужу Доля дала. Теперь мы богатеи, как наш бабин.

Энта все бросила, ведра схватила и домой.

— Кузьма, Кузьма, смотри, жена Ивана к колодцу пришла — коротай новый, полсапожки новые, платок французский, как богатей пришла, словно Христос вырядилась. Брат-то разбогател.

Кузьма приходит, полбутылки взял.

— Здорово!

— Здорово!

— Решил проведать.

Сели, выпили оба, об деле заговорили.

— Моя баба видала куму, убрата хорошо, во все новое. Говорит, рубль у вас тут какой-то. Так ты дай мне его на день, я завтра принесу.

— Нет, не дам. Вон чашку вам дали, так вы ведь не отдали, подменили.

— Чашка! Кабы у вас одних брали, а то ведь по всем соседям собирали. Может, и перепутали, кому отдали. Вот ведь грех! Разве их заметишь.

Ну, дал он ему рубль.

Пришел он домой. Накидали с женой мешок серебра. А рубль подменили и отдали ребятам, чтоб те дяде передали:

— Ванька, отнеси, отдай.

Уж тем деньги потребовались: ребятишкам обувка, одежда. Бросил рубль, а его не прибавляется. Загоревал он:

— Пойду утоплюсь.

Идет, а пароход уж стоит. Девушка спрашивает:

— Далече собрался?

— Топиться.

— Да что ж ты? У тебя ж рубль есть.

— Да обманул брат. Утоплюсь, не буду жить.

— Нет, нет. Я Доля твоя, и ошибка моя.

Сказала — и бросила сумку на песок.

— Возьми сумку. Вбей в избе гвоздик, повесь. Ребята пусть гулять пойдут, а ты скажи: «Сума, дай ума!» Когда достаточно будет, скажешь: «Сума, хватит ума!».

Вот пришел он домой.

— Нехай дети погуляют. Он вбил гвоздик, запер дверь:

— Сума, дай ума!

Оттуда выскакивают шесть солдат и один ефрейтор. Вытаскивают кнутища из-за голенища. Размотали кнутища с кнутовища и давай их, бедного брата и его жену, катать. Чуть до смерти не забили.

— Сума, хватит ума!

Солдаты замотали кнутища на кнутовища, сунули за голенища и опять в суму попрыгали.

Они отлежались, поотмылись маленько, переночевали. Жена за водой пошла.

— Ну, как поживаешь?

— Ничего, лучше всех. Теперь и барин не так богато жить будет. У нас скоро будет и лошадь, и корова, слуги и кучер. У нас сумка такая, что лучше всех заживем. Всем того желаю, но тебе-то вряд ли, больно баба-то хороша.

Энта даже ведра бросила.

— Кузьма, Кузьма! Они опять вон как живут. У них все есть. Они хотят покупать и лошадь, и корову и все. Как наш барин живут. У них сумка какая-то есть.

— Надо итти.

Приходит.

— Брат, говорят, у вас какая-то сумка есть. Дай мне на день.

— Так вот, как дали вам чашку — не отдали, рубль — тоже.

— Так ведь чашка нашлась, принесли соседи и рубль принес я.

— А? Ну, давай. Вот тебе сумка. Придешь, прибеи на гвоздике. Детей гулять отправь. И скажи: «Сума, дай ума!» В ней секрет таится — все пригодится.

Вот пришел, гвоздь забил, сказал. Как выскочат шесть солдат и один ефрейтор. Выхватили кнутища из-за голенища, раз-

мотали кнутища с кнутовища и давай их, богатого брата и его жену, катать, чуть до смерти не забили. Тут соседи услышали, двери сломали. Один сынишка прибежал.

— Дядя Ваня, тятку с мамкой забивают до смерти!

Он прибежал, только в сенцы вошел и говорит тихо:

— Сума, хватит!

Ну, солдаты смотали кнутища на кнутовища, сунули за голенища и попрыгали в сумку. Ну, тут народ их пообмыл, они отошли маленько.

— Брат, возьми суму!

— Ну, я без нее обойдусь. Нехай у тебя будет.

Да с тех пор Иван да Марья и зажили. Я недавно у них была, мед-пиво пила, пряниками заедала.

Сказка вся, а присказка будет завтра, после обеда, поевши мягкого хлеба.

ХРУСТАЛЬНОЕ ОЗЕРО

Жил в старину богатый барин. У него было много всяких рабочих и слуг. Иван выполнял всякую работу, а больше всего ходил на охоту, стрелял уток, гусей для барского стола доставлял.

Пошел раз как-то на охоту, ходил-ходил и заблудился. Вышел на открытую поляну и увидел перед собой хрустальное озеро, а на нем двенадцать лебедей. Никогда таких красивых не видел. Даже жалко стрелять. Посмотрел-посмотрел, лебедушки взмахнули крыльями и улетели в поднебесье.

Пошел Иван домой. Приходит Иван, а барин спрашивает:

— А где утки? А где гуси?

Ну, Иван говорит:

— Никакой дичи не убил, не напал.

Барин приказал Ивана на конюшню отправить и отвесить по спине двенадцать плетей. Отвели Ивана на конюшню, отвесили ему по спине несколько плетей. Пошел он и закручинился. Шел-шел дремучим лесом. Там разные кусты, ветлы да деревья и ракитовый куст один. Он за него спрятался.

Глядь — летят двенадцать лебедей. Одна так близко пролетела, чуть Ивана не задела, только она коснулась земли и стала девицей-красавицей.

И начали они песни петь, хороводы водить. Одна, младшая,

лучше всех. Как притопнет ножкой — трава зеленее, махнет ручкой — цветы расцветают.

Порезвились-порезвились девушки, сняли туфли, белые платья и кинулись в хрустальные воды. Плещутся, плавают, так изумрудные круги раздаются. А Иван сидит за кустом, еле дышит. Думает: «Лучше смерть принять, чем лебедушек стрелять».

И пошел Иван домой с пустой сумой. Барин опять спрашивает:

— А где дичь: утки, гуси, лебеди?

— Нет ничего, — говорит, — не нашел.

Барин опять приказал еще сильнее его избить.

На третий день Иван снова пошел к хрустальному озеру, схоронился за ракивов куст. Вдруг видит, опять летят двенадцать лебедей. Только прикоснулись к земле — стали девушками-красавицами, что ни в сказке сказать, ни пером описать. А младшая краше всех. Взялись девушки за руки, стали хороводы водить. Запела младшая, а голос у нее, словно у птички. Потом стали плясать. Поведет младшая рукой — все светлее вокруг делается, топнет ногой — кругом цветы расцветают, птички расппевают. Смотрит Иван — не насмотрится, слушает — не наслушается.

Порезвились девушки на полянке, сняли туфли, белые платья и кинулись в хрустальное озеро, начали купаться. А Иван думает:

— Нет, не буду стрелять, будь, что будет.

Они купались, плескались, изумрудные круги раздавались, как радуги на небе. А Иван и думает: «Что делать?» Взял у младшей девушки туфельку и прибрал. Они выплывают, а у младшей туфельки нет. Едва ударились о землю, сделались лебедушками и скрылись в поднебесье. А одна осталась. Походила-походила, поискала и говорит:

— Кто ты, добрый человек? Если старый — буду чтить тебя как отца своего, а малый — любить, как брата, а ровня — замуж пойду.

Выходит Иван из-под ракивового куста и отдает туфельку. А сам был такой красоты, что ни в сказке сказать, ни пером описать. И говорит девушке:

— Девушка, девушка, не пойдешь ли за меня замуж?

У ней щечки покраснели алым полотном, а глаза загорелись огнем. Она опустила глаза вниз и сказала:

— Пойду.

Взял ее Иван за руки, повел домой. Ведет и думает: «Куды я ее приведу? Хатенка-то сейчас развалится, маленькая».

Приводит домой. Там темно, грязно, неудобно. Лебедь-Марьюшка стены глиной обмазала, побелила, хату вымыла, подмела, душистой травы насобирала, сор вымела за порог, а веничек под порог. У ней в руках дело спорилось, и все ладилось.

Вышли девушки-молодушки погулять, вышла с ними и Марьюшка-лебедь. Барин увидал с балкона:

— Откуда такая взялась?

А лакей говорит:

— Это у Иванушки, нашего охотника, жена такая.

Барин посылает слугу за Иваном. Иван пришел, а барин ему говорит:

— Иван, уступи мне жену.

— Ни за что не уступлю.

— Тогда ты должен привести всем-зверям-зверицу, а не выполнишь, мой меч — твоя голова с плеч.

Запечалился Иван и пошел. Идет, а Марьюшка его спрашивает:

— Ты что, Иванушка, печалишься и мне грусть придаешь?

— Как же мне не печалиться. Барин велел итти мне в лес, привести всем-зверям-зверицу.

А она говорит:

— О, Иванушка, это полбеды, беда будет впереди. Ложись, почивай, утро вечера мудренее.

Он лег, она села, сплела шелковую оброточку, немного поспала, приготовила завтрак, разбудила Иванушку:

— Свет Иванушка, завтрак готов! Вот тебе оброточка и клубочек.

А клубочек она бросила на пол и говорит:

— Куда клубочек покатится, туда ты иди, где остановится, ты стой. Он прикатится в дремучий лес, там будет большая поляна, на ней стоит дуб. К нему подойдет всем-зверям-зверица чесаться. Если клубочек будет стоять, то стой, а если клубочек будет подкатываться к зверю, ты тоже подходи.

Она толкнула клубочек носком туфельки — левой ногой.

Иван идет, клубочек катится. Прокатился по дремучему лесу, посреди огромная поляна. На ней стоит дуб, толщиной в три обхвата. Глядь — из кустов выходит всем-зверям-зверица. Увидала Ивана и кинулась, хотела убить его рогами. Иван за ней увер-

нулся, а она вдарилась о дуб, и рог ее увяз. Иван подошел, накинул обороточку, вынул рог и повел ее домой. Ведет ее домой, а барин увидал:

— У, какой зверь, где поймал?

Рассмотрел поближе:

— Иван, Иван, пусти, а то он меня съест!

А он и говорит зверю:

— Ну-ко, всем-зверьям-зверица, прорыкай, хоть вполголоса.

Ну, как она зарычала — барин перепугался, за койку забрался, шумит:

— Слуги, слуги! Пусть уведут ее!

Ну, Иван снял обороточку.

— Ну, иди, гуляй!

А сам Иван пошел домой. Пришел. Марьюшка очень довольна. Барин с испугу замолчал. Но он только три дня молчал, а на четвертый опять Ивана позвал.

— Ну, Иван, уступи мне жену.

— Ни за что не уступлю.

— Тогда достань мне гусли-самоигры, а не достанешь, мой меч — твоя голова с плеч.

Запечалился Иван, идет домой, плачет, а Лебедь-Марьюшка спрашивает:

— Что ты запечалился и на меня грусть наводишь?

— Как же мне не печалиться? Ведь барин посылает достать гусли-самоигры.

— У, это полбеда, а беда будет впереди. Ложись поживать, утро вечера мудренее.

Иванушка поужинал, лег спать. Легла и Марьюшка. Утром Марьюшка напекла, нажарила, Ивана накормила. Дала ему клубочек.

— Вот, Иванушка, клубочек, куда он покатится, туда и ты иди. Он подкатится к хрустальному дворцу: у ворот будут лежать два льва, нос к носу. Если клубочек перекатится — перешагни, если остановится — и ты жди время. Когда войдешь во двор, в первую комнату зайдешь — будет стоять стол, на нем рюмка. Ты ее выпей. Одиннадцать комнат пройдешь — по рюмке выпей, в двенадцатую войдешь — выпей и спать ложись. Это моя комната. А там увидишь.

Она толкнула клубочек правой ногой. Иван за ним пошел. Подошел он ко дворцу, у ворот лежат два льва, нос к носу. Клу-

бочек перекатился через носы, и он перешагнул — там комната, на столе стоит рюмка. Он рюмку выпил, закусил и дальше пошел. Так он одиннадцать комнат прошел, в последней — порожняя кровать. Выпил, закусил и лег спать. Спит себе спокойным крепким сном.

Вдруг входит старушка-лебедушка.

— Кто-то был — рюмки пустые стоят.

Она все комнаты прошла, никого не нашла. Она отворила двенадцатую комнату, видит — Иванушка спит.

— Да это зятюшка-батюшка пришел!

Прилетают девушки, красавицы-лебедушки, а мать стоит на крыльце, шумит:

— Тихе, дети, зять пришел! У Марьюшки в спальне спит.

Приготовила обед старушка-лебедушка, разбудила Ивана.

— Зачем, зятюшка, пожаловал?

— Барин послал за гуслиями-самоиграми, да не знаю, где их добыть.

— Погости у нас, сынок, все будет сделано в срок.

Ну, он поел, попил, лежит на койке. Старушка-лебедушка приходит:

— Зятюшка-батюшка, ты спишь или так лежишь?

А он говорит:

— Не сплю и не дремлю, а думаю думаю.

— О чем ты думаешь?

— О том, что листьев больше, чем деревьев.

Проходит время. Иванушка на койке лежит, приходит старушка-лебедушка.

— Зятюшка-батюшка, ты спишь или так лежишь?

А он говорит:

— Не сплю и не дремлю, а думаю думаю.

— О чем ты думаешь?

— О том, что ведь воды больше, чем земли.

Проходит третий день, лежит Иванушка, а старушка-лебедушка спрашивает:

— Зятюшка-батюшка, ты спишь или так лежишь?

— Нет, не сплю, а думаю думаю.

— О чем ты думаешь?

— О том, что крестьян больше, чем дворян.

— Хорошо ты думаешь. Вот тебе гусли-самоигры. Ступай, да дочке Марьюшке привет передай.

Иван поклонился до сырой земли и пошел. А сестрицы-лебедушки летят, крыльями шумят, Иванушку провожают:

— Иванушка, Иванушка, передай сестрице от нас привет.

Приходит.

— Принес? — барин спрашивает.

— Принес, — говорит.

Принес Иван гусли-самоигры барину и говорит:

— Собери пир на весь мир, они поиграют, а люди послушают.

Барин согласился и, когда собралась гости, Иван приказал гуслиям-самоиграм заиграть. И все заплясали. Люди пляшут, птицы в лесу пляшут, лошади на конюшне пляшут, столы и стулья заплясали. Пляшет кухарка на кухне, пляшет печь, пляшет горшок в печи, пляшет каша в горшке. Вот как хорошо гусли играли, все гости плясали. И все барские крепостные плясали. Один барин не может плясать. Кричит:

— Прикажи, Иван, гуслиям замолчать.

Гусли замолчали, а барин думает:

— Ну, что тут делать? Это не то.

И говорит Ивану:

— Иди домой!

Вот Иван пришел домой, Марьюшка обед на стол подала. Вдруг гонцы бегут.

— Иван, барин зовет.

Приходит Иван к барину.

— Уступи мне жену!

— Ни за что не уступлю.

— Тогда поди мне найди ни то, ни се. Если не принесешь ни то, ни се, мой меч — твоя голова с плеч.

Запечалился Иван пуще прежнего. Идет, а Марьюшка спрашивает:

— О чем задумался, Иванушка? Или я тебя чем обидела?

— Эх, жена ты моя милая, лебедушка белая! Ничем ты меня не обидела. Опять барин посылает меня принести ни то, ни се, где ж это ему взять?

Покачала головой жена, тяжело вздохнула.

— Да, Иванушка, теперь есть о чем печалиться. Это было полбеда, а теперь уже беда. Ну что было — видали, что будет — увидим. Ну, ничего, ложись, спи себе с богом.

Сама всю ночь не спала — горевала, горькими слезами обливалась.

— Солнце красное, осуши мою печаль, слезы горькие. Ветер, ветер, осуши мою печаль, слезы горькие!

Долго думала она, ничего не придумала. Заря занимается. Пора бы будить Иванушку.

Вышла красавица-лебедушка на заре и стала скликать зверей, птиц, букашек.

— Звери вы, звери, скажите, как найти ни то, ни се?

Отвечают звери:

— Не знаем, красавица-лебедь!

— Птицы вы, птицы голосистые, скажите, как найти ни то, ни се?

— Рады бы помочь, да не знаем.

— Милые букашечки, даже коровочки и меньше булавочной головочки, скажите мне, как найти ни то, ни се?

— Рады бы сказать, да не знаем.

Заплакала она, смочила горючими слезами шелковую траву. Уже солнце всходит, в усадьбе рожки играют. Псаря собак спускают. За Иванушкой посла шлют. А Иванушка проснулся — лебеди нет. «Ну, — подумал, — вот мне и смерть».

А барин шумит:

— Привести сюда жену Иванушки, а Ивана отвести на конюшню и запороть насмерть!

Вдруг вбегает красавица-лебедь:

— Иванушка, побежали!

Взяла его за руку, побежали, а псы за ними, лают, погоня. А Иванушка говорит:

— Лебедушка, лети, пускай меня одного запорют.

— Нет, лучше погибать вместе, чем одному.

Только она так сказала, вдруг прыгает лягушка: «Ква-ква-ква».

А Марьюшка просит:

— Лягушка, лягушка! Не знаешь, где взять ни то, ни се?

— Для чего тебе?

— Да не мне, а барин посылает моего мужа принести.

Лягушка и говорит:

— Кому-нибудь нету, а вам дам. Пойдем, Иванушка, ква-ква, ладно, пойдем за мной.

Иванушка идет, лягушка прыгает. Иванушка хотел взять ее в карман, а лягушка говорит:

— Ква-ква, напрасно думаешь — ты меня не поднимешь. Во мне сто пудов.

Подпрыгала лягушка к хрустальному озеру и говорит:

— Орлец, отвори дворец!

Хрустальное озеро отворилось, там оказался хрустальный дворец. Верх-то у дворца золотой, посеребренный. Иванушка аж глаза зажмурил, испугался. А лягушка говорит:

— Ква-ква, Орлец, собери нам обедать.

Оказался тут дубовый стол, а на нем скатерть. Пообедали, а лягушка говорит:

— Ква-ква, иди, Орлец, к Иванушке и служи ему, как мне.

Иванушка поклонился лягушке и пошел. Приходит к барину.

Барин спрашивает:

— Принес?

— Принес. Собери пир на весь мир, а я всех угощу.

Собрал барин всех бар, станowych, урядников, попов — разный всякий хлам. Все собрались за столы, смотрят на столах там много было кой-чего.

А Иванушка говорит:

— Орлец! Выкинь в окна столы и стулья, настанови своих.

Так Орлец и сделал: покидал в окна стулья, столы.

Барин испугался, зашумел:

— Что делать?

— Погоди, барин, я сейчас вас угощу хлебом-солью.

И велел:

— Орлец, поставь столы, накрой, чтоб на столах все рекой лилось!

Сели. Иванушка говорит:

— Орлец, дай-ка по трубке каждому в зубы, а барину две для чирямонии.

Не успели ахнуть, а у каждого трубка во рту, а у барина две.

— Орлец, дай по буклешке по голове каждому, а барину две для чирямонии.

Как Орлец даст — первый раз промахнулся для чирямонии, а второй как даст — они так комом, как котята, и выкатились — и дворяне и урядники, все кучей.

Тут-то Иванушка больше горя не знал, воротился к своей лебедушке, стали они жить-поживать, добра наживать, людей приглашать. Так они урядников, стражников побили, крепостных распустили, в ладу и добре и согласии зажили. Живет теперь народ дружно. Так, как и нужно!

ЧЬЯ ЛЕНЬ БОЛЬШЕ

Жили старик со старухой. И до того они были ленивые, что по неделе руки не мыли, по месяцу не причесывались.

Однажды лежат они в саду под яблонькой, старуха вверх глядит и говорит:

— Эх и хороши яблочки! Хоть бы одно упало да в рот попало.

А старик ворчит:

— Охота тебе языком болтать... Вот если б они были жёваные...

Приносит им внучка горшок каши. Сели они и начали есть. Старик уминает кашу и прихваливает:

— Ух, до чего же вкусна — молочная, рассыпчатая, поджаренная, духовитая!

Старуха заранее договаривается:

— Вот доедим кашу, старик, а горшок тебе мыть.

— Да ты что! Аль обезумела? Где это видано, чтобы мужик горшки мыл? Небось не переработалась. Все я да я!

— Что там ты? Палец о палец не ударишь!

— Как это так! Я на прошлой неделе соседского телка со своего двора выгнал.

А старуха ему:

— Ладно, хватит шуметь. Давай замолчим. А кто первый слово промолвит, тому и горшок мыть.

Вот они целый день лежат и молчат. Приходит соседка.

— Здоровы были!

В ответ ни слова.

— Маланья, а Маланья! Степан, а Степан! Вы обиделись на меня, что ли?

Те молчат и на соседку поглядывают.

Она всполошилась и побежала соседей звать.

— Пойдемте к старикам. Ведь помирают они, уже и речь отнялась.

Пришли соседи, видят — правда, со стариками что-то неладно.

Тогда соседка взяла старухин платок и повязала на себя.

— Все равно он ей теперь ни к чему. Похоронить можно и в другом, что похуже.

И на этот раз никто из стариков и рта не раскрыл.

Тогда кто-то из молодых парней снимает с вешалки старикову шубу:

— Возьму, поминать соседа буду.

Пошарил в кармане и обрадовался:

— О, да тут ещё табаку полно! И пахнет хорошо, верно, с донником.

Старик как закричит:

— А ну стой! Табак-то я без тебя докурю.

Тут старуха вскочила и показывает на горшок:

— Ага, заговорил! Тебе мыть, тебе мыть!

Старухина лень оказалась больше. Старик почесал затылок.

— А зачем его, старуха, мыть? В нем опять будут кашу варить, снова испачкают.

На том и согласились.

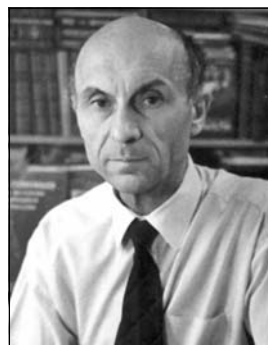
А соседи посмеялись и разошлись.

IV.

Виктор Будаков,
член Союза писателей России

ГЕНИЙ ИЗ ЯМСКОЙ СЛОБОДЫ

Ямская слобода — из тех пригородных слобод, в охранительной опояске которых веками жил Воронеж, русский город, когда-то основанный как порубежная крепость. Ямская, Стрелецкая, Пушкинская, Затинная, Беломестная, Чижовская, Троицкая, Терновская, даже Напрасная; занимаясь то ратными, то мирными, устройтельными трудами, напрасной, разумеется, не была ни одна, все были — как родные страдницы-сёстры.

И всё же для города и мира самая дорогая — Ямская. Здесь на исходе века, в предосенний день 1899 года родился человек, именем своим и словом прославивший Воронеж столь же, как и предшественники-земляки: Болховитинов, Кольцов, Никитин, Бунин. Он родился среди бедности, размеренной обыденности городской окраины и был старшим сыном в многодетной семье слесаря железнодорожных мастерских Платона Фирсовича Климентова. Будущий писатель большую часть выпавшей ему полувековой жизни прожил в Воронеже, и дольше всего — в Ямской слободе.

В начале двадцатого века здесь всё было по-иному, нежели теперь, когда без малого двухсотметровая телевышка и бетонная громада дворца спортивных и иных зрелищ жёстко обозначают угол былой слободы. Тогда здесь была многопыльная окраина с деревянными постройками, садами и пустырями, кладбищем с двумя церквями, железной дорогой-однопуткой, бравшей разбег от недалёкого вокзала. У северной городской Заставы вздымалась тяжело и мрачно тюрьма. Слобода заканчивалась кузнями и мастерскими.

Есть строки самого Платонова о том, как в начале века выглядела его малая родина, — эти строки из юношеского письма, впервые процитированного в предисловии к сборнику платоновских стихотворений «Голубая глубина», теперь цитируют беспрестанно: в них не только биографические штрихи, но и ключи к его творческой, духовной личности: «Я родился в слободе Ямской, при самом Воронеже... Ямская чуть отличалась от деревни. Деревню же я до слёз любил, не видя её до 12 лет. В Ямской были плетни, огороды, лопуховые пустыри, не дома, а хаты, куры, сапожники и много мужиков на Задонской большой дороге. Колокол «Чугунной» церкви был всею музыкой слободы, его умирительно слушали в тихие летние вечера старухи, нищие и я... Кроме поля, деревни, матери и колокольного звона я любил ещё (и чем больше живу, тем больше люблю) паровозы, машину, ноющий гудок и потную работу...

Я родился на прекрасной живой земле»...

В 1950 году, незадолго до смерти Андрея Платонова, в Детгизе вышел сборник русских народных сказок «Волшебное кольцо». Платоновский пересказ, шолоховская общая редакция. Это был небольшой сборник в девять сказок — «Иван-чудо», «Безручка», «Чудесный мальчик», «Волшебное кольцо», «Иван Бесталанный и Елена Премудрая», «Умная внучка», «Морока», «Финист — Ясный сокол», «Солдат и царица».

Они взяты из огромного афанасьевского свода русских народных сказок. Афанасьев и Платонов — земляки, и, можно думать, будущий писатель ещё в раннем детстве был знаком со сказками из знаменитого свода знаменитого фольклориста, — сказками, немалым числом собранными Афанасьевым и его друзьями в Чернозёмном крае и даже в близких к губернскому городу Воронежском, Бобровском, Землянском уездах.

В 1947 году в «Огоньке» Платонов публикует статью «Сказки русского народа», где добрыми словами отзывается о подвижнической деятельности земляка, находит его собрание одним из лучших; и всё же, тем не менее, видит в его своде некое, под стать гербарию, усущение сказки, невольную остановку жизни сокровенного фольклорного жанра сказки, которая «не является однажды созданным и навсегда запечатленным произведением: она движется из уст в уста, от сказителя к сказителю, от переписчика к переписчику... Процесс творчества сказки продолжается десятилетиями и столетиями, в нём участвуют представители нескольких поколений народа...» Главное возражение афанасьевскому своду сказок: Платонов видит и сожалеет, что это не записи, а переработки. Всё бы ничего, но... «сказки обрабатывал учёный, человек, любящий народное творчество и знающий его, но не художник; не будучи же художником, это дело вполне хорошо исполнить нельзя».

И впрямь, сравнивая тексты сказок из афанасьевского свода и пересказанные Платоновым, видишь, что последние, пусть и чуть-чуть, поэтичнее; и как они естественно продолжают и углубляют ту кажущуюся наивность, а, вернее, мудрую простоту, что являлась в сердце и языке народа и, может, в чём-то была утрачена под волнами времени или припогашена обработкой собирателя. И ещё очевидное: в платоновском пересказе — более проявленное чувство крестьянской жизни, здесь органично — о крестьянской доле, сиротстве, добре, правде, земле и пашне. Разночтения пусть и небольшие, но Платонов и в сказке Платонов: как сам народ. Платоновское «Волшебное кольцо» — о земле и крестьянской доле, чего нет в одноименной сказке из свода; и концовка иная: герой собира-

Андрей Платонович Платонов

ется жениться на крестьянской девушке-сиротке, которая несравнимо прекрасней бывлой неверной жены-царевны. И в «Финисте — Ясном соколе» платоновская заключительная страница глубже и поэтичнее афанасьевской; и опять-таки и здесь крестьянское дело остается сущим в любую пору и погоду, вином-весельем не заливается: идёт свадьба, гости «с лета до зимы не разошлись бы, да настала пора убирать урожай, хлеб осыпаться начал».

А сколько в платоновском пересказе, словно щедрой горстью житнетворных зёрен, рассыпано афористических выражений, перлов-присказок, жемчужин-поговорок! Истинно народное, но рождённое сердцем писателя — «Зло на посев не оставляется», «Сильна хитрость ума, а добро сильнее хитрости», «Не в силе сила, но в добре», «Что царю в обиду, то народу в поученье», «Народ всем отцам отец». Или же — «Несчастье хоть и живёт на свете, да нечаянно, а счастье должно жить постоянно», — заветная надежда писателя, взывающая к людям не только со страниц его сказок.

Каких-нибудь десятков слов, а за ними — миллионы судеб: «Строили, рубили, строгаи, тесали, народную силу без счёта клали, — и построили корабль», — в одном сказочном предложении — целая эпоха и драма народной жизни.

После войны, когда в «Новом мире» появился платоновский рассказ «Семья Иванова» («Возвращение») и был подвергнут разгрому, Платонова снова не печатают. Разве что малые рассказы. Разве что сказки.

Но есть своя творческая потребность и воля в том, что под конец жизни писатель прямо, сердце в сердце, обращается к сказке: она как бы венчающий аккорд в его народности, его жизни и творчестве. В сказке — целая вселенная, в ней народный взгляд на бытие мира и человека. В сказке — чаянье, опыт и заповеди ушедших поколений, по которым жить не в добре и не в любви — грешно; наживаться на хитрости, лукавстве, на чужом несчастье — грешно; добро и честь — гонимые, но они в сердце народном, и они возьмут верх над злом и бесчестьем.

А коль так, понятным становится, почему Платонов в огромном цветнике народных сказок избрал именно «колючие», жёсткие, в каких даже добру приходится быть недобрым, в каких поединки добра и зла, правды и неправды не признают прямолинейного рыцарского «изящества».

Как то и водится в сказочном, волшебном мире, человеку нередко приходят на помощь то птица, то зверь, то щука-рыба. Злонамеренные толкователи даже в этом тщатся найти ущербные проявления души и характера народа, искажают сам метафорический строй русской сказки, где герой отнюдь не ленивец, покорный судьбе, а искатель смысла и прав-

ды. За правдой идёт даже в «мёртвое царство». И помогают ему добрые, светлые силы. А тёмные он побеждает в единоборстве, не чуждаясь смекалки.

Да, «трудом праведным не наживёшь палат каменных». В одиночку — не наживёшь... Но разве не народ созидал их на огромных пространствах, разве не он, обустроивая мир, расширил родину до Тихого океана?

Уходит ли традиционная сказка насовсем? Полевая, лесная, крестьянская? Время от времени издаётся она, издаётся и в пересказе Платонова. Есть ли нужда в его «Волшебном кольце» для нынешнего времени? Какие сказки ждут нас завтра? Ведь и атомную реальность обращают в сказку и миф.

Последние годы жизни Андрея Платоновича — самые трагические. В 1943 году на его руках скончался надломившийся в северных лагерях сын. Простыв во фронтовых командировках, тяжело заболел и писатель. Печатный разгром опубликованного после войны рассказа «Семья Иванова» (чаще публикуется под названием «Возвращение») также не мог пройти бесследно. Созданные после войны пьесы о поэте-лицеисте и о солдате, вернувшемся с войны, как и довоенные пьесы («Шарманка», «Высокое напряжение», «14 красных избышек»), ни издательства, ни сцены не нашли. И лишь незадолго до смерти, в 1950 году, вышла последняя его прижизненная книга — в платоновском пересказе, под общей шолоховской редакцией — сборник русских народных сказок «Волшебное кольцо».

Виктор Акаткин,

*доктор филологических наук,
профессор,*

*Воронежский государственный
университет*

КОСМОС ДЕТСКОЙ ДУШИ

Андрей Платонов, писала много лет назад М.И. Картавцева, еще не до конца понят и принят, однако это поправимо. «Но чтобы мы и наши потомки не разминулись в пути с великим земляком завтра, надо поторопиться сделать первые, самые важные, шаги к нему сегодня». Иначе будет поздно, иначе не восполнить душевные потери, которые мы понесли под ударами холодного технического времени. В первую очередь это должны быть детские шаги...

Дети, не раз отмечал Платонов, мудрее взрослых, потому что они воспринимают мир и разумом, и сердцем, и всей своей чуткой, не отвердевшей плотью. Они еще не успели нарастить толстую, словно панцирь, кожу, у них еще не отяжелело сердце и не забился штампами и скудными догмами любознательный ум. Они все понимают или обо всем догадываются, и Платонов хорошо это знает, а потому не боится «впасть» в детство, чтобы говорить с ребенком на равных, говорить без назиданий и задней мысли, словно во сне или наедине с самим собой.

Платонов часто, почти всегда писал о детях, напоминая взрослым, поглощенным классовою борьбой, работой или самоуслаждением, что рядом с ними тревожно и трудно живет маленький ребенок, вступающий, словно в темный ночной лес, в загадочную человеческую жизнь. Изображая детские странствия, Платонов будто укоряет взрослых за их душевную остылость, за их ограниченность, приверженность к мелкому прагматизму и житейской пошлости.

Но чем отличается ребенок от взрослого? Своей душевной разомкнутостью, бесконечностью, бессознательной устремленностью к равновеликости с миром. Ребенок подобен маленькому, но напористому ручейку, который прокладывает себе путь сквозь камни и завалы, еще не зная, где и когда он вырвется на простор, к каким великим руслам он пробьется. Платонова прочитать — значит самому пройти по тем пустырям и овра-

гам, по которым скитался его ребенок, испытать все муки и страхи от столкновений с неведомым миром, выстрадать холод и голод, болезни и угасание близких, все беды бездомности и одиночества. Чтение Платонова — нелегкое испытание, которое не всякий выдержит, но тот, кто себя не пожалеет, готов будет на доброе слово и добрый поступок. Платонов проникает в самые сокровенные уголки детской души, в ее молитвы и ропоты, в затаенные мечты и обиды, во все невыговариваемое. Как никто из писателей, он ощущает космос души ребенка, для него каждое дитя — «центр Вселенной». Как ни странно, но именно дети, в представлении Платонова, «спасают мир взрослых», спасают не силой, не умелостью, а «чувством родства и братства всего живущего на земле».

Платонову особенно интересен тот ребенок, который всегда и всему задает вопросы. «Пойду, до всего дознаюсь» — таков главный девиз героя «Железной старухи». Егор «спать не любил, он любил жить без прерыва, чтобы видеть все, что живет без него, и жалел, что ночью надо закрывать глаза, и звезды тогда горят на небе одни, без его участия». Время рванулось к познанию всего и вся — от морских пучин до глубин Вселенной, платоновский ребенок рождается «у начала царства сознания». «Ты кто?» — вот его первый вопрос к миру. «Ты злой или добрый?» — вот что он хочет узнать. Он в постоянном диалоге с пнями, жуками и птицами, червями и ветром, колодцем и коровой — нет ничего для него постороннего, не имеющего смысла и голоса. Конечно, не каждый ответит на его вопросы, но всякому он вложит свой голос, у всякого увидит какую-то цель. Даже червяк, положенный под подушку для ночной беседы, уползет, не спросая, куда ему надо. «Отчего ты живешь? — говорил Егор. — Хорошо тебе или нет?» — допытывался он у червя. Он, наверно, хотел бы слышать такие же вопросы к самому себе. Для ребенка нет различий между ним и природой, ведь все одинаково живут или умирают. «Давай я буду тобою, а ты будешь мною, — сказал Егор. — Я тогда узнаю, кто ты, а ты станешь как я, ты будешь человеком, тебе лучше будет». Но червяк на обмен не согласился и уполз неведомо куда. Егор хочет быть всем сразу, чтобы всех понять, чтобы узнать, кто есть кто. «А кто же я?» — неизбежно возникает самый трудный вопрос. «Кто-нибудь я тоже есть. Так не бывает, чтобы я был никто!» — восклицает Егор. Да, не нолик он, не винтик в бездушном механизме, а живой человек в одушевленном мире, он «родня траве и зверю», и народ без него неполный. «Пойду, до всего дознаюсь», — так могли бы сказать о себе все дети Платонова. И это задача на весь жизненный путь. А когда обо всем узнаешь (если это возможно), то и жить незачем...

Будни платоновского героя — это бесконечное перемогание, одоление всего, что не дает ему жить, это тихое, но непреклонное сопротивление небытию, терпеливое стояние перед лицом смерти — глаза в глаза и кто кого? Неизвестный цветок «трудился день и ночь, чтобы жить и не умереть». Пылинки из ветра — вот его почва, капельки ночной росы — вот его живая вода, невиданное упорство — вот его сила. Но это и позволило ему стать неповторимо красивым. Пусть глина и камни, пусть сушь и ветер — все равно он прорастет из праха и победит безжизненный пустырь, овеет его своим редким запахом. Странно, но не стал расти неизвестный цветок на плодородной почве, приготовленной для него пионерами, а снова засиял там, где не ждали: среди камней. Ему нужны сушь и камень, чтобы не иссохла душа, только в одолении невозможного он станет красивым и редким. Сказочный Иван-чудо тоже понял: «Чего ничем

нельзя одолеть, то можно одолеть работой». Ребенок Никита из одноименного рассказа убеждает отца: «Давай всё трудом работать, и все живые будут». Не бояться, не обходить трудности, а побеждать их упорной работой и добрым разумом — вот главный урок рассказов и сказок Платонова. Будто знал он, как устремятся молодые люди к счастью по легким и неправедным путям, нарушая все заповеди и запреты. Но тогда вместо редкого цветка вырастет на пустыре безликая дурная трава, бесполезная, но прожорливая.

Платонов знает цену всем соблазнам и обманам, всем попыткам в два прыжка одолеть пропасть — вместо того, чтобы построить мост. Жизнь без затрат, без самозабвенной работы — мираж, и тот, кто гоняется за цветными бабочками, фактически предаёт мать, да и себя самого. Платонов порой приходит к крайним выводам, как, например, этот: «Одно горе делает сердце человеку». Однако его можно понять. Он всегда на стороне страждущих, «униженных и оскорбленных», дурачков и бедных, и в этом солидарен со сказкой. Его излюбленная мысль, в разных вариантах часто повторяемая: «А пастухи да пахари умнее царей». Мужик на любое дело годится, а царь никуда не годен. Жена сапожника с должностью царицы быстро справилась, а вот царица за неумение хозяйствовать на месте жены сапожника каждый день бита была. Вторая его излюбленная мысль: «Сильна хитрость ума, а добро сильнее хитрости». Заметим: не против ума восстает Платонов, а против его злого, хитрого применения. Девочка Оля из рассказа «На заре туманной юности» умна и усердна в учебе, но добра в ней еще больше. Голодая, она не берет дополнительной порции в столовой, потому что «жалела общую пищу республики, чтобы осталось больше хлеба для красноармейцев и рабочих, — для всех, кто сейчас нужнее, чем она». Поймут ли ее современные дети?

Платонов смотрит на мир как бы четырьмя глазами: своими собственными и глазами ребенка, изнутри его младенческой души, осторожно снимая звуки с ее невидимых струн и перенося их на бумагу. И мы погружаемся в неповторимую, наивную и одновременно ироничную речь, словно долетевшую к нам из летописных времен. Слова тут вроде бы обычные, даже заземленные, а звучат исповедально и молитвенно, с последней искренностью и убежденностью. К детским рассказам и сказкам Платонов обратился довольно поздно — побитый жизнью, много испытывший, написавший «целое собрание сочинений». Потому-то они так многотуманны и мудры, так соучастливы и печальны. Он спешил сказать в них свои последние, как бы завещательные слова, высветить свои «за» и «против», указать коды для расшифровки «темных мест» своих писаний.

Платонов сказочен везде, где ни пройдет его перо, он способен превратить в сказку и миф даже самую жесткую реальность. И все же рассказы и сказки заметно отличаются. В сказках все совершается чудесным образом, в одно мгновение, без параллельной работы души, а в рассказах герой соприкасается с жизнью обнаженным сердцем, испытывая все радости и муки от подобных соприкосновений. Все, что происходит в сказках, далеко от нас и в давнем прошлом. А рассказы втягивают нас в сюжеты происходящее, и мы невольно становимся соучастниками детских приключений, соавторами их бесконечных вопросов. Герои рассказов имеют платоновское гражданство, они плод его художественной фантазии, его светлый лучик во тьме ночи. В сказках же герой всеобщий, ничейный, он взят для обработки почти в готовом виде и лишь слегка подправлен платоновским пером. Но и рассказы, и сказки устремлены к

одной цели: к тайнам души ребенка, постигающего тайны земного и небесного бытия.

Платонов выбрал для авторизованной обработки те сказки, в которых можно было бы почувствовать дыхание жестокого XX века, беспощадного к людям и к самому себе. Он прошелся бурями и огнем прежде всего по детям, оставляя на всех дорогах миллионы сирот, бродяг, беспризорников, число которых не убывает и в наши либеральные времена. Но почему вдруг сказки? Да потому, что сказку не минует никто, потому что в ней вечное, отложенное и проверенное многими поколениями. Кто может поспорить со сказкой, усомниться в ее фантастической правде? Повествуя о временах давно минувших, она живым голосом напоминает нам о дне нынешнем, о нескончаемом поединке добра и зла, чести и подлости, бескорыстного служения и расчетливого предательства.

Платонов называл сказку «высокой бессмертной народной литературой», бессмертной потому, что она «не является однажды созданным и навсегда запечатленным произведением: она движется из уст в уста, от сказителя к сказителю, от переписчика к переписчику; каждый такой рассказчик почти всегда является и соавтором сказки». И лучше всего, если сказка попадет под перо писателя, художника слова. Писатели «придают ей то окончательное, идеальное сочетание смысла и формы, в котором сказка остается пребывать надолго или навсегда». Ценная своим содержанием, сказка является для нас «как бы материальным хранилищем сокровища русского языка, драгоценнейшего достояния нашего народа».

Пересказывая народные сказки, Платонов знал, какую миссию он возложил на себя. Почти все его сказки работают на укрепление семьи, зовут к покаянию, прощению и примирению. Человек устает от зла, от предательств и измен и хочет вернуться на круги своя — к миру и добру. Второе: все добывается среди людей терпением и трудом, легкий дар к худому ведет, к опасным соблазнам и обольщениям. И третье: подлинный человек является нам в начале пути — это ребенок. Никто не может так беззаветно любить, быть таким верным, таким незлопамятным, как ребенок. Оставайтесь детьми, призывает нас Платонов.

Если кто-то надумает почитать рассказы и сказки Платонова в жажде конфетного удовольствия (или кайфа, как ныне говорят), он отбросит книгу с недоумением и обидой: обманули! Они ведь потребуют прямого подключения к их высокому нравственному напряжению, отчего мается сердце и мучается совесть. А мы ведь не хотим быть даже свидетелями, а уж сострадать... Однако вспомним пушкинское: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать». Человеку необходима вся полнота жизни, весь ее свет и вся ее тьма, чтобы он стал равновелик ей и прекрасен. Желая юному читателю помучиться душой и совестью над рассказами и сказками Платонова. Потревожить и поспрашивать себя: кто я и для чего живу? злой я или добрый? помог ли я кому-нибудь? Пусть каждый представит себя на месте голодного и обессиленного воробья, гонимого снежной бурей, чтобы наконец-то порадоваться своему нравственному пробуждению, победе над своим эгоизмом и безразличием, своей готовности совершить добрый поступок.

*Л*итературные сказки
Андрея Платонова

ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО

Жила в деревне крестьянка. При ней жил сын ее Семен, неженатый еще. Жили они бедно: спали на соломе, одежонка на них старая, латаная, и в рот им положить нечего. Жили они давно; тогда земли у крестьян было мало, а что и была, так неродящая была земля: что и посеет крестьянин, то вымерзнет, а не вымерзнет, так от засухи посохнет, а не посохнет, так вымокнет, а не вымокнет, так саранча пожрет.

Получал Семен в городе пенсию за отца — копейку в месяц.

Вот идет Семен однажды с деньгами, с копейкой, и видит: один человек надел собаке веревку на шею и удавливает ее. А собака-то всего маленькая, беленькая, щенок.

Семен к тому человеку:

— Ты пошто щенка мучишь? — А тот ему:

— А какое тебе дело? Хошь убью, хошь нет — не твое дело.

— А ты продай мне его за копейку!

— Бери!

Отдал Семен последнюю копейку, взял щенка на руки и пошел домой.

— Нет у меня коровы, нету лошади, зато щенок есть. — Принес он щенка домой, а мать бранится:

— Глупый ты у меня! Нам самим есть нечего, а он собак покупает!

— Ничего, мама, — отвечает ей сын, — и щенок скотина, не мычит, так брешет.

Через месяц Семен снова пошел в город за пенсией. Вышла копейка прибавки, получил он две копейки.

Идет он домой, а на дороге тот же человек кошку мучает.

Подбежал Семен к нему:

— Пошто ты живую тварь уродуешь?

— А тебе-то что? Чай кошка-то моя!

— Продай ее мне!

— Купи, да кошка-то, гляди, дороже собаки.

Сторговались за две копейки.

Понес Семен кошку домой. Мать пуще прежнего забранилась на сына — и в тот день до вечера бранилась и на другой день с утра начала браниться.

Прошел месяц. Пошел Семен опять в город за пенсией. Опять в прибавку вышла копейка: получил Семен три копейки.

Идет Семен из города; а на дороге стоит тот же человек и змею давит.

Семен сразу к нему:

— Не убивай ее, эта змея, вишь, какая, я и не видал такую — должно, она не ядовитая. Лучше продай ее мне.

Купил он змею за все деньги, сколько было у него, за три копейки, положил ее за пазуху и пошел домой. Змея отогрелась и говорит:

— Не жалей, Семен, что последние деньги на меня потратил. Я не простая змея, а я змея Скарапея. Без тебя пришла бы мне смерть, а теперь я жива, и мой отец тебя отблагодарит.

Пришел Семен домой и выпустил змею из-за пазухи. А мать как увидела змею, так на печку залезла и даже побранить сына не может: у нее язык отнялся с испуга. Змея же Скарапея заползла под печку, свернулась там и уснула.

Вот и стали жить — собака белая да кошка серая, Семен с матерью да змея Скарапея, а всего пятеро.

Невзлюбила мать Семена Скарапею-змею; то есть ей не даст и воды не поставит, то на хвост наступит.

Говорит тогда Скарапея Семену:

— Твоя мать обижает меня. Проводи меня к моему отцу.

Поползла змея по дороге, а Семен следом пошел.

Долго шел он за змеею — день и ночь, день и ночь. Обступили их темные дебри. Подумал Семен: куда он идет и как назад вернется?

А змея утешает его:

— Не бойся ничего, сейчас доползем, это уж змеиное царство началось, видишь? А я змеиного царя дочь, и сейчас мы увидим моего отца. А теперь слушай. Вот когда я скажу ему, как ты меня спас, он поблагодарит тебя и даст тебе много золота, а ты золото не бери, а попроси одно золотое кольцо, что у отца на пальце. Кольцо это волшебное. Отец для меня его бережет, а я хочу тебе его подарить.

Пришел Семен со змеиной царевной к Змею-царю. Змей обрадовался дочери.

Говорит он Семену:

— Спасибо тебе, Семен, спас ты мне любимую дочь! Выдал бы я ее замуж за тебя, не пожалел бы, да есть у нее сговоренный жених. Бери у меня золота, сколько хочешь!

Семен золото не берет, а говорит змеиному царю:

— Дай мне кольцо с твоей руки, оно мне будет в память о твоей дочери. На нем, видишь, на твоём кольце, змеиная головка выдавлена, и два зеленых камня, как глаза, горят.

Задумался змеиный царь, а потом снял кольцо с руки и отдал Семену и сказал ему потихоньку на ухо, как надо действовать кольцом, чтобы вызвать волшебную силу.

Попрощался Семен со змеиным царем и с дочерью его Скарапеей, а невдалеке тут стоял еще приемный сын змеиного царя — Аспид; так Семен и с ним попрощался.

Пришел Семен домой, к матери. А ночью, как мать легла на покой, Семен переменил змеиное кольцо с пальца на палец, и в тот же момент явились перед ним двенадцать молодых.

— Здравствуй, новый хозяин! — говорят. — Чего тебе надобно?

— А насыпьте, братцы, муки амбар, да сахару, да масла немного.

— Ин ладно, — молодые говорят. И пропали.

Проснулся Семен наутро, видит: мать корки сухие мочит да жует их старыми зубами.

— Чего ж ты, мать, теста не поставила и не охаживаешь его? Поставила бы тесто и пирогов бы напекла.

— Очнись, сынок! У нас второе лето муки и горсти нету.

— А ты наведайся, мама, в амбар — гляди, и найдешь.

— Да там и мыши с голоду подохли! Чего глядеть в пустое место? Нешто дверь пойти наглухо припереть.

Пошла мать к амбару, тронула дверь, а дверь распахнулась, и мать Семена головой в муку так и упала.

С тех пор они стали жить сытно. Половину муки Семен продал и купил на все деньги говядины, так у них и кошка с собакой каждый день котлеты ели, шерсть у них лосниться стала.

И увидел однажды Семен видение во сне. Только он задремал, видит как живую прекрасную девицу, а проснулся — нету ее. Затосковал Семен по ней, а где она, и сам не знает.

Передел он змеиное кольцо с пальца на палец. И двенадцать молодцов — вот они.

— Чего прикажешь, хозяин? — спрашивают.

Семен им: так и так, говорит, видел я прекрасную девицу, а где она, не знаю, а туда-то мне и надобно.

Глядь — и очутился Семен в другом царстве, где жила та самая прекрасная девица.

Спросил он у тамошнего жителя о прекрасной девице.

— Это которая? — спросил у Семена житель. Семен рассказал, какая была девица.

— Так она царская дочь, — сказал ему житель.

Переместил Семен кольцо и велел молодцам доставить его во дворец к царевне. Очутился он во дворце, видит он молодую царевну, и тут она еще лучше была, чем почудилась ему во сне.

Вздыхнул Семен — чего будешь делать? — и опять за кольцо: вызвал молодцов и велел возвратить его домой.

Вот живет он дома, да грустно ему без царевны: и пища не естся, и брага не пьется.

Смотрит на него мать:

— Заболел ты что ли либо скучаешь о ком?

— Скучаю, мама, — сказал Семен и рассказал, что с ним случилось.

А мать, как услышала, испугалась:

— И чего ты удумал! Да разве можно крестьянскому сыну царевну любить? Цари-то — люди ложные и лукавые, они и насмеются и надругаются над тобой, и жизни тебя лишат, а уж дочь за тебя не выдадут! Женись-ка ты на бедной крестьянской девушке, глядишь — и счастливым будешь!

А Семен одно говорит: иди, мать, да иди — сватай за меня царевну. А мать не идет, не хочет.

Подумал тогда Семен, что ему делать, и выдумал. Взялся он за свой змеиный перстень, вызвал молодцов. Те — вот они:

— Чего надобно, хозяин?

— А надобно мне хоромы и чтоб к утру были готовы. А для матери устройте в хоромах богатые покои и в постель ей положите пуховую перину.

— Построим хоромы, хозяин, и перину пухом набьем! — Проснулась наутро Семенова мать, а подняться сразу не может: угузла она в пуховой перине. Смотрит вокруг по горнице — узнать ничего не может: во сне что ли это иль взаправду?

Тут Семен к ней подошел и говорит: «Здравствуй, мама».

— Значит, все взаправду. — спрашивает она:

— Откуда же у нас добро такое явилось?

А сын ей в ответ:

— Добро, мама, из добра явилось. Теперь и тебе жить покойнее будет, и мне за кого хочешь свататься можно — всем я ровня.

Подумала мать: «Ишь, сын у меня какой умелый да удалый!» А сын ей опять за свое:

— Ступай, матушка, к царю и царице, посватай за меня царевну.

Огляделась мать, прошлась по хоромам.

«Эко дивно стало у нас! — видит она и решила: — А схожужа я и вправду к царю, посватаю его дочку. Хоть и не ровня мы ему, да уж теперь нам до него недалече».

И пошла.

Приходит она в царскую избу, в столовую горницу. Царь с царицей в тот час чай пили и на блюдца дули, а молодая царевна в своей девичьей горенке приданое перебирала в сундуках.

Вот царь с царицей в блюдца дуют, на Семенову мать не глядят. Из блюдца брызги летят, чай проливается на скатерть, а чай с сахаром. Царь, а чай пить не умеет!

Семенова мать и говорит:

— Чай — не вода. Чего брызгаете? — Царь глянул на нее:

— А тебе чего надоть?

Вышла мать на середину горницы, под матицу.

— Здравствуйте, — говорит, — царь-государь-император. У вас товар, а у нас купец. А не отдадите ли вашу дочь замуж за нашего сына?

— А кто таков твой жених? Каких он родов, каких городов и какого отца сын?

Мать в ответ:

— Роду он крестьянского, деревни нездешней, а по отчеству Семен Егорович. Не слышал такого?

Тут царица так и ахнула:

— Да что ты, сватья, с ума что ль сошла? Мы в женихах-то как в сору каком роемся — выбираем. Разве пойдет наша дочка за мужика?

Обиделась Семенова мать за сына:

— Это какой мужик, матушка, случится! Другой мужик — против него и десять царских сыновей ничего не стоят, а уж про девок-дочерей и говорить нечего! Таков вот и мой!

Царь придумал здесь хитрость.

— Пусть, — говорит, — твой жених от нашего избяного дворца да до вашего крыльца мост хрустальный построит. — Тогда мы по такому мосту приедем женихово житье смотреть. Так-то!

Вернулась Семенова мать к родному двору. В сенях ей попались навстречу собака с кошкой, гладкие стали.

Мать в сердцах прогнала их прочь. «Ишь, — подумала, — только спят да едят! Какая от них польза?!» Сказала она сыну:

— Понапрасну ходила, не согласны они.

Семен удивился:

— Неужели не согласны? За меня-то?

— А ты думал — обрадуются? А царь еще и посмеялся над нами: «Пусть, — говорит, — от нас до вас жених мост хрустальный построит, а мы к вам по хрусталу приедем в гости».

— Это, мама, ничто для нас!

Ночью Семен переметнул кольцо с одной руки на другую, вызвал молодцов и велел им построить к утру хрустальный мост, и чтоб мост от ихнего крыльца до царского избяного дворца поверх прошел, через все реки, овраги, и чтоб по мосту самосильная машина ходила.

С полуночи до зари повсюду окрест молотки стучали и пилы пилили. Семен вышел утром на крыльцо, глядит — а мост уж готов и по хрустальному мосту ходит самосильная машина.

Семен к матери:

— Ступай, мама, к царю теперь. Пусть они в гости к нам собираются, а я на самосильной машине туда подкачу!

Пошла мать к царю.

Только ступила она на мост, на хрусталь на самый, а хрусталь

скользкий, тут ветер подул на нее сзади, она присела от страха, да так и покатилась до самого царского крыльца.

Приходит она к царю:

— Вчерась была я у вас, так вы мост построить велели жениху. Погляди в окошко — вот тебе и мост готов.

Глянул царь в окошко:

— Ишь, ты! Ан правда — мост! Знать, жених-то умелец!

Надел царь золотые парчовые штаны, надел корону, кликнул царицу и вышел на крыльцо. Пошатал он перила — прочно ли стоят? Похлопал ладонями по хрустальным кирпичам — не подделка ли? Нет, мост построен по доброте.

Тут Семен на чудной самосильной машине подъехал. Отворяет он дверку в машине и говорит:

— Садитесь, царь-государь с женою-супругой, пожалуйста, к нам в гости.

— Я-то с охотой, — царь говорит, — а вот жена моя как бы не оробела. — Семен — к царице, а она руками машет:

— Не поеду! Страсть какая! Сронят в реку, так что тут хорошего!

Здесь явились вельможи к царю. Старший вельможа совет подает:

— Надобно, государь, проехать, пример показать. Пусть не подумают, что ты оробел.

Делать нечего. Влез царь с царицей в машину, а вельможи на запятках, на штырях повисли, за крючья уцепились.

Засвистела, зашумела, загудела, задрожала машина, в звонок зазвонила, жаром-паром запыхтела, скакнула и поехала. Ехали, всю дорогу качались — спасибо, недалеко было, всего один мост переехать.

Доехали до Семеновых хором; Семен из машины вышел, хотел царю дверку открыть, а уж вельможи вперед него успели — волокут они из машины царя и царицу, поддувалами на них машут, в чувство их приводят, чтоб они опомнились.

Царица серчает-кричит, а царь хоть и молчит, да, видно, ей поддакивает.

— Ой, тошно! — шумит царица. — Ох, укачало, растрясло и растрепало! Ой, шут с тобой, где ты есть, жених-то? Бери девку, а мы-то уж обратно пешком пойдём!

А далее вышло все по желанию Семена. Выдали за него деву-царевну, и стал он жить с женою. Сперва они хорошо жили, нечего сказать.

Да случилось вот что. Пошел Семен с женою в лес гулять. Зашли они далеко, утомились, легли под дерево и задремали.

В то время проходил по лесу Аспид, приемный сын Змея-царя. Аспид увидел кольцо на пальце Семена и от зависти превратился в гадюку. Он давно хотел, чтоб это кольцо было у него, он знал его волшебную силу и просил его у Змея. Однако Змей-царь не отдал Аспиду волшебного кольца и не сказал, как им надо действовать.

Обратился Аспид в прекрасную девицу, прекраснее молодой жены Семена, разбудил Семена и позвал за собой. «Тогда и кольцо мое будет», — подумал Аспид. А Семен поглядел на незнакомую прекрасную девицу, что манила его и сказал ей:

— Ступай, куда шла. Хоть ты и хороша, даже лучше моей жены, да жена мне милее, за тобой я не пойду.

Сказал так Семен и опять заснул.

Обратился тогда Аспид в прекрасного юношу, в молодца из молодцов. Вот разбудил он царевну, жену Семена, и красуется перед ней.

«Ой, ктой-то! — подумала царевна. — Да он лучше Семена! Вот бы мне в женихи такого, когда я девкой была!» Приблизился Аспид к Семеновой жене и протянул ей руку. Царевна поднялась с земли, поглядела на Семена, а у него сор на лице, ноздрями он пыль раздувает.

— Ты чей? — спросила царевна у Аспида.

— А я царский сын, по прозванью Молодец из Молодцов.

— А я царская дочь!

— Пойдем со мной, я тебя не обижу!

— Пойдем, молодец! — сказала Семенова жена и подала Аспиду руку.

Аспид нашептал на ухо царевне, научил ее, что надо сделать, а царевна на все согласилась. Тогда Аспид ушел. А он научил ее вызнать у Семена действие волшебного кольца и принести ему то самое кольцо.

Вот пошла она с Семеном домой, взяла его за руку и спросила его, правда ли, что у него на пальце кольцо волшебное. И если он любит ее, пусть скажет, как это кольцо действует.

Семен по доброте рассказал жене про свое кольцо. «Раз жена меня любит, — подумал Семен, — пусть и о кольце моем знает, она мне зла не сделает».

И надел Семен волшебное кольцо на палец жены. Когда кольцо понадобится, его всегда можно взять обратно.

А ночью царица переместила кольцо с одного пальца на другой, и немедля явились двенадцать молодых:

— Мы — вот они! Чем служить тебе, новая хозяйка? — Царица дает им наказ:

— Служите мне вот чем. Возьмите эти хоромы да и мост хрустальный и перенесите их туда, где живет Молодец из Молодцов.

Только и был женат Семен, Егоров сын.

Проснулся он с матерью — ничего у них нету, одна худая изба и амбар пустой, как прежде было. И остался Семен с одной матерью, да еще кошка и собака при них, всего четверо, а есть им, считай, нечего.

Семен не вздохнул, не пожаловался. Вспомнил он, что мать ему говорила: не женись на царице — не будет счастья. Не слушался он матери!

Поглядел Семен с горя в окошко, видит — карета едет, а в ней — царица. Вышел царь из кареты как раз против Семенова окошка; смотрит — куда что делось: ни хором нету, ни хрустального моста, ни света, ни блеску — одна худая изба, а в окошко на царя Семен глядит.

Царь как закричит:

— А что тут такое? А где моя дочь-царица? Ах ты, обманщик!

Семен вышел к царю, сказал ему правду, как было, что царская дочь взяла у него волшебное кольцо и обманула его.

Царь правде не поверил, а разгневался и велел посадить Семена в тюрьму, покуда он не скажет, где царская дочь.

Увели от матери сына, не стало у нее кормильца. Оголодала старуха. Кликнула она кошку и собаку и пошла побираться. Под одним окошком хлеба попросит, под другим съест. А тут захолодало, потемнело, лето состарилось, к зиме пошло.

Кошка и говорит собаке:

— Пропадем мы все. Пойдем царицу сыщем и возьмем от нее волшебное кольцо. Нас хозяин от смерти спас, теперь мы его спасем.

Собака была согласна. Она понюхала землю и побежала, а кошка — за нею.

Далеко им пришлось бежать. Сказывать скоро, а идти далеко.

Бежали они, бежали, покуда не увидели хрустальный мост и Семеновы хоромы, в которых и они прежде жили.

Собака осталась снаружи, а кошка пошла в хоромы. Забралась она в спальню, где спала царица, Семенова обманщица. Увиде-

ла кошка: царевна во рту держит волшебное кольцо, меж зубов у нее оно блестит. Бойтся, знать, как бы не украли.

Поймала кошка мышку, надкусила ей ухо и научила ее уму-разуму, что мышка должна сделать. Влезла мышка на кровать, неслышно прошла по царевне и стала своим хвостиком свербить у нее в носу. Царевна чихнула, ртом дыхнула, кольцо на пол упало и покатилося.

А кошка хватать кольцо — и в окно. Пока царевна проснулась, покуда она туда-сюда — кольца уж нету, и та мышка, что хвостиком у царевны в носу свербила, уж на кухне корочку грызет: она-де ни при чем.

А кошка и собака домой бегут. Они не спят, не едят — им некогда, они торопятся. Бегут они через горы, через лесные дебри, плывут через реки и чистыми полями бегут. Кошка волшебное кольцо держит под языком, рта не разевает.

Вот уж перед ними последняя река, а за рекою видна ихняя деревня, там и Семенова изба.

Собака говорит кошке:

— Садись ко мне на спину, а я поплыву. Да смотри, кольцо держи крепче в зубах, не оброни.

Поплыли они по реке, доплыли до середины. Собака говорит:

— Смотри, кошка, не говори: кольцо утопишь.

Кошка молчит. Поплыли еще немного, собака опять:

— Молчи, кошка!

А кошка и так рта не открывает. Собака снова к ней:

— Не вырони кольца-то! Молчи лучше!

Кошка и сказала:

— Да я молчу! — и уронила кольцо в реку.

Выбрались они на берег и давай драться и ругаться. Собака визжит:

— Это ты виновата, кошка-болтушка!

А кошка в ответ:

— Нет, это ты — брехунья! Зачем ты говорила, когда я молчала?

А тут рыбаки вытащили сетью рыбу на берег и стали ее потрошить. Увидели они — кошка с собакой не ладят, подумали, что голодные, и бросили им рыбки внутренности.

Схватили кошка с собакой рыбки внутренности, стали есть, съели немного, вдруг — хряп! — твердое попалось. Глядят — кольцо!

Оставили они еду и побежали в деревню. Пробежали мимо своей избы — нет ли там хозяина? Глядят — нету его, мать побегает. Побежали в город, в тюрьму, где Семен был.

Взобралась кошка на тюремную ограду, ходит поверху, глядит, где Семен там, а не знает. Хочется ей помяукать, помурлыкать, да кольцо у нее под языком, боится обронить.

К вечеру выглянул Семен в тюремное окно, хотел поглядеть на белый свет. Кошка увидела Семена и по дождевой трубе, а потом по стене забралась к Семену в каземат.

Семен взял кошку на руки. «Вот, — думает, — хоть и кошка, а сердце у нее верное, помнит она меня!» Кошка мяукнула и обронила на пол волшебное кольцо.

Поднял Семен кольцо и вызвал двенадцать молодцов. Те явились, тут как тут.

— Здравствуй, дорогой старый хозяин, — говорят, — прикажи, чего тебе надобно, а мы живо исполним!

Семен им говорит:

— Перенесите откуда ни есть мои хоромы сюда, и кто там живет, пусть в горницах будет, я погляжу. И мост хрустальный приподымите да сюда его уставьте, — а только другим концом отверните его от царской избы и опустите в соседнюю деревню.

Все и было исполнено, как приказано Семеном. Хоромы его стали на место, а в них оказалась молодая царевна с Аспидом своим. Ну, ушли они из Семеновых хором, пошли жить к отцу царевны, — куда же еще?

Аспид же, как узнал, что царевна кольцо потеряла, так от злости превратился в змею-гадюку.

И не мог уже он обратиться в молодца, потому что не проходила в нем злоба на царевну. Так и остался Аспид гадюкой; он только и делал, что шипел на царевну и бранил ее. Тут отец царевны вспомнил про Семена.

— Эх, — говорит, — а ведь Семен-то хоть и простой, да добрый малый был, а вот Аспид хоть и не простого рода, да ведь гадюка!

А Семен с матерью опять в хоромы жили, и собака с кошкой при них.

Семен на самосильной машине каждый день навещает соседнюю деревню, по хрустальному мосту дорога туда близкой стала.

Слышно еще, Семен из той деревни жену себе берет, живет там одна девушка-сирота, прекраснее той царевны, вот ее и сватает Семен.

Должно, так и будет — женится Семен на сироте, пойдут у них дети, и новая сказка начнется.

ИВАН-ЧУДО

В старину было дело: и тогда жили люди. Жили крестьянин с женой; жили они по-доброму, жена от мужа обиды не знала, и сыты были, хоть и не вдосталь: трудно земля рожала хлеб. Сторона их была дальняя, лесная, люди там жили смиренно.

Всем жили ладно муж с женой и прожили лет пять без малого, да не было у них детей, а без детей жить нельзя, без детей совестно.

Стал муж серчать на жену, а жена плакать; уйдет она, бывало, в овин, чтобы не видели ее, и плачет там одна: поплачет, никому ничего не скажет и перед мужем молчит. И чего ей мужу сказать? Нечего: бездетная жена и с мужем сирота.

А на шестой год жена забеременела и понесла ребенка. Тут муж совсем рассерчал: не от меня, дескать, этот ребенок будет, а гляди-ко, от другого кого, ступай, говорит, чтобы глаза мои тебя век не видали!

А куда бабе деваться? К отцу, к матери нельзя было: в старину и мать с отцом не примут замужнюю дочь, а велят ей к мужу воротиться и слушаться его.

Надумала жена: «Пойду, куда глаза глядят, найду в темные леса, встречу там лютого зверя, а зверь съест меня!» Пошла она в темные леса, идет, голодная, простоволосая, идет и думает: «И жить-то я путем не пожила, а ведь я еще молодая, и первенца во чреве на смерть несу!» Идет она далее в черные неохватные леса, ест помалости, что на полянках растет — ягоду, травку, коренья.

Приходит ей последнее время, рожать надо. Собрала она бересты да веточек всяких, устроила себе шалаш и там родила.

Родился у матери сын, назвала она его, как отца ее звали, Иваном. Завернула она сына в подол, отогрела его и к груди поднесла. Поел Иван материнского молока, поспал и опять к груди потянулся. Дала ему мать свою грудь. Иван опорожнил ее и к другой потянулся.

Проходит день и два. Мать смотрит, а сын ее Иван, как тесто

на опаре, растет. На третий день Иван уж стал разговаривать с матерью; на четвертый — мать сама рассказала ему, как люди на свете живут да как она жила-была. Матери-то грустно было в лесу, а сын у нее, видит она, и не живя веку, понятливый родился. Живут они в лесу и беседуют как равные. Глядь, а сын-то Иван уже не ровня матери стал: больше нее вырос. А времени прошло мало: одна неделя, либо всего две, как Иван родился на свет.

Поднялся Иван с земли, потянулся, посмотрел в лес, видит — бежит серый волк. Иван вышел навстречу волку, схватил его за холку, прижал к земле и вдавил в нее: волк тут же, как был, сразу окошел.

Мать видела, что сделал Иван.

«Понятливый сын у меня, — думает, — да сильный еще! А добрый ли он, уж узнаю после!» Ободрала мать шкуру с волка и постелила ее в шалаше, а Иван вынес волчье мясо и бросил его недалеко.

Вот приходят два медведя, потянули мясо — один к себе, другой к себе, и подрались.

Увидела мать медведей, страшно ей стало:

— Съедят нас медведи, сынок.

— Не тронут. Я им разделю мясо-то, они смирные будут.

Вышел Иван, разорвал говядину пополам, бросил ее медведям — каждому поровну — и пошел к матери. Медведи увидели, как Иван волчье мясо разорвал, только кости полетели прочь, и оробели: как бы, дескать, Иван их тоже пополам не разорвал, и пошли медведи в лес, не поевши волчьего мяса.

Стал Иван дальше ходить. Ему нужно было ягоды собирать и копать сладкие корни, чтобы мать свою кормить.

А еще он желал оглядеть землю, где он на свет родился, что на ней было: ведь он, кроме родной матери да темного леса, ничего и не видел. А мать говорила Ивану, что не все лес, есть и чистое поле.

Пошел Иван искать чистое поле. Увидел он тропинку. «Пойду, — думает, — по топтаному месту, никогда не ходил». Прошел он малость, вдруг слышит стук, топот, листва на деревьях вздрагивает. Остановился Иван, не знает, что думать.

Бегут мимо него дикие кони на водопой. А Иван коней сроду не видел; кто они такие — не знает. Схватил Иван одного коня за гриву, чтоб он остановился и разглядеть его можно было. Конь рванулся было вперед, руку бы мог вырвать у человека из плеча,

да Иван крепок был родом: как дернул, как тряхнул коня за гриву, конь на ноги припал перед ним, а потом поглядел одним глазом на Ивана и встал как вкопанный.

Подошел Иван к матери; сам пешим идет, а коня за гриву возле себя держит.

Мать увидела сына и говорит ему:

— Чего ты водишь коня, на нем ездить можно!

Сказала мать сыну, как верхом ездить нужно. Иван вскочил на коня, крикнул ему в ухо, конь испугался его голоса и помчался, только деревья навстречу дрожат, а кусты из-под копыт прочь отлетают.

Выехал Иван в чистое поле: в поле светло, небо над ним просторно стоит, не то что в лесу: глядит Иван и радуется. А конь под ним все далее мчится. Смотрит Иван — незнакомые люди ходят, а возле них шалаши на земле стоят, покрытые желтой травой: Иван-то не видел прежде, кроме себя да матери, ни людей, ни деревни с избами, крытыми соломой.

Крикнул Иван коню в ухо:

— Окоротись!

Конь тут же встал от испуга.

Иван велел коню ожидать его, а сам пошел по деревне; хотелось ему поглядеть на свет и на людей, и на то, чего никогда не видел.

И видит Иван — малые дети ходят по деревенской улице, а сам-то он тоже был малым ребенком, хоть и большой ростом и силой.

Пришел он на улицу, стал посреди малых детей и начал забавляться. Поднял он одного ребенка, повернул рукой голову к себе, хотел его приголубить, либо так что по-детски сказать ему, глядит — а у того голова упала на землю.

«Что такое? — думает Иван. — Голова, что ль, у него неприросшая была? Ишь ты, и отлетела!» Взял он за руки другого мальчика, вроде бы сверстника себе, у того рука отвалилась. Жалко стало Ивану малых детей. Поднял он голову с земли, приставил ее безголовому, вжал в шею, голова и приросла, как была прежде. А безрукому вправил руку, откуда она росла, и рука прижилась.

Сел Иван на своего коня и помчался вскачь. Конь бежит — под ним земля дрожит: у кого кривые избы — падают, у кого худые печи — разваливаются.

Видит Иван, не к добру так ехать. Крикнул он в ухо коню:

— Ах ты, волчий корм, травяной мешок: не стучи по земле, лети по ней!

Еще шибче помчался конь, травы под собой не тревожит.

Выехал Иван далеко. Смотрит вокруг — всюду чистое поле и небо касается края земли. А на краю земли стоит одна избушка. Поехал Иван к избушке. Окоротил он коня и вошел в ту избу. Видит, на столе еда собрана и винное питье стоит. Испытал Иван еду — понравилась ему; и соленая еда была, и сладкая, всякая была. Хлебнул он вина — не понравилось, во рту горько. Увидел Иван гладкую тростинку, она в углу была. Взял Иван тростинку в руку: крепка ли, думает, может, мне годится! Стукнул он тростинкой о половицу. Выскочил тут из-под пола некто Яшка-Красная рубашка.

— Чего делать прикажешь?

Иван ему в ответ:

— А ты чего умеешь? Покажи мне все, что есть на свете.

Открыл ему Яшка-Красная рубашка вид: все, что есть на свете; а сам спрятался, откуда явился.

Стукнул опять Иван тростинкой в половицу, выскочил тут же Яшка-Красная рубашка:

— Чего прикажешь?

— Я нагладелся. Закрой вид. Пускай матери останется, чего глядеть.

Ничего не стало. «Поеду, — думает Иван, — мать сюда приведу, в поле жить светлее».

Только он на порог, навстречу ему богатырь — здешней избы житель.

— Ты кто? — спрашивает. — Чего в избе без хозяев гостишь? Откуда невежа такой?

— Я невежей не был, — отвечает Иван, — а я у родной матери сын!

Рассерчал богатырь: хватить Ивана кулаком.

— Эх! — сказал Иван. — Не ты меня на свет родил, не тебе меня со света сживать!

Схватил он богатыря поперек, взмахнул им и забросил его далеко от себя, в чистое поле. Богатырь ударился сразу о землю и помер.

Пошел Иван к своему коню. Глядит — навстречу ему другой богатырь — брат прежнего, а силой еще злее первого.

— Ты чего незванным явился? Ишь, невежа неумытый!

Бросился было богатырь на Ивана, а Иван взял его да тут же об землю — из богатыря и дух вон, только пар пошел вверх. Тогда схватил Иван пар, а в руке — ничего. Жалко стало Ивану, что нету ничего от человека. Что делать теперь? Пусть будет еще — что случится, ему ничего не страшно. «Однако, — думает Иван, — как сделать, чтобы не вредить человеку до смерти, а научить его еще прежде: пусть жив будет и знает».

Тут приехал еще богатырь, брат тех, кто были.

— Это что за невежа?

— Я невежей не был, я Иван, у родной матери сын!

Схватил его хозяин-богатырь, чтобы убить, а Иван его взял на ответ в охапку и думает — что делать с ним: глядь — на стене сума большая висит. Иван засунул богатыря в ту суму, смял его, чтобы ладнее богатырь в суму вошел, а суму на стену, на дубовый сучок повесил, — пусть висит там богатырь, согнутый в три погибели.

Повесил Иван суму, закрыл ее на запор железный, а ключ в окошко кинул.

Вышел Иван наружу, видит, никого больше нету. Сел на коня и поехал домой.

Мать увидела Ивана и сперва не узнала его, хоть и мало времени прошло, как он уехал. Да и мудрено было узнать Ивана: от борьбы с богатырями еще более возмужал он силой, а на лицо его легло раздумье.

Сказал Иван матери:

— Поедем, матушка, со мною. Я жизнь вам хорошую нашел.

Поехали они в избу, где богатыри жили. Иван на коне едет, а мать на руках держит, чтобы она не утомилась в дороге. Подъезжают они: мать видит — изба хорошая стоит: у разбойников избы хорошие.

Оставил Иван коня и повел матушку в избу. Вот вошли они в горницу, Иван стукнул об пол тростью, что и прежде была. Выскочил тут немедля Яшка-Красная рубашка: чего, дескать, прикажете?

Иван велит ему:

— Покажи все, как мне показывал.

Показывает им Яшка все, что есть на свете, что видимо и невидимо. Мать глядит, дивится и радуется. А когда нагладелась, Иван велит опять Яшке:

— Собери на стол угощение.

Собрал Яшка угощение, поставил хлеб-соль, яства и вино, а сам пропал, пока снова не позовут: видно, он богатырями к покорности приучен и смирный был.

Мать Ивана откушала пицци, запила ее вином, сама веселая стала и плясать пошла. Иван глядит на мать и радуется, что мать молодая у него и сердце у нее счастливое.

— Тут, мама, вам жить веселее будет.

— Кто знает, сынок, неведомо еще, где лучше. Боюсь, разбойники здесь.

— И то правда, — говорит Иван. — А я поеду, гляну — нет ли кого.

Осталась мать одна; ходит по избе и осматривает по-хозяйски, где что положено, сколько добра припасено. А изба просторная: две горницы, кухня и закутки есть. Видит мать, на стене сума большая висит: не добро ли в ней какое? Потрогала она суму, сума на железный запор закрыта, и в скважине ключа нету. Вспомнила она про Яшку-Красную рубашку, взяла трость и постучала о половицу.

Явился Яшка:

— Чего прикажешь?

— Отыщи ключ.

— Я сейчас!

Отыскал Яшка ключ и скрылся. А мать Ивана отомкнула железный запор, глядит — подымается из сумы человек, расправляет плечи, потягивается, собою видный и здоровый, на лицо белый. Не видала еще мать такого, в деревне мужики худые жили, их земля работой ела, а жизнь — заботой. «Вот он, богатырь-то, какой бывает! — подумала Иванова мать. — Небось у него хозяйка есть, а я-то как гостья буду!» А богатырь как вышел из сумы, так за стол и доел, что на столе осталось: оголодал в пустой суме-то. Поел богатырь, щеки у него порозовели, со лба пот пошел.

— Наелся аль еще будешь? — спросила у богатыря Иванова мать.

— Еще, — говорит богатырь, — кликни Яшку-то.

Постучала мать тростью: явился Яшка, принес пищу, питье и яства, — и еще дважды ходил еды добавлял.

— Сыт, что ли? — спросила мать у богатыря.

А сама глядит на богатыря, любитесь им, и тронулось ее сердце к нему, полюбила она его.

— А что, — говорит богатырь, — изба у меня большая, добра много, а хозяйки нету.

— А у тебя Яшка есть, — говорит мать, — он тебе и стряпает и по дому угождает.

— Яшка слугою служит, — богатырь говорит, — да у него души нету, он всякому годится. А живи-ка ты, право слово, хозяйкой у меня!

— Я бы стала хозяйкой твоею, — отвечает мать богатырю, — да сын у меня есть, его надо спроситься. Уж коли он не захочет тебя в отчимы, так ты с ним не совладаешь, он тебя одолеет.

— А сына твоего мы со света сживем, — сказал богатырь.

Испугалась мать; стала она слушать, что ей сердце скажет и что совесть. Молчит ее совесть, зато сердце говорит, а сердце богатыря любит. Спрашивает мать:

— А как ты Ивана со света сживешь?

— Я тебя научу, — богатырь говорит.

Научил он мать Ивана, что сыну надо сказать, а сам опять в суму залез и спрятался.

Приезжает Иван: видит — матушка его хворая лежит.

— Аль недужится, матушка?

— Недужится, сынок. Вот есть, давно мне люди сказывали, лес темный, да отсюда он далече, туда только пешему дорога, а конному езды нету. В лесу том волчица-богатырь с волчатами живет. Вот если бы молока из груди той волчицы мне принес, а бы испила его и здоровой стала!

Иван послушал мать и ответил ей:

— Для вас, матушка, я и с того света, чего надобно, достану.

Отпустил Иван своего коня в чистое поле; пусть-де он на воле живет и досыта ест, не все ему подо мной скакать, а сам пошел пешим в темный лес.

«Вот, — думает богатырь в суме, — разорвет волчица Ивана, она человека одним духом за версту сшибает, не станет тогда никого на свете сильнее меня!» Вылез богатырь из сумы.

— Кликни Яшку-то, — говорит он своей хозяйке, матери Ивана. — Да потчевай меня!

А Иван идет по темному лесу: видит он — лежит под деревом волчица-богатырка и дремлет, а четверо волчат припали к ней и грудь ее сосут.

Открыла волчица глаза и глядит на Ивана.

Подошел к ней Иван, сел возле и говорит:

— Дай мне твоего молока, а не дашь, я сам из груди твоей надою. Матушка у меня захворала, рассказывает, молоком ей твоим надо лечиться.

Подумала волчица: кроме комара да птички лесной, никто к ней не приближался в лесу, а этот близко явился. Хотела было волчица подняться и растерзать человека, да детей жалко тревожить: пусть сосут.

— А во что тебе молока надоить? — спрашивает волчица.

Подумал Иван: не во что.

— А пусть, — говорит, — волчонок твой в пасть молока наберет, да бежит следом за мной.

Привстала тут мать-волчиха.

— Чай он детеныш мой. Тебе жалко мать, а мне сына. Не пущу его с тобой!

Встал Иван в рост, вырвал прочь с корнем старый дуб и отбросил его далеко.

— А я тебе детеныша назад ворочу, — говорит, — я его не обижу.

Видит волчица — не сладить ей силой с Иваном.

— Пусть идет, — отвечает; полизала она языком одного волчонка и говорит ему: — Порадей человеку, как мне радел, — набери в рот молока, да не глотай его, а иди, куда нужно, и ко мне скорей возвращайся.

Насосал волчий детеныш в пасть молока, встал с земли, глядит на него Иван, а волчонок без малого с лошадь будет.

Пошли они с волчонком, а потом и побежали, чтобы скорее дело было.

Под вечер прибралась мать Ивана в избе и глядит в окошко. Смотрит, а сын ее на волке верхом едет, и волк под ним от страха бежит.

— Вот, — говорит она своему богатырю, — ты думал, Ивана волчица разорвет, а он на волке домой едет. Полезай опять в суму!

Сказала мать такие слова, а сама легла на полати и стонет, как хвора.

Иван явился, взял деревянную миску и велел волчьему детенышу вылить из пасти молоко в миску.

Поднес Иван к матери молоко и говорит:

— Кушайте, матушка, ваша болезнь пройдет.

А мать отвечает ему:

— Обожди, сынок, ослабела я, сейчас и питья не проглочу.

Иван ей:

— Как вам угодно, — говорит, — матушка, а я по лесу волчонка гнал, чтоб вам скорее помощь была.

Вышел Иван к волчонку во двор. А мать взяла миску с волчихиным молоком и хотела было вылить молоко в подполье. Богатырь выглянул из сумы и говорит:

— Дай мне испить, может, я тогда сильнее стану. — И выпил он звериное молоко.

А мать опять легла и лежит, как хворающая. Ей тогда и говорит богатырь:

— Скажи теперь сыну-то, Ивану, не помогло, дескать, тебе волчихино молоко. Пусть он завтрашний день ко львице за молоком идет. Со львицей-то он не совладеет. Она его разорвет и кости его сглохнет.

Наутро мать велела сыну идти ко львице:

— Может, сынок, я тогда встану и жить буду. — Кликнул Иван волчонка и пошел с ним в лес. Идут они мало, идут они долго, а Иван не знает, где львица живет. Спрашивает у волчонка — и тот не знает.

— Должно, матушка моя знает, — сказал волчонок.

Пошли они к матери-волчице. Волчица обрадовалась, что Иван к ней сына-детеныша привел. И Иван спрашивает у нее: где львица живет?

— Знаю, — отвечает волчица, — сын мой тебе дорогу покажет.

Научила мать-волчица волчонка, куда надо ко львице идти.

И вот бежит впереди волчонок, ростом с лошадь, а Иван — следом.

Бежали они дни и ночи, в сумерки и в утренние зори, в полдень и в полночь. Видит Иван — не стало ничего: ни леса, ни чистого травяного поля, а одни голые камни вокруг. И лежит там под одним камнем львица и львят-детенышей грудью кормит.

Волчонок оробел, остановился. И Иван подошел ко львице, схватил ее за пасть и руками хотел напрочь пополам разорвать звериную голову. Смотрит Иван, у матери-львицы слезы из глаз льются. Отвел Иван свои руки.

— Не убивай меня, Иван-чудо, — говорит ему львица, — не оставляй моих детушек сиротами: скажи, чего тебе надобно.

— Дай мне твоего молока. Пусть детеныш твой в пасти своей за мной его несет.

Львица и говорит:

— Не жалко мне молока, мне сына своего жалко.

— А я его к тебе назад приведу, — обещал ей Иван, — и опять положу его к тебе под грудь, как было.

Обрадовалась львица и отпустила детеныша-львенка с молоком во рту.

Пошел Иван домой: сам третий теперь идет.

Увидела мать в окошко — опять Иван живым возвращается, и звери за ним бегут. Велела она богатырю в суму на стене прятаться, а сама легла и лежит — стонет, как хворающая.

— Чего теперь делать будем? — спрашивает она у мужа своего — богатыря.

Полез богатырь в суму и отвечает ей оттуда:

— Пусть Иван от орлицы яйцо ненасиженное достанет. Орлица на скале живет, а скала на горе, а гора на холме стоит, а под холмом есть пропасть, он со скалы в пропасть упадет и расшибется.

Ночью мать отдала мужу-богатырю молоко львицы, а наутро велела Ивану идти к орлице за ненасиженным яйцом. Как это яйцо она выпьет, так станет здоровой, а львицы молоко ей не в пользу.

Пошел Иван к орлице, и звери его за ним ушли. Пришел Иван туда, где львица жила, и сказал ей:

— Я тебе сына привел. Ответь мне — ты далеко по земле ходила, — где орлица в гнезде живет?

Львиная мать научила сына-львенка, куда надо в горы идти, и отпустила его с Иваном.

Пришел Иван к холму. Холм был крутой, да Иван был ловок и терпелив. Взошел он на холм, вскарабкались за ним волчонок со львенком. А на холме стоит каменная гора, высокая и гладкая, как стена, а на той горе еще скала, а уж в скале — гнездо орлицы. Поглядел Иван на каменную гору, видит — ловкостью на нее не взойдешь, ухватиться не за что: на нее можно лишь взлететь, а у него крыльев нету. Постоял Иван, подумал, однако не опечалился, а улыбнулся: силой он скоро возрос, а разумом и добротой еще скорее. Понял он, чего ничем нельзя одолеть, то можно одолеть работой.

Тогда велел Иван волчонку и львенку, чтоб они выгрызли из каменной горы по одному острому камню. Стали звери гору грызть, а выгрызть не могут, зубы у них еще не выросли, они дети

были. Побежали они вниз, нашли камни в ручье, ухватили их в пасть и принесли Ивану.

Начал Иван теми камнями бить гору и рушить ее. Сперва гора рушилась малыми крошками, потом и крупнее пошло, а вскоре Иван обрушил и целую глыбу. А тою глыбою он уже большие скалы стал выбивать из горы — и гора начала оседать, пока Иван ее всю не разобрал. Когда вершина горы сравнялась с плечами Ивана, он увидел орлицу в расщелине верхней скалы. Там орлица сидела в гнезде.

— Чего тебе надобно, Иван-богатырь? — спрашивает орлица.

Иван ей:

— Дай, — говорит, — яйцо ненасиженное.

— Ненасиженных у меня нету, — орлица говорит, — у сестры моей есть. Обожди, я к сестре на другую гору полечу и яйцо займу для тебя, а то ты у нас все горы поломаешь.

— Поломаю, — сказал Иван.

Полетела орлица к сестре на другую гору, принесла Ивану ненасиженное яйцо. А сестра орлицы дала не свое яйцо, а яйцо змея-ехидны; она скупая была и хотела, чтобы изо всех яиц у нее дети-орлята рождались.

Взял Иван яйцо от орлицы и пошел к матери. И звери за ним побежали, что были с ним, волчонок и львенок.

— Ступайте теперь к своим родителям, — говорит им Иван.

А звери ему отвечают:

— Не пойдем, — говорят, — ты добрый, и мы к тебе привыкли.

Принес Иван матери яйцо орлицы. Взяла мать яйцо и говорит:

— Я уже выздоровела, сынок, да вот ветер меня охватил, я опять заболела.

А потом еще говорит, как ей муж велел:

— Ступай теперь в некое царство. Там весь народ, люди говорят, вымер: может, царство тебе достанется.

Удивился Иван, что мать ему так говорит: не нужно ему было чужое царство. Однако он боялся послушаться матери. Кликнул волчонка и львенка и пошел в чужое царство. Как ушел он из родного дома, тотчас вышел трус богатырь из сумы и выпил яйцо змея-ехидны: он думал, что яйцо орлицы ему досталось.

Трус-то богатырь и научил послать Ивана в чужое безлюдное царство — затем, чтобы помер там Иван. Где все люди померли, там Иван тоже, дескать, помрет.

Долго шел Иван в чужое царство, не знал он туда дороги. Звери его возмужали за дорогу, и у них зубы и когти выросли, покуда они шли неведомо куда.

Приходит Иван в чужое царство. Царство это находилось тогда на берегу великого моря. Видит Иван небо и море, видит реки, леса и пашни, видит, что всюду хорошо, а народа нету нигде.

Сел Иван на берегу моря и думает, что делать ему надо. А дело тут же и было.

Глядит он, идет по берегу моря прекрасная девица в золотой парчовой одежде; идет она, а сама плачет. Отроду не видел Иван такой девицы, да видеть ему такую красоту негде было, он мать свою одну любил и на нее глядел.

— Чего ты плачешь? — спросил Иван прекрасную девицу.

— Я умирать боюсь, — отвечает ему девица. — Уходи отсюда скорее, а то и ты умрешь.

Озадачился Иван и говорит:

— Нет, ты неправду говоришь. Я не помру и тебя смерти не отдам. А чья ты родом?

Отерла слезы девица и отвечает:

— Я царская дочь. Было у нас царство, был у нас народ, да чудовище морское всех людей поело. Остались только матушка с батюшкой да я. Нынче чудовище меня съест, а к вечеру матушка с батюшкой с горя помрут, и никого тогда не останется.

И опять заплакала прекрасная девица.

Выходит тут из морской воды страшное чудовище: три головы у него, три пасти, по тыще зубов в каждой пасти; живот у него, как у борова, а хвост, как у змеи.

Увидело чудовище молодую царевну с Иваном, увидело еще львенка с волчонком и говорит:

— Я чуть-чуть закусить хотел, а тут и пообедать можно.

Бросилось было чудовище на царевну, хотело ее пастью ухватить, да Иван встал впереди царевны, обхватил толстое чудовище поперек и начал его душить. Захрипело чудовище и еще две пасти с зубами сразу открыло, чтобы откусить Ивану голову. Прыгнул волчонок на одну голову чудовища, а львенок — на другую, стали они грызть чудовище. Хрипит мокрое, толстое чудовище, однако норовит схватить голову Ивана третьей пастью. Глядь, опускается с неба орлица, садится она на эту голову чудовища и бьет его клювом в глаза, пока глаза прочь не вытекли. Иван тем временем насмерть сжал чудови-

ще: пошла из него ручьями черная кровь, ослабело чудовище и пало мертвым.

Села орлица на плечо Ивана и говорит ему:

— Прости меня, Иван добрый! Сестра моя обманула меня, я тебе дала не орлиное яйцо, а яйцо от змея-ехидны. По всей земле искала я тебя, ты не открывай того яйца, а откроешь — из доброго станешь злым, из храброго — лукавым, из щедрого — алчным.

Обняла тут прекрасная царевна Ивана и заплакала ясными счастливыми слезами, что спас ее Иван от страшной смерти в пасти зверя.

А Иван, исполнив работу, затосковал, загоревал по матери и стал собираться домой уходить. Прекрасная же царевна просила Ивана навсегда остаться в ихнем царстве. Она боялась — не явилось бы из глубокого моря другое ненасытное чудовище.

Иван поглядел на царевну и видит, мила сейчас она ему стала; так бы глядел на нее и глаз не отвел.

Сказал он ей тогда:

— Вот проведаю мать и к тебе вернусь. А волк со львом и орлица пусть с тобою останутся, при них тебе ни от кого не будет обиды.

И пошел Иван домой.

Увидел он избу, где жила его мать, вздрогнуло его сердце от радости. А мать сидела в тот час за столом в избе и против нее сидел ее муж-богатырь, который в суме был; они ели яства и пили сладкое вино, а Яшка-Красная рубашка служил им.

Поглядел богатырь из избы в окошко; видит он — Иван идет домой. Не стал теперь битый богатырь прятаться в суму на стене: от волчьего молока в нем появилась злоба, от львиного он почувствовал силу, а от выпитого яйца змея-ехидны в нем родилась ярость.

Вышел тот богатырь навстречу Ивану, подошел близко, размахнулся было, чтоб голову Ивану снести с плеч долой, да сам упал замертво. Иван упредил богатыря: пока тот руку подымал на него, а он уже сердце из богатыря вышиб.

Мать увидела из избы, что случилось с ее богатырем. Она вышла с крыльца, припала на грудь павшего мужа и заплакала по нем, а сына не приветила и не поглядела на него.

Иван отошел от матери и задумался. Он узнал того богатыря, которого он побил и в суму засунул, и понял тогда, что мать любит его всей душой.

Жалко стало Ивану мать.

Поднял он с земли сердце богатыря, вложил ему в грудь, и тот вздохнул.

Тогда мать упала сыну в ноги, начала она просить у него прощения и рассказала все, как было. Иван отвернулся от матери и ушел, куда глаза глядят. А глаза его в тот час ничего не видели: они были полны слез.

Иван опомнился, когда уже далеко ушел. Огляделся он вокруг, увидел вдалеке великое море и пошел в безлюдное царство, где жила прекрасная царевна.

В скором времени, как оно и быть должно по правде, Иван женился на той царевне по имени Лукерья. Свадьба у них была хоть и веселая, да малолюдная: всего и гуляло на свадьбе, что батюшка с матушкой — родители прекрасной Лукерьи, жених с невестой, да орлица, да волк со львом.

А когда вышли сроки, народились у Ивана с Лукерьей дети, от детей внуки, отсюда и народ снова пошел.

И вот состарился Иван; вспомнил он о матери: жива ли, думает, моя матушка, есть ли у нее хлеба кусок?

Оставил он тогда дом и свою семью, попрощался с Лукерьей и пошел далеко, в ту избу, где жила его мать.

А там уж нет ничего, одно чистое поле, и не видно на земле, где изба стояла.

«А где же Яшка-Красная рубашка?» — подумал Иван и кликнул вслух:

— Отзовись, Яшка, как прежде было!

Глядит Иван и видит: идет по полю Яшка, такой же, как прежде, ни молодой, ни старый, ни живой и ни мертвый, зато послушный, и ведет он за руку ветхую старушку, сгорбленную так, что лицо ее почти касается земли.

Увидел Иван, что мать его идет.

— Здравствуйте, моя матушка! — сказал он.

Мать протянула к нему руки, да не в ту сторону, где был Иван. Сказал тогда Яшка-Красная рубашка:

— Она слепая стала. Она глаза по тебе выплакала, не видит ничего.

Припал Иван к матери, обнял ее и поцеловал в слепые глаза.

— Прости меня, матушка, — говорит, — что обиделся я тогда и забыл про тебя.

Поднял Иван старую мать на сильные руки и понес ее в свой

дом: там ждала его прекрасная жена Лукерья, там жили его дети и внуки, и там для бедной его матери было уготовано счастье.

Яшка пошел следом за Иваном и спросил его:

— А мне делать что велишь?

— А ты детей будешь забавлять! — сказал Иван Яшке.

ИВАН БЕСТАЛАННЫЙ И ЕЛЕНА ПРЕМУДРАЯ

Жила в одной деревне крестьянка, вдова. Жила она долго и сына своего Ивана растила.

И вот настала пора — вырос Иван. Радуетя мать, что он большой стал, да худо, что он у нее бесталанным вырос. И правда: всякое дело у Ивана из рук уходит, не как у людей; всякое дело ему не в пользу и впрок, а все поперек. Поедет, бывало, Иван пахать, мать ему и говорит:

— Сверху-то земля оплошала, поверху она хлебом съедена, ты ее, сынок, поглубже малость паши!

Иван вспашет поле поглубже, до самой глины достанет и глину наружу обернет; посеет потом хлеб — не родится ничего, и семенам извод. Так и в другом деле: старается Иван сделать по доброму, как лучше надо, да нет у него удачи и разума мало. А мать стара стала, ей работа непосильна. Как им жить? И жили они бедно, ничего у них не было.

Вот доели они последнюю краюшку хлеба, самую остатнюю. Мать и думает о сыне — как он будет жить, бесталанный! Нужно бы женить его: у разумной жены, гляди-ко, и неудельный муж в хозяйстве работник и даром хлеба не ест. Да кто, однако, возьмет в мужья ее бесталанного сына? Не только что красная девица, а и вдова, поди, не возьмет!

Покуда мать кручинилась так-то, Иван сидел на завалинке и ни о чем не горевал.

Глядит он — идет старичок, собою ветхий, обомшелый, и земля вьелась ему в лицо, ветром нагнало.

— Сынок, — старичок говорит, — покорми меня: отощал я за дальнюю дорогу, в суме ничего не осталось.

Иван ему в ответ:

— А у нас, дедушка, крошки хлеба нету в избе. Знать бы, что ты придешь, я бы давеча сам последней краюшки не ел, тебе бы оставил. Иди, я тебя хоть умою и рубаху твою ополощу.

Истопил Иван баню, вымыл в бане прохожего старика, всю грязь с него смыл, веником попарил его, а потом и рубаху, и порты его начисто ополоскал и спать в избе положил.

Вот старик отдохнул, проснулся и говорит:

— Я твое добро упомяну. Коли будет тебе худо, пойдешь в лес. Дойдешь до места, где две дороги расстанутся, увидишь там серый камень лежит, — толкни тот камень плечом и кликни: дедушка, мол, я тут и буду.

Сказал тот старик и ушел. А Ивану с матерью совсем худо стало: все поскребыши из ларя собрали, все крошки поели.

— Обожди меня, матушка, — сказал Иван. — Может, я хлеба тебе принесу.

— Да уж где тебе! — ответила мать. — Где тебе, бесталанному, хлеба взять! Сам-то хоть поешь, а я уж, видно, не евши помру... Невесту бы где сыскал себе, — глядь, при жене-то, коли разумница окажется, всегда с хлебом будешь.

Вздыхнул Иван и пошел в лес. Приходит он на место, где дороги расстанутся, тронул камень плечом, камень и подался. Явился к Ивану тот дедушка.

— Чего тебе? — говорит. — Аль в гости пришел?

Повел дедушка Ивана в лес. Видит Иван — в лесу богатые избы стоят. Дедушка и ведет Ивана в одну избу — знать, он тут хозяин.

Велел старик кухонному молодцу да бабке-стряпухе изжарить на первое дело барана. Стал хозяин угощать гостя. Поел Иван и еще просит.

— Изжарь, — говорит, — другого барана и хлеба краюху подай.

Дедушка-хозяин велел кухонному молодцу другого барана изжарить и подать ковригу пшеничного хлеба.

— Изволь, — говорит, — угощайся, сколь у тебя душа примет. Аль не сыт?

— Я-то сыт, — отвечает Иван, — благодарствую тебе, а пусть твой молодец отнесет хлеба краюшку да барана моей матушке, она не евши живет.

Старый хозяин велел кухонному молодцу снести матери Ивана две ковриги белого хлеба и целого барана. А потом и говорит:

— Отчего же вы с матерью не евши живете? Смотри, вырос ты большой, гляди — женишься, чем семейство прокормишь?

Иван ему в ответ:

— А незнамо как, дедушка! Да нету жены у меня.

— Эко горе какое! — сказал хозяин. — А отдам-ка я свою дочь тебе в замужество. Она у меня разумница, ее ума-то вам на двоих достанет.

Кликнул старик свою дочь. Вот является в горницу прекрасная девица. Такую красоту и не видел никто, и неизвестно было, что она есть на свете. Глянул на нее Иван, и сердце в нем приостановилось.

Старый отец посмотрел на дочь со строгостью и сказал ей:

— Вот тебе муж, а ты ему жена.

Прекрасная дочь только взор потупила.

— Воля ваша, батюшка.

Вот поженились они и стали жить-поживать. Живут они сыто, богато, жена Ивана домом правит, а старый хозяин редко дома бывает, он ходит по миру, премудрость там среди народа ищет, а когда найдет ее, возвращается ко двору и в книгу записывает.

А однажды старик принес волшебное круглое зеркальце. Принес он его издалече, от мастера-волшебника с холодных гор, — принес, да и спрятал.

Мать Ивана жила теперь сыта и довольна, а жила она, как прежде, в своей избе на деревне. Сын звал ее жить к себе, да мать не захотела: не по душе ей была жизнь в доме жены Ивана, у невестки.

— Боюсь я, сынок, — сказала матушка Ивану. — Ишь она, Еленушка, жена твоя, красавица писаная какая, богатая да знатная, чем ты ее заслужил? Мы-то с отцом твоим в бедности жили, а ты и вовсе без судьбы родился.

И осталась жить мать Ивана в своей старой избушке. А Иван живет и думает: вправду говорит матушка: всего будто довольно у него, и жена ласковая, слова поперек не скажет, а чувствует Иван, словно всегда холодно ему. И живет он так с молодой женой вполжитья-вполбытья, а нет, чтобы вовсе хорошо.

Вот приходит однажды старик к Ивану и говорит:

— Уйду я далече, далее, чем прежде ходил, вернусь я не скоро. Возьми-ко, на тебе ключ от меня; прежде я при себе его носил, да теперь боюсь потерять: дорога-то мне дальняя. Ты ключ береги и амбар им не отпирай. А уж пойдешь в амбар, так жену туда не веди. А коли не стерпишь и жену поведешь, так цветное платье ей не давай. Время придет, я сам ей выдам его, для нее и

берегу. Гляди-ко, запомни, что я тебе сказал, а то жизнь свою в смерти потеряешь!

Сказал старик и ушел.

Прошло еще время. Иван и думает:

«А чего так! Пойду-ка я в амбар да погляжу, что там есть, а жену не поведу!» Пошел Иван в тот амбар, что всегда взаперти стоял, открыл его, глядит — там золота много, кусками оно лежит, и камни, как жар, горят, и еще добро было, которому Иван не знал имени. А в углу амбара еще чулан был либо тайное место, и дверь туда вела. Иван открыл только дверь в чулан и ступить туда не успел, как уже крикнул нечаянно:

— Еленушка, жена моя, иди сюда скорее!

В чулане том висело самоцветное женское платье; оно сияло, как ясное небо, и свет, как живой ветер, шел по нему. Иван обрадовался, что увидел такое платье; оно как раз в пору будет его жене и придется ей по нраву. Вспомнил было Иван, что старик не велел ему платье жене давать, да что с платьем станется, если он его только покажет! А Иван любил жену: где она улыбнется, там ему и счастье.

Пришла жена. Увидела она это платье и руками всплеснула.

— Ах, — говорит, — какво платье доброе!

Вот она просит у Ивана:

— Одень меня в это платье да пригладь, чтоб ладно сидело.

А Иван не велит ей в платье одеваться.

Она тогда и плачет.

— Ты, — говорит, — знать, не любишь меня: доброе платье такое для жены жалеешь. Дай мне хоть руки продесть, я пощупаю, какво платье — может, не годится.

Иван велел ей:

— Продень, — говорит, — испытай, какво тебе будет.

Жена продела руки в рукава и опять к мужу:

— Не видать ничего. Вели голову в ворот сунуть. — Иван велел. Она голову сунула, да и дернула платье на себя, да облокалась вся в него. Ощупала она, что в одном кармане зеркальце лежит, вынула его и погляделась.

— Ишь, — говорит, — какая красавица, а за бесталанным мужем живет! Стать бы мне птицей, улетела бы я отсюда далеко-далеко.

Вскрикнула она высоким голосом, всплеснула руками, глядь — и нету ее. Обратилась она в голубицу и улетела из амба-

ра далеко-далеко в синее небо, куда пожелала. Знать, платье она надела волшебное.

Загоревал тут Иван. Да чего горевать — некогда ему было. Положил он в котомку хлеба и пошел искать жену.

— Эх, — сказал он, — злодейка какая, отца ослушалась, с родительского двора без спросу ушла! Сыщу ее, научу уму-разуму!

Сказал он так, да вспомнил, что сам живет бесталанным, и заплакал.

Вот идет он путем, идет дорогой, идет тропинкой, плохо ему, горюет он по жене. Видит Иван — щука у воды лежит, совсем помирает, а в воду влезть не может.

«Гляди-ко, — думает Иван, — мне-то плохо, а ей того хуже».

Поднял он щуку и пустил ее в воду. Щука сейчас нырнула в глубину да обратно кверху, высунула голову и говорит:

— Я добро твое не забуду. Станет тебе горько — скажи только: «Щука, щука, вспомни Ивана!» Съел Иван кусок хлеба и пошел дальше. Идет он, идет, время уже к ночи.

Глядит Иван и видит: коршун воробья поймал, в когтях его держит и хочет склевать.

«Эх, — смотрит Иван, — мне беда, а воробью смерть!» Пугнул Иван коршуна, тот и выпустил из когтей воробья.

Сел воробей на ветку, сам говорит Ивану:

— Будет тебе нужда — покличь меня: «Эй, мол, воробей, вспомни мое добро!»

Заночевал Иван под деревом, а наутро пошел дальше. И уже далеко он от своего дома отошел, весь приустал и телом стал тощий, так что и одежду на себе рукой поддерживает. А идти ему было далече, и шел Иван еще целый год и полгода. Прошел он всю землю, дошел до моря, дальше идти некуда.

Спрашивает он у жителя:

— Чья тут земля, кто тут царь и царица? Житель отвечает Ивану:

— У нас в царицах живет Елена Премудрая; она все знает — у нее книга такая есть, где все написано, и она все видит — у нее зеркало такое есть. Она и тебя сейчас видит небось.

И правда, Елена увидела Ивана в свое зеркальце. У нее была Дарья, прислужница. Вот Дарья обтерла рушником пыль с зеркальца, сама взглянула в него, сначала собой полюбовалась, а потом увидела в нем чужого мужика.

— Никак, чужой мужик идет! — сказала прислужница Еле-

не Премудрой. — Издалека, видать, идет: худой да оплошальный весь и лапти стоптал.

Глянула в зеркальце Елена Премудрая.

— И то, — говорит, — чужой! Это муж мой явился.

Подошел Иван к царскому двору. Видит — двор тыном ого-рожен. А в тыне колья, а на кольях человечьи мертвые головы: только один кол пустой, ничего нету.

Спрашивает Иван у жителя — чего такое, дескать? А житель ему:

— А это, — говорит, — женихи царицы нашей, Елены Премудрой, которые сватались к ней. Царица-то наша — ты не видал ее — красоты несказанной и по уму волшебница. Вот и сватаются к ней женихи, знатные да удалые. А ей нужен такой жених, чтобы ее перемудрил, вот какой! А кто ее не перемудрит, тех она казнит смертью. Теперь один кол остался: это тому, кто еще к ней в мужья придет.

— Да вот я к ней в мужья иду! — сказал Иван.

— Стало быть, и кол пустой тебе, — ответил житель и пошел туда, где изба его стояла.

Пришел Иван к Елене Премудрой. А Елена сидит в своей царской горнице, и платье на ней одето отцовское, в которое она самаволью в амбаре облоклась.

— Чего тебе надобно? — спросила Елена Премудрая. — Зачем явился?

— На тебя поглядеть, — Иван ей говорит, — я по тебе скучаю.

— По мне и те вон скучали, — сказала Елена Премудрая и показала на тын за окном, где были мертвые головы.

Спросил тогда Иван:

— Аль ты не жена мне более?

— Была я тебе жена, — царица ему говорит, — да ведь я теперь не прежняя. Какой ты мне муж, бесталанный мужик! А хочешь меня в жены, так заслужи меня снова! А не заслужишь, голову с плеч долой! Вон кол пустой в тыне торчит.

— Кол пустой по мне не скучает, — сказал Иван. — Гляди, как бы ты по мне не соскучилась. Скажи: чего тебе исполнить?

Царица ему в ответ:

— А исполни, чего я велю! Укройся от меня, где хочешь, хоть на краю света, чтоб я тебя не нашла, а и нашла — так не узнала бы. Тогда ты будешь умнее меня, и я стану твоей женой. А не сумеешь в тайности быть, угадаю я тебя, — голову потеряешь.

— Дозволь, — попросил Иван, — до утра на соломе поспать и хлеба твоего покушать, а утром я исполню твое желание.

Вот вечером постелила прислужница Дарья соломы в сенях и принесла хлеба краюшку да кувшин с квасом. Лег Иван и думает: что утром будет?

И видит он — пришла Дарья, села в сенях на крыльцо, распростерла светлое платье царицы и стала в нем штопать прореху. Штопала-штопала, зашивала-зашивала Дарья прореху, а потом и заплакала.

Спрашивает ее Иван:

— Чего ты, Дарья, плачешь?

— А как мне не плакать, — Дарья отвечает, — если завтра смерть моя будет! Велела мне царица прореху в платье зашить, а иголка не шьет его, а только распарывает: платье-то уж таково нежное, от иглы разверзается. А не зашью, казнят меня наутро царица.

— А дай-ко я шить попробую, — говорит Иван, — может, зашью, и тебе умирать не надо.

— Да как тебе платье такое дать! — Дарья говорит. — Царица сказывала: мужик ты бесталанный. Однако попробуй маленько, а я погляжу.

Сел Иван за платье, взял иглу и начал шить. Видит — и правда, не шьет игла, а рвет: платье-то легкое, словно воздух, не может в нем игла приняться. Бросил Иван иглу и стал руками каждую нить с другой нитью связывать.

Увидела Дарья и рассерчала на Ивана:

— Нету в тебе уменья! Да как же ты руками все нитки в прорехе свяжешь? Их тут тыщи великие!

— А я их с хотеньем да с терпеньем, гляди, и свяжу! — ответил Иван. — А ты иди да спать ложись, к утру-то я, гляди, и отделаюсь.

Всю ночь работал Иван. Месяц с неба светил ему, да и платье светилось само по себе, как живое, и видел он каждую его нить.

К утренней заре управился Иван. Поглядел он на свою работу: нету больше прорехи, повсюду платье теперь цельное.

Поднял он платье на руку и чувствует — стало оно словно бы тяжелым. Оглядел он платье: в одном кармане книга лежит — в нее старик, отец Елены, записывал всю мудрость, а в другом кармане — круглое зеркальце, которое старик принес от мастера-волшебника из холодных гор. Поглядел Иван в зеркальце — вид-

но в нем, да смутно; почитал он книгу — не понял ничего. Подумал тогда Иван: «Люди говорят, я бесталанный, — правда и есть».

Наутро пришла Дарья-прислужница, взяла она готовое платье, осмотрела его и сказала Ивану:

— Благодарствую тебе. Ты меня от смерти спас, и я твое добро упомню.

Вот стало солнце над землею, пора Ивану уходить в тайное место, где царица Елена его не отыщет. Вышел он во двор, видит — стог сена сложен стоит; залез он в сено, думал, что вовсе укрылся, а на него дворовые собаки брешут и Дарья с крыльца кричит:

— Экой бесталанный! Я и то вижу тебя, не токмо что царица! Вылезай оттуда, сено лаптями не марай!

Вылез Иван и думает: куда ему податься? Увидел — море близко. Пошел он к морю и вспомнил щуку.

— Щука, — говорит, — щука, вспомни Ивана!

Щука высунулась из воды.

— Иди, — говорит, — я тебя на дно моря упрячу!

Бросился Иван в море. Утащила его щука на дно, зарыла там в песок, а воду хвостом замутила.

Взяла Елена Премудрая свое круглое зеркальце, навела его на землю: нету Ивана; навела на небо: нету Ивана; навела на море, на воду: и там не видать Ивана, одна вода мутная. «Я-то хитра, я-то умна, — думает царица, — да и он-то не прост, Иван бесталанный».

Открыла она отцовскую книгу мудрости и читает там: «Сильная хитрость ума, а добро сильнее хитрости, добро и тварь помнит». Прочитала царица эти слова сперва по писаному, а потом по неписаному, и книга сказала ей: лежит-де Иван в песке на дне морском; кликни щуку, вели ей Ивана со дна достать, а не то, мол, поймаю тебя, щуку, и в обеде съем.

Послала царица Дарью-прислужницу, велела ей кликнуть из моря щуку, а щука пусть Ивана со дна ведет.

Явился Иван к Елене Премудрой.

— Казни меня, — рассказывает, — не заслужил я тебя.

Одумалась Елена Премудрая: казнить всегда успеется, а они с Иваном не чужие друг другу, одним семейством жили.

Говорит она Ивану:

— Пойди укройся сызнова. Перехитришь ли меня, нет ли, тогда и буду казнить тебя либо миловать.

Пошел Иван искать тайное место, чтобы царица его не нашла. А куда пойдешь? У царицы Елены волшебное зеркальце есть: она в него все видит, а что в зеркальце не видно, про то ей мудрая книга скажет.

Кликнул Иван:

— Эй, воробей, помнишь ли мое добро?

А воробей уже тут.

— Упади на землю, — говорит, — стань зернышком!

Упал Иван на землю, стал зернышком, а воробей склевал его.

Елена Премудрая навела зеркальце на землю, на небо, на воду — нету Ивана. Все есть в зеркале, а что нужно, того нет. Осерчала Премудрая Елена, бросила зеркальце об пол, и оно разбилось. Пришла тогда в горницу Дарья-прислужница, собрала в подол осколки от зеркальца и унесла их в черный угол двора.

Открыла Елена Премудрая отцовскую книгу. И читает там: «Иван в зерне, а зерно в воробье, а воробей сидит на плетне».

Велела тогда Елена Дарье позвать с плетня воробья: пусть воробей отдаст зернышко, а не то его самого коршун съест.

Подошла Дарья к воробью. Услышал Дарью воробей, испугался и выбросил из клюва зернышко. Зернышко упало на землю и обратилось в Ивана. Стал он как был.

Вот Иван является опять перед Еленой Премудрой.

— Казни меня теперь, — говорит, — видно, и правда я бесталаный, а ты премудрая.

— Завтра казню, — сказывает ему царица. — Завтрашний день я на остатный кол твою голову повешу.

Лежит вечером Иван в сенях и думает, как ему быть, когда утром надо помирать. Вспомнил он тогда свою матушку. Вспомнил, и легко ему стало — так он любил ее.

Глядит он — идет Дарья и горшок с кашей ему несет.

Поел Иван кашу. Дарья ему и говорит:

— Ты царицу-то нашу не бойся! Она не злая.

А Иван ей:

— Жена мужу не страшна. Мне бы только успеть уму-разуму ее научить.

— Ты завтра на казнь-то не спеши, — Дарья ему говорит, — а скажи, у тебя дело есть, помирать, мол, тебе нельзя: в гости матушку ждешь.

Вот наутро говорит Иван Елене Премудрой:

— Дозволь еще малость пожить: я матушку свою увидеть хочу, — может, она в гости придет.

Поглядела на него царица.

— Даром тебе жить нельзя, — говорит. — А ты утайся от меня в третий раз. Не сыщу я тебя — живи, так и быть.

Пошел Иван искать себе тайного места, а навстречу ему Дарья-прислужница.

— Обожди, — велит она, — я тебя укрою. Я твое добро помню.

Дунула она в лицо Ивана, и пропал Иван, превратился он в теплое дыхание женщины. Вдохнула Дарья и втянула его себе в грудь. Пошла потом Дарья в горницу, взяла царицыну книгу со стола, стерла пыль с нее, да открыла ее и дунула в нее: тотчас дыхание ее обратилось в новую заглавную букву той книги, и стал Иван буквой. Сложила Дарья книгу и вышла вон.

Пришла вскоре Елена Премудрая, открыла книгу и глядит в нее: где Иван. А книга ничего не говорит. А что скажет, непонятно царице; не стало, видно, смысла в книге. Не знала того царица, что от новой заглавной буквы все слова в книге переменялись.

Захлопнула книгу Елена Премудрая и ударила ее об землю. Все буквы рассыпались из книги, а первая заглавная буква как ударилась, так и обратилась в Ивана.

Глядит Иван на Елену Премудрую, жену свою, глядит и глаз отвести не может. Засмотрелась тут и царица на Ивана, а засмотревшись, улыбнулась ему. И стала она еще прекраснее, чем прежде была.

— А я думала, — говорит она, — муж у меня мужик бесталанный, а он и от волшебного зеркала утаился, и книгу мудрости перехитрил!

Стали жить они в мире и согласии и жили так до поры до времени. Да спрашивает однажды царица у Ивана:

— А чего твоя матушка в гости к нам не идет?

Отвечает ей Иван:

— И то правда! Да ведь и батюшки твоего нету давно! Пойдука я наутро за матушкой да за батюшкой.

А наутро чуть свет матушка Ивана и батюшка Елены Премудрой сами в гости к своим детям пришли. Батюшка-то Елены дорогу ближнюю в ее царство знал; они коротко шли и не притомились.

Иван поклонился своей матушке, а старику так в ноги упал.

— Худо, — говорит, — батюшка! Не соблюдал я твоего запрету. Прости меня, бесталанного!

Обнял его старик и простил.

— Спасибо тебе, — говорит, — сынок. В платье заветном прелесть была, в книге — мудрость, а в зеркальце — вся видимость мира. Думал я, собрал для дочери приданое, не хотел только дарить его до времени. Все я ей собрал, а того не положил, что в тебе было, — главного таланту. Пошел я было за ним далече, а он близко оказался. Видно, не кладется он и не дарится, а самим человеком добывается.

Заплакала тут Елена Премудрая, поцеловала Ивана, мужа своего, и попросила у него прощения.

С тех пор стали жить они славно — и Елена с Иваном, и родители их — и до сей поры живут.

ФЕНИСТ — ЯСНЫЙ СОКОЛ

Жили в деревне крестьянин с женой; было у них три дочери. Дочери выросли, а родители постарели, и вот пришло время, пришел черед — умерла у крестьянина жена. Стал крестьянин один растить своих дочерей. Все три его дочери были красивые и красотой равные, а нравом — разные.

Старый крестьянин жил в достатке и жалел своих дочерей. Захотел он было взять во двор какую ни есть старушку-бобылку, чтобы она по хозяйству заботилась. А меньшая дочь, Марьюшка, говорит отцу:

— Не надобно, батюшка, бобылку брать, я сама буду по дому заботиться.

Марья радетьная была. А старшие дочери ничего не сказали.

Стала Марьюшка вместо своей матери хозяйство по дому вести. И все-то она умеет, все у нее ладится, а что не умеет, к тому привыкает, а привыкши, тоже ладит с делом. Отец глядит и радуется, что Марьюшка у него такая умница да работающая и нравом кроткая. И из себя Марьюшка была хороша — красавица писаная, и от доброты краса ее прибавлялась. Сестры ее старшие тоже были красавицы, только им все мало казалось своей красоты, и они старались прибавить ее румянами и белилами и еще в обновки наряжаться. Сидят, бывало, две старшие сестрицы да целый день охорашиваются, а к вечеру все такие же, что и утром были. Заметят они, что день прошел, сколько румян и белил они извели, а лучше не стали, и сидят сердитые. А Марьюшка уста-

нет к вечеру, зато знает она, что скотина накормлена, в избе прибрано, чисто, ужин она приготовила, хлеб на завтра замесила, и батюшка будет ею доволен. Глянет она на сестер своими ласковыми глазами и ничего им не скажет. А старшие сестры тогда еще более сердятся. Им кажется, что Марья-то утром не такая была, а к вечеру похорошела — с чего только, они не знают.

Пришла нужда отцу на базар ехать. Он и спрашивает у дочерей:

— А что вам, детушки, купить, чем вас порадовать?

Старшая дочь говорит отцу:

— Купи мне, батюшка, полшалока, да чтоб цветы на нем большие были и золотом расписанные.

— А мне, батюшка, — средняя говорит, — тоже купи полшалока с цветами, что золотом расписанные, а посреди цветов чтоб красное было. А еще купи мне сапожки с мягкими голенищами, на высоких каблучках, чтоб они о землю топали.

Старшая дочь обиделась на среднюю, у нее было алчное сердце, и сказала отцу:

— И мне, батюшка, и мне купи сапожки с мягкими голенищами и с каблучками, чтоб они о землю топали! А еще купи мне перстень с камешком на палец — ведь я у тебя одна старшая дочь!

Отец пообещал купить подарки, какие наказали две старшие дочери, и спрашивает у младшей:

— А ты чего молчишь, Марьюшка?

— А мне, батюшка, ничего не надо. Я со двора никуда не хожу, нарядов мне не нужно.

— Неправда твоя, Марьюшка! Как я тебя без подарка оставлю? Я тебе гостинец куплю.

— И гостинца не нужно, батюшка, — говорит младшая дочь. — А купи ты мне, батюшка родимый, перышко Финиста — Ясна сокола, коли оно дешевое будет.

Поехал отец на базар, купил он старшим дочерям подарки, какие они наказали ему, а перышка Финиста — Ясна сокола не нашел. У всех купцов спрашивал.

«Нету, — говорили купцы, — такого товара; спросу, — говорят, — на него нету».

Не хотелось отцу обижать младшую дочь, свою работающую умницу, однако воротился он ко двору, а перышка Финиста — Ясна сокола не купил.

А Марьюшка и не обиделась.

— Ничего, батюшка, — сказала Марьюшка, — в иной раз поедешь, тогда оно и купится, перышко мое.

Прошло время, и опять отцу нужда на базар ехать. Он и спрашивает у дочерей, что им купить в подарок: он добрый был.

Большая дочь и говорит:

— Купил ты мне, батюшка, в прежний раз сапожки, так пусть кузнецы подкуют теперь каблучки на тех сапожках серебряными подковками.

А средняя слышит старшую и говорит:

— И мне, батюшка, тоже, а то каблучки стучат, а не звенят, пусть они звенят. А чтоб гвоздики из подковок не потерялись, купи мне еще серебряный молоточек: я им гвоздики подбивать буду.

— А тебе чего купить, Марьюшка?

— А погляди, батюшка, перышко от Финиста — Ясна сокола: будет ли, нет ли.

Поехал старик на базар. Дела свои скоро сделал и старшим дочерям подарки купил, а для младшей до самого вечера перышко искал, да нет того перышка, никто его в покупку не дает.

Вернулся отец опять без подарка для младшей дочери. Жалко ему стало Марьюшку, а Марьюшка улыбнулась отцу: она и тому рада была, что снова увидела своего родителя.

Пришло время, поехал отец опять на базар.

— Чего вам, дочки родные, в подарок купить?

Старшая подумала и сразу не придумала, чего ей надо.

— Купи мне, батюшка, чего-нибудь.

А средняя говорит:

— И мне, батюшка, купи чего-нибудь, а к чему-нибудь добавь еще что-нибудь.

— А тебе, Марьюшка?

— А мне купи ты, батюшка, одно перышко Финиста — Ясна сокола.

Поехал старик на базар. Дела свои сделал, старшим дочерям подарки купил, а младшей ничего не купил: нету того перышка на базаре.

Едет отец домой и видит он: идет по дороге старый старик, старше его, вовсе ветхий.

— Здравствуй, дедушка!

— Здравствуй, милый. О чем у тебя кручина?

— А как ей не быть, дедушка! Наказывала мне дочь купить

ей одно перышко Финиста — Ясна сокола. Искал я ей то перышко, а его нету. А дочь-то она у меня меньшая, пуще всех мне ее жалко.

Старый старик задумался, а потом и говорит:

— Ин так и быть!

Развязал он заплечный мешок и вынул из него коробочку.

— Спрячь, — говорит, — коробочку, в ней перышко от Финиста — Ясна сокола. Да упомни еще: есть у меня один сын; тебе дочь жалко, а мне сына. Ан не хочет мой сын жениться, а уж время ему пришло. Не хочет — неволить нельзя. И рассказывает он мне: кто-де попросит у тебя это перышко, ты отдай, говорит, — это невеста моя просит.

Сказал свои слова старый старик — и вдруг нету его, исчез он неизвестно куда: был он или не был!

Остался отец Марьюшки с перышком в руках. Видит он то перышко, а оно серое, простое. А купить его нельзя было нигде. Вспомнил отец, что старый старик ему сказал, и подумал: «Видно, Марьюшке моей судьба такая выходит — не зная, не видя, выйти замуж неведомо за кого».

Приехал отец домой, подарил подарки старшим дочерям, а младшей отдал коробочку с серым перышком.

Нарядились старшие сестры и посмеялись над младшей.

— А ты воткни свое воробьиное перышко в волоса, да и красуйся.

Марьюшка промолчала, а когда в избе легли все спать, она положила перед собой простое, серое перышко Финиста — Ясна сокола и стала им любоваться. А потом Марьюшка взяла перышко в свои руки, подержала его при себе, погладила и нечаянно уронила на пол.

Тотчас ударился кто-то в окно. Окно открылось, и влетел в избу Финист — Ясный сокол. Приложился он до полу и обратился в прекрасного молодца. Закрывает Марьюшка окно и стала с молодцем разговор разговаривать. А к утру отворила Марьюшка окно, приклонился молодец до полу, обратился молодец в ясного сокола, а сокол оставил по себе простое, серое перышко и улетел в синее небо.

Три вечера привечала Марьюшка сокола. Днем он летел по поднебесью, над полями, над лесами, над горами, над морями, а к вечеру прилетал к Марьюшке и делался добрым молодцем.

На четвертый вечер старшие сестры расслышали тихий раз-

говор Марьюшки, услышали они и чужой голос доброго молодца, а наутро спросили младшую сестру:

— С кем это ты, сестрица, ночью беседуешь?

— А я сама себе слова говорю, — ответила Марьюшка. — Подруг у меня нету, днем я в работе, говорить некогда, а вечером я беседую сама с собой.

Послушали старшие сестры младшую, да не поверили ей. Сказали они батюшке:

— Батюшка, а у Марьи-то нашей суженый есть, она по ночам с ним видится и разговор с ним разговаривает. Мы сами слыхали.

А батюшка им в ответ:

— А вы бы не слушали, — говорит. — Чего у нашей Марьюшки суженому не быть? Худого тут нету, девица она пригожая и в пору свою вышла; придет и вам черед.

— Так Марья-то не по череду суженого своего узнала, — сказала старшая дочь. — Мне бы сталось первее ее замуж выходить.

— Оно правда твоя, — рассудил батюшка. — Так судьба-то не по счету идет. Иная невеста в девках до старости лет сидит, а иная с младости всем людям мила.

Сказал так отец старшим дочерям, а сам подумал: «Иль уж слово того старого старика сбывается, что перышко мне подарил? Беды-то нету, да хороший ли человек будет суженым у Марьюшки?»

А у старших дочерей свое желание было. Как стало время на вечер, Марьюшкины сестры вынули ножи из черенков, а ножи воткнули в раму окна и вокруг него, а кроме ножей, воткнули еще туда острые иголки да осколки старого стекла. Марьюшка в то время корову в хлеву убирала и ничего не видела.

И вот, как стемнело, летит Финист — Ясный сокол к Марьюшкиному окну. Долетел он до окна, ударился об острые ножи да об иглы и стекла, бился-бился, всю грудь изранил, а Марьюшка уморилась за день в работе, задремала она, ожидая Финиста — Ясна сокола, и не слышала, как бился ее сокол в окно.

Тогда Финист сказал громко:

— Прощай, моя красная девица! Коли нужен я тебе, ты найдешь меня, хоть и далеко я буду! А прежде того, идучи ко мне, ты башмаков железных три пары износишь, трое посохов чугунных о траву подорожную сотрешь, три хлеба каменных изглодаешь.

И услышала Марьюшка сквозь дрему слова Финиста, а встать, пробудиться не могла. А утром пробудилась она, загоревало ее

сердце. Посмотрела она в окно, а в окне кровь Финиста на солнце сохнет. Заплакала тогда Марьюшка. Отворила она окно и припала лицом к месту, где была кровь Финиста-сокола. Слезы смыли кровь сокола, а сама Марьюшка словно умылась кровью сушеного и стала еще краше.

Пошла Марьюшка к отцу и сказала ему:

— Не брани меня, батюшка, отпусти меня в путь-дорогу дальнюю. Жива буду — свидимся, а помру — на роду, знать, мне было написано.

Жалко было отцу отпускать неведомо куда любимую младшую дочь. А неволить ее, чтоб дома она жила, нельзя. Знал отец: любящее сердце девицы сильнее власти отца и матери. Простился он с любимой дочерью и отпустил ее.

Кузнец сделал Марьюшке три пары башмаков железных и три посоха чугунных, взяла еще Марьюшка три каменных хлеба, поклонилась она батюшке и сестрам, могилу матери навестила и отправилась в путь-дорогу искать Финиста — Ясна сокола.

Идет Марьюшка путем-дорогою. Идет она не день, не два, не три дня, идет она долгое время. Шла она и чистым полем и темным лесом, шла и высокими горами. В полях птицы ей песни пели, темные леса ее привечали, с высоких гор она всем миром любовалась. Шла Марьюшка столько, что одну пару башмаков железных она износила, чугунный посох о дорогу истерла и каменный хлеб изглодала, а путь все не кончается, и нету нигде Финиста — Ясна сокола.

Вздохнула тогда Марьюшка, села на землю, стала она другие железные башмаки обувать — и видит избушку в лесу. А уж ночь наступила.

Подумала Марьюшка: «Пойду в избушку людей спрошу, не видали они моего Финиста — Ясна сокола?»

Постучалась Марьюшка в избушку. Жила в той избушке одна старуха — добрая или злая, про то Марьюшка не знала. Отворила старуха сени — стоит перед ней красная девица.

— Пусти, бабушка, ночевать!

— Входи, голубушка, гостьей будешь. А далеко ли ты идешь, молодая?

— Далеко ли, близко, сама не знаю, бабушка. А ищу я Финиста — Ясна сокола. Не слыхала ли ты про него, бабушка?

— Как не слыхать! Я старая, давно на свете живу, я про всех слыхала! Далеко тебе идти, голубушка.

Наутро хозяйка-старуха разбудила Марьюшку и говорит ей:
— Ступай, милая, теперь к моей средней сестре. Она старше меня и ведает больше. Может, она добру тебя научит и скажет, где твой Финист живет. А чтоб ты меня, старую, не забыла, возьми-ка вот серебряное донце да золотое веретенце, станешь кудель прясти, золотая нитка потянется. Береги мой подарок, пока он дорог тебе будет, а не дорог станет — сама его подари.

Марьюшка взяла подарок, полюбовалась им и сказала хозяйке:

— Благодарствую, бабушка. А куда же мне идти, в какую сторону?

— А я тебе клубочек дам — самокат. Куда клубочек покатится, и ты ступай за ним вослед. А передохнуть задумаешь, сядешь на травку — и клубочек остановится, тебя ожидать будет.

Поклонилась Марьюшка старухе и пошла вослед за клубочком. Долго ли, коротко ли шла Марьюшка, пути она не считала, сама себя не жалела, а видит она — леса стоят темные, страшные, в полях трава растет нехлебная, колючая, горы встречаются голые, каменные, и птицы над землей не поют. Шла Марьюшка все далее, все скорее она спешила. Глядь, опять переобуваться надо: другая пара башмаков железных износилась, и посох чугунный о землю истерся, и каменный хлеб она изглодала.

Села Марьюшка переобуваться. Видит она — черный лес близко, и ночь наступает, а в лесу в одной избушке огонек зажег в окне.

Клубочек покатился к той избушке. Пошла за ним Марьюшка и постучалась в окошко:

— Хозяева добрые, пустите ночевать!

Вышла на крыльцо избушки старуха, старее той, что прежде привечала Марьюшку.

— Куда идешь, красная девица? Кого ты ищешь на свете?

— Ищу, бабушка, Финиста — Ясна сокола. Была я у одной старушки в лесу, ночь у нее ночевала, она про Финиста слыхала, а не ведает его. Может, сказывала, середняя ее сестра ведает.

Пустила старуха Марьюшку в избу. А наутро разбудила гостью и сказала ей:

— Далеко тебе искать Финиста будет. Ведать я про него ведала, да видать — не видала. А иди ты теперь к нашей старшей сестре, она и знать про него должна. А чтоб помнила ты обо мне, возьми от меня подарок. По радости он тебе памятью будет, а по нужде помощь окажет.

И дала хозяйка-старушка своей гостье серебряное блюдо и золотое яичко.

Попросила Марьюшка у старой хозяйки прощенья, поклонилась ей и пошла вослед клубочку.

Идет Марьюшка, а земля вокруг нее вовсе чужая стала.

Смотрит она — один лес на земле растет, а чистого поля нету. И деревья, чем далее катится клубок, все выше растут. Совсем темно стало: солнца и неба не видно.

А Марьюшка и по темноте все шла да шла, пока железные башмаки ее насквозь не истоптались, а посох о землю не истерся и покуда последний каменный хлеб она до остатней крошки не изглодала.

Отгляделась Марьюшка — как ей быть? Видит она свой клубочек: лежит он под окошком у лесной избушки.

Постучала Марьюшка в окно избушки:

— Хозяева добрые, укройте меня от темной ночи!

Вышла на крыльцо древняя старушка, самая старшая сестра всех старух.

— Ступай в избу, голубка, — говорит. — Ишь, куда как далече пришла! Далее и не живет на земле никто, я крайняя. Тебе в иную сторону завтра с утра надобно путь держать. А чья же ты будешь и куда идешь?

Отвечала ей Марьюшка:

— Я нездешняя, бабушка. А ищущу я Финиста — Ясна сокола.

Поглядела старшая старуха на Марьюшку и говорит ей:

— Финиста-сокола ищешь? Знаю я, знаю его. Я давно на свете живу, уж так давно, что всех узнала, всех запомнила.

Уложила старуха Марьюшку, а наутро разбудила ее.

— Давно, — говорит, — я добра никому не делала. Одна в лесу живу, все про меня забыли, одна я всех помню. Тебе добро и сделаю: скажу тебе, где твой Финист — Ясный сокол живет. А и отыщешь ты его, трудно тебе будет: Финист-сокол теперь женился, он со своей хозяйкой живет. Трудно тебе будет, да сердце у тебя есть, а на сердце и разум придет, а от разума и трудное легким станет.

Марьюшка сказала в ответ:

— Благодарствую тебе, бабушка, — и поклонилась ей в землю.

— Благодарствовать мне после будешь. А вот тебе подарочек — возьми от меня золотое пялечко да иголочку: ты пялечко

держи, а иголочка сама вышивать будет. Ступай теперь, а что нужно будет делать тебе — пойдешь, сама узнаешь.

Клубочек далее не катился. Вышла на крыльцо старшая старуха и указала Марьюшке, в какую сторону ей надо идти.

Пошла Марьюшка, как была, босая. Подумала: «Как пойду? Земля здесь твердая, чужая, к ней привыкнуть нужно...»

Прошла она недолго времени. И видит — стоит на поляне богатый двор. А во дворе терем: крыльцо резное, оконца узорчатые. У одного оконца сидит богатая, знатная хозяйка и смотрит на Марьюшку: чего, дескать, ей надо.

Вспомнила Марьюшка: обуться ей теперь не во что и последний каменный хлеб она изглодала в дороге.

Сказала она хозяйке:

— Здравствуй, хозяйюшка! Не надобно ли вам работницу за хлеб, за одежду-обужу?

— Надобно, — отвечает знатная хозяйка. — А умеешь ли ты печи топить, и воду носить, и обед стряпать?

— Я у батюшки без матушки жила — я все умею.

— А умеешь ты прясть, ткать и вышивать?

Вспомнила Марьюшка о подарках старых бабушек.

— Умею, — говорит.

— Ступай тогда, — хозяйка говорит, — на кухню людскую.

Стала Марьюшка работать и служить на чужом богатом дворе. Руки у Марьюшки честные, усердные — всякое дело ладится у ней.

Хозяйка глядит на Марьюшку да радуется: не было еще у нее такой услужливой, да доброй, да смышленной работницы; и хлеб Марьюшка ест простой, запивает его квасом, а чаю не просит. Похвалилась хозяйка своей дочери.

— Смотри, — говорит, — работница какая у нас во дворе: покорная да умелая и на лицо ласковая!

Посмотрела хозяйкина дочь на Марьюшку.

— Фу! — говорит. — Пусть она ласковая, а я зато краше ее, и я телом белее!

Вечером, как управилась с хозяйскими работами, села Марьюшка прясть. Села она на лавку, достала серебряное донце и золотое веретенце и прядет. Прядет она, из кудели нитка тянется — нитка не простая, а золотая. Прядет она, а сама глядит в серебряное донце, и чудится ей, что видит она там Финиста — Ясна сокола: смотрит он на нее, как живой на свете. Глядит Марьюшка на него и разговаривает с ним:

— Финист мой, Финист — Ясный сокол, зачем ты оставил меня одну, горькую, плакать по тебе? Это сестры мои, разлучницы, кровь твою пролили.

А хозяйкина дочь вошла в ту пору в людскую избу, стоит поодаль, глядит и слушает.

— О ком ты горюешь, девица? — спрашивает она. — И какая у тебя забава в руках?

Марьюшка говорит ей:

— Горюю я о Финисте — Ясном соколе. А это я нить пряду, полотенце Финисту буду вышивать — было бы ему чем поутру белое лицо утирать.

— А продай мне свою забаву! — говорит хозяйкина дочь. — Ан Финист-то муж мой, я и сама ему нить спряду.

Посмотрела Марьюшка на хозяйкину дочь, остановила свое золотое веретенце и говорит:

— У меня забавы нету, у меня работа в руках. А серебряное донце — золотое веретенце не продается: мне добрая бабушка его подарила.

Обиделась хозяйкина дочь: не хотелось ей золотое веретенце из рук своих выпускать.

— Если не продается, — говорит, — давай тогда мену делать, я тебе тоже вещь подарю.

— Подари, — сказала Марьюшка, — дозвожь мне на Финиста — Ясна сокола хоть раз одним глазком взглянуть!

Хозяйская дочь подумала и согласилась.

— Изволь, девица, — говорит. — Давай мне твою забаву.

Взяла она у Марьюшки серебряное донце — золотое веретенце, а сама думает: «Покажу я ей Финиста не надолго, ничего с ним не станется — дам ему сонного зелья, а через это золотое веретенце мы с матушкой вовсе озолотимся!»

К ночи воротился из поднебесья Финист — Ясный сокол; обратился он в доброго молодца и сел ужинать в семействе: теща-хозяйка да Финист с женою.

Хозяйская дочь велела позвать Марьюшку: пусть она служит за столом и на Финиста глядит, как уговор был. Марьюшка явилась, служит она за столом, кушанья подает и с Финиста глаз не сводит. А Финист сидит, словно нету его, — не узнал он Марьюшки: истомилась она путем-дорогою, идучи к нему, и от печали по нем изменилась в лице.

Отужинали хозяева, встал Финист и пошел спать в свою горницу.

Марьюшка и говорит тогда молодой хозяйке:

— Мух во дворе много летает. Пойду-ка я к Финисту в горницу, буду от него мух отгонять, чтоб спать ему не мешали.

— А пусть ее идет! — сказала старая хозяйка.

Молодая хозяйка опять здесь подумала.

— Ан нет, — говорит, — пусть обождет.

А сама пошла вслед за мужем, дала ему на ночь сонного зелья выпить в питье и воротилась. «Может, — рассудила хозяйская дочь, — у работницы еще какая забава на такую мену есть!»

— Иди теперь, — сказала она Марьюшке. — Иди, мух от Финиста отгоняй!

Пришла Марьюшка к Финисту в горницу и позабыла про мух. Видит она: спит ее сердечный друг непробудным сном.

Смотрит на него Марьюшка — не насмотрится. Наклонилась к нему близко, одним дыханьем с ним дышит, шепчет ему:

— Проснись, мой Финист — Ясный сокол, это я к тебе пришла; я три пары башмаков железных истоптала, три посоха чугунных о дорогу истерла, три хлеба каменных изглодала!

А Финист спит непробудно, он глаз не открывает и не молвит слова в ответ.

Приходит в горницу жена Финиста — хозяйская дочь — и спрашивает:

— Отгоняла мух?

— Отгоняла, — Марьюшка говорит, — они в окно улетели.

— Ну иди спать в людскую избу.

На другой день, как поделала Марьюшка всю хозяйскую работу, взяла она серебряное блюдечко и катает по нем золотым яичком: покатает вокруг — и новое золотое яичко скатывается с блюдечка; покатает другой раз вокруг — и опять новое золотое яичко скатывается с блюдечка.

Увидела хозяйская дочь.

— Ужли, — говорит, — и такая забава есть у тебя? Продай мне ее, либо я тебе мену, какую хочешь, дам за нее.

Марьюшка говорит ей в ответ:

— Продать не могу, мне добрая бабушка это в подарок дала, и я тебе даром блюдечко с яичком отдам. На-ко, возьми!

Взяла подарок хозяйская дочь и обрадовалась:

— А может, и тебе что нужно, Марьюшка? Проси, чего хочешь.

Марьюшка и просит в ответ:

— А мне самое малое и нужно. Дозволь опять от Финиста мух отгонять, когда ты почивать его уложишь.

— Изволь, — говорит молодая хозяйка.

А сама думает: «Чего с мужем станется от поглядки чужой девицы! Да и спать он будет от зелья, глаз не откроет, а у работницы, может, еще какая забава есть!»

К ночи опять, как было, воротился Финист — Ясный сокол из поднебесья, оборотился он в доброго молодца и сел за стол ужинать со своим семейством.

Жена Финиста позвала Марьюшку прислуживать за столом, кушанья подавать, Марьюшка кушанья подает, чашки ставит, ложки кладет, а сама глаз с Финиста не сводит. А Финист глядит и не видит ее — не узнает ее его сердце.

Опять, как было, дала хозяйская дочь своему мужу питье с сонным зельем и спать его уложила. А работницу Марьюшку послала к нему и велела ей мух отгонять.

Пришла Марьюшка к Финисту, стала звать его и плакать над ним, думала — нынче он пробудится, взглянет на нее и узнает Марьюшку. Долго звала его Марьюшка и слезы со своего лица утирала, чтоб они не упали на белое лицо Финиста и не смочили его. А Финист спал, он не пробудился и глаз своих не открыл в ответ.

На третий день Марьюшка справила всю хозяйскую работу, села на лавку в людской избе, вынула золотое пялечко и иголочку. Держит она в руках золотое пялечко, а иголочка сама по полотну вышивает.

Вышивает Марьюшка, сама приговаривает:

— Вышивайся, вышивайся, мой красный узор, вышивайся для Финиста — Ясна сокола, было бы ему на что любоваться!

Молодая хозяйка неподалеку ходила-была; пришла она в людскую избу, увидела в руках у Марьюшки золотое пялечко и иголочку, что сама вышивает. Зашлось у нее сердце завистью и алчностью, и говорит она:

— Ой, Марьюшка, душенька, красная девица! Подари мне такую забаву, либо что хочешь в обмен возьми! Золотое веретенце есть у меня, пряжи я напяду, холстины натку, а золотого пялечка с иголочкой у меня нету — вышивать нечем. Если в обмен не хочешь отдавать, тогда продай! Я цену тебе дам!

— Нельзя! — говорит Марьюшка. — Нельзя золотое пялечко с иголочкой ни продавать, ни в обмен давать. Их мне самая добрая, самая старая бабушка даром дала. И я тебе их даром отдам.

Взяла молодая хозяйка пялечко с иголочкой, а Марьюшке ей дать нечего, она и говорит:

— Приходи, коли хочешь, от мужа моего, Финиста, мух отгонять. Прежде ты сама просилась.

— Приду уж, так и быть, — сказала Марьюшка.

После ужина молодая хозяйка сначала не хотела давать Финисту сонного зелья, а потом раздумалась и добавила того зелья в питье: «Чего ему глядеть на девицу, пусть спит!»

Пошла Марьюшка в горницу к спящему Финисту. Уже не стерпело теперь ее сердце. Припала она к его белой груди и причитает:

— Проснись-пробудись, Финист мой, Ясный мой сокол! Я всю землю пешей прошла, к тебе идучи! Три посоха чугунных уморились ходить со мной и о землю истерлись, три пары башмаков железных ноги мои износили, три хлеба каменных я изглодала. Встань-проснись, Финист мой, сокол! Сжался ты надо мной!

А Финист спит, ничего не чуёт, и не слышит он голоса Марьюшки.

Долго Марьюшка будила Финиста, долго плакала над ним, а не проснулся Финист — крепко было зелье жены. Да упала одна горячая слеза Марьюшки на грудь Финиста, а другая слеза упала на его лицо. Одна слеза обожгла сердце Финиста, а другая открыла ему глаза, и он в ту же минуту проснулся.

— Ах, — говорит, — что меня обожгло?

— Финист мой, Ясный сокол! — отвечает ему Марьюшка. — Пробудись ко мне, это я пришла! Долго-долго я искала тебя, железо и чугун я о землю истерла. Не стерпели они дороги к тебе, а я стерпела! Третью ночь я зову тебя, а ты спишь, ты не пробуждаешься, ты на голос мой не отвечаешь!

И тут узнал Финист — Ясный сокол свою Марьюшку, красную девицу. И так он обрадовался ей, что от радости сперва слова молвить не мог. Прижал он Марьюшку к груди своей белой и поцеловал.

А очнувшись, привыкши, что Марьюшка с ним, он сказал ей:

— Будь ты моей сизой голубкой, моя верная красная девица!

И в ту же минуту обратился он в сокола, а Марьюшка — в голубку.

Улетели они в ночное поднебесье и всю ночь летели рядом, до самого рассвета.

А когда они летели, Марьюшка спросила:

— Сокол, сокол, а куда ты летишь, ведь жена твоя соскучится!

Финист-сокол послушал ее и ответил:

— Я к тебе лечу, красная девица. А кто мужа меняет на веретенце, на блюдечко да на иголку, той жене мужа не надо и та жена не соскучится.

— А чего же ты женился на такой жене? — спросила Марьюшка. — Воли твоей не было?

— Воля моя была, да судьбы и любви не было.

И они полетели далее рядом друг с другом.

А на рассвете опустились они на землю. Поглядела Марьюшка вокруг; видит она — дом ее родителя стоит, как прежде был. Захотела Марьюшка увидеть отца-родителя, и тут же обратилась она в красную девицу. А Финист — Ясный сокол ударился о сыру землю и сделался перышком.

Взяла Марьюшка перышко, спрятала его к себе на грудь, за пазуху, и пришла к отцу.

— Здравствуй, дочь моя меньшая, любимая! Я думал, что тебя и на свете нету. Спасибо, что отца не забыла, домой воротилась. Где была так долго, чего домой не спешила?

— Прости меня, батюшка. Так нужно мне было.

— Что ж, нужно так нужно. Спасибо, что нужда прошла.

А случилось это на праздник, и в городе большая ярмарка открылась. Собрался наутро отец на ярмарку ехать, и старшие дочери с ним едут — подарки себе покупать.

Отец и меньшую позвал, Марьюшку.

А Марьюшка:

— Батюшка, — говорит, — я с дороги притомилась, и надеть мне на себя нечего. На ярмарке, чай, все нарядные будут.

— Я там тебя, Марьюшка, обряжу, — отвечает отец. — На ярмарке чай торг большой.

А старшие сестры говорят младшей:

— Надень наши уборы, у нас лишние есть.

— Ах, сестрицы, спасибо вам! — говорит Марьюшка. — Мне ваши платья не по кости! Да мне и дома хорошо.

— Ну, быть по-твоему, — говорит ей отец. — А что тебе с ярмарки привезти, какой подарок? Скажи, отца не обижай!

— Ах, батюшка, ничего мне не надобно, все у меня есть! Недаром я далеко ходила и в дороге утомилась.

Отец со старшими сестрами уехал на ярмарку. В ту же пору Марьюшка вынула свое перышко. Оно ударилось об пол и сделалось прекрасным добрым молодцем, Финистом, только еще пре-

краснее, чем он был прежде. Марьюшка удивилась да от счастья своего ничего не сказала. Тогда сказал ей Финист:

— Не дивись на меня, Марьюшка, это я от твоей любви таким стал.

— Я хоть и дивлюсь, — сказала Марьюшка, — да для меня ты всегда одинаков, я тебя всякого люблю.

— А где родитель твой батюшка?

— На ярмарку уехал, и сестры с ним старшие.

— А ты чего, Марьюшка моя, не поехала с ними?

— У меня Финист есть, Ясный сокол. Мне ничего на ярмарке не надо.

— И мне ничего не надо, — сказал Финист, — да я от твоей любви богатым стал.

Обернулся Финист от Марьюшки, свистнул в окошко — сейчас явились платья, уборы и карета золотая. Нарядились они, сели в карету, кони помчали их вихрем.

Приехали они в город на ярмарку, а ярмарка только открылась, все богатые товары и яства горою лежат, а покупатели едут в дороге.

Финист купил на ярмарке все товары, все яства, что были там, велел их обозами везти в деревню к родителю Марьюшки. Одну только мазь колесную он не купил, а оставил ее на ярмарке.

Он хотел, чтобы все крестьяне, какие приедут на ярмарку, стали гостями на его свадьбе и скорее ехали к нему. А для скорой езды им мазь нужна будет.

Поехали Финист с Марьюшкой домой. Едут они быстро, лошадам воздуха от ветра не хватает.

На половине дороги увидела Марьюшка своего батюшку и старших сестер. Они еще на ярмарку ехали и не доехали. Марьюшка велела им ворочаться ко двору, на свадьбу ее с Финистом — Ясным соколом.

А через три дня собрался в гости весь народ, что жил на сто верст в округе; обвенчался тогда Финист с Марьюшкой, и свадьба была богатая.

На той свадьбе дедушки наши и бабушки были, долго они пировали, жениха и невесту величали, с лета до зимы не разошлись бы, да настала пора убирать урожай, хлеб осыпаться начал; оттого и свадьба кончилась и на пиру гостей не осталось.

Свадьба кончилась, и свадебный пир гости позабыли, а верное любящее сердце Марьюшки навсегда запомнилось в русской земле.

V.

Алексей Бондарев,
член Союза писателей России

АЗЫ ЖИТЕЙСКОЙ МУДРОСТИ

С нашими самыми первыми шагами на Земле мы начинаем впитывать практический опыт. И, наверное, вместе с ним по крупницам пытаемся набираться мудрости. Всю жизнь, до последнего дыхания. Но более всего нас пытаются вразумлять через Слово. Вот почему: Слово — оно всегда волшебное.

Это — моя твёрдая убеждённость. Это — выстрадано.

А самая высокая концентрация мудрости сосредоточена в сказке. Конечно, в первую очередь, народной, но и в литературной, авторской, куда без этого.

Понять такую простую истину вполне доступно, стоит лишь ознакомиться тебе, дорогой читатель, в этом сборнике с подборкой сказок современных воронежских писателей и литераторов.

И тогда сказочные слова наполнятся скрытым сокровенным смыслом, с них спадут чары. Вот тут-то и начнётся самое заправдашнее волшебство.

А ещё слова сказок очаровывают и зачаровывают.

И тогда ты с неусыпным вниманием следишь, как они, цепляясь одно за другое, вдруг превращаются в удивительные невероятные сказочные истории.

И ты им веришь, им сопереживаешь, им сочувствуешь. Они заставляют улыбаться и печалиться, участвовать с героями во всех приключениях, выбираться из непростых ситуаций.

И ты пройдёшь по всем сказочным дорогам только потому, что добрыми твоими спутниками станут те, кто сочинил эти замечательные произведения.

Ты, дорогой читатель, наверное, думал, что все настоящие сказочники остались в прошлых веках?

Ничего подобного!

Авторы этого сборника — твои современники. Мало того, они все, так или иначе, связаны с воронежской землей: кто-то здесь родился, жил, но уехал, а кто-то и теперь живёт в Воронеже и Воронежской области. Но духовная связь со своей малой родиной не прекратилась, да она и не прекращается никогда. Да и не может прекратиться: так уж устроен человек.

А самое главное, сказка и теперь в наши рационалистические и прагматические времена востребована. На мой взгляд, она неистребима. И не только потому, что человек верит в добрые начала, одерживающие победу над тёмными силами, ведь именно так зачастую и происходит в сказках. А, скорее всего, потому, что сказка, по своей природе, созидательна.

Она врачует души и взрослым, и детям. Она даёт силы продолжать жизнь. Она ненавязчиво учит и отвечает на пытливые детские, но по глубине не такие уж и детские наивные вопросы.

Да и как сказка мудра!

Мы всю жизнь бьёмся, чтобы приблизиться к Истине, обрести Мудрость. Постичь их и достичь. И как только начинаем потихоньку прозревать и понимать что-то в жизни, то удивлению нашему нет предела: оказывается, многое нам давалось в самом начале. Но мы почему-то не сумели это прочувствовать, понять и взять на вооружение.

Прописные истины — просты, обыкновенны, доступны и общеизвестны. Именно они те азы житейской мудрости, какие нам дают в самом начале нашей жизни. Но мы нередко почитаем их за банальность и потому пренебрегаем ими.

Вот в чём наша главная ошибка!

Припомните, этими прописными истинами нас вооружали, читая в детстве сказки. Именно они — сказки — прописные истины так преподносили нам и растолковывали, что проще, казалось бы, некуда.

И что? Мы им вняли?!

Увы!

Таков человек.

Собственные шишки ведут к личному опыту. Он-то, «сын ошибок трудных», только и заставит оборотиться к тому, с чего всё начиналось.

И вдруг с удивлением открываешь простоту и красоту обыкновенных истин, данных нам изначально.

Вот именно за это я люблю сказки: и народные, и те, за которыми стоит конкретный автор.

Если ты, мой уважаемый читатель, станешь чуточку умнее и мудрее, прочитав, что мы тебе предложили, то мы трудились не напрасно: и те, кто сочинял свои творения, и те, кто помог этой книге увидеть свет.

Поверь, это не так уж и мало!

*Л*итературные сказки
современных воронежских писателей

Алексей Бондарев

ДВА КАРАНДАША

В одном книжном шкафу на одной полке лежали рядышком карандаши. Огромный карандаш-великан с красным грифелем и самый обыкновенный простой карандаш, который можно купить в любом книжном магазине. Здесь же нашлось местечко для старой перьевой ручки. Она давно вышла на пенсию и лишь изредка помогала писать плакатными перьями.

Тут же лежала небольшая пачка цветных карандашей, а в пол-литровой банке торчало много карандашных огрызков, забывших: годятся они в работу или нет.

Карандаш-великан очень гордился тем, что он такой большой и важный. Он постоянно подсмеивался над простым карандашом:

— Фи, разве может выйти из тебя какой-либо толк? Посмотри, какой ты простой! А что у тебя за грифель? Сплошная чернота! То ли дело я! Нет, ты погляди, какой я! Сразу видно: мне предназначена особая роль! А ты? Ну, что можно сделать таким мягким грифелем? Испачкать лишь бумагу. У тебя даже деревянная рубашка серенькая. Зато у меня — вон какая, разноцветная!

Карандаша-великана поддерживали цветные карандаши из пачки. Они так и заявляли:

— О да, мы никогда ещё в жизни не видели такого гиганта! От ваших рисунков все будут без ума. Вы — потенциальный гений! Мы просто счастливы находиться с вами на одной полке. И как вас угораздило оказаться соседом с таким простеньким карандашиком. Честное слово, он вам не товарищ! У вас впереди блестящее будущее, двигайтесь к нам поближе, а то подумают, что вы с ним родственники или друзья. Он своей простотой может загубить вашу карьеру.

Простому карандашу до слёз было обидно, что он уродился на свет таким обыкновенным. Он потихоньку лежал на полке и мечтал о работе, о том, как станет рисовать.

Лишь старая перьевая ручка не смеялась над простым карандашом. Она жалела его и иногда приглашала на чашку чая. Когда она на него смотрела, то вспоминала далёкие дни своей молодости.

Однажды к карандашам на полку положили красивую автоматическую ручку с золотым пером. От её великолепия все карандаши пришли в восторг. Они окружили её и наперебой восхищались красотой. Больше всех, конечно, восторгался карандаш-великан:

— Ах, вы такая прелестная особа! Я у ваших ног! Вы разбили моё графитовое сердце!

Авторучка с золотым пером смущалась, краснела:

— Что вы, я такая обыкновенная!

«Какая она милая, — думал простой карандаш. — И насколько не задаётся, что у неё золотое перо. Ах, как бы мне хотелось сделать для неё что-нибудь приятное. Но разве красавица удостоит меня, простого карандаша, даже взглядом?»

И чем больше так думал карандаш, тем сильнее влюблялся в авторучку. Но он даже стеснялся подойти к ней и познакомиться.

Цветные карандаши из пачки решили: новая жилица — прекрасная пара карандашу-великану. Он — огромный, талантливый, красивый, и она — тоже красивая, да ещё и с золотым пером.

Нет, определённо, быть им мужем и женой!

Но красавица сказала, что отдаст свою руку и сердце тому, кто напишет лучший её портрет.

По ночам, когда все спали, простой карандаш по памяти рисовал портрет авторучки с золотым пером. Неудачные наброски он рвал и вновь принимался за работу. Его терзания видела лишь одна старая перьевая ручка, которая вздыхала:

— Ох, эта любовь не доведёт до добра! Как он усыхает от такой работы.

А надо честно признаться, что простой карандаш постоянно ходил к злой точилке. Она заправляла его грифель, делала острым и пригодным для работы. А за это брала страшную плату: часть деревянной рубашки карандаша. Поэтому после каждого посещения точилки он становился всё меньше и меньше.

Карандаш-великан не спешил браться за работу. Он считал: раз он такой большой и талантливый, то стоит ли трудиться понапрасну каждый день и тратить время на какие-то эскизы и наброски. С его-то возможностями нет ничего проще, как взять и одним махом написать лучший портрет. В своей победе он нисколько не сомневался. Карандашам из пачки он рассказывал, какой это будет изумительный портрет. Те кивали головами и ахали.

А простой карандаш, не покладая рук, трудился каждый день и всё никак не мог написать портрет, чтобы ему нравился самому.

Работа отбирала столько сил, что он буквально худел и таял на глазах. (Но мы-то с вами знаем истинную причину, почему уменьшался простой карандаш.)

И вот в последний день до окончания конкурса попытался взяться за работу и карандаш-великан. Но, как он ни пыжился и ни старался, ничего у него не получалось. Даже обыкновенной линии он не мог провести.

Наконец, в последнюю ночь у простого карандаша заладилась работа. Он упоённо трудился до самого утра. Портрет получился на славу. И нисколько он не проигрывал из-за того, что не был многокрасочным. Уже под самое утро в изнеможении простой карандаш свалился спать.

И он до того крепко уснул, что не заметил, как великан украл портрет авторучки.

Пришёл новый день — день конкурса.

Простой карандаш проснулся — и, о ужас! — портрета не было.

С чем он мог пойти на конкурс? Он сидел в своей каморке и горько оплакивал свою судьбу.

В это время карандаш-великан принимал поздравления от пачки цветных карандашей, которые без передыха бубнили:

— Мы верили, верили в вашу победу!

Великан с красным грифелем от важности надувался и говорил:

— Ну, разве мог я ударить лицом в грязь при своей величине и возможностях?

Естественно, из всех портретов, представленных на конкурс, лучшим признали тот, который на самом деле писал простой карандаш. Ведь в свою работу он вложил столько труда, любви и души.

И вот уже объявили: победитель — карандаш-великан. И красавица авторучка должна была сказать, что она выходит замуж за карандаша-великана, как подала голос старая перьевая ручка:

— Позвольте, но как сумел он выполнить работу, если даже не заточен?

На старушку зашикали цветные карандаши из пачки:

— Да как вы смеете?! Да он только благодаря своему таланту выполнил портрет! Гоните прочь эту невежу!

Старая перьевая ручка сказала:

— Хорошо, я уйду, но пусть сначала этот «талант» при всех распишется на портрете. Художник, видно, так торопился, что совершенно забыл о такой малости, как собственная подпись!

— Подумаешь, закорючка! — сказал карандаш-великан. — Экая невидаль! Да тут трудов на секунду! Вот я сейчас, моя дорогая!

Однако сколько ни пыжился и ни старался карандаш-великан, но у него ничего не выходило. Да и как у него что-нибудь могло получиться, если он, действительно, даже не был заточен?

Обман раскрылся, весь народ стал смеяться над глупым великаном.

Старая перьевая ручка пошла и привела из каморки убитого горем простого карандаша. От стыда, что не смог сберечь портрет, он готов был провалиться сквозь землю. Да ещё он стеснялся столькоих взглядов, обращённых на него.

Старая перьевая ручка сказала:

— Вот истинный творец портрета! Я видела, как он работал.

Авторучка с золотым пером подошла к нему, протянула руки и ласково спросила:

— Значит, это вы написали портрет?
— Да, я! — ответил простой карандаш.
— Да какой он художник, — кричал уличённый в обмане великан. — Он и на настоящий карандаш не похож. Так, какой-то жалкий огрызок!

Но на его вопли никто не обращал внимания.

— И вы сможете поставить под портретом свою подпись? — спросила у простого карандаша авторучка с золотым пером.

— Нет ничего проще.

И простой карандаш мгновенно расписался под портретом.

— Вот настоящий победитель! — закричала толпа. — Ура настоящему художнику!

Авторучка с золотым пером поцеловала победителя. И — о чудо! На глазах у изумлённой толпы простой карандаш начал расти и из обыкновенного карандашного огрызка превратился в великолепный, в яркой желтой рубашке, карандаш с золотым тиснением на боку «Художник».

— А дальше? — спросите вы.

Дальше всё было так же, как во всех добрых старых сказках. С той лишь разницей, что наш простой карандаш нарисовал ещё уйму всяких портретов и картин, а его любимая авторучка с золотым пером написала множество интересных сказок и историй.

Что же касается красавца карандаша-великана, то, говорят, он до сих пор лежит на одной из полок в книжном шкафу. И все так же не подточен.

КУДА ВЕДЕТ ДОРОГА?

Брёл по дороге медвежонок. Вдруг навстречу попался волчонок.

— Привет, волчок, — обрадовался Мишутка. — Куда путь держишь?

— Туда! — махнул лапой волчонок в ту сторону, куда шёл.

— Не может быть! — удивился медвежонок.

— Как? Как не может быть? — опешил Волчок.

— А так! Это я иду — туда! — медвежонок показал в другую сторону.

— Нетушки, — засмеялся волчонок. — Ты идёшь обратно. Это я иду — туда!

— Ещё чего! — возмутился Мишутка. — Ты, Волчок, идёшь обратно. Я — туда! Я знаю: туда! Сам ты — обратно!

— Туда-обратно! Меня мама провожала и сказала: «Волчок, иди прямо туда и никуда не сворачивай». За почтой меня послали.

Мишутка задумался:

— Удивительно, и мне мамочка сказала: «Ступай туда и попадёшь в малинник».

— Ой, — испугался Волчок. — Выходит, мы заблудились? Что скажет папа!

— Не хнычь, — сказал медвежонок. — Коли уж вдвоём заблудились, то давай сами и выбираться. Знаешь, я придумал! Давай сядем на обочине, а кто пойдёт, спросим: «Куда ведёт дорога? Туда или обратно?» Вот и найдёмся сразу.

Сели они и ждут-пождут. Глядь, зайчик скачет.

— Эй, куда путь держишь?

— Туда! — прокричал зайчик и поскакал туда, куда шёл волчонок.

— Ага! — обрадовался тот. — Я же говорил: «Я иду — туда!» Ты не верил! Элочки!

Расстроился медвежонок. Тут на дороге ёжик показался. Кинулся Мишутка к колючему:

— Ежок, далеко ли?

— Не-а, туда, — беззаботно ответил ёжик и засеменил дальше.

— Как же так?! — вздохнул Волчок. — Один — туда, другой — в обратную сторону, а тоже — туда! Ничего не понимаю!

Сели опять друзья, пригорюнились. А тут зайчик назад спешит, и ёжик возвращается. Друзья остановили их: куда те сейчас идут?

И страшно удивились! Оказывается, оба — обратно! Вот так дела! Ничего понять нельзя: куда же ведёт дорога? Туда или обратно?

Загоревали Мишутка и Волчок. Случилось пролетать мимо старому ворону. Узнал он от друзей, в чём дело, и говорит:

— Ладно, помогу вашему горю. Ты, волчонок, ступай, куда шёл! И ты, медвежонок, иди в свою сторону. Значит, один пойдёт — туда, и другой — туда! А назад пойдёте: и ты — обратно, и ты — обратно!

— Ура-а-а-а-а, — обрадовались Мишутка и Волчок. — Как всё просто!

- Я схожу: туда и обратно! — сказал медвежонок.
— И я! — веселился волчонок.
— Теперь мы знаем: куда ведёт дорога.

ПОЧЕМУ БЕРЕЗА БЕЛАЯ?

(Новая сказка на старый лад)

В стародавние времена это было. А может, и не было, не знаю, не нам судить, нам лишь слушать нужно да спрашивать можно.

Но хватит лясы точить, надо историю сказывать.

На левом пологом берегу Воронежа в сторону восхода солнца от крепости раскинулась слобода Придача. Жил тут разный люд, в основном мастеровой да ремесленный. Ничем не отличалась слобода от других деревенок, во множестве понатыканных на чернозёмных землях вокруг города. Но славилась она на всю округу девками, пригожими да румянными.

И в ту пору жила на Придаче красавица одна, по прозванию — Любая, а по имени — Дарьюшка. И такой красоты неопишуемой была та девушка, что не только со слободы сбегались мужики да бабы дивиться пригожести, а из крепости наведывались купцы да служивые. Конный не проскочит мимо, обязательно коня остановит, воды испросит, чтобы лишнюю минуточку полюбоваться Дарьюшкой. Вот парни и вздыхали тяжко, а девки завидовали люто. Но за красоту особенную никто не обижал Дарьюшку — сироту кручинную, на всяко человекье горе отзывчивую. В руках у Дарьюшки ловкость угадывалась, да всяко дело спорилось. А слово кому скажет доброе, то радость в сердце поселит. Не дай Бог, закручинится думам девичьим, то даже петухи слободские не горланят с плетней, а понурятся.

Жил в Придаче-слободе кузнец молодой да удалый Николай, по прозванью Ардюля. Статный, видный парень да рукам своим хозяин. Что коня подковать, что телеге урон исправить, иль сундучок оковать, иль замочек хитрый изладить, а уж про гвоздь иль скобу для крестьянина, то всё вмиг: без печали, а с песнею. Уважал стариков Ардюля, малых привечал, с одногодками ровен был, а встречалась на култышной тропе девка с коромыслами и лицо зардевшее прятала, то парень уступал дорогу вежливо.

И любили друг друга Дарьюшка и Николай, что твои голубки воркованные. И всё дело уж ладилось к свадьбе. Слободские

людишки радовались: быть пиру богатому, что грозился затеять Ардюля на радости, водились, видно, деньжата от кузнечного ремесла. Да и как было не порадоваться, что пришлись друг другу по сердцу голубка мраморная да сокол ясный. Вряд сыскалась бы душа чёрная, да без совести, что могла слово худое вымолвить, оболгать да испачкать души любящих.

Уж и пришёл черёд молодым под венец идти. Но тут грянула весть недолгая, да чёрная: «А идут с полудённой стороны, да на наш рубеж, злые вóроги из степей глухих. Сеют смерть они, кому попадая, не щадят они христианских душ».

Не впервой от поганых борониться, отбивать набег кривоногих всадников. И решили все: встренуть ворога на дальних подступах.

Слёзы горькие льёт наша Любая, наша белая да невестушка, причитает, уняться не может:

— Сокол мой, не ходи туда, для тебя, чую сердцем я, дорога в одну сторону. Что ж, мне до веку в невестах мыкаться?

— Не покойник, чай, — молвил Коленька. — Что рыдать, Бога зря гневить? Возвернусь назад, повенчаемся — заживём тогда. А не суждено — что ж, не ведать нам.

Поиграл Ардюленька булавой в руке, нахлобучил шишák до бровей густых, поклонился в пояс матушке, поклонился в пояс Любой своей да шагнул вперед, к неизвестности.

Уж и пыль давно порассеялась, что за войском нашим застолбилася. А развилку дорог стережёт Дарьюшка, вдруг да с известием всадник выпорскнет.

Дни кручины за днями множат горечь людскую, но нет как нет известий о битве великой, о бое смертном. А Дарьюшка кажен дён одна к развилке выбредет: вдруг гонец с вестью, а то и войско покажется.

И в один из дней возвернулося войско нашенско да с победою. Но далась победа, ох, непростенько, за свободу заплачено четверной ценой, четверной ценой драгоценною. Полегли в степи люты вороги, но и наш народ ещё всплачет по утерянным.

Как увидела Дарьюшка войско трёпаное, поредевшее, так упала без памяти: не обманешь сердца девичья. Ей давно с дубов гакал чёрный вран, что Николюшка пал в сече ужаса, за дело правое, христианское.

А на будний день, облачившись в невестин наряд, вновь вышла Дарьюшка к развилке дорог, постояла там, вдаль попоглядыва-

вала и упала замертво на сыру землю. Говорят, сердечко девичье не вынесло тоски да печали по Ардюленьке.

Правда ль, нет, бают люди наши, но на развилке той, через год-другой, поднялась берёзынька. Хороша собой, сплошь пригожая, а взялася в силу, то сразу и обрядилась в невестин наряд: белый, издаля приметный.

Хороша берёза, глаз не отвесть. Никто никогда к той берёзе по весне туесков под сок не прилаживал: за святую почитают её на Придаче. Да и сок, говорят, горький, как слёзы невестины.

Много воды утекло с тех пор, но до сих времён у развилки дорог стоит белая, путнику каждому любая да пригожая, берёзынька.

Кто знает, может, до сей поры сторожит Любая жениха своего: вдруг да возвратётся он из похода дальнего.

И, эх, а сколь по Руси великой по развилкам дорог берёз порассеяно!

Иван Быков

ПЯТАЧОК

Жила в деревянной избушке седая бабушка с внучкой Машей.

Бабушка на внучку удивлялась:

— Вот дела, я была черноволосой, черноглазой, а ты бела. Как мне передать то, что тебе принадлежит?

По весне Маша копала грядку и нашла медную денежку с двумя дырочками по бокам.

Она принесла монетку бабушке, та увидела пятак и охнула:

— Это — судьба. Меня не станет, соберись в путь. Иди на восток до озера Сви, там живёт моя родственница вещунья Нья. Отдашь ей денежку и скажешь: «Уплывает тучка, пора дать три лучика».

Через неделю умерла бабушка. Маша похоронила её под черёмухой, поплакала, а потом собрала узелок, монетку спрятала за пояс, помолилась Богу и отправилась в дорогу.

Следующий восход девушка встретила на пригорке. За зелёной лужайкой синело озеро Сви, на правом берегу белел большой дом с колоннами.

Маша обрадовалась — дошла до тётушки, что жила в деревянной избушке на левом берегу озера. Но тут закружились над головой грачи, хрипло закакакали, на взгорок спикировали и превратились в трёх смуглых цыган.

— Куда идёшь-бредёшь, красавица, — обступили её бородачи, белками глаз засверкали.

— Мне нужно попасть на озеро к тёте...

— Мы так и поняли, — усмехнулись цыгане. — А зачем тебе надо попасть на Сви к Нье?.. Взять лучи? А платить есть чем?

Маша достала и показала денежку.

— Чи, — цыгане засверкали белыми зубами, — мы и есть те самые лучи. Угадай, как нас зовут. Не угадаешь — обличье потеряешь, будут тебя прутиком бить, будешь наши имена на носу носить.

Девушка в небо посмотрела, за косу пшеничную себя подёргала:

— А подсказка имеется?

— О, свет ясный, синие глазки, при тебе имеется подсказка, — отвечали цыгане. — Думай, драгоценная.

Маша задумалась — она при себе имеет глаза и уши. Ведь она увидела грачей, услышала их крики.

— Вас зовут Кар-кар, Кра-кра и Кро-кро.

Захотали цыгане, запрыгали и закричали:

— Ага, попалась на хвост-крючок, ведь нас зовут так: меня — Пя, его — Та, а третьего Чок. Раз послали тебя на Сви к Нья, то и будешь ты — свинья. Носи наши имена на здоровье, копай ими землю.

Не успела бедная Маша испугаться, как медный пяточок прирос к носу, руки и ноги обулись в копытца, тело стало тяжёлым и неповоротливым.

А цыгане в один миг исчезли, как будто сгорели в полыхавшем пламени восхода.

Побрела свинья по зелёному лугу.

А в белом доме жил богатый отец с непутёвым сыном.

Как-то вернулся сын с озера, серебристых карасей принёс. Отдал улов няне и попросил пирог с рыбой испечь. Тут его отец к себе позвал. Усадил Василия в кресло и строго говорит:

— Ты уже целый месяц отдыхаешь, пора за дело браться.

Сын копной волос тряхнул и присвистнул:

— Конечно! Как только женюсь, так и возьмусь!

Отцу такой оборот дела понравился.

— Вот и хорошо, — обрадовался он, наконец-то, его понимают. — Ты высокий, статный и лицом пригожий. Давай посватаемся к губернатору, за его дочку Нину. Построим маслозавод.

Сын замотал головой, поднял руки.

— Не-ет, только не это. Она же толстая, как бочка, — губернаторская дочка. Уж лучше мне свиней пасти.

— У главврача Светочка подрастает. Рослая такая. Отец нам городскую аптеку отдаст.

— Папа, эта Света быстро доведёт меня до того света. Она в день съедает три килограмма конфет и похожа на пожарную каланчу. Уж лучше мне свиней пасти.

Отец сжал кулаки и повысил голос:

— Тогда женю на первой встречной, ясно тебе?

Василий встал из кресла и увидел за окошком свинью, которая паслась на лужайке.

— Вон, — усмехнулся, — моя белая невеста уже к дому подходит.

— Благословляю тебя с ней на веки вечные! — отец перекрестил склонённую голову сына и тоже подошёл к окну.

То, что он там увидел, заставило его побледнеть.

А сын вышел на лужайку и поспешил к белой свинье. Он поднял прутик, взмахнул и весело запел:

У моей невесты-свинки
Золотистые щетинки.
Она — сердцем чую я —
Очень, очень добра-я-я-я.

Белая свинка в розовую превратилась.

— Ведь это правда? — Василий кивнул весело, потом дверь распахнул и крикнул. — Идут невеста с женихом пировать в родимый дом!

Пропустил он свинью в широкую столовую. На столе желтела корзина с грушами, краснела бутылка, блестели рюмки.

Как свинье на стул забраться, такая она неловкая, но Маша слово сказать боится, а вдруг визг да хрюканье получится.

Усадил жених свою наречённую невесту за стол, наполнил рюмки рубиновым вином.

— Прошу твоей руки, — сказал торжественно. — Выпьем за наше счастье.

И впрямь выпил, а потом звонко Машу в розовый пяточок

поцеловал. И тут случилось чудо. Белая шкура свиньи лопнула и вниз свалилась. Смотрит Василий, а перед ним синеглазая девушка в белом платье сидит.

Как отец обрадовался, увидев рядом с сыном белокурую красавицу! Он взял в руки фамильную икону в серебряном окладе.

— Вася и Маша, — его голос дрогнул, — благословляю вас на брак. Будьте счастливы!

Тут и няня вошла, горячий пирог с рыбой принесла. И начался пир на весь мир!

А Маша оказалась совсем не бедной. После пышной свадьбы молодые навестили тётю Нью, отдали медный пяточок, и та подарила им трёх поросят: Пя, Та и Чка. У Пя была медная щетинка, у Та — серебряная, а у Чка — золотая. Стриги себе. Открыл Василий Швайн фабрику щёток и стал богаче отца в три раза. Вот так.

Анна Вислоух

СКАЗКА ПРО СКАЗКУ И БЫЛЬ

Жила-была Сказка. И однажды она повстречала Быль. Быль шла по дороге, уставшая и голодная, в старом сером платье. Никогда Сказка еще не видела такой серой скучной одежды. Сама Сказка всегда одевалась в яркие наряды от заморских модельеров. Сказке стало жалко Быль, и она предложила ей примерить один из своих нарядов — ведь она была ее подружкой.

Сказка оделась в одежду Были, а Быль надела платье Сказки. И тогда все в мире перевернулось вверх дном. В настоящий мир проникли некоторые сказочные герои: Колобок, три поросенка, Кай и Герда, Белоснежка и все семь гномов...

Колобок принял участие в конкурсе талантов и стал всемирно известным певцом. Два поросенка стали великими архитекторами, а третий — дрессировщиком в цирке. И дрессировал он... волка. Герда открыла туристическое агентство «Быстрый олень», а Кай — адвокатскую контору. Белоснежка организовала детский сад, а все семь гномов работали там няньками. Золушка открыла ателье по пошиву бальных платьев, а черепаха Тортилла — детективное агентство «Золотой ключик», а помогал ей Буратино. Иван-царевич начал выпускать газету «Сказочные вести». Сло-

вом, все они стали успешными в своем деле и помогали тем, кто даже не догадывался, что они из сказки.

Только в реальный мир попали не одни хорошие сказочные герои, но и Кикимора, Леший, Баба Яга, Змей Горыныч, кот Матвей, а возглавил всю эту компанию Кощей Бессмертный. Им не понравилось, что их сказочные соседи так хорошо устроились в жизни, и они решили помешать нести сказочное добро в будни людей Земли.

Но как это сделать? И злодеи собрались на совет.

Первой взяла слово Кикимора, которая в жизни притворилась учительницей в школе. Ух, как же она ненавидела этих детишек! Уж будь ее воля, понаставила бы она им двоек! Но дети в школе попались какие-то неправильные: они учили все уроки, не баловались и отвечали только на пятерки. Но Кикимора все равно умудрялась найти изъяны в их поведении и учебе и тогда с удовольствием ставила ребятам двойки за малейшую неудачу.

— Я знаю, что нужно сделать! — авторитетно заявила она. — Когда великий певец Колобок выйдет петь на сцену, нужно подставить ему подножку! Так всегда в школе делают! Тогда он споткнется, растеряется и ничего не сможет спеть! Вот будет позор, ха-ха!

— Тебе, Кикимора, мы это и поручим! — приказал Кощей Бессмертный.

Змей Горыныч, который устроился работать пожарным, тут же придумал:

— А я подожгу все дома, которые построили поросята! А когда меня позовут тушить пожар, я притворюсь, что закончилась вода и все дома сгорят, ха-ха!

— Отлично, Змеище! — обрадовался Кощей. — Вперед, за дело!

Леший, которого взяли на работу в банк, призадумался.

— Я вот что думаю, — начал он. — Нужно сделать так, чтобы все деньги пропали, и тогда туристы не смогут поехать в другие города и страны. Агентство Герды закроется, и она останется без любимой работы. И никакой Кай ее не спасет!

— Как же ты уничтожишь все деньги? — недоверчиво спросила Баба Яга. У нее самой были кое-какие сбережения и такой поворот ей совсем не понравился.

— Очень просто! — засмеялся Леший. — Я засуну все деньги

в сейф и притворюсь, что потерял ключ, и никто не сможет получить зарплату! Вот денег ни у кого и не будет!

— Ерунда! — авторитетно заявил Змей Горыныч. — Уж я-то знаю, не один год в сказочном мире прожил. Люди попросят Золотую рыбку, и она им сколько хочешь денег принесет, проверено!

— Балда ты, Змей! А еще сказочный старожил! — Леший аж подпрыгнул от нетерпения. — Как же ты не понимаешь — деньги в настоящем мире должны быть настоящие, а не сказочные! Я тебе сейчас запросто нарисую три мешка, только люди так делать не могут — в реальном мире такие деньги сразу распознают, да еще и в полицию отнесут. А уж полиция... Впрочем, не будем о грустном.

— Ну ладно, — сдался Змей, — тебе виднее, ты же у нас в банке работаешь. Но только попробуй провали задание!

Кощей Бессмертный приказал Лешему немедленно браться за дело.

Баба Яга лучше всех, по ее мнению, устроилась. В службу по уборке помещений. Сама-то она, понятное дело, ничего и не делала — ведь не полы же мыть сказочному персонажу! Она запускала в помещениях клиентов волшебный клубочек, он по углам катался, всю пыль собирал, окна отмывал, детские игрушки на место складывал. А Баба Яга в это время в компьютерные игры играла — очень ей это занятие понравилось.

Но и она решила от своих сказочных сообщников не отставать.

— Я приду к Золушке уборку делать в ее ателье, да все нитки и перепутаю! Да все платья изорву! Вот посмотрим, как она рыдать будет, ха-ха!

Кот Матвей пообещал прийти в детский сад Белоснежки на утренник и всех детишек напугать! Вот только в цирк к Ниф-Нифу послать было некого: с волком никто связываться не захотел, и Кощей, обозвав всех трусами, решил, что справится сам. Но позже.

Пока же он намеревался заняться адвокатской конторой Кая и детективным агентством Тортиллы. Это, по его мнению, были самые сложные направления, и передоверить такое серьезное злодейство он никому не мог. Но какие козни придумать? Кощей думал всю ночь и решил, что закажет Тортилле разыскивать его смерть, а перед этим спрячет ее так, что и сам Шерлок Холмс не

отыщет, не то что какая-то черепаха! Тогда он «ославит» агентство на весь мир как бесполезное и непрофессиональное.

Сказка и Быль ничего об этих ужасных планах не знали. Жили себе каждая в новом мире, осваивали его, радовались, так им все интересно и забавно было. И не догадывались, какая беда на сказочных героев надвигается, какие козни им Кощей Бессмертный с компанией строят.

Только об одном сообщники не ведали. Жила в реальном мире девочка Василиса. Девочка как девочка — бантики, сандалики, косички. Простая, да непростая. Она училась уже в пятом классе и была ужасно образованная — окончила начальную школу на одни пятерки. А новой учительницей у Василисы стала... догадайтесь! Правильно! Кикимора, только в реальной жизни звали ее Кларисса Патрикеевна. Василиса заподозрила, что настоящая учительница не может быть такой злой. И решила разобраться и проследить за Кики... ой, за Клариссой Патрикеевной. И что же она увидела?! Как в старом парке у дуба собирается вся зловредная компания и строит свои зловещие планы! Она сразу догадалась, что Сказка и Быль поменялись местами.

«Не бывать этому!» — решила Василиса. Но как помешать сказочным героям, да еще если их так много, а ты одна?!

Девочка задумалась. За подмогой ходить долго, да пока кому-то объяснишь, что происходит, все сказочные герои пострадают от рук злодеев, и никто им не поможет. Что делать? Нужно как-то Сказку домой возвращать, да и Быль уже явно загостилась не в своей стране.

«Вот кто мне поможет! Как же я раньше не додумалась! — запрыгала Василиса. — Мне же на день рождения крестная подарила волшебные свечи!» Она побежала домой, выдвинула ящик стола и увидела коробку, перевязанную ленточкой. Подарок она пока не открывала, потому что получила от крестной вот такое письмо:

«Дорогая моя любимая крестница! Мне очень жаль, что я лично не могу вручить тебе подарок, но надеюсь, что посылку ты получишь вовремя. Это не простые свечи, а волшебные. Каждая свеча — исполнение одного твоего желания. Как только ты что-то пожелаешь — сразу задувай свечу. В это же мгновение все, что ты загадала, будет исполнено. Но помни о главном — ты должна находиться в том месте, где исполнится твое желание, а все све-

чи нужно использовать в день своего рождения. Как только наступит полночь, они потеряют свою магическую силу».

Василиса получила этот подарок вчера, а день рождения у нее завтра. И она все это время думала — что же ей загадать? Время шло, до дня рождения оставались считанные часы, а она все никак не могла придумать. Пойти в магазин и купить себе новое красивое платье? Туфли? Сходить в кафе и заказать сто порций мороженого? Или приказать, чтобы свечи сделали ее взрослой, и тогда никто не заставит ее больше делать то, чего она не хочет. Мама больше не будет просить мыть посуду и убирать в комнате, а главное — не нужно будет ходить в школу и делать уроки! И даже ругивать новые скучные пьесы на фортепиано! Вот это свобода!

Но теперь она знала, как потратит волшебные свечи! Нужно в день своего рождения, а значит, завтра, загадать, чтобы каждая свечка помогла ей справиться с злодеями. Сколько же свечей в коробке? Василиса достала аккуратно запакованную коробку, открыла ее и стала пересчитывать свечи. Семь! Злодеев всего шестеро, значит, ей хватит по желанию на каждого, да еще и одна останется — все-таки нужно же сделать и себе какой-то подарок!

Но нельзя терять ни минуты, а до дня рождения еще целых четыре часа! Что же делать? На улице уже вечер, и мама не выпустит ее одну, так что и дальше следить за злодеями она не сможет, да и загадывать желание нужно, находясь там, где работают сказочные герои. Остается только надеяться на то, что и злодеи отправились спать — ведь и Колобок не выступает ночью, и Золушка закрыла свое ателье, а Герда — туристическое агентство... Василиса тяжело вздохнула и начала убирать свою комнату — ведь завтра к ней придут гости. Стоп! А как же тогда она успеет помочь сказочным героям, если будет здесь веселиться с друзьями?!

— Все пропало, — в отчаянии подумала Василиса. — Все гости приглашены, они приготовили подарки, ждут моего праздника, а я — уйду?! Нет, нужно что-то придумать!

— Василиса! — услышала она мамин голос. — Ты уже легла спать? Завтра у тебя хлопотливый день, ложись, доченька, пораньше!

— Да, да, мамочка! — сказала в ответ Василиса. — Уже ложусь!

Что же делать? Одной ей не справиться... Но ведь герои сказочные! Тогда где же сама Сказка, куда она пропала? Неужели не

видит, что ее герои в беде? Чем она вообще занимается?! Как это узнать?.. И Василиса, тяжело вздохнув, достала первую свечу и стала ждать полуночи. Что же получается — она сама останется без исполнения желания?! Выходит, что так... Но ведь еще не поздно все отменить — просто лечь спать, а завтра веселиться с гостями и использовать все семь свечей — вон их, желаний, сколько...

Сказка в это время была очень занята. Она сидела на концерте у Колобка и очень гордилась своим персонажем — такого голоса она еще не слышала, даже у Соловья-разбойника! И до этого она не бездельничала — побывала в турагенстве у Герды, заказала себе путешествие в Тридешатое государство — давно мечтала там побывать, да все недосуг было, сказочные дела не давали. А теперь, когда Сказку заменила Быль, можно и отдохнуть немного, попутешествовать, заняться своим гардеробом. В ателье у Золушки она заказала такое необыкновенное платье, что глаз невозможно отвести!

Да и у Кая побывала — нужно было привести в порядок кое-какие сказочные документы. Если вы думаете, что Сказка управляет своими подопечными только с помощью волшебной палочки, то сильно ошибаетесь — и в ее владениях нужны документы и правила, и даже законы, которые необходимо выполнять всем сказочным героям. Иначе невозможно представить, какой начнется беспорядок! Сказка как раз придумала очередной сказочный закон и хотела с Каем посоветоваться.

После концерта, обняв Колобка и подарив ему роскошный букет цветов, Сказка решила позвонить Были и спросить, как у нее дела. Все-таки она слегка волновалась за подругу — Быль впервые оказалась в такой роли, и хотя Сказка ее тщательно проинструктировала, но все же...

Быль долго не брала трубку, но наконец ответила.

— Алло, — раздался ее голос. — Алло, Быль слушает!

— Быль, привет, это я, Сказка! Как ты поживаешь, все ли у тебя в порядке?

— Ох, я совсем закружилась! Только что вернулась с бала во дворце у Короля. Представляешь, я познакомилась с Рапунцель! А завтра у меня прием у Гудвина. Нужно как следует выспаться, чтобы выглядеть свежо, как майская роза!

— Назад не хочешь? Смотри, а то я тебя заменю, если ты устала. Хотя у меня еще здесь остались кое-какие дела...

— Что ты, что ты, Сказка! — Быль даже заволновалась. — Я

конечно, понимаю, все равно возвращаться придется, но... У меня еще несколько приглашений на балы — к Коту в сапогах, к Снежной королеве, да и бабушка Красной шапочки звала на пироги... Так что я еще немножечко задержусь в твоих владениях, а потом уж непременно — домой! Там меня тоже ждут дела, подруга!

— Хорошо, хорошо, так и договоримся! Ну, пока, а то кто-то ко мне по второй линии пробивается, — сказала Сказка и нажала отбой. Тут же раздался звонок. Сказка посмотрела на номер — незнакомый. Кто еще знает номер ее телефона? Но все же решила ответить — мало ли кому из ее подопечных нужна помощь.

— Сказка, Сказка, это ты?! — закричала трубка девчоночьим голосом. — Отзовись, миленькая, ты так мне нужна!

— Кто это? — оторопела Сказка. — И почему ты плачешь? Немедленно успокойся и объясни, что случилось и чем я могу тебе помочь!

...Так Василиса потратила первую свечку — загадала желание, и номер телефона Сказки высветился на экране ее айфона. Она, торопясь и сбиваясь, все ей рассказала. Сказка задумалась.

— Но и я не все могу, — грустно сказала она. — Ведь так получилось, что мы с Былью поменялись местами и сейчас она там, а я здесь. Мои решения выполняются только в сказочной стране, а здесь хозяйка Быль. Но она очень занята, я только что ей звонила... Если ждать, пока она освободится, мы только потеряем время. Что же делать?... Кстати, как ты узнала мой телефон?

Василиса рассказала Сказке про волшебные свечи. И про условия, при которых они могут исполнить загаданные желания.

— Но ведь это же выход! — закричала Сказка. — Только... Тогда тебе придется потратить все свои свечи. И твои собственные желания останутся невыполненными. Но ведь свечи подарили тебе... Ты готова отказаться от такого подарка?

Трубка телефона молчала. Сказка совсем уже было решила, что девочка передумала, но телефон ожил.

— Да, — прошептала Василиса. — Я готова. И давай уже скорее действовать, ведь свечи имеют волшебную силу только один день...

— Все, жди, сейчас я буду у тебя! Только форточку открой, а то как же я к тебе в комнату попаду?..

На следующий день компания разбойников отправилась туда, где затевалось их злодейство. В ателье к Золушке с утра постучалась Баба Яга.

— Службу уборки вызывали? — она деловито прошлась по помещению. — Да-аа, развели вы тут грязь, одним часом не обойдешься.

— Что вы, бабушка, мы совсем недавно все убрали, — вежливо возразила Золушка. — Это с вечера немного лоскутков на пол упало.

— Не спорь с профессионалом! — Баба Яга топнула ногой. — Я лучше вижу, грязь или не грязь. Так, где мои инструменты... Кстати, у тебя есть компьютер? Я по нему отслеживаю работу моего суперпылесоса, да и квитанцию заполнить нужно. А ты иди, работай, работай, не мешай тут мне!

Змей Горыныч подкрадывался к домам поросят Наф-Нафа и Нуф-Нуфа, чтобы полыхнуть на них огнем. Леший сгребал все деньги банка в огромный сейф, чтобы закрыть его на ключ и разорить агентство Герды. Кикимора прокралась за сцену зала, где вот-вот должен был состояться благотворительный концерт певца Колобка. Кот Матвей проник на детский праздник к Белоснежке. А сам Кощей Бессмертный отправился в детективное агентство Тортиллы, да еще собирался заглянуть в адвокатскую контору Кая, чтобы украсть важные сказочные документы и законы, которые Кай подготовил для Сказки.

В это время в доме Василисы собирались гости на ее день рождения. Она радостно встречала своих друзей, принимала поздравления и подарки, но мысли ее были заняты совсем другим. Ну что же молчит Сказка?! Хоть бы СМС-ку прислала! И в этот момент пискнул телефон. Василиса извинилась, быстро забежала в ванную, посмотрела сообщение. Оно было от Сказки.

«Все получилось. Не волнуйся. Сказка».

Василиса написала в ответ: «Спасибо, дорогая Сказочка». И тут же получила сообщение: «Это тебе спасибо, моя девочка. Ты спасла моих персонажей и, если Быль будет не против, я оставлю их здесь. Иначе кто же сказку будет делать былью? И вот тебе от меня подарок — у тебя осталась еще одна свеча. Открой коробку — она там. Обязательно загадай свое самое заветное желание! С днем рождения!»

— Откуда свеча? — удивилась Василиса. — Ведь я же всех сосчитала...

Но в коробке и правда лежала красивая золотистая свечка и мягко мерцала, словно звала: «Зажги меня!».

Что же произошло, неужели Василиса неправильно посчита-

ла разбойников? А дело было вот как! Сказка прилетала в ателье Золушки, в банк, к домам поросят, на концерт Колобка, в детский сад Белоснежки и везде зажигала свечу, произносила желание, затем ее тушила и...

Сколько Змей Горыныч не выдувал из себя огонь, пламя так и не вспыхнуло — из его горла доносились только сипение и хрип, да так громко, что проходивший мимо гражданин даже пожалел бедного Змея и посоветовал обратиться к доктору.

Клубочек Бабы Яги вместо того, чтобы запутать все нитки и порвать всю ткань в ателье, вдруг запрыгнул на стол, где стоял ноутбук, шмякнул Ягу по голове и стал сам играть в игру, резво подсакивая на клавиатуре.

Ключ от сейфа, где Леший хотел запереть все деньги, вдруг выскочил из его лап, открыл сейф, и на ничего не подозревающего злодея обрушились все спрятанные там деньги и засыпали его, да так, что его пришлось откапывать бригаде спасателей. Денег-то много было!

Колобок увидел за сценой Кикимору и закричал:

— Вы почему до сих пор здесь?! И без грима! Нам на сцену через две минуты выходить, а партнерша не готова! Ну как вы в таком виде будете играть Снегурочку?! Быстро переодеваться!

И, не слушая ее возражений, потащил Кикимору в гримерку, где она была вынуждена надеть костюм Снегурочки и выйти на сцену, чтобы спеть ее арию. Сама не зная, как это у нее получилось, Кикимора вдруг и правда запела! Да так красиво! Она пела и думала: «Все, брошу школу, подамся в оперные певицы!»

Кот Матвей в детском саду собирался страшно зарычать и броситься с когтями на малышей, но... вместо этого, абсолютно не понимая, как и зачем, вдруг выгнул спинку, замаякал и стал ластиться к детишкам, а они его гладили и смеялись от восторга.

А что же сам Кощей Бессмертный? Когда он подошел к адвокатской конторе Кая, дверь в нее была просто закрыта и на ней висела табличка: «Приносим свои извинения, все уехали на международный симпозиум «Сказочные документы и законы». Кощей в ярости дергал дверь, но она была крепкой и не сломалась. В это время внутри сидели Кай и Сказка, пили чай, и Сказка рассказывала Каю всю эту историю.

Но откуда же лишняя свеча? Черепаха Тортилла попросила Сказку свечку на нее не тратить и вот почему. Когда-то Марья-

царевна подарила ей блюдечко с наливным яблочком. Катается яблочко по блюдечку и показывает все на свете. И смерть Кощею тоже легко отыскало. Кощей испугался, взмолился:

— Уважаемая Тортилла, не губи меня, нельзя мне умирать, в сказках все перепутается, если меня не станет!

Черепаша его пожалела (но не только его, а всех детей, которые будут сказки читать) и отпустила, только приказала забирать свою разбойничью компанию и назад к Сказке возвращаться, нечего тут прохлаждаться и свою работу прогуливать. На следующий день в газете «Сказочные вести» вышла большая статья Ивана-царевича о невероятных происшествиях, случившихся в городе. Все почитали, поудивлялись и... занялись своими делами, так и не догадавшись, какие злодеяния предотвратили Сказка и Василиса.

Но вы же наверняка хотите узнать, какое желание загадала Василиса! И, наверное, думаете — побыстрее вырасти и не ходить в школу? А вот и нет, ошибаетесь. Она попросила, чтобы все ее родные были всегда рядом с ней.

Да, а как же Сказка и Быль, они-то вернулись на свои места? Вот этого мы не знаем... СМС-ки от Сказки больше Василисе не приходили. Так, может быть, Сказка все еще среди нас?

Иван Евсеенко

ВЕРНИСЬ, ДЮЙМОВОЧКА!

(Печальная сказка)

На главной площади большого города стоял старый каменный дом. Построен он был очень давно. Может, сто лет тому назад, а может, и двести. Вначале в нём жил губернатор, потом в доме была гимназия, потом школа, потом Дворец пионеров. Но вот здание перестроили заново, и получился Театр кукол. Знаменитый скульптор высоко на крыше театра поставил сказочные фигурки: Принца, Принцессу на горошине, Царевну-Лебедь, Петрушку, Буратино, Золушку. Во дворе дома, где росли большие деревья, тополя и клёны, он тоже поставил сказочные фигурки: Звездочёта с Золотым Петушком на ладони, Старика с Золотой Рыбкой, Ивана-Царевича, Балду с верёвкой в руках, Чертёнка, который силится поднять кобылу, а на обочине тротуара собаку — Белого Бима Чёр-

ное ухо. В самом уголке двора, под низко склонившейся к земле ивой, строители возвели глубокий фонтан, и там, на цветке лилии, скульптор поставил фигурку Дюймовочки.

Дети очень полюбили её. Приходя в театр с мамами и папами, они бегали вокруг фонтана, брызгали на Дюймовочку водой, и она в ответ тоже брызгала на них. И всем было смешно и весело.

Когда спектакли в театре заканчивались, и наступала ночь, к фонтану собирались сказочные фигурки: и Принц, и Принцесса на горошине, и Золушка, и Звездочёт, и собака Белый Бим, и Буратино. Они садились вместе на ещё теплые камни фонтана, разговаривали, пели, танцевали и играли во всякие игры, которым выучились у детей. Принц часто взбирался на лепесток лилии к Дюймовочке, и они там долго о чем-то беседовали друг с другом всю ночь, пока далеко за домом не начинало подниматься солнце.

Как только вспыхивали первые лучи, фигурки сразу расходились по своим местам, потому что днём играть у фонтана им не разрешалось. И никто в городе не знал их тайны.

Но вот однажды ночью в дождь и бурю к фонтану подошли два незнакомых и очень похожих друг на друга человека. Их звали: Сыч и Сова.

— Послушай, — сказал Сыч, — Петушок у Звездочёта и Рыбка у Старика золотые. Давай украдём!

— Откуда ты знаешь, что они золотые? — не поверил Сова.

— В сказках так и написано: Золотой Петушок и Золотая Рыбка. Украдём их и сдадим Кроту, который принимает всякие драгоценности. Он даст нам за них много денег.

— Ну, если так, — согласился Сова, — тогда давай.

Дюймовочка весь этот разговор слышала. Она закричала громко-громко, чтобы Принц и Белый Бим подняли тревогу и прогнали Сыча с Совой. Но было так темно, и так сильно шумел ветер, что громкие крики Дюймовочки до Принца и Белого Бима не долетели.

А Сыч с Совой взяли лестницу, взобрались по ней и украли у Звездочёта Золотого Петушка, а у Старика Золотую Рыбку.

Пропажу обнаружили дети, которые пришли на утренний спектакль в Театр кукол. Они стали звать взрослых, кричать и слезно просить, чтоб те отыскивали Золотого Петушка и Золотую Рыбку. Но воров и след простыл.

Когда наступила ночь, сказочные фигурки опять сошлись

возле фонтана, но не пели, не танцевали, и не играли в детские игры, а очень жалели Звездочёта и Старика. Принц в ту ночь даже не поднялся к Дюймовочке на лепесток лилии. Он был печален больше других, потому что считал себя виноватым во всем случившемся. Ведь он стоит на крыше выше всех, и должен был увидеть воров. На то он и Принц, да ещё со шпагой.

Детей, услышав их крики и плач, успокоил Скульптор. Он пообещал, что сделает нового Золотого Петушка и новую Золотую Рыбку, лучше прежних.

Дети послушались его и стали ждать, когда он выполнит своё обещание.

Но пока Скульптор делал нового Золотого Петушка и новую Золотую Рыбку, случилась ещё одна беда. Ночью возле фонтана опять появились Сыч и Сова.

— Послушай, — сказал Сыч, — ухо у Белого Бима не чёрное, а золотое.

— Откуда ты знаешь? — снова не поверил Сова.

— Крот говорил, — ответил Сыч. — А он про золото всё знает.

— Ну, если так, — согласился Сова, — Биму хватит и одного уха.

Они дождались, когда поднялась сильная буря, пошли к Белому Биму и уворовали ухо.

Пропажу и на этот раз обнаружили дети. Они перевязали Биму рану бинтом и даже отказались идти на спектакль, чтоб не оставлять его одного.

Ночью Дюймовочка, спустившись с лепестка лилии, погладила Бима по голове и спросила:

— Больно?

— Конечно, больно, — ответил Бим и положил ей голову на колени.

Принц тоже положил ей голову на колени, потому что ему было ещё больнее. Прошлой ночью он Сыча с Совой видел и даже погнался за ними, но тут взошло солнце, и Принцу пришлось вернуться назад на крышу театра.

Узнав о несчастье Бима, Скульптор очень расстроился, но дал обещание, что сделает ему новое ухо, и оно будет лучше прежнего.

Свою работу знаменитый Скульптор закончил быстро и назначил день, когда он установит нового Золотого Петушка и новую Золотую Рыбку, а Белому Биму приладит новое ухо. Дети с нетерпением ждали этого дня и легли пораньше спать, чтоб он ско-

рее наступил. Они сильно устали, потому что накануне смотрели в городе салют.

Ночь после салюта всегда бывает самой тёмной. Сыч с Совой об этом хорошо знали. Когда салют закончился, они пришли к фонтану, и Сыч сказал:

— Давай украдём Дюймовочку. Отнесём Кроту, и он даст нам много денег.

— Но ведь она такая маленькая и лёгкая, — отказался вначале Сова.

— Зато золотая! — сказал Сыч.

— Или серебряная, — посветил на Дюймовочку фонариком Сова.

— Или бронзовая, — огляделся по сторонам Сыч.

Они забрались в фонтан, ударили Дюймовочку чем-то тяжёлым и спрятали её в темный, грязный мешок.

От удара Дюймовочка уснула на дне этого тёмного мешка и совсем не помнила, как Сыч с Совой несли её по городу. Проснулась она лишь в камерке у Крота. Сыча с Совой не было, а Крот, взяв Дюймовочку в руки и рассмотрев, как следует, сказал:

— Отнесу я эту куклу дочери. Пусть будет ей вместо Барби. Дочь у меня такая плакса.

Он завернул Дюймовочку в старую газету, положил в сумку и собрался уже уходить домой, но вдруг остановился и передумал.

— Нет, — решил он, — дочь у меня такая болтушка. Она непременно покажет новую куклу подружкам, те узнают Дюймовочку, расскажут о ней родителям, и в городе все подумают, что это я украл её. Меня даже могут посадить в тюрьму.

Крот бросил Дюймовочку в грудку железок, которые лежали в углу камерки, а сам ушёл домой с пустой сумкой.

Рано утром к камерке приехала большая машина с высокими бортами. В неё погрузили старые спинки от кроватей, сломанные велосипеды, утюги, ржавые трубы, проволоку. Бросили туда и Дюймовочку. И грузчики в темноте не узнали, кто завернут в измятую газету.

Машина вначале долго ехала по городу. Дюймовочка слышала, как на тротуарах разговаривают взрослые люди, как весело смеются маленькие дети, которых мамы и папы ведут в детский сад или в школу. Она хотела позвать на помощь, но у неё от удара ещё так болела голова, что Дюймовочка не могла промолвить ни единого слова. И машина увезла её далеко за город.

Дюймовочка сразу догадалась об этом. Вдруг перестали звенеть трамваи и троллейбусы, перестали гудеть машины. На тротуарах больше не разговаривали взрослые и не смеялись дети. Только слышны были голоса птиц, которые ещё не улетели в жаркие страны.

Дюймовочка осторожно прорвала газету и посмотрела в дырочку. Машина ехала через густой, непроходимый лес, где легко можно было заблудиться. Но Дюймовочка была девочкой отважной, и она решилась бежать.

Тихонько, чтоб в кабине машины её не услышал Крот, она выбралась из-под железок и спрыгнула на дорогу.

Сперва Дюймовочка пробиралась лесом, где не было ни единой тропинки, а одни лишь колючие кусты, ямы да заросли высокой травы. Дюймовочка оцарапала ноги и лицо, порвала во многих местах платице. Потом началось поле, и ей стало ещё страшнее. Ветер здесь налетал такой сильный, что Дюймовочка часто падала на землю, вся измазалась, платице намокло и совсем не грело.

Но вот Дюймовочка увидела впереди маленький белый домик. Из последних сил она побежала к нему, чтоб там обогреться, а может, даже и чего-нибудь поест. Ведь она не ела почти два дня.

Домик был совсем уже рядом. Дюймовочка видела окошки, крышу и трубу, из которой шёл дым. В домике, наверное, топили печку. И вдруг дорогу Дюймовочке преградил широкий холодный ручей. Если бы её знакомая ласточка не улетела в жаркие страны, то она перенесла бы Дюймовочку через ручей и опустила на самое крылечко дома. Но ласточка теперь была далеко-далеко и не могла помочь Дюймовочке.

В поле стало совсем холодно. Волны в ручье поднялись так высоко, что если бы даже у Дюймовочки была скорлупка из-под ореха, она всё равно не переправилась бы в ней на ту сторону.

Дюймовочка отыскала на берегу куст дикой смородины, забралась под него и прикрылась опавшим листочком. Она решила переждать дождь и бурю. Но неожиданно уснула.

Отыскала Дюймовочку маленькая девочка Маша. Она жила в домике с мамой и папой. Маша перебежала через ручей по секретной кладочке-досточке, чтоб подобрать у куста смородины понравившийся ей листочек и положить его в книжку рядом с другими листочками от яблони, груши и вишни. И вдруг она уви-

дела под листочком Дюймовочку. Маша завернула её в платочек и унесла в дом, где топилась печка, и было тепло.

Маша искупала Дюймовочку в маленьком корытце, надела ей своё самое лучшее платье, а платье Дюймовочки постирала и повесила сушить на веревочку. Потом она накормила Дюймовочку вкусным обедом, дала ей попить чаю с мёдом и вареньем, чтоб та не простудилась, и уложила в кроватку, где спала сама, под пушистое одеяло.

Мама, увидев Дюймовочку, которая от чая с мёдом опять крепко уснула, сказала:

— Пусть будет тебе за сестричку. Вы станете вместе играть, а когда подрастёте, вместе пойдёте в школу.

Маша хотела спросить маму, как они назовут сестричку, но тут пришёл с работы папа. Он был очень строгий и не любил, когда дети шалят и приносят в дом всякие ненужные вещи.

— Это что еще за железка?! — сказал папа. — Ею только орехи колоть!

Маша заплакала, забралась в кроватку к Дюймовочке и укрылась с головой. Она всегда так делала, если её кто-нибудь обижал.

— Не плачь, — обняла её Дюймовочка. — Я завтра утром уйду, и папа не будет тебя ругать.

— Не уходи, — плача просила Маша. — Папа только вначале сердитый, а потом добрый. Мы с тобой вырастем и пойдём вместе в школу.

— Нет, — вздохнула Дюймовочка, — мне надо в город. Там возле фонтана меня ждут друзья: Звездочёт, Принцесса на горошине, Золушка, Белый Бим, а больше всех Принц. Он скучает по мне и не перенесёт разлуки.

— Всё равно не уходи! — упрасивала Маша.

— Ладно, — пообещала Дюймовочка. — Я побуду с тобой ещё немножко.

Уснули Маша с Дюймовочкой в одной кроватке, укрывшись одним одеяльцем, и им было под ним тепло и уютно.

Но утром, когда в доме все спали, Дюймовочка тихонько поднялась, переделась в своё старенькое платье и, никем не замеченная, вышла из дома.

Дождя и ветра уже не было. На улице ярко светило солнце. Дюймовочка перебралась по кладочке через ручей, а потом по лесу и побегала в город к друзьям.

Бежать было легко и весело. Солнце разгоралось всё сильнее и сильнее, от его жарких лучей под кустом жимолости проснулась бабочка. Она быстро-быстро замахала крылышками и полетела впереди Дюймовочки, чтоб та не заблудилась в лесу.

Вскоре они нашли дорогу, которая вела в город. Дюймовочка поблагодарила бабочку за помощь и отпустила назад под куст жимолости. Ведь бабочке пора было засыпать на зиму, пока не настанет весна, не зацветут деревья, не вырастет новая трава и не вернуться домой из жарких стран перелётные птицы.

Дюймовочка вначале шла по обочине дороги, но потом решила остановить какую-нибудь попутную машину, чтоб приехать в город поскорее. Она высоко подняла руку, и одна машина остановилась. Дюймовочка открыла дверцу и вдруг увидела там Крота.

— Ах, это ты, скверная девчонка! — закричал Крот. — Больше ты от меня не сбежишь!

Он схватил Дюймовочку за платье и спрятал её в грязный, тёмный мешок, который, наверное, забыли Сыч и Сова. Машина поехала дальше по лесной дороге. И никто с тех пор Дюймовочку нигде не видел...

* * *

Сказочные фигурки, собираясь по ночам возле фонтана, очень тосковали по Дюймовочке. Особенно Принц. Он часто взбирался на лепесток водяной лилии, садился на самом краешке, где они сидели раньше вдвоём с Дюймовочкой, и говорил:

— Нет, я этого не переживу! — Почему мне нельзя пойти на поиски Дюймовочки?! Ведь у меня такая острая шпага!

Знаменитый Скульптор сделал Звездочёту нового Золотого Петушка, Старика новую Золотую Рыбку, Белому Биму новое ухо, а вот Дюймовочка у него никак не получалась. Наверное, потому, что была девочкой и потому, что была очень маленькой...

Так прошла холодная и вьюжная зима. А весной, когда расцвели деревья, и выросла новая трава, вдруг прилетела к фонтану ласточка и принесла на крыльях Дюймовочку. Она заняла своё место на цветочке водяной лилии.

Дети сразу обнаружили её, обрадовались, стали играть возле фонтана, брызгать на Дюймовочку водой. В ответ она тоже брызгала на них. И всем было хорошо и весело.

Но каждый вечер, как только начинало темнеть, и наступала ночь, снова прилетала к фонтану ласточка и уносила из города

на своих крыльях Дюймовочку. А куда, о том знали только маленькие дети да верные друзья Дюймовочки, сказочные фигурки на крыше Театра кукол. А Крот, Сыч и Сова не знали и никогда о том не узнают...

Светлана Еремеева

НЕПОСЛУШНЫЙ ЛУЧИК

Жил-был на свете маленький рыжий Лучик — младший сын жаркого Солнышка. Больше всего на свете непоседа Лучик любил раннее утро, когда мама-Солнце открывала малиновые резные ставенки, будила своих детей-лучиков и посылала их гулять на землю. Лучики разбежались в разные стороны, словно стайка мальчишек, а самый младший был самым непослушным и убежал самым первым. Лучик забирался в самые укромные уголки темного леса, катался на легкой речной волне, бегал наперегонки с солнечными зайчиками, раскрашивал в разноцветье дождевые лужицы.

Маленькому лучику очень хотелось с кем-нибудь подружиться. Сначала он попытался познакомиться с блестящей в траве, прозрачной неженкой-Росинкой. Она приветливо улыбалась Лучику издали, но стоило только ему приблизиться, как Росинка высыхала и исчезала. Потом Лучик повстречался с крошкой-Земляничкой, растущей на лесной опушке. Когда Лучик с ней заговаривал, она не исчезала, как Росинка, а начинала краснеть. Земляничка говорила, что это означает, что она спеет, и вскоре вместе с другими сестрами-ягодками попадет в плетеное бабушкино лукошко, а потом — в сладкое-пресладкое, душистое варенье.

Так Лучик и Земляничка подружились. Как только наступало утро, Лучик спешил на земляничную поляну, и друзья весело болтали. От этого один бочок у землянички стал уже совсем красным. Однажды она рассказала Лучику о том, что когда он возвращается к своей маме-Солнцу, на землю приходит Ночь.

— А какая она, ночь? — спросил Лучик.

— Очень красивая, — ответила Земляничка. — Она зажигает в небе звезды и накрывает все вокруг воздушным синим плащом...

Ах, как Лучику захотелось посмотреть на Ночь! Конечно же,

он помнил наказ мамы, что вечером нужно обязательно возвращаться домой. Конечно же, он слышал, как созывала своих детей мама-Солнце, он видел, как спешили к ней другие лучики. Лучик все помнил, слышал, видел и все-таки... он остался. «Надо же мне увидеть Ночь», — решил любопытный Лучик. А зачем — он и сам не знал...

Вскоре стало темнеть, все вокруг приобрело тусклый синий свет. Лучик подумал, что теперь он, такой яркий и рыжий, будет замечен гораздо лучше, чем днем, и захотел подпрыгнуть от радости. Однако в ту же минуту он с удивлением заметил, что тоже посинел. Лучик не на шутку испугался — он знал, что солнечные лучи бывают красного, оранжевого, рыжего, желтого, но не синего цвета. Иначе, это уже не дети Солнца, и они не принесут на землю тепло.

Лучик оглянулся по сторонам. Везде царил холодный синий цвет. На небе вместо добрых пышных тетушек-Облаков, ледяным блеском мерцали далекие модницы-Звезды. Им не было до него никакого дела. Лучику совсем не понравилась Ночь...

— Я, наверное, замерзну, — прошептал посиневший Лучик Земляничке.

— А кто же тогда поможет мне дозреть? — заплакала та. — Если ты замерзнешь, я останусь зеленой, и бабушка не возьмет меня в варенье.

Лучику очень не хотелось замерзнуть. Он вспомнил, что неподалеку от земляничной поляны росла старая добрая Липа, в кудрях которой он не раз играл со своими братьями в прятки. И Лучик отправился к ней за помощью.

— Ах, ты, непослушный глупенький Лучик, — старая Липа, конечно же, сразу поняла, в чем тут дело. — Разве ты не знаешь, что маленькие дети должны слушаться своих мам и никогда не оставаться ночью на улице? Теперь ты можешь запросто потеряться, замерзнуть и никогда не увидеть свою маму-Солнце.

Старая Липа была очень доброй, но она здорово рассердилась на Лучика, потому что очень испугалась за него. Как следует отчитав беглеца, она дала Лучику такой совет:

— Однажды я слышала, как Летний дождь и Летний ветер говорили о том, что у твоей мамы — Солнца есть на земле дальний родственник. Он живет на краю этого поля. Лети к нему — наверняка он сможет тебе помочь.

Быстрее ветра полетел Лучик к краю поля, потому что он уже

сильно озяб, и ему очень хотелось согреться. Мамин родственник оказался действительно похожим на Солнце, а главное — он был такого же горячего, желтого цвета! Он сказал, что люди называют его Подсолнечником, за то, что он всегда смотрит на Солнце.

Подсолнечник помог Лучику забраться в свою теплую мягкую серединку и обнял его своими желтыми лучиками-лепестками. Маленький путешественник быстро согрелся и заснул. А утром, как только забрезжил первый утренний луч, Подсолнечник повернулся к нему и показал своему гостю путь к Солнцу. Мама так обрадовалась Лучику, что даже не стала его ругать. Но маленький Лучик и сам решил, что больше он никогда-никогда не станет убежать от мамы и оставаться ночью один на улице. По-моему, очень правильное решение. Как вы думаете, маленькие друзья?

ХРАБРЫЕ ЛИСТЬЯ

Эта история произошла в одном маленьком веселом лесу. Почему веселом? Да потому что все деревья, которые жили в нем, очень дружили между собой. Они переговаривались, шумя ветвями, шутили и смеялись. Этот лес так и назывался — смешанный. И хотя это название он получил совсем по другой причине, деревья были уверены, что их лес так называется потому, что они очень смешливые.

Так вот, в одном веселом смешанном лесу жили рядом осина и клен. Весной изумрудные листочки на них появлялись почти одновременно. Они сразу же начинали шептаться, знакомиться друг с другом, вместе радовались солнцу, небу, первому дождю. Летом листьям и вовсе было раздолье. Их умывал теплый дождик, птицы пели для них свои самые чудесные песни, солнечные зайчики играли с ними в прятки. Два листочка на осине и клене особенно подружились между собой. Они росли на самых крайних ветвях своих деревьев, любили поболтать, повеселиться, а в ветреную погоду — играли в «пятнашки». Это происходило так: ветер качал ветви, и листья то прикасались друг к другу, то разлетались в разные стороны.

Так продолжалось все лето. А когда пришла осень, все листья в парке стали менять цвет. Изменились и наши друзья: осинный лист покраснел, а кленовый — пожелтел.

— Ах, какие мы стали красивые, яркие! Вот спасибо осени за такой подарок, — восхищались друг другом листья. И действи-

тельно — это было очень красиво: осина в пурпурном платье рядом с кленом в желтом плаще... Разноцветный карнавал царил во всем лесу — все деревья были в восторге от своих новых нарядов и блистали ими на осеннем солнце! (Кстати, оно даже немного померкло на фоне этого золотого праздника).

Но потом два друга-листочка заметили, как их собратья один за другим стали отрываться от веток и падать на землю. Желто-красным покрывалом опускались они на землю. И было очень жалко смотреть, как осенний дождь (совсем не такой ласковый, как летний) хлещет по ним своими жесткими и холодными струями. Листья сморщивались, покорно принимали свою участь — тихо умирали. Они не просили о помощи, потому что помощи им ждать было неоткуда. У опушки леса уже стояла зима, а она всем цветам предпочитает белый. Зачем ей разноцветные листья?..

— Неужели и мы скоро погибнем?! Нет, я не хочу падать на землю, — прошептал кленовый лист.

— Давай держаться из последних сил, — предложил осинový.

И друзья решили держаться. Хлестал дождь, свирепствовал ветер, а листья, продрогшие и печальные, крепко держались за ветви, боясь упасть. Как красный и желтый флажки, среди обнажающихся деревьев они были особенно заметны и очень злили осенний ветер. Упрямец-ветер никак не мог смириться с тем, что ему противостоят два слабых листочка, в то время когда все другие уже покорились его воле. Он решил во что бы то ни стало сорвать непокорных и обрушивался на них с новой и с новой силой. Но они держались!..

А скоро пошел снег. Он покрывал лежащие на земле листья и от этого друзьям стало совсем страшно и одиноко. Но они подерживали друг друга.

— Главное, что мы остались на дереве, — еле слышно говорили они. — Пусть погибнем, но не на земле...

Рядом с лесом стоял дом. В нем жила девочка. Всю осень она проболела и не выходила на улицу. Ей очень хотелось полюбоваться на разноцветные деревья, но когда, наконец, девочке разрешили выйти из дома — все вокруг было уже серым, деревья стояли голые, а остатки их пышных нарядов были засыпаны снегом. Девочка шла по лесу и вдруг увидела два фонарика — желтый и красный. Это были наши друзья-листочки, которые в оголенном лесу действительно сияли, как фонарики.

— Ах, какие красивые! — воскликнула девочка. — Как же вы сохранились, бедненькие листочки!..

Она бережно сорвала листья и понесла их домой. Девочка шла, радуясь своей находке, и вовсе не знала, что у нее в руках два бесстрашных друга, с которыми не смогли справиться ни ветер, ни дождь, ни снег! Хотя, может быть, она и догадывалась об этом...

Где теперь храбрые листья, спросите вы. А я вам отвечу: в теплой светлой комнате, на книжной полке, в красивой книжке с яркими картинками. Они живут на одной странице, по-прежнему любят шептаться, шутить и смеяться. И в этом нет ничего удивительного — ведь они родились весной в веселом смешанном лесу...

Виталий Злотников

КОТЁНОК С УЛИЦЫ ЛИЗЮКОВА

В городе Воронеже на улице Лизюкова жили Котёнок и Щенок. И, как обычно, Щенок не давал проходу Котёнку. Единственное спасение — забраться повыше на дерево. Вот однажды сидел Котёнок на дереве и рассуждал сам с собой:

— Из-за этой тявки я все свои лучшие годы могу проторчать на ветке... Вот превратиться бы в какого-нибудь большого зверя, чтобы меня все боялись!

Эти слова случайно услышала Ворона, которая сидела на соседней ветке. Когда-то, в детстве, бабушка учила её волшебничать, и ворона решила помочь Котёнку.

— В какого зверя ты хотел бы превратиться? — спросила Ворона.

— В любого, только обязательно большого и страшного, ответил Котёнок.

Ворона задумчиво потёрла лапкой клюв.

— Как же бабушка меня учила? Какое же это было слово?.. Хрю? Хря?.. А, вспомнила! Кар-р-р!!!

И едва она произнесла это волшебное слово, как Котёнок куда-то исчез, как будто его и вовсе никогда здесь не было.

— Смотри-ка, получилось! — растерянно проговорила Ворона и продолжала уже решительно:

— Всё! Открываю кооператив по превращениям.

Котёнок, превратившийся в Бегемота, оказался в Африке. Он недоумённо огляделся по сторонам и обратился к Сло니хе, которая трусцой пробежала мимо:

— Девушка, вы не знаете, где я очутился?

— В Африке, — ответила Слониха.

Бегемот с испугом посмотрел на свои толстые ноги и опять спросил:

— А в кого же меня превратила эта злодейка?

— Как! Ты даже не знаешь, кто ты?! — изумилась Слониха.

— Я знаю только, что раньше я был Котёнком и жил в Воронеже на улице Лизюкова, — ответил Бегемот и грустно вздохнул, потому что ему вдруг захотелось домой в Воронеж.

— Всё может быть, — недоверчиво проговорила Слониха, — но сейчас ты обыкновенный болтливый бегемот.

Бегемот не поверил Слонихе и побежал к реке, чтобы взглянуть на своё отражение в воде.

— Всю жизнь мечтал стать бегемотом! — иронически проговорил Бегемот, убедившись, что он и правда бегемот.

День как раз выдался жарким, по-настоящему африканским, и Слониха, пожалев Бегемота, надела ему на голову свою панамку.

Бегемот очень скучал по родному городу, и ему хотелось встретить в Африке хоть одного земляка.

Как-то раз он увидел Льва, который притаился в кустах, подстерегая добычу. Бегемот принял Льва за существо женского пола и спросил очень громко и радостно:

— Девушка, где я вас видел? Вы в Воронеже никогда не были?

Добыча, услышав громкий голос, убежала. А разъярённый Лев погнался за Бегемотом.

Несколькими огромными прыжками Лев настиг бедного Бегемота и уже хотел на него наброситься, но Бегемот вовремя вспомнил, что он раньше был котёнком.

Он выгнул по-кошачьи спину, вытянул вперёд лапу, угрожая расцарапать Льву нос, и зашипел. Но поскольку он уже был не котёнком, а бегемотом, у него получилось не шипение, а страшный рёв. Лев решил, что лучше не связываться с этим странным зверем и убраться восвояси.

Чтобы не так скучать, Бегемот везде понатыкал таблички с названием родной улицы, так что в Африке и правда образовалась почти настоящая улица Лизюкова. Только вместо домов на ней стояли пальмы.

Как-то раз Бегемот прогуливался по своей новой улице и вдруг услышал позади себя отчаянные вопли.

Он обернулся и увидел, как огромный Крокодил пытается затащить в реку Страуса.

— Отпусти петуха! — крикнул Бегемот и бросился на помощь.

Когда Бегемот подбежал к берегу, Крокодил уже успел затащить свою жертву в реку.

Вода в этом месте бурлила, и из неё то и дело высывались то страшная крокодиля пасть, то сильные ноги Страуса, которыми он молотил Крокодила по голове.

Бегемот снял свою панамку и бросился в реку разнимать дерущихся.

И вот уже вверх торماشками вылетел Крокодил из воды, а вслед за ним Страус. Перевернувшись несколько раз в воздухе, они снова полетели в реку.

А через минуту из воды вылетел и сам Бегемот и по старой кошачьей привычке отчаянно замаякал.

Но, конечно, всё кончилось благополучно. Крокодил остался в реке, а Бегемот со Страусом вышли на берег, немного пообсохли на солнышке и разбежались в разные стороны, каждый по своим делам.

Наступила ночь, и со всех сторон стали доноситься крики, визг, рычание и другие необыкновенные звуки, которых никогда не услышишь в Воронеже на улице Лизюкова.

Бегемоту стало страшно, и он решил возвращаться домой. Заметив в темноте чью-то пару глаз, он подскочил к их обладателю и спросил взволнованным голосом:

— Девушка, вы не скажете, как пройти в Воронеж?

В этот момент сверкнула молния и озарила всё вокруг. Оказалось, что Бегемот заговорил со страшной Коброй, готовой вот-вот ужалить его.

Он закричал от страха и убежал в темноту.

Скоро разразился тропический ливень, и Бегемота понёс за собой мутный поток воды.

Проплывая мимо высокого дерева, он заметил в листве Мартышку и крикнул ей:

— Девушка, скажите, пожалуйста, как проплыть в Воронеж?

Мартышка подумала, что Бегемот не в своём уме, и многозначительно покрутила пальцем около виска.

Но вот наступило утро, и Бегемот оказался на старом месте

под пальмой. Вдруг он увидел ворону. Она куда-то летела, держа в лапах табличку с надписью: «Кооператив «Могу превратить!»

— Ворона, здравствуй! — радостно закричал Бегемот. — Ты что тут делаешь?

— Ищу клиентов, — ответила Ворона и грустно вздохнула, потому что, кроме Котёнка, никто больше не хотел превращаться в другого зверя.

Услышав это, Бегемот подпрыгнул от радости и громко закричал:

— Я! Я твой клиент! Преврати меня опять в Котёнка.

— С удовольствием! — радостно проговорила Ворона и громко каркнула. — Кар-р-р!!!

В то же мгновение Бегемот куда-то исчез. А на том месте, где он только что стоял, осталась лежать на земле слонихина панамка.

Проходившая мимо Слониха была удивлена находке.

Очень скоро Бегемот очутился в своём родном Воронеже, на старом месте — на дереве.

— Ой, так я же опять в Воронеже! Ура-а! — радостно закричал Бегемот.

Тут ветка не выдержала его тяжести, и Бегемот свалился прямо на...

Конечно же, на щенка и мог бы хорошенько придавить его своим огромным весом.

Но тут случилось чудо. Падая с дерева, Бегемот превратился опять в Котёнка.

И как раз в этот момент появилась Слониха. Увидев Котёнка, она подбежала к нему и спросила:

— Вы не видели Бегемота? А то он забыл у нас в Африке панамку.

— Девушка, вы не узнаете меня? Это же я, Бегемот! — сказал Котёнок.

Но, конечно, Слониха не поверила ему и пробежала дальше. Вдруг на стене одного дома она увидела надпись: «ул. Лизюкова».

— Откуда здесь африканские названия? — удивилась Слониха.

И тут она поняла, что Котёнок сказал ей правду, и что он-то и есть бывший Бегемот.

ПОДАРОК ДЛЯ САМОГО СЛАБОГО

Однажды в лес пришла по почте посылка — большой-пребольшой ящик, на котором большими-пребольшими буквами было написано: «Подарок для самого слабого».

День был тёплый, солнечный, и потому чуть ли не все звери, которые только были в лесу, прибежали посмотреть на таинственный ящик.

Конечно, всем известно, что самый слабый зверь в лесу Заяц. Вот Заяц и решил, что ящик прислали ему, и проговорил несмело:

— Это, должно быть, мне прислано, я ведь тут самый слабый.

Никто не стал с ним спорить, и Заяц осторожно приблизился к своему подарку. Но тут, откуда ни возьмись, прибежала Курица, подскочила к Зайцу и возмущённо закудахтала на весь лес:

— Куд-кудак! Как это как, звери добрые! Что же я, выходит, сильнее Зайца? Он, наверное, забыл, как гонял меня по всему лесу!

— Это правда, Косой? — строго спросил Волк и посмотрел на Зайца.

— Правда, — смущённо пролепетал Заяц, припомнив, что не так давно действительно был такой случай. Курица своим кудахтаньем разбудила его зайчат, и он, чтобы поугаить её, погнался за ней. Так что, вспомнив это, Заяц только виновато развёл лапами и отошёл от ящика. Всем стало ясно, что ящик по праву принадлежит Курице.

Но тут вдруг, откуда ни возьмись, появился Ёжик и стал всем по очереди показывать свой вертлявый чёрный нос. На кончике носа виднелся еле заметный шрамик.

— Это откуда у тебя? — удивлённо пробасил Волк.

— Оттуда, — загадочно проговорил Ёжик.

— Откуда оттуда? — опять не понял Волк.

— Эта особа постаралась, — ответил Ёжик и кивнул головой в сторону Курицы. — Ключула меня в том году в нос.

Волк строго поглядел на Курицу и спросил голосом, не предвещающим ничего хорошего:

— Это правда?

В ответ Курица только кивнула виновато головой и отошла от ящика. Всем стало ясно, что Ёжик слабее Курицы, а, значит, ящик принадлежит ему. Ёжик подошёл к ящику и принялся его

по-хозяйски обнюхивать. Но тут к нему неожиданно подскочила Лиса и быстро-быстро затараторила:

— Ишь ты, какой хитрый! Уж если на то пошло, то я ещё слабее тебя. Ты меня так уколол своей иголкой, что у меня до сих пор нарываёт палец.

— Это правда? — спросил Волк и строго посмотрел на Ёжика.

— Она первая ко мне полезла, — жалобно захныкал Ёжик.

— Это сейчас уже не имеет значения, — объяснил Волк. — Важно только то, что ты сильнее Лисы, а Лиса слабее тебя, а значит, ящик прислали для неё.

Лиса незаметно показала Ёжику язык, подошла к своему ящику и попробовала оторвать доску. И тут Кабан, до этого молчавший, вдруг подскочил к Лисе и грозно заревел:

— Ну, это ж дудки! Слабая какая нашлась! А что я по твоей лисьей милости чуть в капкан не угодил, так об этом ты молчишь?.. Слабая! А ну посторонись, коли ты слабая!

С этими словами Кабан разбежался и, выставив вперёд клыки, бросился таранить ящик. Во все стороны полетела кабанья шерсть, но ящик как стоял, так и остался стоять. Кабан крикнул, нагнул голову и собрался в новую атаку на ящик. Но тут Волк повелительным жестом остановил его, подошёл сам к ящику и сказал строго, обращаясь сразу ко всем:

— А ну, зверьё, говорите, кто здесь самый слабый?

Тут все испуганно задрожали и проговорили в один голос:

— Ты, Волк. Ты у нас самый слабый.

— Ну, то-то же! — примирительно сказал Волк и принялся отдирать доски от своего ящика.

Когда же он его наконец открыл, из ящика вылез громадный Лев и грозно прорычал:

— Р-р-р! Кто здесь самый слабый?

Все испуганно попятились и наперебой загалдели:

— Заяц самый слабый, Заяц!

Лев неторопливой походкой подошёл к Зайцу и проговорил ласково:

— Не бойся меня, маленький. Я ведь специально и прилетел к вам в этом ящике, чтобы заступаться за тебя.

С той поры больше уже никто и никогда не смел обижать Зайца.

ЗАКОЛДОВАННОЕ СЛОВО

Однажды Волк увидел Сова, которая сидела на дереве и читала какую-то книжку.

— Смотри, глаза не сломай, — насмешливо проговорил Волк. Сам он был неграмотным, а потому очень завидовал всем, кто умел читать и писать.

— Да это я «Айболита» читаю, — рассеянно ответила Сова, не отрывая взгляда от книги.

— А это ещё что за зверь? — удивился Волк.

— Как, ты не читал «Айболита»?! — изумлённо всплеснула крыльями Сова и захлопала глазами. — Да ты просто дикарь какой-то, бронтозавр!

Конечно, Волк не знал, кто такой бронтозавр, но догадался, что это что-то оскорбительное, а потому грозно зарычал, защёлкал зубами и сказал:

— За твои дерзкие слова я бы мог расправиться с тобой на месте, но я хочу дать тебе шанс на спасение. Выполнишь моё задание — я тебя прощу, не исполнишь — съем.

Сова вся затряслась от испуга и проговорила, заикаясь:

— Извини, Волк, я не хотела тебя обидеть. Я только хотела сказать...

— А я всё равно съем! — перебил её Волк и сильнее защёлкал зубами.

Сова ещё больше задрожала и согласилась:

— Хорошо, хорошо, хорошо! Я согласна выполнить любое твоё задание. Только, пожалуйста, не щёлкай так громко зубами, ты разбудишь моих совят.

Волк послушался, перестал щёлкать зубами и сказал:

— Вот раз ты такая грамотная, то напиши такое слово, чтобы никто не смог его прочитать.

С этими словами Волк уселся под деревом, на котором находилась Сова, и терпеливо стал ждать, понимая, конечно, что его задание выполнить трудно даже такой мудрой птице, как Сова. Он стал уже мечтать о том моменте, когда Сова не выполнит его задания, и он её сможет съесть. Незаметно Волк заснул и проспал очень долго. Разбудила его Сова.

— Волк, Волк, проснись же! Я выполнила твоё задание, — сказала Сова, когда он открыл глаза, и протянула ему маленькую бумажонку, на которой было что-то написано.

— Что это? — не понял Волк.

— То, что ты требовал, — ответила Сова. — Я написала такое слово, которое никто не сможет прочитать.

Конечно, Волк не поверил ей и подумал, что она его обманывает. Но поскольку сам он был совершенно неграмотным, то проверить это никак не мог. Он взял совиную записочку и пошёл к своему соседу Зайцу.

— Послушай-ка, Косой, — сказал Волк, — прочитай, что здесь написано, а то я без очков плохо вижу.

Заяц взял бумажку, откашлялся и бойко начал:

— Самый глупый зверь в лесу — это... — Дойдя до этого места, Заяц задрожал мелкой дрожью и, заикаясь, пролепетал еле слышно:

— Д-дальше я не могу ч-читать, здесь одно слово о-очень н-непонятное, а я только ч-четыре класса окончил.

— Тьфу ты! — разозлился Волк и, забрав у Зайца совиную записку, отправился к Лисе, которая слыла первой грамотейкой в лесу.

— Послушай-ка, Рыжая, — сказал Волк, — прочитай, что здесь написано. А то я без очков плохо вижу.

Все стены у Лисы были заставлены всевозможными книгами. Прежде чем взяться за записку, она достала с полки Совино-Лисий словарь в голубом переплёте и каждое слово принялась искать в этом словаре. Волк в это время нетерпеливо переминался с ноги на ногу, а один раз со скуки даже завыл по-волчьи, чем очень испугал Лису.

— Ну что ж, — сказала наконец Лиса, — почти всё перевела, за исключением одного слова: «Самый глупый зверь в лесу — это...»

— Да это я и без тебя знал! — сердито проговорил Волк. — Ты мне дальше прочитай, дальше!

Лиса испуганно посмотрела на Волка и ответила:

— А вот дальше-то я как раз не могу. Последнее слово какое-то странное, как будто заколдованное.

Волк сердито махнул лапой, нечаянно смахнув при этом половину книг со стеллажа, забрал у Лисы свою записку и отправился к Корове. Уж она-то должна прочитать это слово — всё-таки домашнее животное, столько лет прожила с человеком!

— Послушай-ка, Му-му, — сказал Волк, протягивая Корове записку, — прочитай, что тут написано, а то я без очков плохо вижу.

Корова взяла записочку и начала читать:

— Самый глупый зверь в лесу — это...

Дойдя до этого места, Корова вдруг запнулась и замолчала.

— Ну! — строго проговорил Волк.

— Я не могу дальше читать, — ответила Корова, вся дрожа от страха. — Последнее слово какое-то непонятное...

— Ну, а если постараться? — строго спросил Волк и на всякий случай лязгнул зубами.

— Не могу! Честное коровье, не могу! — испуганно вскрикнула Корова и заплакала.

Волк задумчиво почесал затылок и пошёл дальше.

Говорят, что до сих пор он ходит по лесу со своей записочкой и даже весь похудел от этих переживаний.

Евгения Курилёнок

СКАЗКА ПРО СОВЕСТЬ

Шла как-то раз Кикимора по лесу — грибы собирала. А может, так просто гуляла себе, потому что лето, тепло, и все кругом уже выросло.

Вот идет она — там листик с муравьиной тропинки уберет, там ветку поправит, и вдруг слышит — плачет кто-то. Тихо так плачет, жалобно, словно ночью на болоте. А день на дворе...

Подошла она поближе, видит — под кустом калины сидит девочка. Маленькая — как куколка, беленькая — как одуванчик, и глаза у нее синие — как небо.

— Ты кто? — спросила Кикимора. — Почему так плачешь жалобно?

— Я Совесть, — говорит девочка. — А плачу, потому что меня потеряли...

— Кто тебя потерял?

— Они. Они тут были и меня потеряли.

— Кто такие «они»?

— Я уже не знаю. Не помню. Я одна сейчас умру. Потому что я ничья быть не могу. Я должна быть чья-то. Умру — и не будет Совести на вашей территории...

— Не плачь, — говорит Кикимора. — Может «они» еще вернуться. Как же «они» теперь без Совести-то? Тяжело им будет.

— Не будет, — говорит Совесть. — Это со мной тяжело. А без меня — значительно легче! Поэтому никто и никогда еще Совесть не находил. А теряют меня то и дело.

— Ну, хорошо, — говорит Кикимора, — я с тобой спорить не стану. С Совестью спорить — себе дороже выйдет. Лучше пойдем тебе нового хозяина искать.

— Пойдем, — говорит Совесть. — Только если не найдем никого до вечера, я превращусь в облачко и улечу на небо. Видишь, сколько нас там? Это все мои сестры — те, которых на земле потеряли.

Взяла Кикимора девочку на руки, и они пошли. Идут, идут, видят — Волк.

— Волк, а Волк, — говорит Кикимора, — тебе Совесть не нужна?

— Да зачем она мне? — говорит Волк. — Овец из деревни таскать помогать? Она не справится. А больше она мне ни за чем не нужна.

Идут дальше. Видят — Лиса.

— Лиса, а Лиса, — говорит Кикимора, — как тебе живется без Совести?

— Отличненько! — говорит Лиса. — Приходи, поучись — в мехах зимой и летом ходить будешь!

— А может, бывает, нужна все-таки? Хоть изредка? Гляди, какая красивая.

— И правда красивая, — согласилась Лиса. — Вот разве купить?

— Нет-нет! — испугалась Кикимора. — Я Совесть не продаю, что ты!

— Па-а-а-думаешь! — отвернулась Лиса. — Тоже мне, суд присяжных в одном сказочном лице! Забери ее тогда подальше, а то она мне все деловые переговоры попортит! Всех контрагентов лишит! Все контракты сорвет! Уходи отсюда скорее, а то ох-рану вызову!

Насилу ноги унесла Кикимора.

Идут дальше. Видят — Белка.

— Белка, а Белка, у тебя Совесть есть?

— Ну, вот почему чуть что — сразу «Белка»? — возмутилась Белка. — Есть у меня Совесть! Не то, что у некоторых! Своя, не чужая! И у мужа есть, и бельчатам на жизнь хватит! Ишь ты, намекает она! Иди отсюда подобру-поздорову, а то шишкой запущу!

Идут дальше, видят — Ёжик. Топают через дорожку, яблоко на спине несет с одного боку надкусанное.

— Ёжик, а Ёжик, — говорит Кикимора, — хочешь, я тебя с Совестью познакомлю?

Ёжик перепугался, в клубок скатался.

— Чур меня, чур! — говорит. — У меня для нее бизнес неподходящий: я в саду яблоко целое беру и зайцу несу. Заяц его с одного боку надкусывает — а я его потом по двойной цене за рекой загоняю. Они там надкусанные яблоки почему-то больше уважают! «Новейший тренд», — говорят. Для чего ж мне в такой схеме Совесть?

Идут они дальше, а солнце все ниже, а вечер все ближе. Видят — Хомяк бежит. Бежит, спотыкается, за травинки щеками цепляется.

— О! Хомяк! — обрадовалась Кикимора. — Ну, тебе-то уж точно Совесть не помешает.

— Совесть? Не помешает? — удивился Хомяк. — А что ты про мою жизнь знаешь вообще? Каждое утро — на промысел. Каждую ночь — опять на промысел. Только днем и отоспишься где-нибудь под кустом. Придешь, полные мешки принесешь, а тебе вместо «спасибо»: «Где шлялся? Под каким кустом валялся?» Детей целый выводок, и все молока хотят. А где я им молока возьму? Где? А если и найду, то принесу-то в чем? Но это их не интересует — как! Им главное, чтоб папка принес! Достал! Добыл! Схозячил! Жена тоже — шубу хочет из суслика, хорошо еще — не из кошки... В такой обстановке — и Совесть? Да меня с таким добром точно из норы выставят!

Подобрал свои мешки и дальше поспешил.

Идут они, а солнце краем уже дальних кустов коснулось, в речку окунулось, того и гляди — нырнет и спрячется. Никому в Лесу Совесть оказалась не нужна: одним она — помеха, другим — тягость, третьи — не знают, зачем она нужна вообще. А те, которые знают — те при своей, им чужой не надо.

Умаялись совсем, сели под куст, глядь — Сорока летит. Сорока летит, из кармана диктофон торчит, на шее бейджик с последней пресс-конференции болтается.

— Здравствуй, Сорока, — говорит Кикимора, — куда спешишь?

— За происшествиями, — отвечает Сорока. — Номер сдавать надо, а у меня колонка новостей пустая. Непор-р-рядок!

— Ну, вот тебе новость, — говорит Кикимора, — с утра на опушке были люди и потеряли Совесть.

— Как? Вот так, прямо на опушке?

— Прямо и чуть правее, под кустом. А я нашла.

— Что нашла? — не поняла Сорока.

— Да Совесть же! Вот она, у меня за пазухой спит. Устала. А если мы ей до вечера хозяина не найдем, она умрет и превратится в облачко. И останемся мы без Совести насовсем.

Заглянула Сорока за пазуху — и правда: спит себе Совесть. Устала.

— Ой, маленькая какая! — удивилась Сорока. — Такая маленькая — и ту потеряли... Вот же люди! Ну, ладно. Давай ее мне, пусть живет при редакции. Может, тираж нам поднимет.

— Совесть в редакции? — удивилась Кикимора. — Такое только в сказках бывает!

— На себя-то посмотри, — усмехнулась Сорока. — Тоже мне, реальный персонаж!..

СКАЗКА ПРО БОРИН ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Как-то раз у медвежонка Бори случился День Рождения.

День Рождения — это такой День, который у каждого когда-нибудь да случается.

День Рождения — это такой праздник, когда всем, кто на него попал, должно быть тепло и весело, даже если дело происходит в феврале.

Дело происходило именно в феврале, а в этом месяце, как известно, с теплом проблемы, поэтому праздник требовал серьезной подготовки. Что и говорить, сами понимаете: День Рождения Медведя — это вам не шутки, особенно в лесу.

Боря подготовился основательно: сколотил большой-пребольшой стол, вытащил из кладовой все припасы, нарубил столько дров для камина, что топор устал и сломался, и расклеил по всему Лесу объявления о предстоящем событии, чтобы все-все не забыли прийти.

И вот наступил этот День. Стали собираться гости.

Пришел Кот-Баюн с гитарой еще не старой.

Пришел Бурундук, принес денег сундук.

Пришел Ёжик, принес перочинный ножик.

Пришел Журавль и две дочки, принесли часы на цепочке.

Прибежала Мышка, принесла детскую книжку.
Прилетели Синицы, принесли вязанье и спицы.
Прилетела Сова-Умная Голова, принесла в голове умные слова.

Пришла Лиса-Рыжие волоса, принесла два китовых уса.
Приползла Змея — гада ядовитая.
Пришли Волки, принесли дыбом холки.
Прилетел Орел и друзей за собой привел.
Прилетел участковый Дятел — на такси все деньги потратил.
Пришел Олень — наводить тень на плетень, а за ним пришла Баба Яга, принесла оленьи рога.

Пришел Леший — не за рулем, пеший.

Последней, как всегда, пришла Белка...

И все вроде было хорошо: крикуны — кричали, плясуны — плясали, тосты за Медведя Борю слушали, усердно кушали, Змея укусила именинника за пятку и была изгнана на мороз, Волки надрались и подрались, лис Вовка приставал к кому не надо, а дятел застрял клювом в бутылке «Перцовки».

А Боре становилось все холоднее и холоднее.

Вроде и дрова в камине горят. И гостям весело. И стол — огого! А на потолке появились сосульки и снегу по углам намело. Вышел Боря на улицу, а на улице Февраль. Вот он Боре и говорит:

— Холодно?

— Холодно, — отвечает Боря.

— А чего тебе сейчас больше всего хочется?

— Тепла хочется. Весны. И радости.

— Что ж, — говорит Февраль, — у тебя сегодня День Рождения, а я тебе еще подарка не дарил. Так что вот тебе мой подарок, слушай: у каждого зверя есть весеннее солнце внутри. Если сделаешь, что оно подскажет, я уйду. Но торопись: до конца твоего Дня осталось совсем немного.

Вернулся Боря в берлогу, а там огонь в камине замерз и переливается оранжевыми льдинками. Тогда надел он куртку, тихонько закрыл за собой дверь, чтобы не мешать гостям веселиться, и пошел на берег Лесного Озера, где жила Кикимора, которая никогда не читала объявлений на заборах, а потому думала, что про нее просто забыли.

И пока он шел, наступила весна.

Светлана Мельник

СНЕГУРОЧКА

(Невероятная история)

Был поздний вечер. Я стояла и смотрела в окно. На носу Новый год, а на улице слякоть: моросил дождь. «Опять праздник без снега», — подумала я и пошла спать.

Громкий звонок телефона прервал мой серый сон. И кому в такой час неймётся?

— Алло! — я еле сдерживала раздражение.

— Ирина Петровна? — вопросительно пробасил мужской голос.

— Да. — Я лихорадочно перебирала в памяти голоса знакомых мужчин.

— Вы верите в чудеса?

Словно угадав мои мысли, незнакомец быстро произнес:

— Только, пожалуйста, не вешайте трубку, выслушайте до конца.

Мне почему-то стало интересно: что он может такого сообщить?

— Ирина Петровна, я знаю, как вы одиноки. После гибели сына и развода вы совсем замкнулись в себе. Я хочу вам помочь. Я могу вам помочь. Вы слышите меня?

Я стиснула зубы. Притуплённая временем боль спазмом сжала горло, в сердце впились острые иглы, вдох застрял в груди: «Негодяй, да как он ...»

Что-то силой удерживало ставшую вдруг свинцовой трубку в моей руке. Откуда-то издалека слышались настойчивые слова:

— Посмотрите в окно! Пожалуйста, посмотрите в окно!

Трубка выскользнула из похолодевшей руки и, раскачиваясь, повисла на шнуре. Почти машинально я сделала несколько шагов к окну и увидела СНЕГ! Он падал огромными хлопьями, накрывая собой всё: дома, улицы, весь город, целый мир! Это был сумасшедший снег!

В каком-то оцепенении я смотрела и не могла отвести взгляда. Всё перемешалось в голове, стало бесформенной массой, но боль — она ушла. Недавний разговор казался нереальным, а где-то в груди поселилось ожидание. Только чего?

Стук в дверь. Негромкий, но настойчивый. Я пошла откры-

вать. Ни одна здравая мысль не остановила меня, открывать ночью дверь неизвестно кому!

За дверью стоял ребёнок! Девочка. В белой шубке, белой шапочке, в белых сапожках. Наверное, из-за белой одежды личико казалось бледным, белокурые пряди выбивались из-под шапочки.

— Я к Вам, — сказала она и смело прошла мимо меня в коридор.

Я молчала в изумлении. Я не могла произнести ни звука.

Между тем девочка стала раздеваться и, не дотянувшись до вешалки, попросила:

— Ирина Петровна, повесьте, пожалуйста.

Слово «пожалуйста» вдруг вернуло меня в реальность. Оно было сказано с точно такой же интонацией, с какой говорил тот мужчина по телефону.

Она присела на стул, а я буквально упала в кресло напротив. Мы смотрели друг на друга.

Девочка словно выжидала.

Внезапно, в один миг, всё выстроилось в ясную картинку. Этот ненормальный подослал мне ребенка! Вот о какой помощи он говорил. Ну, ладно! И уже спокойно спросила:

— Как тебя зовут?

— Снежана. Меня папа прислал. Можно погостить у Вас до весны?

Светло-голубые глаза смотрели спокойно и доверительно. Её хрупкая фигурка излучала покой. В ней не было детской непоседливости, живости, а было нечто непонятное, неуловимое, чарующее и, вместе с тем, холодное и ясное. «Звёздочка в зимнем небе, — подумалось мне. — Нет, Снегурочка!»

— Ну, что же, раз вы так решили, оставайся.

Я разложила кресло, постелила ей и, пожелав спокойной ночи, легла. Несмотря ни на что, моментально заснула. Мне снился снег, и маленькая девочка танцевала под его хлопьями.

Так мы стали жить вместе. Я устроила её в школу рядом с домом. У Снежки оказались даже все нужные документы. Мне пришлось придумать для соседей и знакомых целую историю о тяжело заболевшей родственнице, которая попросила присмотреть за девочкой. Самое удивительное, все поверили в мою ложь.

Я теперь спешила с работы домой, покупала по пути какие-нибудь сладости, чтобы порадовать Снежку. Я очень привязалась

к ней. Я видела и её старательность, и аккуратность. Она была вежливой, выполняла мои поручения. Но какая-то отчуждённость с её стороны не давала в полной мере выразить мои невестребованные материнские чувства. Словно она установила границы, за которые не пускала меня, не переходила сама. Это казалось странным, как и всё предшествующее её появлению.

Она любила танцевать и с удовольствием ставила пластинки с классической музыкой. Плавные движения были удивительно красивы.

— Давай запишу тебя на бальные танцы, — предложила я как-то.

Но она только покачала головой.

— Почему? — вопрос остался без ответа.

Девочка улыбнулась уголками губ и продолжила танец.

Снежке нравились лыжные прогулки. Каждое воскресенье мы ходили в лес. Иногда она обгоняла меня и, поджидая, с какой-то нежностью обнимала ствол заснеженной ели. Я с завистью смотрела на дерево. Снежка улыбалась, и мы катили дальше. А потом, уставшие и довольные, ели дома мороженое перед телевизором.

Девочка всегда избегала вопросов о её прошлом. Она смотрела на меня похолодевшим, отсутствующим взглядом и отмалчивалась. Странно сочетался такой взгляд с её возрастом. Я привыкла и к этим странностям, радуясь, что теперь не одна, что мне есть о ком заботиться.

Жизнь снова обрела смысл.

Было ли хорошо со мной Снежке? Я не раз думала об этом и не могла понять её. Очень девочка отличалась от своих обычных сверстниц. Я заметила: когда падал снег, она садилась на подоконник, и ничто не могло оторвать её от созерцания падающего снега.

Незаметно прошла зима. Я ЗАБЫЛА, КАК ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ. Думалось, всё так и будет продолжаться. В своей возродившейся душе я давно называла её дочкой, дочуркой, и мирилась с тем, что она называла меня тётей Ирой.

У Снежки появилось много подруг. Общаясь с девчонками, она невольно заряжалась их эмоциональностью, живостью. Что-то оттаивало в её сердце, в голосе стали проявляться настоящие детские эмоции и чувства. Даже глаза изменились, поглубели, что ли. На обычно бледном личике в солнечные дни появлялся

нежный румянец. Я радовалась этим переменам, как никто другой. Временами она встречала мой взгляд и пристально всматривалась, словно искала что-то или спрашивала.

Седьмого марта я принесла с работы цветы. Снежка возилась на кухне и крикнула:

— Подожди, мама, не заходи сюда, я тебе сюрприз готовлю!

Мои ноги подкосились. Я не ослышалась? Она сказала «мама»? В счастливом порыве я вбежала в кухню, схватила её в охапку и, покрывая поцелуями, прошептала:

— Доченька, доченька моя!

На столе лежал слегка подгоревший пирог. И солнце за окном, и жёлтые нарциссы, выпавшие из моих рук, и румяные щёчки Снежки, и ее сияющие глаза говорили о том, что зима уже миновала, а наступила настоящая весна.

Анатолий Мирошниченко

МИНУТА СЛАВЫ

Безобразная гусеница, заплывшая жиром, без шеи и без талии, коротконожка и к тому же всё тело в волосах, сидела на ветке тополя и объедалась листьями.

Вдруг на ветку села изящная стрекозка — Стрелка. Она летала, устала и решила передохнуть.

Гусеница на минутку отвлеклась:

— Скажи, Стрелка, что надо сделать, чтобы быть такой же изящной, как ты?

— А ты больше двигайся, — сверкнув изумрудными глазищами, — сказала стрекоза и тут же исчезла.

Послушалась её гусеница, сделала несколько резких движений, сорвалась и упала в траву. Сидит, а рядом притаился худой, как карандаш, богомол.

— Скажи, богомол, — жалобным голоском обратилась к нему гусеница, — что надо сделать, чтобы быть таким же тонким, как ты?

— А ты меньше двигайся. И иди, иди своей дорогой, не мешай мне охотиться!

Ползёт гусеница и ничего не поймёт: больше или меньше надо двигаться?

Но вот натолкнулась она на целую гору — это грелась на солнышке прыщавая жаба.

— Царица болот, ответь мне, пожалуйста, что надо сделать, чтобы быть такой же изящной, как стрекоза или богомол?

— Бесполезно, — проква-ква-кала жаба, — всё зависит от комплекции. Вот я — ни худая, ни толстая, и всё при мне: и маленький носик, и завлекательные зелёные глазки. Уж я, ква-ква, такой симпатичной уродилась!

— Всё зависит от комплекции, — грустно повторила гусеничка, вздохнула и полезла на своё дерево к аппетитным листочкам.

А вечером, как раз под этим деревом, собрались лесные жители для проведения «Минуты славы!»

На поваленном дубке расположилось грозное жюри: паук-крестовик, жук-навозник и оса-шершень. Если жюри не понравится никто из выступающих, то дорогие призы достанутся самим членам жюри. Вот судьи и заваливают всех подряд.

Выступает певичка-лисичка. Берёт такие высокие ноты, что и соловью не снились.

— Вообще-то ничего поёт, — заявляет паук-крестовик.

— Укушу! — предупреждает оса-шершень, и паук тут же нажимает на красную кнопку.

— А мне нравится, как лисичка поёт, какие высокие ноты берёт, — жужжит жук-навозник.

— Укушу! — предостерегает оса, и жук тоже тянется к красной кнопке.

Потом выступала лягушка-прыгушка и жонглёр-бобёр и другие талантливые исполнители, но и им досталась красная кнопка.

Наконец, последний номер: выступает группа «Там-там». Енот, как ударил в барабан, так жюри и зрители чуть не оглохли.

Гусеничка-толстушка сорвалась с листика и полетела прямо на сцену. Вблизи от пола повисла на своей ниточке. Она только хотела забраться обратно к ветке, но, как ни старалась, как ни извивалась и ни кувыркалась, подняться ей никак не удавалось.

Все подумали, что это очередной номер и с восхищением наблюдали за виртуозным выступлением гусенички. А она под удары барабана, чего только ни вытворяла: крутилась то в одну сторону, то в другую. То делала «уголок», то «шпагат», то «колесо»,

то два «колеса». То поднималась вверх и вдруг неожиданно срывалась, и все думали, что сейчас ей придёт конец. Но она вновь зависала и опять выделявала умопомрачительные трюки!

Жук от восхищения раскрыл крылья и чуть не улетел. Паук с лёту схватил муху и тоже почему-то её выпустил. А оса выставила из брюшка жало так, что чуть из-за этого не погибла.

Вот енот в последний раз ударил в барабан, и в этот момент гусеничке удалось, наконец-то, подняться на свою веточку.

Выступления закончились.

Громом аплодисментов и рёвом присутствующие выражали своё восхищение замечательному выступлению гусенички.

Вскоре жук поднялся в гущу тополиных листьев, нашёл виновницу торжества, поздравил с победой и вручил чек на миллион самых нежных и вкусных берёзовых листиков.

Ничего не понимая, гусеничка удивлённо смотрела на жука, а он жужжал:

— Я восхищён Вами, я влюблён в Вас, я хочу на Вас жениться!

— Да о чём Вы говорите, мой век — короткий.

— Я не хочу ни о чём слышать, — настаивал жук.

Короче говоря, вскоре они сыграли пышную свадьбу.

Но их счастливая жизнь продолжалась совсем недолго.

Жук постоянно назойливо жужжал:

— Где твоя талия, где твоя ж-ш-шея? Ты вся обросла жиром! А вскоре он нашёл жучиху и ушёл к ней.

Грустной сидела гусеничка на листике и очень жалела, что вышла замуж за жука-предателя.

Однако у него не сложилась жизнь и с жучихой.

Та постоянно жужжала:

— Как ты неповоротлив и неуклюж, как меж-ж-ш-шок с ж-желудями!

У него вдруг отросли большие рога, и он превратился в жука-оленья. Вздохнул однажды жук и воротился в свой прежний дом.

А где же милая жёнушка? Нигде нет её.

Какой-то мешочек лежит посреди комнаты. Вскрыл его жук и вдруг увидел славную куколку. Она лежала на спинке, лапки на груди были сложены, а глазки закрыты.

«Наверное, гусеничка тосковала обо мне, ничегошеньки не ела, вот и померла», — подумал он. Поплакал, да делать нечего. Положил её в гробик и понёс хоронить.

Принёс к топольку — её любимому деревцу, вырыл могилку. Решил посмотреть на неё в последний раз.

Но, что это?

У куколки глазки открыты. Они стали большими, невероятно красивыми. Сзади образовались крылышки — голубенькие, с ажурным узором по краям.

Обрадовался жук:

— Ожила! Какое счастье! Ах ты, моя дорогая жёнушка! — воскликнул он и бросился к ней, и хотел обнять красавицу-бабочку.

Но та вдруг вспорхнула и полетела. Жук за ней:

— Куда же ты?

— Я тебя не знаю. Первый раз вижу такие страшные рога! — ответила бабочка и улетела на цветущую полянку.

Там она встретила стрекозу, ту самую Стрелку.

Но это другая сказка.

ВОРОБУШЕК-ЖАДОБУШЕК

Земля покрылась снегом, и воробьям стало совсем худо с пропитанием. Они летали дружной стайкой. Когда кто-то находил крошку хлеба или семечко, делился с братьями, и только один воробушек, обнаружив что-либо съестное, хватал добычу и улетал прочь. За это воробьи и прозвали его Воробушек-жадобушек.

Однажды наш Воробушек случайно через щёлку ворот попал в амбар.

— Сколько зерна! — воскликнул он и набросился на него. Клевал, клевал, аж жарко ему стало. Наелся досыта и решил: останусь здесь зимовать. Никому из друзей не сказал о своём открытии.

— Узнают, — подумал он, — налетят, и мне зерна не останется.

Воробьи тем временем искали его всюду: и по дворам, и по обочинам дорог, и в поле. Но он как в воду канул. Наверное, где-нибудь замёрз, решили они и вскоре забыли о своём приятеле.

А наш герой притаился за стеной амбара на гвоздике, вбитом в доску. Время от времени он слетал с него и клевал зёрнышки, сколько ему хотелось. Ему часто хотелось пить, но воды в амбаре не было. И только иногда при сильной метели в щёлку амбара набивалось немного снега, которым он мог хоть немного утолить жажду.

Воробушку было тоскливо одному и страшно, потому что по ночам в амбаре кто-то шуршал, перешёптывался, а вверху под самой крышей светились жёлто-голубые огоньки, и время от времени раздавалось «Уф-уф!». Это были совы Руфи и Нуфи. Как только Воробушек появился в амбаре, Руфи обрадовался и сказал:

— А вот и обед пожаловал к нам!

Однако его от этой затеи отговорила Нуфи:

— Воробушек — мелкота, никуда не денется. Когда закончатся мышки, тогда займёмся воробьём.

Воробушек весь дрожал от страха и думал: «Завтра обязательно улечу отсюда».

Но приходил день, и ему было жаль оставлять драгоценное зерно. Так прошла долгая зима. И вот, наконец, луч света пробился в мрачный амбар, а за стеной неугомонно зачирикали сородичи. Весна! Скорее на простор, к ласковому солнышку!

Встрепенулся воробей и захотел вылететь на свежий воздух. Подлетел к щёлочке, сунулся. Голова-то прошла, а туловище, разжиревшее от обильного корма, застряло. Туда-сюда, никак не может выбраться. А вокруг амбара кошки голодные бегают, вот-вот обнаружат и схватят.

Наконец, на третий день ему всё же удалось освободиться, но он настолько ослаб, что не смог долететь до гвоздика, на котором обычно сидел, и упал на пол амбара. Когда начало темнеть, он вдруг заметил, что кто-то крадёт к нему.

Это была большая усатая крыса. Ей давно надоело зерно и хотелось отведать какой-нибудь живности. Заметив крысу, воробушек юркнул в щель между досками, которые штабелями лежали у стены сарая. Крыса кинулась за ним, но пролезть в узкую щель не смогла. Она стала грызть дерево, расширяя проход. Воробушек сжался в комочек, стал ждать смерти, и конец пришёл бы ему, но в это время пришли люди и открыли ворота.

Жадобушек собрался с последними силами и выскочил наружу. Он полетел искать свою стайку и вскоре нашёл собратьев.

Они обрадовались ему и стали спрашивать, где он пропадал, а Воробушку-жадобушку нечего сказать им, глазки прикрыл, клювик опустил.

Наталья Помельникова

СЕРЕБРЯНАЯ ИГОЛОЧКА

Жил-был портной. Славилась его работа и в простых домах, и во дворцах богачей. Была у него дочь Бьянка, ласковая и трудолюбивая девушка. Отец открыл ей секреты своего ремесла, и она быстро всему научилась. Да вот беда: стал мастер плохо видеть. Бьянке приходилось кроить, шить и по хозяйству успевать.

Той страной правил молодой король. Задумал он жениться. Вот знаменитому мастеру и велели сшить для короля праздничный камзол. На тот час Бьянки не было дома, и портной решил, что сам справится: разложил ткань и начал кроить. А материя скользкая, как ни клади, всё не так да неровно. Мастер разгорячился, то за ножницы схватится, то за утюг. Прижёт край, отрезал лишнее. Поспешил, одним словом.

— Что же мне теперь делать? — схватился он за голову. — Завтра камзол должен быть готов, а я ткань испортил.

Пришла Бьянка домой, кинулась к отцу: что случилось?

— Беда! — простонал портной. — Не осилил я королевский заказ, а моя вина и до тебя доберётся.

Обнялись они и до рассвета проплакали. Утром из дворца пришёл посыльный, а камзола для короля нет! Испугался слуга, побежал докладывать. Король велел наказать портного. Мастера увели в тюрьму, его дом забрали в королевскую казну, а Бьянку выгнали на улицу.

Одним словом, быстро всё исполнили.

Идёт девушка, горько плачет, дороги не разбирает, все мысли о несчастном отце, а навстречу ей — старушка в ветхой шали, с трудом несёт вязанку хвороста.

— Бабушка, — говорит Бьянка, — позвольте, я вам помогу.

— О-ох, — прокряхтела старушка, отдавая ношу. — Тут недалеко, а за помощь я тебя отблагодарю.

— Мне ничего не надо! — смутилась Бьянка.

Старушка покачала головой:

— Всякое доброе дело должно быть вознаграждено, как всякое злое дело должно быть наказано.

Когда они подошли к старым дубам, старушка порылась в карманах юбки и сказала:

— Возьми, милая, эту шкатулку, тебе пригодится.

Девушка открыла крышку и увидела серебряную иголку, тонкую нитку и белоснежный лоскут.

— Спасибо, бабушка, — поблагодарила Бьянка. — Снимите Вашу шаль, я её заштопаю.

Девушка присела на вязанку, заправила нитку в иголку, лишь начала работать, а из-под пальчиков зазвенело:

Иголочка — не колись.
Ниточка — не плетись.
Всё пришьём, сошьём и вышьем.
Хозяюшка, не ленись.

Так пели иголочка и ниточка. Вскоре шаль стала, как новая, да ещё с узорами.

Порадовалась старушка и говорит:

— Эта иголочка всякую работу сделает. Ниточка никогда не кончится, любым цветом вышьет, только попроси. И лоскуток непростой: сколько ни отрезай, он не уменьшится. Не потеряй шкатулку. Прощай!

И исчезла. Обернулась девушка — никого. Стала она искать место для ночлега. Выбрала дерево с большим дуплом, залезла туда, прижала к груди шкатулку, свернулась, как лесная белка, и уснула.

Едва рассвело, девушка выглянула из своего лесного дома. Ночью выпал снег. Девушка потянулась и запела:

Я проснулась утром, всё белым-бело.
Снежным покрывалом укуталось дупло.
Я в ручье умоюсь и воды напьюсь,
И скорей в дорогу обратно соберусь.

В этот ранний час по лесу проезжал молодой король. Он услышал звонкий голос и повернул коня посмотреть: кто так славно поёт?

Но Бьянка спряталась в дупло, и король проехал мимо. Она поблагодарила дерево за приют, а ручей за воду, и пошла в город искать работу.

Весь день она ходила от дома к дому, но портниха никому не требовалась. Бьянка устала, села у двери какого-то дома, достала иголку и нитку, отрезала немного от лоскута и начала вышивать. Тут в окно выглянула хозяйка дома, булочница. Она хотела прогнать девушку, но увидела красивый узор:

— Что за это хочешь?

— Хлеба.

«Вот глупая! — подумала женщина. — Такая работа больших денег стоит».

А вслух спросила:

— И ты сможешь вышить всё, что мне нужно?

— Что прикажете, то и вышью, — сказала Бьянка.

— Ладно, дам тебе хлеба. Иди-ка в сарай.

Что делать, согласилась Бьянка и зашла в сарай. Видит: в углу коровы сено жуют, а под сеном слышно, как мыши шуршат. Не на улице будто, но и не в доме. А хозяйка ткань принесла, бросила кусок чёрствого хлеба:

— Через три дня во дворце бал. Молодой король будет выбирать невесту. Мы с дочкой приглашены. Сошьёшь нам платья и вышьёшь такие узоры, чтобы все ахнули от зависти. Ещё вышьёшь скатерть. Торопись!

Через три дня хозяйка принесла новый заказ: вышить покрывало на постель дочери. Кинула хлеб, забрала готовые платья и скатерть, а сарай на замок заперла, так, на всякий случай, чтобы Бьянка не сбежала.

Нарядились хозяйка с дочкой в обновки и покатали на бал. Хозяйка задумала преподнести скатерть королю, который обожал всё красивое.

А Бьянка, оставшись в холодном сарае, начала вышивать покрывало. Вскоре пальчики за работой согрелись, и она запела:

Бежит-спешит иголочка с ниткой заодно,
Нарядными узорами украсит полотно.
Помощницы нескучные всё вышьют и сошьют.
На покрывале вскоре цветочки расцветут.

Она думала петь дальше, как вдруг проказница-искра отлетела от лучины на пол. Вспыхнуло пламя и тут же погасло, а на том месте появилась молодая женщина.

— Не бойся, дитя! — ласково сказала она, делая шаг к изумлённой девушке. — Пора познакомиться. Я знаю, тебя зовут Бьянка. А я — королева Игольмина, повелительница иглоков, ниток и прочих швейных принадлежностей.

— Ваше Королевское Величество! — смущённо поклонилась Бьянка. — Могу ли я предложить Вам это удобное полено? Пожалуйста, присядьте.

— Благодарю! — весело согласилась королева, тут же превра-

тив полено в изящное кресло. — Милая Бьянка, я люблю твою работу и радуюсь трудолюбию. Мои подданные попали в надёжные руки, — и она показала на иголку и нитку. — Помнишь нашу первую встречу на дороге?

— Старушка с хворостом в старой шали! Это были вы?! — ахнула Бьянка.

— Да, — улыбнулась королева. — Я старею, когда попадаю в руки лентяек и неумех. Твоё мастерство вновь сделало меня молодой. Ты заслужила награду. Скажи, чего ты хочешь?

— Хочу, чтобы мой отец был со мной! — попросила Бьянка, не задумываясь.

— Знаю, он в тюрьме, — проговорила Игольмина. — Он сам себя наказал за поспешность и самоуверенность. Портновское дело этого не любит. Не зря говорят: семь раз отмерь и только один раз отрежь! Две злые ведьмы, Поспеха и Порвиха, зорко следят, чтобы подтолкнуть мастера под руку и испортить его дело.

— За мной они тоже подсматривают? — прошептала девушка, оглядывая углы полутёмного сарая.

— Только во время работы, — успокоила её гостья. — Мне часто приходится помогать неумехам и даже лентяйкам. Представь их, бедняжек, без пуговиц, с дырками и оторванными рукавами. Если я опаздываю, неумехи становятся добычей отвратительных ведьм: Неумельды, Ленивильды и Нехочульды. Старухи крадут иголки и прячут в своих подземельях. Там иглы ржавеют и гибнут.

— Я надёжно берегу ваш подарок, — заверила Бьянка, прижимая шкатулку к груди.

— Хорошо, — кивнула королева.

Она встала, а её кресло вновь превратилось в полено.

— Мне пора. Ты непременно увидишь своего отца. Всё будет так, как должно быть. Прощай!

Королева исчезла, а Бьянка вдруг почувствовала усталость от бессонных ночей. Она прилегла на солому и уснула.

Тем временем в королевском дворце молодой король ходил по огромному залу и рассматривал девушек, собравшихся здесь в надежде ему понравиться и стать королевой. Приглашённые вельможи, послы и купцы из близких и далёких королевств терпеливо ждали начала праздничного бала.

Но королю не нравилась ни одна гостья. Эта девушка — ху-

дышка. Другая — полная. Третья — маленькая. Четвёртая, наоборот, — высокая. Пятая — рыжая... А девушки трепетали, каждая, желая лишь одного: стать королевой. Серые, голубые, карие, зелёные глаза глядели на короля жадно, но без капли любви.

Первый министр осторожно напомнил королю о выборе, если не невесты, то королевы бала. Король ещё раз всмотрелся в присутствующих и вдруг направился к двери, ведущей в другой зал, где толпились незнатные дамы. Все расступились, и король подошёл к двум женщинам в необыкновенно красивых платьях. Это были булочница и её дочь. Король учтиво поклонился и обратился к дочери:

— Назначаю вас королевой бала!

Придворные дамы заохали, потому что терпеть не могли булочницу, а её дочку считали просто глупой. И надо же: она — королева бала и будет танцевать с королём! Тут король сделал комплимент назначенной королеве бала об её платье.

— Оно сшито специально для бала Вашего Величества! — жеманно ответила дочь булочницы.

— И вышивка дивно хороша, — заметил король, любивший всё красивое.

— Ах! — только и выговорила модница.

Её мать решила, что настал подходящий момент. Она пробралась к королю и, неуклюже приседая, преподнесла скатерть.

— О-о-о!.. А-а-а!.. — пронеслось по залу.

— Восхитительно! — сказал король, разглядывая белоснежное полотно, на котором нежнейшими красками переливались распустившиеся цветы, а над ними замерли прозрачные мотыльки. На лепестках блестели настоящие капли росы. Как это было вышито, никто не мог понять.

— Для Вашего Королевского Величества! — торжественно произнесла булочница.

— За такое чудо я щедро награжу. Казначей! Положить в мою шляпу серебра!

После этих слов придворные дамы позеленели от зависти.

— Это ваша дочь мастерица? — спросил король, прикасаясь к скатерти.

Лучше бы булочнице промолчать, но она выпалила:

— Ваше Величество! Дочка моя трудится день и ночь. Всё шьёт, всё вышивает.

Едва женщина закрыла рот, как с её платья и с платья дочери медленно сползли узоры. Не успели они опомниться, как на полу лежали кучки разноцветных ниток.

— Что такое? — удивился король.

Платья обеих модниц затрепали по швам. Теперь на пол полетели пуговицы, крючки и петли! Они падали громко, словно тяжёлые бляшки. Ещё мгновение — и платья, превратившись в бесформенные клочья, повисли на своих хозяйках. Бедняжки стали помогать друг другу, цепляясь за скользкую ткань. Вокруг хохотали. Смеялся и король.

Так закончился мимолётный триумф двух не в меру загордившихся особ. Глотая слёзы, сквозь толпу к выходу плелась пятиминутная королева бала, а сзади, сгорая от бешенства, пробиралась её мать.

— Повеселила нас булочница! — насмешливо произнёс король, но тут же задал себе вопрос. — Правда ли, что её дочь такая рукодельница?

Когда женщины удалились, в зале начался настоящий праздник. Нарядные пары закружились в танцах. Король выбрал королеву бала, станцевал с ней несколько пируэтов и незаметно покинул дворец.

Оказавшись дома, булочница прошипела:

— Я проучу тебя, жалкая нищенка! — В сарае, задыхаясь от злобы, женщина стала раскидывать охапки сена. — Где прячешься? Вот как ты платишь за мой хлеб! Сейчас получишь сполна!

Она увидела девушку, спящую на голой соломе. Рядом лежало покрывало, на котором были вышиты цветы, растущие лишь в сказочных мечтах. Но дивная работа не смягчила жестокого сердца.

— А-а-а! Вот ты где! Получай! — хозяйка хотела схватить девушку.

Бьянка в испуге вскочила с соломы. Вдруг дверь сарая широко распахнулась.

Вошёл король в сопровождении свиты. Он узнал, где живёт булочница, и решил лично убедиться в сказочном мастерстве её дочери. Король лишь взглянул на чудесное покрывало, потом на девушку с большими глазами и всё понял.

— Вот кто вышивает так искусно, — произнёс он. — Таким красавицам не место в хлеву!

Его лицо насмешливо скривилось, и он добавил:

— Эта девушка не похожа на...вашу дочь. Я хочу видеть её утром во дворце.

И ушёл.

— Я пропала! — застонала хозяйка. После позора на балу и вранья о рукоделье нечего было и думать о милости короля. И она завопила:

— Ты во всём виновата, жалкая нищенка! Вон отсюда! Во-он!

Бьянка выскочила на улицу. Ах, если бы можно было навсегда спрятаться в лесу, в дупле старого дерева! Жить свободно, как лесная белка! Но нужда заставила вернуться в город, где жила жадная булочница и где правил жестокий король со скорыми на расправу слугами. Бьянка не могла ослушаться приказа короля. Она вспомнила о несчастном отце, сидящем в тюрьме, вздохнула и побрела в сторону дворца.

Придворная стража пропустила Бьянку за дворцовые ворота, и она поднялась по лестнице в роскошный зал. Король вышел ей навстречу и объявил:

— Я хочу, чтобы ты стала моей королевой.

— Ваше Величество! — Бьянка покачала головой. — Прошу, не смейтесь надо мной. Я простая портниха.

— Ты — лучшая портниха моего королевства! — перебил король, так как не терпел возражений. — Разве можно отказываться от короны?

— Ваше Величество! — взволнованно произнесла Бьянка. — Благодарю вас, но я выросла в скромном доме. Слышала, вы ищете невесту. Мой отец, портной, нечаянно испортил ваш праздничный камзол. Позвольте, я попробую его сшить, и ваш выбор непременно состоится.

— Хорошо! — согласился король.

Бьянку отвели в маленькую комнатку и оставили одну. Девушка открыла шкатулку, достала иголку, нитку, разложила лоскут, отмерила, отрезала и начала шить. Она работала целый день и всю ночь, тихонько напевая.

Король ходил около двери, слушая пение. Конечно, он узнал голос из леса, чистый, как раннее утро, и ему впервые в жизни стало грустно. Ведь он король и может пожелать всего на свете! Так почему же бедная швея не побоялась отказаться от предложенной короны? Разве не каждая девушка мечтает стать королевой?

Весь день король думал об этом, а ночью не мог сомкнуть глаз.

Утром он сердился на всех и вся, отказался от завтрака и велел немедленно позвать Бьянку. Она вошла в зал, поклонилась и положила перед ним готовый камзол. Король смотрел только на девушку.

Наконец, он тихо проговорил:

— Ты по-прежнему отказываешься стать королевой?

— Да, — склонив голову, ответила Бьянка.

— Чего же ты хочешь? — строго спросил король. Одно его слово — и девушка будет наказана!

— Прошу вас, отпустите из тюрьмы моего отца! Обещаю, он больше никогда не будет шить.

— Стража! Приведите мастера!

Через несколько минут отец и дочь обнимались и плакали от счастья.

— Что скажешь теперь? — грустно спросил король, всё ещё надеясь на согласие.

— Ваше Величество, — попросила Бьянка, — отпустите нас!

Король махнул рукой и отвернулся.

Отец и дочь ушли из дворца, из города, из королевства.

Прошло несколько лет, прежде чем король женился на принцессе из далёкого королевства. Она была немного похожа на хрупкую девушку с необыкновенными глазами, испуганно стоявшую когда-то в холодном полутёмном сарае на куче соломы. Король иногда наряжался в камзол, сшитый для него Бьянкой, и любовался им.

Время неумолимо, и король состарился. Как-то, наблюдая за турниром своих сыновей, наследников трона, он припомнил встречу Бьянки и её отца, которого он за пустяк упрятал в тюрьму. Юные принцы, тяжело дыша, размахивали мечами. Помнят ли они сейчас о своём кровном родстве, чувствуют ли, что на них смотрит отец, когда-то радовавшийся их появлению на свет?

И старый король подумал: «А стоит ли королевская корона тех слёз счастья и любви, какие он видел в глазах слепого мастера и его дочери?». Ведь ни счастья, ни любви он сам так и не испытал ни разу в жизни?..

Валерий Роньшин

ПРО НАШУ МАШУ

*НАША МАША
И «ЗАКОН БУТЕРБРОДА»*

Наша Маша — самая обычная девочка, которая живёт в нашей самой обычной стране, а вот вещи с ней творятся совсем даже не обычные, покруче даже тех вещей, что с не нашей Алисой творились в не нашей стране чудес.

Необычности и чудесности начали преследовать нашу Машу буквально с первых же секунд её появления на свет. Как только наша Маша появилась на свет, свет — р-раз! — и отключился; и не только по всему роддому, но и по всей нашей стране. Поэтому нашей новорождённой Маше пришлось в полной темнотище одеваться и обуваться; а потом, по этой же темнотище, топать домой. А дома её с нетерпением и с фонариками ждали мама с папой и бабушка с дедушкой, чтобы поздравить нашу Машу с днём её рождения и пожелать ей долгих лет жизни. Забегая вперед, скажем, что их пожелание сбылось аж на 130 процентов, потому что наша Маша прожила аж 130 лет. (Да она, собственно говоря, и сейчас продолжает жить — если, конечно, верить ей на слово. Но это, к слову).

А в детстве наша Маша всё время роняла сырые куриные яйца. Прямо наваждение какое-то с этими яйцами было. Ползет, бывало, наша Маша в холодильник за сырым яйцом, возьмёт его, да сразу же и уронит. «Ну и что же здесь такого необычного?» — спросите вы. А то, что яйца, упав на пол, никогда не разбивались, а просто укатывались под кухонный стол или под кухонный стул. А ещё наша Маша всё время роняла на пол бутерброды. Но это она уже не случайно делала, а — нарочно. Ведь все знают (а кто не знает, тот сейчас узнает), что если бутер падает на пол, то обязательно маслом вниз шмякается. По-научному это называется — «закон Бутерброда», потому что первым, кто его открыл (точнее, первым, кто уронил бутер маслом вниз) был великий немецкий ученый Курт фон Бутерброд. С тех пор во всем мире согласно этому закону все и роняют бутерброды исключительно маслом вниз. А вот нашей Маше «закон Бутерброда» оказался не пи-

сан, у нее все бутеры — что с маслом и сыром, что с маслом и вареньем — всегда шмякались «вверх ногами». Как только она их на пол ни кидала — то под одним углом, то под другим, то под третьим, а они все равно упорно — УПОРНО! — падали маслом вверх.

Дальше — больше...

Пошла наша Маша в школу. У всех школьников, как известно, когда заканчивается воскресенье — начинается понедельник, новая учебная неделя. А у нашей Маши — наоборот: когда воскресенье заканчивалось, снова начиналось воскресенье. Ну, тут, конечно, возникают некоторые вопросы: почему это у всех — понедельник, вторник, среда?.. А у нашей Маши — воскресенье, воскресенье, воскресенье?.. Такого просто быть не может!.. Ха!.. Не может!.. Да с нашей Машей ещё и не такое бывало.

К примеру, поехала как-то раз наша Маша на майские праздники из Москвы на Чукотку (для тех, кто плохо знает географию — Чукотка находится в противоположной стороне от Москвы). Приехала она на Чукотку, вышла из поезда — здрасте-мордасти — а это снова Москва!.. Ну, наша Маша не растерялась, опять взяла билет, опять поехала на Чукотку. Приезжает, выходит из вагона — а это опять Москва. Десять раз так наша Маша из Москвы на Чукотку ездила и все десять раз приезжала не на Чукотку, а снова в Москву.

Но сааааааааая зашибительная история произошла с нашей Машей в прошлое нашимамшино воскресенье. Ну, это вааааааааааще прямо мистика какая-то. Представьте себе, взяла наша Маша чайник, чтобы поставить его на плиту. И в этот момент случайно выронила этот чайник. «И в чём же тут мистика?» — спросите вы. В чайнике. Он так и остался висеть в воздухе. И до сих пор висит... Вот такая она, наша Маша.

НАША МАША И ЕЁ УШЕДШЕЕ ДЕТСТВО

Проснулась как-то раз наша Маша утром; и вроде бы всё хорошо — как написано в одной старинной книжке — да что-то не хорошо. Вроде бы всё есть — а чего-то явно не хватает. И тут наша Маша поняла, чего не хватает. Детства не хватает. Дет-

ство её куда-то пропало. Наша Маша тут же начала его везде искать. Искала-искала по всей квартире, но так нигде и не нашла. Ни под столом не нашла, ни в шкафу, ни на кухне, ни в ванной, ни даже в туалете... Как будто нашимамшино Детство ветром сдуло. «А может, и вправду ветром сдуло», — подумала наша Маша и вышла на балкон. Нет, и ветром не могло Мамшино Детство сдуть, потому что на улице было полное безветрие. Спрыгнула тогда наша Маша с балкона — не пугайтесь, её балкон был на первом этаже — и пошла искать своё Детство по улицам и переулкам, площадям и подворотням... Искала-искала по всему городу, но тоже так и не нашла. Домам — стоят, машины — едут, прохожие — идут, а Мамшино Детство — не стоит, не едет и не идет. И даже не летит. Его вообще в городе нет.

Вышла тогда наша Маша за город. Смотрит — кладбище. «А вдруг моё Детство умерло? — пронзило Машу ужжжжжжжжасное предположение. — И сейчас оно лежит в могиле на этом кладбище!»

Прошла Маша на кладбище. И стала здесь искать своё Детство. А на кладбище жизнь просто-таки кипит: кто-то свой талант в землю зарывает, кто-то совесть свою хоронит, кто-то со своей первой любовью навсегда прощается... Но, к счастью, своего Детства наша Маша и на кладбище не обнаружила.

Пошла она дальше. Шла-шла, шла-шла и пришла на берег лесного озера. И здесь её опять пронзило ужаааааасное предположение. «А что если мое Детство — утонуло? — со страхом подумала наша Маша. — И сейчас лежит на дне этого озера».

А на берегу озера сидит рыбак, рыбу в озере ловит и на берег её бросает. И столько он уже её наловил и набросал, что берег прямо-таки ходуном ходит. Рыба-то задыхается на берегу и от этого хвостом по земле бьет.

— А ну-ка перестаньте рыбу ловить! — требовательно говорит наша Маша рыбаку. — А если бы вам в губу рыболовный крючок воткнуть?! А потом порезать вас на кусочки и на сковородке поджарить. Приятно бы вам было?

— Да я как-то об этом не думал, — смутился рыбак.

— А надо бы думать. Думалка-то вам для чего дана? — постучала наша Маша рыбака по голове. — Кепку, что ли, носить?..

Рыбак ещё больше смутился и тотчас же отпустил всю пой-

манную рыбешку обратно в озеро, предварительно перед ней извинившись за своё недопонимание.

— Спасибо, Маша, — сказали из воды отпущенные рыбки.

А Маша, в свою очередь, спросила у них:

— А не лежит ли на дне озера моё Детство?

— Нет, — ответили рыбки, — там только водоросли растут, да раки ползают.

Пошла наша Маша дальше своё Детство искать. Шла-шла, шла-шла и пришла на вокзал. И вдруг видит — её Детство! Быстренько так шагает. По платформе. К поезду.

— Детство, стой! — закричала наша Маша и бросилась вслед за своим Детством.

— Я тороплюсь, — ответило ей Детство, не останавливаясь. — Мой поезд отходит через минуту.

— Ну почему ты уезжаешь?!

— Нипочему, — на ходу сказала Детство.

— Но разве тебе было со мной плохо? — торопливо говорила наша Маша, едва поспевая за убегающим Детством. — Мы же играли, веселились... Ведь нам же было хорошо!..

— Да, замечательно было, — согласилась с нашей Машей её Детство, подбегая к своему вагону.

— Зачем же ты тогда уезжаешь? — недоумевала Маша.

— Низачем, — сказала Детство.

— Я тебя не понимаю, — чуть не плакала Маша.

— А тебе сейчас и не надо меня понимать, — ответило Детство уже из вагона. — Потом когда-нибудь поймёшь.

— ТУ-ТУ-УУУУУУ... — закричал локомотив.

ТУДУХ-ТУДУХ, ТУДУХ-ТУДУХ... — застучали колёса вагонов.

И Машино Детство уехало. А наша Маша пошла домой и легла спать, ведь уже наступила ночь и выглянули звёзды. Маша смотрела на эти звёзды и плакала. Слезы катились у неё не вниз — по щекам, а вверх — по вискам. Потому что она плакала не стоя, а лежа...

«Ах, какая грустная история, — вздохнёт какой-нибудь мой маленький читатель, а в особенности какая-нибудь моя маленькая читательница. Ну, что ж, вот и погрустите немножко. Не всё же вам играть и веселиться.

Алексей Ряскин

ИЗ ЦИКЛА «СКАЗКИ ОДНОЙ НЕДЕЛИ»

ПЯТНИЦА

Далеко на юге, прямо за горами Последнего Заката, раскинулся бескрайний лес, называемый Лесом Тысячи Деревьев. В нём росли деревья с корой цвета спелой вишни и листьями, источавшими запах мёда. Они были настолько высокими, что кроны их упирались в радугу и удерживали её над лесом на долгие дни, не давая улететь вместе с ветром. И не было в этом лесу даже двух деревьев, хоть листиком отличавшихся друг от друга. Лес Тысячи Деревьев был волшебным, пустившим свои бесчисленные корни в Вечность.

На краю леса жили два старых друга, Чёрный и Белый. Оба были непревзойдёнными мастерами работы с деревом. Слава их разносилась по миру вместе с каплями дождя и листьями, упавшими в сентябре. Но несмотря на это, они никогда не соперничали друг с другом, потому что каждый был мастером своего дела.

Чёрный делал из дерева игрушки, не похожие ни на что в этом мире и потому не подвластные его законам. Он мог целыми днями просто сидеть в мастерской перед куском дерева, разглядывая его изгибы и цвет и пытаясь угадать: какое именно чудо скрывается в этой материи. Игрушки Чёрного никогда не ломались, не терялись и никогда не становились причиной слёз.

Белый же прославился умением резать по дереву. Резцом он освобождал из оков древесины настоящие шедевры, которые легко заставляли и плакать, и смеяться смотрящих на них людей. Он играючи вырезал из обычного полена портрет незнакомого человека, лишь спросив у его родных, чем пахнут его волосы.

За годы работы Чёрный и Белый узнали о деревьях всё, что только можно о них знать. И по нескольким листикам они могли определить: откуда данное дерево, цвет его коры и возраст. Оба мастера с детства жили рядом, не завидуя друг другу. Они часто сидели вместе на крыльце, глядя на скрывающееся за горами Последнего Заката солнце, пили чай и разговаривали.

Но однажды в сердца мастеров пришла весна, и они оба познали терпкий вкус любви. Тот самый вкус, смыть который не в силах даже боль.

Чёрный и Белый влюбились. Влюбились отчаянно, без оглядки, будто вонзили в грудь нож. Оба полюбили дочь мельника, прекрасную Май. Открывшись друг другу, Чёрный и Белый поняли, какую злую шутку сыграла с ними любовь. Но, не умея и не желая противиться кипящему в них, словно масло, чувству, они ещё глубже нырнули в вязкие болота любви. Подумав, они дали друг другу слово: как только месяц, висящий над их домами, превратится в луну, они откроются Май. И тогда тот, кого она сама выберет, и будет владеть ею. Кто не удостоится её внимания, без зависти и злости уступит место избраннику.

Дождавшись полнолуния, они пошли к мельнику. Мельник был рад принять в своём доме знаменитых мастеров и потому сразу же усадил их за стол.

— Мы пришли в твой дом по важному делу, — сказал Чёрный, садясь на скрипучий стул.

Мельник суетливо замахал руками, уверяя, что окажет любую помощь столь великим людям. Но, если те хотят предложить ему купить свои поистине чудесные творения, то ему, мельнику, нечем будет за них заплатить. И под конец добавил:

— Всем известно, большой талант требует за свой труд больших денег.

— Нам не нужны деньги, — сказал Белый. — Нам нужна твоя дочь, прекрасная Май.

И они рассказали ему обо всём. Мельник внимательно выслушал гостей и, как только они закончили, позвал дочь.

Прекрасная Май была действительно прекрасна. Высокая и стройная, словно деревья в волшебном лесу. И запах её янтарной кожи источал тот же едва уловимый медовый запах. Когда она спустилась к гостям, им показалось, что часть луны откололась и упала в дом мельника. Комната, в которой сидели Чёрный и Белый, осветилась мягким светом нерастроченной молодости.

Выслушав отца, прекрасная Май попросила день на размышления.

— Приходите завтра утром к пруду, что за нашей мельницей. Там я объявлю своё решение, — так сказала она мастерам и ушла.

На следующий день, лишь солнце показалось из-за гор, Чёрный и Белый отправились к мельнице. Май уже ждала их.

Она сидела на берегу пруда, рисуя какие-то знаки на воде сломанным камышом. Завидев мастеров, она встала и отбросила камыш.

— Вы одинаково талантливы, одинаково знамениты и в вас равное количество благородства, — сказала она, по очереди глядя в глаза Чёрному и Белому. — Поэтому мне трудно сделать выбор. Но вот что я придумала. Я стану женой того, кто будет более богат. Тот из вас, кто через год будет иметь больше золота, и станет моим мужем.

Сказав это, она поцеловала каждого и ушла. А Чёрный и Белый долго стояли на берегу пруда, молча наблюдая за игрой волн и сломанного Май камыша.

Прошло полгода. Чёрный и Белый заработали уже по двенадцать мешков золота. Они едва успевали вывозить опилки и стружки, горы которых вырастали с каждым часом.

Они давно не встречались за чаем на крыльце и не провожали вместе уходящее на покой солнце. Каждый непрерывно трудился, стараясь заработать как можно больше. Но вот на исходе шестого месяца они вышли каждый из своей мастерской и обнаружили: их заработки, хоть и велики, но абсолютно равны. За полгода работы каждый создал множество прекрасных творений, но не приблизился ни на шаг к цели.

В растерянности вернулся каждый к себе.

И Чёрный, и Белый поняли: проработай они ещё, хоть полгода, хоть год — ничего не изменится. Тогда они отправились в горы, просить совета.

Чёрный и Белый шли к горам несколько дней, не говоря ни слова друг другу. Каждый понимал: их поступки глупы. Но один боялся признаться в этом другому. А любовь к Май, воспоминания о ней и об её обещании гнали вперёд лучше всяких плетей.

В горах Последнего Заката Чёрный и Белый разделились, решив, что каждый сам должен найти свой ответ. Чёрный стал карабкаться ввысь, а Белый решил искать в глубоких пещерах в самом сердце гор.

Наутро третьего дня Чёрный покорил одну из вершин и увидел перед собой хижину. Он понял: поиск окончен. Войдя внутрь, Чёрный увидел небольшой деревянный стол, за которым сидела старуха, известная под именем Тайная Красота.

— Здравствуй, мудрейшая, — приветствовал Чёрный старуху.

— Здравствуй, мастер игрушек.

Чёрный осмотрелся, пытаясь собраться с мыслями. Тайная

Красота пристально вглядывалась в него, будто бы пробуя на вкус:

— Чего ты хочешь?

Она встала и подошла к нему.

— Счастья, — ответил Чёрный.

Старуха пожала плечами, будто ничего другого и не ожидала. Она подошла к мешку у стены, полному яблок, и взяла одно.

— Возьми, — Тайная Красота протянула яблоко.

— Это простое яблоко, а не счастье, — возразил Чёрный.

— А что такое счастье? — спросила старуха.

— Для меня? Счастье — быть мужем Май!

Старуха пожала плечами и посмотрела на яблоко.

— А в чем разница?

Мастер игрушек не знал, что ответить.

Старуха, казалось, и вправду не видела разницы между яблоком и тем, что он просил.

Чёрный безуспешно пытался сообразить, что ему ответить, но слова не приходили в голову. Видя, что он ничего не говорит, Тайная Красота вновь уселась за стол.

— Что ж, хорошо, — сказала она. — Я знаю всё, о чём ты хочешь меня спросить и о чем желаешь рассказать. Я помогу. Но сначала ответь: зачем тебе, кто своим мастерством сумел подчинить людские сердца, просить столь малого?

— Я люблю Май, — просто ответил Чёрный.

Тайная Красота поморщилась, будто бы во рту у неё стало горько. Она долго сидела, не поднимая глаз, и Чёрному даже показалось, что она уснула.

Но лишь он захотел окликнуть, Тайная Красота посмотрела на него:

— Ты станешь мужем Май. Но за это каждую пятницу ты будешь превращаться в дерево. И никто не должен знать твоей тайны до тех пор, пока Май не станет твоей женой.

— Я согласен, — ни секунды не раздумывая, сказал мастер.

— Твоя судьба решена.

Тайная Красота снова протянула яблоко.

На этот раз Чёрный принял дар и низко поклонился.

Белый отыскал в глубине гор Последнего Заката маленькую пещеру, в которой мерцал слабый огонёк. Он долго стоял, вслушиваясь в доносившийся оттуда шёпот. Но не мог разобрать ни слова.

Наконец, он решился и вошёл.

Внутри, в самом центре пещеры, горел небольшой костёр. А рядом, на вязанке сухого хвороста, сидела девушка и что-то шептала, глядя на огонь.

Белый сразу узнал Явную Красоту, он столько слышал о ней в детстве.

— Здравствуй, — нерешительно произнёс он, вступая в круг света.

Девушка оторвала взгляд от пляски демонов огня и перевела его на Белого.

— Здравствуй, мастер древесного рисунка, — она приветливо улыбнулась.

Белый замер в нерешительности, оглушённый и ослеплённый от умиротворения, царившего в пещере. Девушка долго смотрела на вошедшего и ждала. Но Белый ничего не говорил, и она вернулась к созерцанию огня.

— Что привело тебя ко мне? — спросила Явная Красота, вороша сухой веткой угли.

— Поиски счастья.

Девушка вновь посмотрела на него. Во взгляде не было ни насмешки, ни упрёка, ничего, кроме жалости. Она медленно опустила руку в огонь и протянула Белому горсть пышущих жаром углей:

— Разжигай свой костёр и будь счастлив.

— Прости, но огонь не сделает меня счастливым. — Белый сделал шаг назад.

Явная Красота какое-то время держала вытянутой вперёд руку, будто не понимала слов Белого. Затем бросила тлеющие угли в огонь и вытерла испачканную сажей ладонь о подол:

— Что же может сделать тебя счастливым?

— Я хочу, чтобы Май стала моей женой, — твердо сказал Белый.

Девушка пристально посмотрела Белому в глаза:

— Скажи, почему ты, кто своим мастерством покоришь души стариков и детей, просишь у меня так мало?

— Я люблю Май. Больше мне ничего не надо.

Явная Красота пожала плечами и заговорила, разглядывая пепел у своих ног:

— Ты будешь мужем Май. Но за это ты должен каждую пятницу ходить в лес и срубить по дереву, из которого ты не будешь

делать ничего, кроме поленьев для печи. Не спрашивай меня, какое дерево рубить. Придя в лес, ты сам это почувствуешь. В тот же день ты будешь сжигать срубленное дерево, всё до последнего листика. Если хоть одна ветка останется несожжённой, то ты станешь угольком моего костра.

— Я согласен, — без колебаний сказал Белый.

Девушка усмехнулась и опять потянулась к огню.

— Иди по уготовленному тебе пути, — она вновь протянула ему шипящие угли.

Белый взял тлеющие огоньки и, не обращая внимания на боль, держал их в своих ладонях.

На заре следующего дня Чёрный и Белый встретились и молча двинулись назад. Каждый думал о своём надвигавшемся счастье.

И снова потекли дни. Чёрный и Белый всё так же работали, создавали из дерева чудеса, заставлявшие быстрее биться сердца людей. Но теперь мастера чаще оставляли мастерские пустыми. Они вновь стали вместе провожать солнце на закате, сидели на крыльце и беседовали обо всём на свете. Лишь о Май и о предстоящей встрече с ней никогда не говорили.

Каждую пятницу, на заре, Чёрный уходил в лес. Он забирался в глухую чащу и, превратившись в огромную яблоню, стоял там до следующего утра. И в это же время Белый брал топор и часами ходил по лесу. Он прислонялся к каждому стволу и прислушивался к своим ощущениям. Много птиц держал на своих ветках мастер Чёрный, много пепла выкинул из своей печи мастер Белый, дожидаясь названного Май дня.

Незаметно условленный год пролетел, и до долгожданной встречи осталась одна неделя. В последний раз предстояло Чёрному и Белому исполнить условия их договоров.

И вот пришла пятница. Чёрный проснулся до зари, вышел во двор и осмотрелся. Он часто наблюдал за красотой, пытаясь постичь гармонию мира. Но никогда ещё мир, как в это утро, не казался ему таким родным. В первый раз за этот год он улыбнулся. А затем зашел за свой дом и стал смотреть в небо. Лишь первые лучи солнца озарили небо, Чёрный превратился в огромную яблоню.

В то же утро мастер Белый в последний раз взял топор и вышел из дома. Трава под ногами послушно прогибалась, будто бы приглашая в путь. Белый долго смотрел на свои босые ноги, увяз-

шие в изумрудных объятиях травы. Ему вдруг захотелось спросить у растущего под ногами подорожника, почему тот, несмотря на то, что его постоянно кто-нибудь топчет, неизменно тянется к небу. Внезапно Белый понял: дерево, которое ему нужно, он должен искать не в лесу. Глубоко вдохнув, он пошёл по уготовленному ему пути.

Проходя мимо дома Чёрного, Белый к своему изумлению заметил огромную яблоню: её там никогда раньше не было. При виде дерева сердце его забилось быстрее. Белый понял: это именно оно. Он постучал в дверь друга, желая спросить, откуда взялся этот исполин за его домом. Но сколько Белый ни стучал, Чёрный так и не открыл.

Тогда он подошёл к яблоне, бросил топор и прислонился к шершавой коре. Впервые за время поисков он вдруг почувствовал, что нашёл именно то, что так долго искал.

Яблоня была огромной, с тысячами мелких листиков и всего одним яблоком на самой верхней ветке.

Белый обнял дерево, наслаждаясь его пьянящим ароматом. Его окатило волной тепла и спокойствия, и на миг показалось, что яблоня тоже его обнимает. Мастер древесного рисунка понял, что он достиг конца пути.

Белый отошёл назад и поднял топор. Он сделал несколько сильных ударов. И внезапно яблоня заплакала. С каждого листа капали слёзы, попадая на голову Белого. Необъяснимая тоска вдруг накрыла его сердце. Но он, сжав зубы, снова поднял топор и вонзил его в ствол.

Наконец, яблоня издала громко заскрипела, затужила будто и с треском повалилась к ногам мастера. Белый вытер вспотевшие руки и присел на траву. Оставалось сжечь яблоню и договор будет выполнен. Белый думал о предстоящей встрече с Май. Но тоска так и не отпускала. Тогда он встал и подошёл к поверженному дереву. На зеленых ветках медленно умирали маленькие листики и сиротливо висело одинокое яблоко. Белый сорвал его и в тот же миг увидел перед собой старуху и молодую девушку. Он сразу узнал их.

— Посмотри на то, к чему ты стремился, — сказала Явная Красота.

Белый глянул под ноги и в ужасе вскрикнул. Там, где только что лежала срубленная им яблоня, теперь истекал кровью Чёрный.

— Осталось чуть-чуть, и Май будет твоей, — сказала Явная Красота, указывая на бездыханное тело Чёрного.

Белый понял, чего она хочет от него. Он громко вскрикнул:

— Нет! — и сел на траву.

Топор упал к ногам, и яблоко покатило прочь. В ту же минуту он вспыхнул и превратился в маленький тлеющий огонёк.

Явная Красота и Тайная Красота молча постояли, глядя на случившееся. Потом первая подняла с земли уголёк, а вторая нагнулась за лежащим в траве яблоком.

— Твой костёр будет вечен, как и этот мир, — сказала девушке Тайная Красота.

— И твой мешок всегда будет полон яблок, так же, как и сердце людское всегда будет полно желаний, — сказала старухе Явная Красота.

Они улыбнулись друг другу и не спеша пошли вглубь вечного леса.

Елена Чертова

КАК ЗАЯЦ МЕДВЕДЕМ СТАЛ

Зайчонок Пятнашка играл на поляне с братиками и сестричками. Он учил их, как прыгать и петлять, чтобы лису запутать. Только глупыш Бельмес не слушал, на солнышке пузцо грел да посмеивался.

Мама-зайчиха сидела под осиной у глубокой чёрной норы и вязала белые варежки к зиме.

Вдруг осина сильнее и тревожнее затрепетала.

Зайчиха бросила спицы на дно норы и насторожила уши: в густом боярышнике хрустнула ветка.

— В нору! — громко скомандовала зайчиха.

Зайчата тут же попрыгали, но не в яму, а в завал из поваленных осин. Их когда-то давным-давно оставил медведь.

Из боярышника выскочила лиса: маленькая, юркая и страшно голодная.

Глаза её жадно горели.

Лисица сунулась в нору, но зайцев не нашла. Лишь на спицу накололась.

— Ух, ушастые, как сквозь землю провалились! — лиса выдернула спицу. Поохала-поохала и убежала.

Зайцы выпрыгнули из валежника и снова принялись за игру.

На поляну прибежала другая зайчиха, слезами заливаётся, рыдает:

— Моего зайчонка-егозёнка, самого малого, лиса утащила.

Зайчишки и их мама кинулись утешать:

— Твой зайчонок мал, да глазаст. Да и такой вертлявый, что он повертится-повертится, да и выскочит из зубов лисы, да и убежит, куда глаза глядят. А у кого глаза дальше глядят — тот быстрее и бежит.

Зайчиха слезу вытирает да горестно вздыхает:

— Как бы в землю не посмотрел от страха.

И тут выскочил зайчонок-егозёнок да прыг к матери. Сам дрожит, глаза, как у совы, от страха не закрываются, хоть и лиса уже далече.

— Убежал! — радостно выдохнули зайчата и зайчихи.

Зайчонок-егозёнок увёл маму в лес кору грызть, а зайчатки снова запрыгали по поляне.

Один Пятнашка сидит, во все глаза глядит:

— Мам, как бы нам совсем лису прогнать! Чтобы в наш лес и носа не смела казать!

— Не знаю, сынок, не знаю. Вот если бы мы подружились с медведем, он бы надолго лису отвадил.

— Да, жалко, что у нас нет медведя в друзьях.

В это время на поляну вылетела бабочка и села на цветок.

— Мам, а откуда берутся бабочки? Я никогда не видел бабочонка.

— Понимаешь, сынок, сначала из яйца вылупляется гусеница, потом она заматывается в кокон, а спустя какое-то время вылетает красивая бабочка. Вот как сейчас.

Зайчонок Пятнашка потёр лоб и поскакал куда-то.

Мама-зайчиха прокричала вслед:

— Осторожней! Лиса голодная! Не попадись!

Но зайчонок уже был далеко, у лесного озера, заросшего камышом. А рядом росла замечательная сочная трава.

Он нарвал травы, сделал вязанку, закинул её на спину и поскакал домой.

По дороге наткнулся у дерева на ведёрко с мёдом:

— Может, медведь забыл? Или барсук у него утащил? Ох, как кстати!

И зачерпнул лапой пахучую липкую жидкость:

— Тьфу, какая гадость! И как медведи это едят?!

Пятнашка обмазался мёдом, потом стряхнул со спины траву и обвалился в ней, покуда не получился прекрасный кокон.

Зайчик лизнул ещё раз лапу. Теперь мёд не казался таким противным.

К вечеру зайчонок Пятнашка стал расти, расти, пока не разорвал травяную оболочку.

Он вернулся к родной поляне.

— Мама, смотри на меня! — рычал новоявленный косматый медведь.

Он неловко ступал по поляне.

— Караул! — зайчиха испугалась и прижала уши.

Зайчата без команды попрыгали в залежи старых веток.

— Мама, это я — Пятнашка, — басил медведь. — Теперь нам лиса не страшна!

И стал жить медведь Пятнашка на заячьей поляне.

Сперва сестрёнки и братишки побаивались его. А потом по привыкли, по спине катались да цветы в космы вплетали.

Лиса пришла однажды, увидела, как зайцы с медвежьей спины катаются, как с горки, хвост поджала да и убежала в лес.

Всё лето Пятнашка на полянку хаживал, лисиц отваживал.

И всё бы хорошо, да потихоньку стала подкрадываться осень. Лист упадёт — медведь зевнёт. Два упадёт — медведь зевнёт. А как лес облетел — медведь не у дел. Одна забота: ищет, где бы спать залечь.

А тут и зима пришла.

Забрался Пятнашка в середину завала, сверху снега нанесло, будто одеялом накрылся. Спит медведь. А лисице не спится, голодом живот крутит, морозом уши сушит.

А на поляне зайцы скачут, за лето откормленные.

У лисы аж дух перехватило, так зайчатинки захотелось. Прислушалась лиса: в валежнике храпит кто-то, пар из дырочки так и валит. Заглянула та в прореху — а это медведь!

Засмеялась лиса да на зайцев набросилась. Те — врассыпную. Лиса выбрала самого крупного и за ним погналась.

А заяц бежит, петляет, как Пятнашка учил. Лапы сильные — далеко прыгает. Лиса и заблудилась.

Сидит, голодная, ушами, как шапкой прикрывается. От мороза и от голода зубами клацает.

Пришла лиса в другой раз да выбрала зайца поплоче и поглупее, его Бельмесом дразнили. Догнала и сцапала.

Хоть и глупый заяц, да жалко его.

Сидят зайцы, плачут.

Тут Весна постучалась капелью, зажурчала ручьями, зачирикала воробьями.

Проснулся медведь.

Кинулась к нему зайчиха:

— Ох, Пятнашка, зря ты уснул, на погибель Бельмесу. Нет больше нашего глупыша, утащила его лиса к себе нору.

Пятнашка погоревал-погоревал и зарычал:

— До зимы я вас оберегать буду, а на зиму другого защитника искать надо.

— Так зимою спят все. А лиса только собаку да человека боится. Ты в них превратиться не сможешь, а если и сможешь — не ужиться тебе с зайцами.

Побрёл Пятнашка-медведь по лесу. Наткнулся на сапог он брошенный. Примерил: впору! Да один, без пары не надобен. Зашвырнул сапог в боярышник.

Идёт дальше, кусты раздвигает, ветки ломает. Тут и второй сапог попался. Да дыра в боку — что дупло на дереве.

И этот сапог зашвырнул Пятнашка.

Устал, сел на пенёк, ягоды выглядывает да думу думает: вот умел он зайцем следы запутывать. А теперь лису не может ни запутать, ни увести в чащу непроходимую.

И как хлопнет себя по лбу.

Да вот только силу не рассчитал с непривычки.

Аж показалось, будто «пчёлы» вокруг головы летать начали. Как отлетали, кинулся Пятнашка в кусты, да сапоги и разыскал: хоть один и худой, но службу та обувка послужит добрую.

Пришёл Пятнашка к зайчихе-маме и рычит:

— Летом я буду вас оберегать, а зимою вот — эти сапоги.

Зайчишки игры побросали, на лапы задние приподнялись.

Зайчиха вздыхает:

— Сапогом я могу один раз в лису бросить, вторым — ещё раз. Потом лиса смекнёт, в чём дело. Хитрая она!

— Сапогом бросаться не надо, надобно следы ставить. Пусть думает, что человек топтался.

Так и поступили.

Зимой, пока Пятнашка в берлоге отсыпался, зайчиха поутру следы сапогами ставила вокруг полянки.

И ни одна лиса к ним не пожаловала. Ни разу!

То-то радовалась заячья семейка да Пятнашку за смекалку нахваливала.

ПРО МАЛЬЧИКА-ТРАМВАЙЧИКА

После долгого загорелого лета наступил сентябрь.

Дед Мороз стал готовиться к Новому году: списки с подарками писать.

Список был огромный.

Хорошо ещё, что Дед Мороз умел писать. Иначе пришлось бы запоминать: кому что дарить.

Писал-писал, и вдруг оказалось, что у Пети Федоренко и Иры Смирновой до сих пор не было Мечты.

Стал Дед Мороз думать: что подарить детям, у которых нет Мечты.

Да так и не придумал.

Посмотрел он в списки внимательно и обнаружил: дети эти учатся в одном и том же 1-м классе «А» одной и той же 35-й школы.

Пришёл Дед Мороз в школу, чтобы внимательно посмотреть на детей и угадать их Мечты. Но их в школе не оказалось: учительница заболела.

И решил Дед Мороз устроиться временным учителем в класс Пети и Иры. Тем более что писать он умел. И читать тоже.

Устроился. И стал интересоваться: кто о чём мечтает?

Все дети охотно делились своими желаниями.

Но Петя и Ира молчали.

Тогда Дед Мороз стал спрашивать: кто кем хочет стать?

И вдруг Петя и Ира оживились.

— Я хочу стать певицей, — сказала Ира.

— Я хочу быть трамваем, — неожиданно для всех сказал Петя.

Дети посмеялись-посмеялись, а Дед Мороз записал их Мечты в список.

И вот закончилась осень, притопал в валенках декабрь, в школе стали готовиться к Новому году. Выбирали, кто стихи будет читать, а кто — петь.

Ире Смирновой, как самой звонкоголосой девочке, дали роль Снегурочки.

Так и вышло, что она стала певицей. Ира много занималась и красиво спела на ёлке в своём классе.

С исполнением мечты Пети Федоренко Дед Морозу пришлось повозиться и даже достать из чулана волшебный посох ледяной.

Первого января, когда дети вставали пораньше, чтобы посмотреть подарки под ёлкой, Петя Федоренко проснулся в трамвайном парке.

В депо трамвайном ёлки не было.

— Странно, очень странно, — подумал Петя.

Он хотел побежать на улицу: вдруг, может, там ёлка с подарком для него.

Но, оказалось, бегать он не может, как раньше. А только ездить по рельсам.

И тут Петя понял: он превратился в трамвай.

Петя так обрадовался, что зазвонил колокольчиком.

Потом он набрал ходу и выехал на улицу из трампарка.

Город спал под толстым одеялом снега.

Людей совсем не было, поэтому он покатал по городу щенка и вернулся в трамвайный парк.

Пете стало скучно.

Тут он понял: трамваем быть не так весело, как он думал.

Трамваи спали, а когда они проснулись, стали обсуждать что-то совсем непонятное.

Под однотонный гомон трамваев Петя заснул.

Дед Мороз перед сном посмотрел в волшебное зеркало: все ли довольны подарками?

И увидел расстроенного трамвайчика. Тогда Дед Мороз превратил его обратно в Петю Федоренко, а под ёлку положил коробку с железной дорогой.

Утром мальчик проснулся и нашёл под ёлкой подарок: да, это именно то, о чём он мечтал!

А Дед Мороз посмотрел на него в волшебное зеркало ещё раз и покачал головой:

— Да... Все-му-то надо учить: и читать, и писать, и шить, и мастерить. А некоторых даже мечтать — и то учить надо.

Валентина Шипулина

МАКОВОЕ ЗЕРНЫШКО

Давным-давно это было. А может, совсем и не было. Не хочу неправду да напраслину возводить, но, как сказывали старые люди, в одном царстве, в стародавнем государстве жили-были Царь с Царицею.

Царство-то у них было большое-пребольшое. Да такое богатое, что, сколько лесов, сколько полей, рек и озер, и не сосчитано.

Вот чего не было у Царя с Царицею, так это наследников — помощников.

Время шло, и управлять царством становилось всё труднее и сложнее.

Очень хотел Царь иметь сына. Так хотел, что, в конце концов, обратился к Чернушке-вещунье. Знахарка, хоть и звалась Чернушкой за косы чёрные, но была женщиной доброй и отзывчивой.

Пообещала она Царю с Царицею исполнить их заветное желание и велела прийти к ней к вечеру третьего дня.

В первый день взяла Чернушка маковое зёрнышко, вышла во чистое поле на яркое солнце и пропела:

Маковое зёрнышко,
Ты под ярким солнышком
Набирайся красотой
И душевной добротой.

Так пропела она три раза и вернулась домой.

Назавтра она пошла к лесу и опять три раза пропела:

Маковое зёрнышко,
Здесь под ярким солнышком
Ты возьми у дуба силу,
Попроси с особым пылом
Стройность у сосны,
Теплоту весны.

И, наконец, в последний третий день она вышла на берег полноводной, быстрой и чистой реки и запела, да так громко, что песня ее разнеслась и по полям, и по лесам:

Маковое зёрнышко,
Ты под ярким солнышком
Набирайся красотой
И душевной добротой.

Будь, как реченька, ты чист,
В разговорах же речист.
Ты возьми у дуба силу,
Попроси с особым пылом
Стройность у сосны,
Теплоту весны.

Вечером того же дня пришли к Чернушке Царь с Царицей. Отдала она им маковое зёрнышко и строго-настрого наказала:

— Берегите, как зеницу ока. А ровно в полночь ты, Царица, проглоти и запей ключевой водой. Если в точности исполните, то в назначенное время родится у вас наследник — герой-богатырь. Да такой, краше которого никто и не видывал.

А в том царстве, стародавнем государстве, жила старая-пре-старая, злющая-презлющая бабка. Её иначе, как ведьмой, никто и не звал. А место, где она жила, каждый обходил как можно дальше. Ненавидела ведьма всякое живое существо лютой ненавистью и старалась делать всем только гадости да пакости.

И случилось так, что ведьма подслушала разговор Царя, Царицы и Чернушки. Уж что-что, а подслушивать да подглядывать старая ведьма очень любила и умела.

Вот и решила ведьма навредить. Тёмной ночью, когда не спят только нечистые силы, она заговорила точно такое же маковое зёрнышко. Но только сделала так, чтобы у Царя с Царицей появился на свет наследник — уродец.

Вернулись Царь с Царицей в свои покои, положили маковое зёрнышко на блюдечко и стали переодеваться. А ведьма, приняв облик страшной жабы, незаметно подменила маковое зёрнышко. Царица ничего не заметила и проглотила ведьмино зёрнышко.

Долго ли, коротко ли, но точно в назначенное время у царской четы появился на свет наследник.

Но вот какая незадача. Сын-то родился, но уж такой страшный, что при виде его слуги падали в обморок, кошки шипели, а собаки злобно лаяли и убегали куда подальше.

А пугаться было чего! У малыша была огромная голова с рыжими волосами. Они клочьями пробивались сквозь шершавую кожу. Половину бородавчатого лица занимал расплющенный нос. Глаз почти не было видно, так как на них нависали чёрные лохматые брови. Все остальное тоже вызывало только ужас и отвращение.

Потужили-потужили Царь с Царицей, да делать нечего. Это же их родное дитяtko, и они полюбили его так же сильно, как полюбили бы самого красивого ребёнка на свете.

Только от людей ничего не скроешь и никуда не спрячешься.
И запел честной народ:

Уж в кого такой урод?
Царь с Царицею прекрасны,
А дитяtko безобразно.
Знать в котёл для варки щей
Поместили сто чертей.
И добавили туда же
Два мешка чернейшей сажн.
На костре всё проварили,
И что вышло, то слепили.
Так страшнейший чернец
Появился вместо щец.

Время шло. Царевич-уродец вырослел. А рос, надо сказать, он тихим, умным, совестливым. Он понимал, что не такой, как все, поэтому старался реже попадаться людям на глаза и общался лишь с отцом, матерью, да Чернушкой, которая после его рождения стала жить во дворце, ухаживать за царевичем и оберегать его.

Летом Царевич играл в самом дальнем углу дворцового сада, а зимой — в дальней комнате царских покоев.

Умом уродца никто не обидел. И пришло ему как-то на ум, что таким он никому не нужен, а вступать на царствование тем более не резон. Разве может управлять страной царь-страхолюд!

Да и песни от народа становились всё злее и злее:

Царский сын, как сажа, чёрн.
Всех страшней на свете он.
Вот построим ему чёлн,
Пусть плывет по воле волн.
И назад не приплывает,
Своим видом не пугает!

И решил Царевич-уродец попытать своё счастье, побродить по белу свету. Вдруг да и встретит он кого-то, кто сможет помочь его беде. Да и Чернушка-знахарка поддержала его. И тогда Царевич с благословения Царя и Царицы собрался в дорогу. Чернушка же шепнула ему напоследок, чтобы он особо обращал внимание на всё необычное, чему другие бы и значения не придали.

Выбрал Царевич вечер потемнее, расцеловался с родителями, попросил ждать его и не печалиться. Поклонился на все четыре стороны и отправился, куда глаза глядят.

Долго бродил он по белу свету. Днём спал, забившись подальше под куст или корягу, а ночью шёл, шёл и шёл. Вот только ничего необычного на пути он так и не встретил. От отчаяния

решил Царевич испытать напоследок из ручья водицы, забиться куда-нибудь подальше и уснуть навечно. Измучила его жизнь в страшном обличи.

Подошёл он к ручью, хотел напиться, но вдруг услышал какой-то необычный шум, поднял голову и увидел: на другом берегу ручья, посреди огромной поляны стоит одинокая стройная берёзка. И так она машет своими ветвями, будто зовёт его, манит к себе.

Царевич очень удивился и призадумался.

— Как-то странно, что берёзка растёт одна-одинёшенька, — размышлял Царевич. — Обычно берёзки растут группами. Ведь они не переносят одиночества. Отчего же эта берёзка так сильно машет ветвями, что они гнутся и трещат, как при сильной буре. Ветра нет. Стоит удивительная тишь.

И решил Царевич, что вот под эту-то берёзку он и ляжет. Хватит быть всеобщим посмешищем.

Перебрался Царевич через ручей. Лег он у берёзы, а та будто этого и ждала. Прикрыла она Царевича шелковыми ветвями, словно стремилась защитить от всех бед, зол и напастей.

«Какая нежная берёзка, — с грустью подумал бедолага. — В благодарность, что она не оттолкнула меня, обниму её за белоснежный ствол, попрощаюсь. Теперь уж навсегда».

Встал Царевич, обнял ствол и зашептал:

Милая берёзонька, я к тебе прижался.
Ведь уродства моего ты не испугалась.
Я стою, обняв тебя, словно стан любимой,
Сердце ноет и саднит так невыносимо.

А потом в порыве нежности Царевич поцеловал берёзку...

И в тот же миг наступила кромешная тьма, подул сильный зябкий ветер, земля закачалась. И только слышно было, будто бы кто-то обламывает ветви. Царевич очень испугался за берёзку. Но он и сам почувствовал, как выкручивает его уродливое тело. Он даже на какой-то миг потерял сознание. А когда очнулся, то поразился представшему чуду.

Ночь ушла, вокруг светлым-светло. С голубого неба ласково смотрит яркое солнышко и приветливо улыбается Царевичу.

Перевёл Царевич взгляд и чуть опять не лишился чувств, но не от представшего перед ним чуда, а оттого, что это чудо смотрит на него, жуткого уродца.

А этим чудом была девушка сказочной красоты. Она протя-

гивала к нему нежные руки. В лучистых небесно-голубых глазах её не было ни ужаса, ни страха. В руке она держала берёзовую веточку.

Когда Царевич собрался скрыться, как это всегда делал, стесняясь своего уродства, девушка заговорила:

Молодец ты красный, не спеши,
Удаль молодецкую не верши.
Ты услышь историю из уст моих.
Это все касается нас двоих.

И девица поведала, как подменила ведьма маковое зёрнышко. Как невзлюбила ведьма её, свою племянницу Аннушку, за красоту и превратила в берёзку. Настоящее маковое зёрнышко прикрепила к берёзовой коре и наворожила: только тогда Аннушка снова превратится в девицу-красавицу, а Царевич-уродец — в красна молодца, когда обнимет берёзку и поцелует в то место, где спрятано маковое зёрнышко. Злая ведьма была полностью уверена, что подобного никогда не случится.

Но не была бы сказка сказкой, если бы не было счастливого конца.

Красавец Царевич женился на красавице Аннушке. Царь передал ему правление царством. Сам же с удовольствием ушел с Царицей на покой. Жили они долго и счастливо в окружении любимых внуков. А все они уродились красавицами и красавцами, как на подбор.

Чернушка-знахарка всегда оставалась с ними. Она к тому времени стала главной боярыней при царском дворе.

Молодого Царя люди полюбили и прозвали Царём — Маковое зёрнышко. Народ его прославлял и пел уже другие песни:

Маковое зёрнышко, ты наш царь!
Маковое зёрнышко — государь!
Ты всегда спокоен, ликом чист.
В разговорах важных ты речист.
Мы тебе, Царь-батюшка, челом бьём
И тебе заздравную песнь поём.
Маковое зернышко, ты наш царь!
Наше Ясно Солнышко, государь!

А что же стало с ведьмой? Превратилась она в противную бородавчатую жабу. Но и на болоте на всех продолжала злиться. Всё злилась, злилась, злилась и, в конце концов, лопнула. От злости.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

БОНДАРЕВ Алексей Викторович родился в г. Воронеже в 1958 году. Окончил Воронежский государственный университет и Литературный институт им. А.М. Горького. Публикуется с 1975 года. Автор 13 книг, адресованных детям. Член Союза писателей России. Живет в г. Воронеже.

БЫКОВ Иван Васильевич родился в 1952 году в с. Пуяттино Добровского района Липецкой области. Окончил Липецкий педагогический институт. Автор 7 книг для детей. Член Союза писателей России. Живет в г. Нововоронеже Воронежской области.

ВИСЛОУХ Анна (Шилина Людмила Петровна) родилась в г. Челябинске. Окончила Воронежский инженерно-строительный институт. Работала журналистом в воронежских СМИ. Публиковалась в центральных и региональных изданиях, в отечественных и зарубежных сборниках и альманахах. Автор нескольких книг прозы, в том числе для детей. Живет в г. Воронеже.

ЕВСЕЕНКО Иван Иванович (1943–2013). Родился в с. Займище Черниговской области УССР. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Автор нескольких десятков книг прозы. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Член Союза писателей России. Покоится в г. Воронеже.

ЕРЕМЕЕВА Светлана Владимировна родилась в г. Волжском Волгоградской области. Окончила Борисоглебский педагогический институт. Многие годы работала журналистом новохоперской районной газеты. Рассказы, сказки и историко-краеведческие материалы публиковались в региональных изданиях, альманахах, журнале «Подъём». Живет в п. Новохоперский Воронежской области.

ЗЛОТНИКОВ Виталий Маркович (1934–2000). Родился в г. Воронеже. Окончил Воронежский государственный университет. Поэт, прозаик, киносценарист. Автор многих книг для детей и сценариев мультфильмов. Проживал в Подмосковье. Покоится в г. Дмитрове Московской области.

КУРИЛЁНОК Евгения Данииловна родилась в г. Воронеже. Окончила Воронежский государственный университет. Более 25 лет работает в сфере СМИ и массовых коммуникаций, в том числе спецкором, главным редактором. В настоящее время — в Адвокатской палате Воронежской области. Сказки для детей и взрослых — одно из ее творческих увлечений. Живет в г. Воронеже.

МИРОШНИЧЕНКО Анатолий Борисович родился в 1937 году в г. Острогожске Воронежской области. Окончил Воронежский государственный университет. Прозаик. Публиковался в воронежской периодике. Живет в г. Воронеже.

МЕЛЬНИК Светлана Евгеньевна родилась в г. Воронеже. Много лет жила и училась на Украине. Выпускница Донецкого профессионально-художественного училища. Публиковалась в коллективных сборниках. Сочиняет стихи и прозу. Живет в г. Воронеже.

ПОМЕЛЬНИКОВА Наталья Константиновна родилась в г. Воронеже. Окончила Воронежский лесотехнический институт. Автор пяти книг для детей. Сочиняет стихи и прозу. Живет в г. Воронеже.

РОНЬШИН Валерий Михайлович родился в 1958 году в г. Лиски Воронежской области. Окончил Петрозаводский государственный университет и Литературный институт им. А.М. Горького. Автор более трех десятков книг прозы для детей. Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Живет в г. Санкт-Петербурге.

РЯСКИН Алексей Александрович родился в 1984 году в г. Воронеже. Окончил Воронежскую лесотехническую академию. Автор нескольких стихотворных и прозаических книг и сборника сказок. Член Союза писателей России. Живет в г. Воронеже.

ЧЕРТОВА Елена Викторовна родилась в г. Воронеже. Выпускница Воронежского госуниверситета. Дипломант литературного конкурса «Златая цепь» (2015 год). Победитель 2-го международного литературного фестиваля «Новые добрые сказки» (2016 год). Публиковалась в детских газетах и журналах, коллективных сборниках. Живет в г. Воронеже.

ШИПУЛИНА Валентина Антоновна (1936–2015). Родилась в г. Архангельске. Сочиняла стихи и прозу. Автор шести сборников для детей. Жила и работала в Воронеже. Публиковалась в региональных изданиях. Покойтся в г. Воронеже.

Департамент культуры Воронежской области

**«Подъём»-регион — приложение
к литературно-художественному журналу «Подъём»**

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан).

Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчетливо читаемый.

Корректор Кобелева Л.В.
Компьютерная верстка Вовчаренко И.К.
Дизайн обложки Новохатского В.Е.

На 1 стр. обложки коллаж из иллюстраций к сказкам
художника Аникеева А. В. (г. Лиски, Воронежская область).

Адрес редакции: 394030, г.Воронеж, ул. Кольцовская, 56а.
Телефоны: директор-главный редактор — 228-64-12 / 8-903-858-64-12,
заместитель директора-главного редактора, ответственный секретарь,
отдел поэзии — 228-64-15 / 8-903-858-64-15, отдел прозы, корректор,
отдел верстки — 228-64-09 / 8-903-858-64-09, бухгалтерия — 228-64-13 /
8-903-858-64-13, производственный отдел — 228-64-16 / 8-903-858-64-16.
Электронная почта: podiem@mail.ru
Сетевая версия журнала «Подъём»: [http // www.podiemvrn.ru](http://www.podiemvrn.ru)
Электронный архив журнала с №1, 2001 г. по №6, 2008 г.: [http // www.pereplet.ru/podiem](http://www.pereplet.ru/podiem)
Журнал «Подъём» зарегистрирован в Минпечати РФ.
Свидетельство № 331 от 03.10.1990 г.
ISSN 0130-8165.

*Во всех случаях полиграфического брака в журнале обращаться
в АО «Воронежская областная типография —
издательство им. Е.А. Болховитинова».*

Подписано в печать 26.12.17. Формат 70x100 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,8.
Тираж 700 экз. Заказ

Отпечатано с готового оригинал-макета
в АО «Воронежская областная типография —
издательство им. Е.А. Болховитинова»:
394071, Воронеж, ул. 20 лет Октября, 73а.